

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRLM H

Digitized by Google

~~11~~ ~~12~~ ~~13~~ E ⁰⁵
²⁰⁴³
ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

1881

Издаваемый А. Е. Ландау.

Январь.—Книга первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Площ. Больш. Театра, л. № 2—32.

1881.

△
K S F 458 ($\frac{1881}{1}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

50 * 2

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО ОСНОВАНІЯХЪ И ЧАСТНОСТЯХЪ.

Еврейскій вопросъ всегда принимаетъ острый характеръ, когда съ одной стороны евреи достигаютъ большей или меньшей степени политическаго самосознанія, а съ другой общія соціально-экономическія условія тѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ, еще не развиты въ той степени, въ какой этого требуютъ поднимающійся ростъ общественной жизни. При такихъ условіяхъ заявленіе евреевъ о своихъ гражданско-политическихъ правахъ обыкновенно вызываетъ протесты со стороны людей, считающихъ общія условія страны менѣе удовлетворительными чѣмъ тѣ, въ которыя поставлены евреи. Въ такіе фазисы развитія еврейскій вопросъ вступалъ уже не разъ въ различныхъ странахъ западной Европы.

Но въ однихъ государствахъ, при наступленіи взаимной борьбы интересовъ еврейскихъ съ общечеловѣческими, стороны въ такой степени усложняли вопросъ различными частностями, что среди ихъ рѣшительно терялся общій основной характеръ тѣхъ положеній, которыя дѣлали вопросъ сложнымъ. Въ другихъ же оставляли частности въ сторонѣ и выдвигали принципиальныя стороны вопроса. Нѣтъ спору, что второй способъ представляется наиболѣе удобнымъ, потому что при немъ вопросъ ставится ребромъ и становится яснымъ, насколько черты обособленія, которыя приписываются евреямъ, составляютъ ихъ исключительное, національное достояніе, или являются результатомъ условій болѣе общихъ, выработанныхъ жизнію тѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ, или же условій специальныхъ, ограниченныхъ, подъ которыя евреи поставлены законодательствомъ

и общественнымъ предразсудкомъ. Между тѣмъ при первомъ способѣ, лабиринтъ частныхъ, подавляющій своею казуистичностью, совершенно удаляетъ обѣ стороны отъ самой сущности вопроса, и, вмѣсто того, чтобы входить въ глубь его, спорящіе касаются его лишь съ внѣшней стороны; вмѣсто того, чтобы разрѣшить его, они все болѣе и болѣе его запутываютъ.

Къ сожалѣнію и у насъ въ Россіи къ разрѣшенію еврейскаго вопроса примѣняютъ методъ казуистическій. Для уясненія всей неудовлетворительности этого метода, мы должны остановиться на одномъ изъ государствъ, въ которомъ еврейскій вопросъ былъ поставленъ болѣе основательно при такихъ же условіяхъ, какія выработались теперь у насъ. Разсмотрѣніе основныхъ положеній спорящихъ сторонъ въ иностранномъ государствѣ можетъ привести насъ къ ясному пониманію вещей, можетъ научить насъ въ спорахъ держаться самой сути дѣла, а не его поверхности, для всѣхъ одинаковой, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно показать намъ насколько наши отечественныя споры не очищены отъ заднихъ мыслей, національной вражды и грубыхъ предразсудковъ.

Въ сороковыхъ годахъ въ Германіи завязался интересный споръ по поводу еврейскаго вопроса между двумя замѣчательными личностями, изъ которыхъ одна приобрѣла себѣ извѣстность своими богословско-философскими трудами, а другая политико-экономическими. Споръ начался по поводу требованія евреями уравниванія ихъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ страны. Интересно, поэтому, прослѣдить этотъ споръ, такъ какъ то, что въ Германіи было въ началѣ сороковыхъ годовъ, у насъ наступаетъ въ началѣ восьмидесятыхъ: съ одной стороны достигшій самосознанія голосъ лучшей части русскаго еврейства, ратующей за равноправность массы, а съ другой—бравирующій голосъ русской печати извѣстнаго оттѣнка и калибра, поднимающійся, и довольно часто, противъ равенства правъ евреевъ.

Послушаемъ, какъ спорили сорокъ лѣтъ тому назадъ и какъ спорять о томъ же предметѣ теперь.

Противъ требованія евреями политической эманципаціи, Бруно-Бауэръ говорилъ, что евреи просятъ для себя особой эманципаціи, тогда какъ они должны были смотрѣть на свое стѣсненное положеніе не какъ на исключеніе, а какъ на выраженіе общаго правила. Какъ же евреи желаютъ снять свое спеціальное иго, оставляя иго всеобщее? Еврей, обладая привилегіей быть евреемъ, пользуется, по мнѣнію Бауэра, пра-

вами, которыхъ нѣтъ у христіанъ, а потому онъ не долженъ желать тѣхъ правъ, которыми пользуются христіане и которыхъ у него нѣтъ. Требуя эманципации отъ христіанскаго государства, еврей, по мнѣнію Бауэра, желаетъ, чтобы оно отреклось отъ религіознаго предубѣжденія; но, не отрекшись самъ отъ своихъ религіозныхъ предубѣжденій, имѣетъ ли еврей право требовать отъ другихъ такого отреченія? Христіанское государство, говоритъ Бауэръ, по существу своему, не можетъ эманципировать, а еврей, по существу своему, не могутъ быть эманципированы. Разрѣшая евреямъ отдѣлиться отъ другихъ подданныхъ, государство даетъ имъ чувствовать гнетъ другихъ отдѣльныхъ сферъ тѣмъ сильнѣе, что еврей находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствующею религіею. Еврей-же, по мнѣнію Бауэра, точно также не можетъ относиться къ государству иначе какъ еврей, противопоставляя дѣйствительной національности химерическую, дѣйствиельному закону фантастическій, считая себя въ правѣ отдѣлиться отъ человѣчества, не принимая участія въ историческихъ движеніяхъ, ожидая будущности, не имѣющей ничего общаго съ будущностью всѣхъ людей, и считая себя членами еврейскаго народа, а этотъ послѣдній избранникомъ Божиимъ. Во имя чего же, спрашиваетъ Бауэръ, еврей требуетъ эманципации? Во имя религіи? Но религія евреевъ — смертный врагъ государственной религіи. Во имя гражданства? но въ Германіи нѣтъ гражданъ. Во имя человѣчности? но еврей не люди, точно также, какъ и тѣ, къ которымъ они апеллируютъ. На этомъ основаніи Бауэръ приходитъ къ заключенію, что прежде, чѣмъ эманципировать другихъ, христіане должны эманципировать самихъ себя. Религіозное противорѣчіе между евреями и христіанами можетъ быть уничтожено лишь тогда, когда ихъ религіи будутъ разсматриваться лишь какъ различныя ступени человѣческаго духа, когда тѣ и другіе между собою будутъ находиться въ отношеніяхъ не религіозныхъ, а человѣчески научныхъ: противорѣчія научныя разрѣшаются самою наукою, которая должна ихъ объединить. Нѣмецкому еврею противостоятъ, по мнѣнію Бауэра, отсутствіе политической эманципации вообще и провозглашенная христіанственность государства. Съ этой стороны еврейскій вопросъ получаетъ всеобщее значеніе: онъ дѣлается вопросомъ объ отношеніи религіи къ государству, о противорѣчій между религіозною притязательностью и политической эманципацией. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Бауэръ ставитъ эманципацию отъ религіи условіемъ какъ еврею, же-

лающему политической эманципации, такъ и государству, которое должно эманципировать другихъ и быть самому эманципированнымъ.

Такое разрѣшеніе еврейскаго вопроса Марксъ съ своей стороны находитъ одностороннимъ. По его мнѣнію, для окончательнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса необходимо изслѣдовать не то, *кто* долженъ и *кого* эманципировать, а то именно, *о какому рода эманципации* идетъ рѣчь.

По мнѣнію Маркса, Бруно-Бауэръ ставитъ условія, основаніе которыхъ не лежитъ въ существѣ политической эманципации, ставитъ вопросы, которые не содержатся въ его задачѣ, и разрѣшаетъ задачи, которыя не даютъ отвѣта на его вопросы. Если Бруно-Бауэръ считаетъ ошибкой со стороны противниковъ еврейской эманципации именно то, что они не изслѣдовали критически христіанскаго государства, какъ это сдѣлано ими по отношенію къ іудейству, — то Марксъ въ свою очередь упрекаетъ Бруно-Бауэра въ томъ, что онъ критически относится къ одному только христіанскому государству, а не къ государству вообще, не изслѣдуетъ отношенія между эманципацией *политической* и *человѣческой*. Если Бауэръ спрашиваетъ, имѣютъ ли евреи, съ своей точки зрѣнія, право желать политической эманципации, то Марксъ въ свою очередь спрашиваетъ, имѣетъ ли точка зрѣнія политической эманципации право требовать отъ евреевъ уничтоженія іудейства, а отъ чловѣка вообще — уничтоженія религіи?

Еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, получаетъ различную постановку, смотря по государству, въ которомъ евреи живутъ. Въ Германіи, гдѣ нѣтъ политическаго государства (писано въ 1844 г.), еврейскій вопросъ представляется чисто теологическимъ. Еврей стоитъ въ религіозномъ противорѣчій къ государству, которое признаетъ основаніемъ своимъ христіанство. Это государство *ex professo* теологическое. Критика его обоюдоострая: христіанской и еврейской теологій. Во Франціи, какъ въ конституціонномъ государствѣ, еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, есть вопросъ конституціонализма. Такъ какъ здѣсь удерживается призракъ государственной религіи въ формѣ религіи большинства, то отношеніе евреевъ къ государству сохраняетъ *видъ* религіознаго теологическаго противорѣчія.

Въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, теряетъ свой теологическій характеръ и становится вопросомъ вполне свѣтскимъ. Только тамъ, гдѣ политическое государство существуетъ въ полномъ своемъ разви-

тіи, отношеніе евреевъ или вообще религіознаго человѣка къ государству, или вообще религіи къ государству, можетъ выступать въ своей настоящей чистотѣ и самобытности. Критика этого отношенія перестаетъ быть теологической, какъ скоро государство перестаетъ относиться теологически къ религіи. Она становится тогда критикою политическаго государства. На этой точкѣ, на которой вопросъ перестаетъ быть теологическимъ, Бауэръ, по мнѣнію Маркса, перестаетъ быть критическимъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ Марксъ, нѣтъ ни религіи государственной, ни религіи, провозглашенной религіею большинства, ни преимущества одного культа предъ другимъ. Тѣмъ не менѣе Сѣверная Америка по преимуществу является страной религіозною.

Останавливаясь на Сѣверной Америкѣ, лишь какъ на примѣрѣ, Марксъ ставитъ вопросъ о томъ, какъ относится усовершенствованная политическая эманципація къ религіи. Если въ странѣ совершеннѣйшей политической эманципаціи, продолжаетъ Марксъ, встрѣчаемъ мы не только простое, но исполненное жизни и силы существованіе религіи, то это доказываетъ, что присутствіе религіи не противорѣчитъ усовершенствованію государства. Если же присутствіе религіи является признакомъ недостатка, то источникъ послѣдняго слѣдуетъ искать не въ религіи, а въ существѣ самаго государства. Религія, въ такомъ случаѣ, не служитъ болѣе *основаніемъ*, а лишь *феноменомъ* свѣтскихъ преградъ. Марксъ не полагаетъ, чтобы для уничтоженія этихъ послѣднихъ, необходимо было уничтожить преграды религіозныя, а напротивъ утверждаетъ, что какъ только уничтожатся свѣтскія преграды, религіозныя сами собою уничтожатся. Вопросъ объ отношеніи политической эманципаціи къ религіи дѣлается поэтому для Маркса вопросомъ объ отношеніи *политической* эманципаціи къ *человѣческой*.

По Марксу политическое возвышеніе человѣка надъ религіею раздѣляетъ всѣ недостатки и преимущества политическаго возвышенія человѣка вообще. Государство, положимъ, говоритъ Марксъ, уничтожаетъ право частной собственности, устраняя необходимость ценза для активнаго и пассивнаго выбора. *Идеально* право собственности уничтожено, когда неимущій получаетъ право быть законодателемъ имущихъ классовъ; но *фактически* оно вовсе не уничтожается, а напротивъ уничтоженіе ценза предполагаетъ существованіе права собственности. Точно также государство, доставляя каждому члену рав-

ноправное участіе въ проявленіи народнаго главенства, не взирая на рожденіе, состояніе, образованіе и профессію, этимъ самымъ уничтожаетъ эти различія лишь въ политическомъ смыслѣ, фактически же они не только предполагаются существующими, но и продолжаютъ существовать. Будучи далеко отъ фактическаго уничтоженія этихъ различій, государство, напротивъ, поддерживаетъ свою жизнь только при предположеніи ихъ существованія и проявляетъ свою всеобщность въ противоположность этимъ частнымъ своимъ элементамъ.

Въ усовершенствованномъ политическомъ государствѣ проявляется *общественно-политическая* жизнь человѣка въ противоположность его жизни *частной, матеріальной*. Всѣ указанные выше предположенія эгоистической жизни человѣка стоятъ внѣ государственной сферы, оставаясь въ кругу гражданскаго общества. Тамъ, гдѣ политическое государство достигаетъ истиннаго развитія, человѣкъ ведетъ *дѣйствительную жизнь*: въ политической всеобщности и въ гражданскомъ обществѣ. Въ ближайшей своей дѣятельности—въ гражданскомъ обществѣ—человѣкъ представляется существомъ простымъ, индивидуальнымъ, въ политическомъ государствѣ, напротивъ, онъ является членомъ суверенитета, лишаясь своей индивидуальной, дѣйствительной жизни, и живя жизнью воображаемою—всеобщою. Столкновеніе, происходящее между человѣкомъ-послѣдователемъ особой религіи и его политическими согражданами, сводится къ свѣтской противоположности, вообще существующей между политическимъ государствомъ и гражданскимъ обществомъ. Различіе между религиознымъ человѣкомъ и членомъ государства то же самое, что между купцомъ и членомъ государства, рабочимъ и членомъ государства, поземельнымъ собственникомъ и членомъ государства, вообще между живущимъ индивидуумомъ и членомъ государства, членомъ гражданскаго общества (bourgeois) и членомъ государства (citoyen).

Такимъ образомъ еврейскій вопросъ, по мнѣнію Маркса, сводится къ свѣтской борьбѣ политическаго государства съ его элементами, будутъ-ли они матеріальнаго свойства, какъ право собственности, или духовнаго, какъ образованіе, религія и т. п.

Человѣкъ, по мнѣнію Маркса, политически освобождается отъ религіи, когда онъ вытѣсняетъ ее изъ публичнаго права въ сферу частнаго, гдѣ она перестаетъ быть существомъ всеобщаго союза и дѣлается существомъ индивидуальныхъ различій.

Нельзя, поэтому, говорить Марксъ, сказать евреямъ, подобно Бруно-Бауэру, что они не могутъ политически эманципировать себя, не эманципируя себя радикально отъ иудаизма. Имъ слѣдуетъ сказать: такъ какъ вы можете политически быть эманципированы, не отрекшись совершенно отъ иудаизма, то политическая эманципація не можетъ считаться эманципаціею челоѳическою. Если евреи желаютъ политически эманципироваться, не эманципируясь челоѳически, то противорѣчіе лежитъ не въ нихъ, а въ существѣ и самой категоріи политической эманципаціи.

Разработывая основную свою мысль, Марксъ ставитъ вопросъ: «если челоѳкъ, будучи евреемъ, можетъ политически эманципироваться, получить политическо - гражданскія права, то можетъ-ли онъ претендовать на *челоѳическія права*».

Бруно-Бауэръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, находя, что, отдѣляя себя отъ другихъ, еврей возводитъ свое особое существо, въ силу котораго онъ еврей, въ свое дѣйствительное, высшее существо, предъ которымъ должно отступить существо челоѳка. Челоѳкъ, по Бауэру долженъ принести въ жертву привилегію вѣроисповѣданія для того, чтобы быть въ состояніи воспріять общечелоѳическія права.

Но Марксъ опровергаетъ мысль Бруно-Бауэра разъясненіемъ существа челоѳическихъ правъ въ ихъ подлинномъ значеніи, какъ они выразились у изобрѣтателей ихъ — американцевъ и французовъ.

Права эти раздѣляются на права политическія, осуществленіе которыхъ относится къ участию въ государственныхъ дѣлахъ и нисколько не обусловливаются уничтоженіемъ религіи, — и на такъ называемыя *droits de l'homme*.

По всѣмъ деклараціямъ о челоѳическихъ правахъ, говоритъ Марксъ, привилегія исповѣданія считается общечелоѳическимъ правомъ. Права челоѳка въ отличіе отъ правъ гражданина ничто иное, какъ право члена гражданского общества, т. е. право эгоистическаго челоѳка, совершенно отличнаго отъ челоѳка-гражданина.

Затѣмъ Марксъ переходитъ къ каждому изъ челоѳическихъ правъ въ отдѣльности.

Первое право — это *свобода*. Она состоитъ въ правѣ челоѳка дѣлать все, что не вредитъ правамъ другихъ лицъ. Рѣчь идетъ, слѣдовательно, о свободѣ челоѳка изолированнаго, обособленнаго. Бруно-Бауэръ, говоритъ Марксъ, отрицаетъ у еврея право на пользованіе политическими правами на томъ основа-

ни, что ограниченное существо, въ силу котораго онъ еврей, препятствуетъ ему слиться съ человѣкомъ. Но человѣческое право свободы, говоритъ Марксъ, основано не на соединеніи человѣка съ человѣкомъ, а на отдѣленіи человѣка отъ человѣка: оно есть право отдѣленія, право предоставленнаго самому себѣ индивида.

Другое человѣческое право — *частная собственность*. Она состоитъ въ правѣ гражданина пользоваться и располагать по своему произволу своимъ добромъ, своими доходами, результатами своего труда и промышленности. Оно есть, такимъ образомъ, право дѣйствовать независимо отъ другихъ людей, независимо отъ общества; оно есть право эгоизма. Индивидуальная свобода и практическое примѣненіе ея на правѣ частной собственности составляютъ основы гражданского общества. Они заставляютъ человѣка находить въ другомъ человѣкѣ не осуществленіе, а границы своей свободы.

Третье право — *равенство*. Оно состоитъ въ томъ, что законъ одинаковъ для всѣхъ, что каждый человѣкъ составляетъ одинаковую въ себѣ самой заключающуюся единицу.

Четвертое право — *безопасность* — охраненіе личности, его правъ и собственности, т. е. обезпеченіе эгоизма.

Ни одно изъ указанныхъ человѣческихъ правъ, говоритъ Марксъ, не поднимается выше *эгоистическаго человѣка*, т. е. человѣка, какъ члена гражданского общества, индивида, сосредоточеннаго на самомъ себѣ, на своихъ частныхъ интересахъ и на своемъ собственномъ произволѣ. Находя, такимъ образомъ, что единственная связь между индивидомъ и общественностью состоитъ въ естественной необходимости удовлетворенія частнаго интереса, сохраненія собственности и эгоистической личности, Марксъ считаетъ загадочнымъ то, что политическіе эманципаторы низвели политическую общественность на степень простого средства для сохраненія человѣческихъ правъ, что *гражданинъ* объявленъ слугою *эгоистическаго человѣка*, что не *гражданинъ*, а *буржуа* принять за дѣйствительнаго и истиннаго человѣка.

Загадочность эту Марксъ разрѣшаетъ тѣмъ, что политическая эманципация была разрушеніемъ стараго общества, основаннаго на феодализмѣ. Въ феодальномъ періодѣ всѣ элементы гражданского общества отличались политическимъ характеромъ и, отдѣляясь другъ отъ друга, образовали особыя государства въ государствахъ. Политическая революція уничтожила всѣ сословія, корпорации, союзы и привилегіи, которыя представляли собою

многочисленныя выраженія отдѣльности народа отъ своей общественности. Она положила конецъ политическому характеру гражданскаго общества. Она разбила гражданское общество на его отдѣльныя составныя части: съ одной стороны индивидуы, а съ другой — матеріальные и духовные элементы, образующіе содержаніе жизни, гражданское положеніе индивида. Она собрала воедино политическій духъ, разбросанный въ феодальномъ обществѣ, и освободила его отъ смѣшенія съ гражданскою жизнью. Она образовала изъ него особую сферу общественности, общенароднаго интереса и поставила его въ идеальную независимость отъ особенныхъ элементовъ гражданской жизни.

Но усовершенствованіе *идеализма* государства было въ то же время, по мнѣнію Маркса, усовершенствованіемъ *материализма* гражданскаго общества. Сверженіе политическаго ига было въ то же время расторгненіемъ узъ, сковывавшихъ эгоистическій духъ гражданскаго общества. Политическая эманципація была вмѣстѣ съ тѣмъ эманципаціею гражданскаго общества отъ политики, даже отъ кажущейся общности содержанія.

Свобода эгоистическаго человѣка и признаніе ея, продолжаетъ Марксъ, составляетъ, однако, признаніе необузданности нравственныхъ и матеріальныхъ элементовъ, составляющихъ содержаніе его жизни.

Человѣкъ, говоритъ Марксъ, не былъ освобожденъ отъ религіи, а получилъ свободу религіи; онъ не былъ освобожденъ отъ собственности, а получилъ свободу частной собственности, онъ не былъ освобожденъ отъ эгоизма занятій, а получилъ свободу занятій.

Политическая эманципація, продолжаетъ Марксъ, разлагаетъ, такимъ образомъ, гражданскую жизнь на ея составныя части, не подвергая ихъ самимъ никакой критикѣ; она относится къ гражданскому обществу, къ міру человѣческихъ потребностей, къ труду, къ частнымъ интересамъ и къ частному праву, какъ къ основанію своего существованія. Человѣкъ, какъ членъ гражданскаго общества, принимается за человѣка настоящаго, потому что онъ представляется человѣкомъ въ своемъ чувственно-личномъ, непосредственномъ бытіи, тогда какъ политическій человѣкъ представляется человѣкомъ отвлеченнымъ, искусственнымъ, принимающимъ характеръ аллегорической моральной личности. Дѣйствительный человѣкъ признается лишь

въ формѣ эгоистическаго индивида, а истинный человѣкъ—въ формѣ отвлеченнаго гражданина.

Всякая эманципація, заключаетъ Марксъ, сводитъ человѣческій міръ, его отношенія къ самому человѣку. Политическая эманципація сводитъ человѣка съ одной стороны къ члену гражданскаго общества, къ эгоистически-независимому индивиду, а съ другой — къ гражданину, къ моральной личности. Но лишь тогда, когда дѣйствительный, индивидуальный человѣкъ приметъ въ себя отвлеченнаго гражданина и сдѣлается существомъ, проникнутымъ общественностью, въ своей эмпирической жизни, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ, когда человѣкъ признаетъ и станетъ организовать свои собственные силы, какъ силы общественныя, не будетъ болѣе отдѣлять отъ себя общественной силы въ формѣ политической—лишь тогда завершится дѣло *человѣческой эманципаціи*.

Не останавливаясь пока на выводахъ, которые слѣдуетъ сдѣлать относительно нашей печати изъ сужденій Маркса объ элементахъ гражданскаго общества въ политическомъ государствѣ, высказанныхъ противъ сочиненія Бруно-Бауэра: «Еврейскій вопросъ», мы считаемъ необходимымъ въ интересахъ нашего предмета привести взгляды Маркса, высказанные по поводу другаго сочиненія Бруно-Бауэра: «Способность современныхъ евреевъ и христіанъ сдѣлаться эманципированными»,—взгляды рельефно изображающіе еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія экономической, т. е. съ точки зрѣнія той именно болячки, которая, по мнѣнію многихъ, служитъ главнымъ источникомъ настоящихъ отношеній, образовавшихся между евреями и кореннымъ населеніемъ.

Вопросъ о способности евреевъ къ эманципаціи представляется Марксу вопросомъ о томъ, какой въ особенности общественный элементъ слѣдуетъ преодолѣть для того, чтобы покончить съ іудействомъ. Вопросъ этотъ ставится имъ потому, что, по его словамъ, способность еврея къ эманципаціи есть отношеніе іудейства къ эманципаціи современнаго міра.

Свѣтская основа іудейства, говоритъ Марксъ,—практическія потребности, эгоизмъ; свѣтскій культъ евреевъ — торгашество, свѣтскій Богъ еврея—*деньги*.

Такимъ образомъ, по словамъ Маркса, эманципація отъ торгашества и денегъ, отъ практическаго, реальнаго іудейства, было-бы самоэманципированіемъ нашего времени.

Такая организація общества, говоритъ Марксъ, которая подорвала бы въ корнѣ элементы торгашества, значить—и самую

возможность торгашествовать, сдѣлала-бы невозможнымъ существованіе еврея. Его религіозное сознаніе исчезло-бы какъ легкій паръ въ дѣйствительной жизненной сферѣ общества.

Въ іудействѣ, продолжаетъ Марксъ, мы узнаемъ всеобщій, современный, антиобщественный элементъ, который, благодаря историческому развитію, ревностно направленному, между прочимъ и евреями, въ дурную сторону, достигъ своего апогея. Такимъ образомъ, эманципація евреевъ, въ своемъ послѣднемъ значеніи, есть эманципація челоѳчества отъ іудейства.

Еврей, говоритъ Марксъ, эманципировался еврейскимъ образомъ не тѣмъ, что усвоилъ себѣ денежную силу, но тѣмъ что чрезъ него, или и безъ него, деньги сдѣлались міровою силою, и практической духъ еврея сдѣлался практическимъ духомъ христіанскихъ народовъ. Евреи эманципировались въ такой мѣрѣ, въ какой мѣрѣ христіане сдѣлались евреями.

«Благочестивый и политически свободный житель новой Англїи, — цитируетъ Марксъ слова Гамильтона, есть своего рода Лаокоонъ, который не дѣлаетъ даже ни малѣйшаго усилія освободиться отъ змѣй, опоясывающихъ его. Маммонъ — ихъ кумиръ, они молятся ему, не только устами, но всѣми силами своего тѣла и духа. Земля въ ихъ глазахъ, ниное что, какъ биржа, и они убѣждены, что на землѣ они не имѣютъ другаго назначенія, какъ только сдѣлаться богаче своихъ сосѣдей. Торгашество овладѣло всѣми помыслами ихъ души, обмѣнъ вещей составляетъ ихъ единственное вдохновеніе. Когда они отправляются путешествовать, то уносятъ съ собою, такъ сказать, на плечахъ свою лавку или контору и не говорятъ ни о чемъ болѣе, какъ только о процентахъ и барышахъ, и если они на минуту теряютъ изъ виду свои собственныя дѣла, то только для того, чтобы обнюхивать чужія».

Противорѣчіе, продолжаетъ Марксъ, которое находится между практической политической властью евреевъ и ихъ политическими правами, есть противорѣчіе между политической и денежною силою вообще: поднимаясь гораздо выше послѣдней съ идеальной точки зрѣнія, политика въ то же время въ дѣйствительности становится рабомъ ея.

Еврейство, говоритъ Марксъ, держалось подлѣ христіанства, потому именно, что практической, еврейскій духъ, словомъ, еврейство, жило въ самомъ христіанскомъ обществѣ и даже получило въ немъ свое высшее развитіе. Еврей, какъ обособленный членъ гражданскаго общества, есть не болѣе, какъ особенное проявленіе іудейства въ гражданскомъ обществѣ.

Еврейство, такимъ образомъ, сохранилось, продолжаетъ Марксъ, не вопреки исторіи, а именно въ силу ея: изъ своей собственной утробы гражданское общество постоянно рождаетъ еврея.

Живучесть еврея Марксъ выводитъ не изъ его религіи, а напротивъ изъ человѣческаго основанія его религіи, изъ практической потребности, изъ эгоизма. Не только въ пятикнижии и талмудѣ, а въ современномъ обществѣ мы находимъ существо современнаго еврея, не абстрактное, а въ высшей степени эмпирическое, не какъ условіе ограниченности еврея, а какъ условіе еврейской ограниченности гражданскаго общества.

Какъ только обществу удастся уничтожить существо іудейства, торгашество и его элементы, еврей окажется невозможнымъ, потому что его самосознаніе не будетъ болѣе имѣть почвы; потому что субъективное основаніе іудейства—практическая потребность, очеловѣчится, потому что уничтожится столкновение лично чувственнаго существа съ общественно-политическимъ существомъ человѣка.

Такимъ образомъ, заключаетъ Марксъ, общественная эманципация еврея есть эманципация общества отъ еврейства *.

Остановимся нѣсколько на выводахъ, которые можно извлечь изъ этого спора, и затѣмъ перейдемъ къ воззрѣніямъ печати для того, чтобы убѣдиться, насколько они выдерживаютъ критики при дневномъ свѣтѣ.

Религія еврея и всякаго другаго человѣка можетъ имѣть мѣсто въ государствѣ неполитическомъ, гдѣ она составляетъ элементъ государственности, а не гражданскаго общества. Если гражданинъ получаетъ преимущества потому, что исповѣдуетъ господствующую религію, то еврей, не исповѣдующій ея, ео ipso становится противорѣчіемъ и, разумѣется, съ невыгодной стороны. Для того, чтобы религіозная сторона еврея перестала играть роль, когда рѣчь идетъ о гражданскихъ правахъ, необходимо, чтобы сама религія стала элементомъ гражданскаго общества, а не элементомъ политическимъ. Слѣдовательно для того, чтобы еврей пересталъ быть религіознымъ по преимуществу человѣкомъ и съ этой стороны пересталъ мозолить глаза встрѣчному и поперечному, необходимо не то, чтобы еврей очистилъ свои религіозныя понятія, а чтобы встрѣчные и поперечные прочистили свои глаза, чтобы здравѣе

* См. Deutsch-Französische Jahrbücher herausgegeben von Arnoldt Ruge und Karl Marx 1-ste und 2-te Lieferung. Paris 1844. Zur Judenfrage von Karl Marx (стр. 182—214).

смотря на вещи, а это приходится еще совѣтовать не пребывающему въ невѣжествѣ люду, а руководителямъ общественной мысли. Не менѣе, чѣмъ намъ, извѣстно и русской печати, что въ наиболѣе свободныхъ, въ политическомъ смыслѣ, странахъ, отодвинувшихъ религію въ сферу гражданскихъ элементовъ, населеніе отличается, по преимуществу религиознымъ характеромъ, а между тѣмъ представителямъ русской культуры трудно стать на точку зрѣнія Маркса, что если присутствіе религіи является признакомъ недостатка, то источникъ послѣдняго слѣдуетъ искать не въ религіи, а въ чемъ то другомъ. Надобно, такимъ образомъ, эманципировать свой собственный умъ отъ религиозныхъ предразсудковъ для того, чтобы можно было людямъ, исповѣдующимъ еврейскую религію, не отказывать въ человѣческихъ правахъ, необходимо подняться, если не до идеала, выставленнаго Марксомъ въ сліяніи эгоистическаго человѣка съ общественно-политическимъ, то, по крайней-мѣрѣ, до идеи политическаго государства, по принципу признающаго за всѣми безъ исключенія пользованіе общечеловѣческими правами. Непреложный законъ историческаго развитія государственной жизни народовъ и политической свободы ставится ни во что и отрицается представителями нашей отечественной культуры: они съ такимъ гордымъ презрѣніемъ исключаютъ всѣхъ евреевъ земнаго шара не только изъ общечеловѣческой семьи, но изъ тѣсной семьи русскаго народа, какъ будто еврейская раса, ими же признаваемая бойкою, энергическою и дѣятельною, стоитъ ниже перваго по своей культурѣ.

Quasi-патріотическое, узко-національное чувство беретъ верхъ надъ здоровыми идеями, составляющими результатъ исторіи и выработанными на основаніи историческихъ данныхъ лучшими мыслителями человѣчества. Эксплоатація, стремленіе къ наживѣ, грубый эгоизмъ—вотъ подкладки для разсужденій о евреяхъ; но грустная картина эгоизма, нарисованная Гамильтономъ въ отношеніи свободной и цивилизованной новой Англіи, картина, которая сдѣлалась теперь обще-европейской и въ томъ числѣ обще-русскою, до очевидности доказываетъ, что еврейско-русскій эгоизмъ не коренится ни въ религіи, ни въ національности евреевъ, а есть плодъ общаго вѣянія времени; что сыны израиля, эксплуатирующіе и личные эгоисты вышли не болѣе и не менѣе, по справедливому замѣчанію Маркса, какъ изъ утробы окружающей ихъ среды.

Если бы, въ примѣненіе къ эксплуатируемымъ областямъ

русскаго государства, составить нѣчто на подобіе концентрическимъ кругамъ, взаимно пересѣкающимся, по выраженію одного экономиста, въ различныхъ хозяйственныхъ областяхъ, то въ этой иллюстраціи, рядомъ съ подрядчикомъ Абрамомъ, съ кабатчикомъ Шмулемъ и арендаторомъ Ицко, красовались бы разные Овсянниковы, Урусовы, Юханцевы, Гулакъ-Артемовскія, разныя блестящія имена русскихъ интендантовъ, безчисленная масса цѣловальниковъ, которыми преисполнена русская земля, и такая же безчисленная масса мірскихъ кулаковъ, обезземеливающихъ, при помощи русскаго кагала—сельскаго схода—одинаково царанъ на югѣ Россіи и великоруссовъ во внутреннихъ губерніяхъ. Если нѣкоторымъ представителямъ русской печати страшно становится отъ еврейскихъ образовъ, то это отъ того, что они узнаютъ въ нихъ фигуры, вышедшія изъ родственной имъ утробы, но въ болѣе рельефномъ изображеніи. Мораль изъ басни «Зеркало и Обезьяна» не приходится многимъ по вкусу, и они, не украдкою, не стыдась, киваютъ на Петра. Это самый лучший пріемъ, къ которому уже давно прибѣгаютъ въ отношеніи евреевъ, еще съ того времени, когда крѣпостники наши, истощая русскаго крестьянина, взваливали все на бѣднаго Макара въ образѣ русскаго еврея. Всякому, кто и теперъ принимаетъ не малую долю участія въ созданіи незавидной обстановки русскаго крестьянина, очень удобно указывать на еврея, какъ на единственнаго Атиллу русской земли, хотя та же обстановка существуетъ и въ тѣхъ частяхъ русскаго государства, гдѣ евреи не получили никакой осѣдлости и которыя пространствомъ далеко превышаютъ общую черту осѣдлости евреевъ.

Ясное дѣло, что только благодаря нежеланію видѣть правду или неумѣнью высвободиться изъ подъ давленія общихъ и столь обыденныхъ взглядовъ, или благодаря тому и другому вмѣстѣ, печать становится въ такія рѣзкія отношенія къ евреямъ. Это, впрочемъ, свойственно русскому человѣку, будь онъ представителемъ крайне узкой или болѣе широкой сферы націонализма. Малороссъ, преданный своей національности, разсуждая о ней, высказываетъ здравыя понятія вообще о человѣческихъ правахъ угнетенной націи; славянофилъ, съ самоотверженіемъ говорящій и читающій громкія рѣчи о славянскихъ народностяхъ, угнетаемыхъ иноземнымъ, чуть ли не варварскимъ государствомъ, логично и здраво трактуетъ о правахъ народности и по поводу ихъ о правахъ человѣческихъ, великорусская печать, разсуждая о положеніи крестьянъ и дыша любовію къ нимъ,

ратуютъ по своему за улучшеніе ихъ незавиднаго положенія, и, кажется, дышетъ одинаковою любовію ко всѣмъ людямъ, такъ или иначе поставленнымъ въ положеніе крестьянъ.

Между тѣмъ, тѣже самые представители различныхъ партій и интересовъ, какъ только начинаютъ говорить о евреяхъ, становятся неузнаваемыми; просто удивляешься, какимъ образомъ одни и тѣже мыслительные аппараты разсуждаютъ совершенно противоположнымъ образомъ при совершенно одинаковыхъ и почти тождественныхъ условіяхъ. Загадочность эта объясняется просто тѣмъ, что въ отношеніи евреевъ всегда имѣетъ мѣсто глубоко вкоренившійся предрасудокъ, помрачающій всякую мыслительную способность и ставящій ее въ положеніе вогнутаго зеркала, въ которомъ все отражается въ превратномъ видѣ.

У насъ обыкновенно на столько снисходительны, что ничего не имѣютъ противъ того, чтобы евреи высказывались, какъ евреи. «Если русскимъ евреямъ, говорятъ иные либералы, есть что сказать, какъ евреямъ, — пусть скажутъ; если они имѣютъ *спеціальныя интересы*, требующіе специальныхъ защитниковъ, — пусть таковые защитники явятся; если, наконецъ, въ ихъ средѣ созрѣла потребность въ самосознаніи, въ самоопредѣленіи, пусть создаются литературные органы, которые бы служили *тому полезному дѣлу*. И, конечно, трехмилліонное (значитъ важное числомъ) еврейское населеніе Россіи, *бойкое, энергическое, дѣятельное*, не можетъ обойтись безъ этихъ стремленій, полной законности которыхъ не признать невозможно».

Казалось бы ничего: пусть евреи говорятъ о своихъ специальныхъ интересахъ. Но стоитъ лишь евреямъ заговорить о навязанныхъ имъ специальныхъ интересахъ съ цѣлью осуществленія государственныхъ потребностей, которыя, въ отношеніи прочихъ подданныхъ, осуществляются общегосударственными мѣрами, стоитъ лишь указать на созданную нашимъ законодательствомъ систему коробочнаго сбора, около котораго сосредоточиваются всѣ обособленные хозяйственные интересы евреевъ, какъ тѣже либералы придаютъ всему дѣлу характеръ желанія приурочивать широкій, общественно-національный вопросъ къ извѣстной формѣ specialнаго налога. Евреи взымаютъ къ русской печати, къ русскому обществу; говорятъ имъ, что созданные для нихъ specialные интересы раздѣдаютъ ихъ внутренній бытъ, деморализируютъ общественный организмъ, что они желали бы снять съ себя этотъ specialный гнетъ, если бы только были увѣрены, что русское общество протянетъ

имъ братскую руку, не откажетъ имъ въ открытіи доступа къ тѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, которыя евреи, по закону, обязаны содержать на счетъ спеціального съ нихъ налога; евреи ссылаются на историческій матеріалъ, на дѣйствительные факты жизни, чтобы не оказаться голословными, а имъ отвѣчаютъ: «что намъ до васъ и до вашей удушливой атмосферы? у насъ свои интересы». Неправда ли, братскій и гуманный отвѣтъ?

Еврейскій вопросъ, по мнѣнію либераловъ, заключается не въ томъ, что «строчки» русскаго законодательства и предразсудки русскаго общества ставятъ евреевъ въ изолированное, замкнутое положеніе, а въ томъ *болѣзненно натянутомъ* состояніи, неудобства котораго такъ тяжело отзываются и на русскіхъ, и на евреяхъ. Подъ этимъ болѣзненно натянутымъ состояніемъ они разумѣютъ экономическую вражду, вызываемую въ коренномъ населеніи эксплуататорскими инстинктами евреевъ. Но современное міровое значеніе эксплуатаціи и наживы, выше раскрытое Гамильтономъ и Марксомъ, не указываетъ ли на то, что болѣзненно натянутое положеніе создано не еврейскими руками, а общими условіями русской, общественно-гражданской жизни? Притомъ, развѣ лучшіе представители русско-еврейской печати ратуютъ за эксплуататоровъ, а не за эксплуатируемую массу?

Рисуя картину всеобщей бѣдности русскіхъ евреевъ, подтверждаемой многими законодательными актами, евреи высказываются недвусмысленно: они прямо заявляютъ, что принимаютъ подъ свою защиту не содержателей фабричныхъ заведеній, не крупныхъ дѣльцовъ, а тотъ жалкій, чахлый и истощенный пролетаріатъ, которымъ переполнена заколдованная черта еврейской осѣдлости. Евреи желаютъ вызвать въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ еврейскому пролетаріату, не имѣющему никакого осѣдлага пристанища, предлагаютъ ему разрушить созданную вѣками китайскую стѣну, раздѣляющую евреевъ отъ остальнаго человѣчества, — и вмѣсто отвѣта, евреи получаютъ одни лишь упреки. Либеральнѣйшій изъ русскіхъ журналовъ отвѣчаетъ имъ вотъ какъ: «исключительность въ практическомъ отношеніи придаетъ евреямъ, какъ извѣстно, большую силу и сопротивленія и активнаго дѣйствія: репрессалии бессильны предъ этой компактной массой, а достиженіе тѣхъ или другихъ цѣлей облегчается этою, болѣе, чѣмъ національной, почти семейною солидарностью». Солидарность — единственно похвальная черта, которая поддерживаетъ евреевъ въ

борьбѣ съ неблагоприятными условіями, — бичуется какъ порокъ. Но, еслио спросили русскихъ либераловъ, слѣдуетъ ли уничтожить солидарность земельныхъ общинниковъ, они бы отвѣтили намъ, что эта солидарность нужнѣе, чѣмъ воздухъ, потому что солидарность — сильнѣйшій оплотъ противъ посягательствъ на крестьянскіе интересы. Чѣмъ чаще повторяются посягательства извнѣ, тѣмъ необходимѣе солидарность изнутри; отсюда *argumentum au contrario*: чѣмъ компактнѣе солидарность, тѣмъ учащеннѣе и интенсивнѣе посягательства. Стало быть, для того, чтобы не было солидарности, необходимо уничтожить посягательства. Логика очень простая и понятная. Между тѣмъ, когда рѣчь идетъ не объ общинникахъ, а объ евреяхъ, то для уничтоженія компактной солидарности, необходимо употребить нѣчто болѣе сильное чѣмъ репрессалии. Нельзя думать, чтобы у русскихъ либераловъ не было логики: тамъ, гдѣ нужно, гдѣ они говорятъ о своихъ интересахъ, мыслительные аппараты напрягаются и дѣйствуютъ нормально; а тамъ гдѣ не нужно, гдѣ рѣчь идетъ о чужихъ интересахъ (а могутъ ли быть болѣе чуждые интересы, чѣмъ интересы еврейскіе?), мыслительные аппараты какъ то разслабляются и дѣйствуютъ самымъ ненормальнымъ образомъ.

Иногда русскіе публицисты изъ либераловъ подходятъ къ сути дѣла, но, вслѣдствіе односторонности, не углубляются въ нее и остаются на той же поверхности. Такъ напр., въ либеральной русской печати встрѣчается такое сужденіе: «еврейскій вопросъ стоитъ какимъ-то одинокимъ, острымъ, назойливо-лѣзущимъ въ глаза коломъ. Пока *общая почва* и *общій климатъ* останутся тѣ же, что и теперь, можно быть увѣреннымъ, что этому колу не зацвѣсти, подобно жезлу Аарона». Для того, слѣдовательно, чтобы этотъ колъ, лѣзущій въ глаза въ образѣ еврейскаго вопроса, исчезъ самъ собою *, необходимо разрыхлять общую почву и очищать общій климатъ. За чѣмъ же дѣло стало? Представители русской культуры должны работать на этомъ поприщѣ, если имъ въ глаза лѣзетъ этотъ ненавистный колъ; они во всемъ, значить, согласны съ Марксомъ, что нужно порасчистить собственную утробу, чтобы оттуда не выходили на свѣтъ Божій различные гады, образующіе громадный колъ не одного еврейскаго, но и общерусскаго вопроса. Съ этимъ мы совершенно согласны и заранѣе увѣрены, что

* По выраженію Маркса, «какъ легкій паръ среди жизненныхъ условій общественной жизни.»

если-бы русскіе публицисты останавливались долѣе надъ этимъ свѣтлымъ лучемъ, падающимъ подчасъ въ темное царство сужденій о еврейскомъ вопросѣ, и давали-бы ему распространяться во всѣ уголки, то не приходилось бы намъ и спорить съ ними. Но, признавая весьма справедливымъ то, что всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ, и что не вина нашихъ евреевъ, если они стоятъ на иной степени культуры, чѣмъ ихъ единовѣрцы въ другихъ странахъ, либеральная печать тѣмъ не менѣе полагаетъ, что вопросъ не столько въ степени культуры нашихъ евреевъ, сколько въ ея характерѣ, въ ея *типѣ*. Въ подтвержденіе своей мысли, что типъ еврейской культуры совершенно другой, чѣмъ типъ культуры другихъ русскихъ людей, поставленныхъ въ то же положеніе, и слѣдовательно коренится яко-бы въ самой національности евреевъ, либеральная печать съ важностью разсуждаетъ: «Фактъ тотъ, что въ Россіи проживаетъ многое множество всякихъ инородцевъ, культура которыхъ *еще гораздо ниже* еврейской, и тѣмъ не менѣе между ними и русскими нѣтъ того печальнаго и рѣзкаго антогонизма, который существуетъ между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ». Судя по сказанному, можно полагать, что чѣмъ народъ ниже стоитъ въ культурномъ отношеніи, тѣмъ онъ способнѣе эксплуатировать другихъ, выше его стоящихъ, а потому другіе инородцы должны были бы вызывать къ себѣ еще большую вражду въ средѣ русскаго населенія, а между тѣмъ все обстоитъ благополучно: русскій народъ живетъ съ другими инородцами душа въ душу. Иначе нельзя было-бы понять ни сравненія, ни словъ «культура которыхъ *еще гораздо ниже* еврейской». Но всѣмъ извѣстно, что эксплуатируетъ всегда болѣе сильный болѣе слабого и что русскіе инородцы, стоящіе ниже по культурѣ не только евреевъ, но и русскаго народа, этого послѣдняго эксплуатировать не могутъ. Поэтому, руководствуясь одной только логикой и закономъ культурнаго развитія, та же печать должна была-бы понять, что въ отношеніи всѣхъ прочихъ инородцевъ и русскаго народа, роли переменяются. Инородцы эксплуатируются, а русскіе — эксплуататоры. Затѣмъ изъ такого порядка вещей возникаетъ антогонизмъ и между другими инородцами и русскимъ населеніемъ, антагонизмъ тоже извѣстный всѣмъ и каждому. Сами русскіе публицисты указывали-бы въ подробности на эти факты, если-бы у нихъ шелъ вопросъ вообще о культурномъ развитіи народностей, населяющихъ Россію. Но когда они говорятъ о евреяхъ, о типѣ ихъ культуры, то всѣ факты пере-

путываются и даже простая логика, такъ легко дающаяся въ руки, перестаетъ имъ служить. Они смотрятъ на евреевъ съ точки зрѣнiя русскаго законодательства, которое удѣлило евреямъ мѣсто между инородцами, хотя первые въ культурномъ отношенiи стоятъ выше послѣднихъ. Немудрено поэтому, что, будучи вызваны на неудачное сравненiе, русскiе публицисты запутываются въ собственныхъ понятiяхъ и должны грѣшить противъ логики и истины. Растрачивая свои силы въ томъ же направленiи, въ поискахъ за подтвержденiями своей мысли, наша либеральная печать доказываетъ, что и въ политически свободныхъ странахъ противъ евреевъ существуетъ такой-же антагонизмъ, какой существуетъ въ какой нибудь забытой Бѣлорусси. Отчужденiе евреевъ, говоритъ она, ихъ «*проклятiе*»,—явленiе, сложившееся исторически подъ влiянiемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ и бытовыхъ, и культурныхъ, и этнографическихъ, и религiозныхъ. Но всѣмъ извѣстно, что если проявляется гдѣ нибудь въ Германiи антагонизмъ въ печати, то лишь въ клерикальныхъ органахъ, на заднемъ дворѣ литературы, но никакъ не въ такихъ журналахъ, которые являются передовыми органами печати. Въ иностранныхъ государствахъ общая почва и общiй климатъ не воспринимаютъ никакихъ уродливыхъ произрастанiй человѣческой мысли. Послѣднее анти-семитическое движенiе Трейчке, Марра и др. потерпѣло сильное фиаско въ передовыхъ органахъ печати.

Но хуже всего—это фарисейскiй духъ, которымъ проникнуты сужденiя о еврейскомъ вопросѣ. Либеральные публицисты рассуждаютъ обыкновенно такъ: «ставить въ вину этотъ фактъ (проклятiя) исключительно евреямъ, какъ это часто дѣлается ихъ слѣпными антогонистами, очевидно несправедливо, но сваливать эту вину, какъ это дѣлается защитниками еврейства, исключительно на преслѣдованiе со стороны христіанъ, на средневѣковые костры и «строчки» современныхъ кодексовъ и сводовъ въ такой же степени несправедливо». Что же справедливо, наконецъ, по мнѣнiю этихъ либераловъ? Кто виноватъ, наконецъ, еврей-ли, или окружающая ихъ среда? Пугаясь истины въ чистомъ, цѣльномъ ея видѣ, либералы разбиваютъ ее на двѣ половины. «Не сдѣлавшись гражданами по духу, евреи не могутъ сдѣлаться гражданами по правамъ — вотъ основной доводъ противниковъ еврейства, говорятъ либералы, доводъ, въ которомъ заключается *одна половина* истины». «Не сдѣлавшись гражданами по праву, евреи не могутъ стать гражданами по духу»,—вотъ основной доводъ защитниковъ еврей-

ства, продолжаютъ тѣ же либералы, доводъ, въ которомъ заключается *другая половина* истины». Логически продолжая эту мысль въ томъ же направленіи, слѣдуетъ остановиться на томъ, кто же наконецъ долженъ сдѣлать первый шагъ: еврей-ли первые должны исправиться по духу, или не еврей должны первые милостиво одарить евреевъ правами? Очевидно, что приводя въ связь «духъ» съ «правами», признавая обѣ враждующія стороны одинаково виноватыми, а не ставя вопросъ ребромъ, чтобы, при разрѣшеніи его, рѣзко отдѣлить праваго отъ виноватаго, мы въ сущности устраиваемъ публичный торгъ, на которомъ обѣ стороны, держа протянутыми руки, но не доверяя другъ другу, остаются при своихъ драгоценныхъ благахъ: одни при испорченномъ духѣ, а другіе при священныхъ правахъ. Вопросъ, такимъ образомъ, не разрѣшается. Либералы, сознавая всю нелѣпость раздробленія истины, провозглашеннаго ими самими, положительнымъ образомъ, какъ-бы въ осмѣяніе себя самихъ, добавляютъ: «выходитъ какая-то странная и запутанная игра понятій, какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ, если угодно, можно кружиться, какъ бѣлка въ колесѣ, хоть цѣлыя столѣтія». Но развѣ виноваты, спросимъ мы, еврей, что либералы отказываются сказать открыто, чего хотятъ, уклоняются отъ прямого, добросовѣтнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса и виляютъ то въ одну, то въ другую сторону, устраивая колесо съ запутанными понятіями и вращаясь въ немъ, какъ въ заколдованномъ кругѣ, на подобіе бѣлки? Запутавшись въ своихъ собственныхъ понятіяхъ, либералы дѣлаютъ ничѣмъ необъяснимый логическій, или, лучше сказать, нелогическій скачекъ, и въ концѣ концовъ признаютъ однихъ евреевъ виновными во всемъ, хотя они, по свойственному имъ двуязычію, стыдятся прямо высказать это; но это естественно вытекаетъ изъ слѣдующаго обращенія къ евреямъ: «дѣйствуйте, говорятъ либералы, на причину этихъ обвиненій, старайтесь уменьшить антипатію, вызывающую ихъ, перекиньте мостъ чрезъ пропасть, отдѣляющую евреевъ отъ русскихъ—и всевозможныя несправедливыя обвиненія упразднятся сами собою за ненадобностью». Значитъ, мы должны первые отказаться отъ своего духа, и тогда перестанутъ насъ обвинять, и, пожалуй, дадутъ намъ права. Но признать насъ обязанными сдѣлать первый шагъ, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать насъ кругомъ виноватыми. Отчего-же либералы говорятъ, что такъ утверждаютъ лишь одни слѣпые антагонисты евреевъ! Мы бы указали либераламъ на споръ между Марксомъ и Бруно-Бауеромъ:

но они предвидѣли силу логики, идущей въ разрѣзъ съ ихъ сужденіями, и заранѣе приготовили отвѣтъ: «теоретическія разсужденія, *даже справедливыя*, безсильны предъ косною дѣйствительностью, и живучесть нѣкоторыхъ *въ самомъ дѣлѣ нелѣпныхъ и возмутительныхъ обвиненій* противъ евреевъ, обвиненій, много разъ ученѣйшимъ образомъ опровергнутыхъ и аккуратно вновь выплывающихъ на поверхность, доказываетъ это безсиліе самымъ нагляднымъ образомъ. Это печально, но это естественно. Пока массы будутъ недоброжелательно и недовѣрчиво относиться къ евреямъ, до тѣхъ поръ эти обвиненія не перестанутъ раздаваться, потому что, дѣло извѣстное, люди не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ хочется убѣдиться. Это фактъ народной психологіи, противъ котораго ничего не подѣлаешь». Такимъ образомъ, даже нелѣпныя и возмутительныя обвиненія ученѣйшимъ образомъ опровергнутыя—(намекъ на обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови, ученѣйшимъ образомъ опровергнутое замѣчательнымъ трудомъ г. Хвольсона о средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ)—получаютъ свою живучесть, благодаря народной психологіи, т. е. благодаря тому, что масса, недружелюбно и недовѣрчиво относясь къ евреямъ, не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ ей хочется убѣдиться. Здѣсь опять что-то недосказано. Либералы собственно хотятъ сказать, что евреи виновны въ томъ, что массы относятся къ нимъ недружелюбно и недовѣрчиво, а потому уже нечего пенять на то, что народная психологія взводитъ на евреевъ нелѣпныя и возмутительныя обвиненія. Чѣмъ, на примѣръ, мы позволяемъ себѣ спросить либераловъ, они объяснили-бы обвиненіе язычниками въ первые періоды христіанства самихъ христіанъ въ употребленіи человѣческой крови? Были-ли какія нибудь, кромѣ самаго христіанства, основанія, по которымъ язычники относились недовѣрчиво и недоброжелательно къ христіанамъ? Допускаютъ-ли либералы, такъ хорошо изучившіе народную психологію, существованіе направленныхъ противъ кого-либо народныхъ предразсудковъ, независимо отъ воздѣйствія враждебныхъ силъ преслѣдуемыхъ?

Мы позволимъ себѣ рассказать либераламъ, отчего иногда происходятъ у насъ нелѣпныя и возмутительныя обвиненія евреевъ. Имъ, можетъ быть, извѣстно, что понынѣ, за исключеніемъ одного освобожденнаго по ходатайству всеобщаго союза евреевъ старика, томится въ каторжныхъ работахъ нѣсколько еврейскихъ семействъ, приговоренныхъ за употребленіе

христіанской крови. Разъясненіе существа этого, извѣстнаго въ Россіи Саратовскаго дѣла, послѣдовало со стороны русскаго чело-
вѣка, политическаго преступника, содержавшагося вмѣстѣ съ
означеннымъ старикомъ, оказавшимся по старости лѣтъ, неспо-
собнымъ къ каторжнымъ работамъ. Узнавъ отъ него, за что
онъ содержится, политическій преступникъ пришелъ въ ужасъ
и отправилъ въ бывшую редакцію «Сіона» письмо, которое въ
началѣ 60-хъ годовъ не могло узрѣть свѣтъ Божій. Содержа-
ніе-же письма довольно поучительное. Русскій чело-вѣкъ, знаю-
щій хорошо приволжскій край, рассказываетъ, что во всѣхъ
палатахъ того края производятся часто дѣла объ убійствѣ маль-
чиковъ, трупы которыхъ всегда находятся въ оврагахъ возлѣ
рѣки Волги (Саратовское дѣло, какъ извѣстно, начато по по-
воду убіенія духъ мальчиковъ, найденныхъ въ оврагахъ возлѣ
Волги). Въ письмѣ объясняется, что населеніе Приволжья со
временъ казачества носится съ мыслью, что на всемъ простран-
ствѣ Приволжья зарыто множество кладовъ, на раскопку ко-
торыхъ часто отправляются по ночамъ русскіе удалые молодцы.
Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ тамъ повѣрье, что раскопка этихъ
кладовъ весьма удачна бываетъ въ присутствіи невинныхъ хри-
стіанскихъ душъ, пребывающихъ во все время раскопки въ
молчаніи. Такими невинными душами считаются малолѣтніе
мальчики, которыхъ удалые молодцы заманиваютъ съ собою
на раскопку. Но случается иногда, что раскопка продолжается
всю ночь, и молодцы убѣждены, что вотъ, вотъ ихъ труды
увѣнчатся успѣхомъ, какъ вдругъ невинная христіанская душа
заплачетъ уже на самомъ разсвѣтѣ. Тогда молодцы отъ злости
лопатою бьютъ по головѣ несчастнаго мальчика, иногда до
смерти. Этимъ въ письмѣ объясняется какъ частое нахожденіе
дѣтскихъ труповъ возлѣ Волги, гдѣ они обрасываются въ ов-
раги, такъ и производство по этимъ убійствамъ дѣлъ въ па-
латахъ Приволжскаго края. Разумѣется, что ловкимъ убійцамъ
очень удобно дать дѣлу оборотъ, который сразу направляетъ
всѣ взоры въ другую сторону, въ особенности же, когда подъ
руку, какъ въ Саратовской губерніи, подвертываются евреи,
кровопійцы христіанъ. Дѣйствительно, изъ недавно обнародо-
ваннаго г. Левенсономъ въ «Журналѣ уголовного и гражданскаго
права» Саратовскаго дѣла, усматривается, что мальчики, уби-
ты тушымъ орудіемъ и что одна свидѣтельница упоминаетъ о
кладахъ, но, къ сожалѣнію, слѣдственная власть, направившая
дѣло въ сторону народной психологіи, никакъ не могла замѣ-
чать никакихъ другихъ сторонъ и не обслѣдовала вовсе упо-

минанія о складахъ, въ которыхъ собственно и заключается суть дѣла. Публицисты конца семидесятыхъ годовъ поступаютъ точь въ точь какъ судебные слѣдователи начала пятидесятыхъ, и имъ приходится отвѣтить ихъ же собственными словами: «фактъ печальный но естественный, они въ самомъ дѣлѣ не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ имъ хочется убѣдиться и, прибавимъ отъ себя, убѣждать другихъ». И въ самомъ дѣлѣ, къ чему можетъ повести убѣжденіе, что евреи должны соорудить грандіозный мостъ и перебросить его черезъ пропасть, отдѣляющую ихъ отъ русскихъ гражданъ? Не говорили-ли намъ того же самаго менѣе просвѣщенные публицисты конца тридцатыхъ годовъ? Не они ли въ то время, когда евреи пребывали еще въ невѣжествѣ и въ совершенномъ отдѣленіи отъ русскаго общества, совѣтовали намъ выйти изъ заколдованнаго круга и приобщиться къ сферѣ цивилизаціи? Съ того времени прошло уже около полувѣка. Евреи доказали, что они ушли быстрыми шагами впередъ, а между тѣмъ, когда мостъ, ими сооруженный, оказался уже почти у противоположнаго берега, жители послѣдняго изволятъ удалиться, совѣтуя намъ продолжать Сизифову работу. Но, не смотря на то, что до сихъ поръ евреи затратили достаточно труда на работу, въ надеждѣ на лучшую будущность, которая, какъ видно, еще не наступила, они не откажутся отъ той же работы, уничтожающей разстояніе между ними и господствующимъ населеніемъ: они увѣрены, что когда нибудь наступитъ время съ роковыми требованіями, противъ которыхъ окажется безсильною народная психологія и при которыхъ противоположный берегъ приблизится къ мосту противъ воли его оберегателей. Евреи не дикое племя, которое можно стереть съ лица земли преслѣдованіемъ и гоненіями, а культурный народъ, не исчезающая расса, въ себѣ самой содержащая зародыши своего паденія, а живучая сила, съ которою приходится и еще придется считаться. Не въ этомъ ли заключается секретъ народной психологіи, не это ли производитъ путаницу въ понятіяхъ, за которою скрывается нѣчто болѣе реальное, чѣмъ народная психологія? Но очевидно неискренностію отзывается совѣтъ, подчасъ даваемый представителями русской печати съ высоты своего культурнаго величія: «если бы наши образованные евреи, говорятъ они, перемѣнили свою тактику и, вмѣсто довольно бесплодной агитаціи въ средѣ русскаго общества, обратили вниманіе на пропаганду въ средѣ еврейства, если бы они, вмѣсто шаблонныхъ сборниковъ и журналовъ на русскомъ языкѣ, позаботились о

дешевомъ изданіи на новоеврейскомъ языкѣ, въ которомъ общедоступно и толково разъяснялись-бы элементарнѣйшія идеи здраваго общежитія — дѣло прогресса русскаго еврейства выиграло-бы гораздо больше, нежели теперь, при существованіи журналовъ, для русскаго читателя ненужныхъ—у него другіе интересы, — для образованнаго еврея излишнихъ—предъ нимъ открыты литературы, не русско-еврейской чета,—а для массы еврейскаго пролетаріата недоступныхъ ни въ интеллектуальномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи».

Но прежде, чѣмъ отвѣтимъ на этотъ столь любезный совѣтъ, мы считаемъ долгомъ заговорить съ либералами на ихъ же языкѣ, въ примѣненіи къ защищаемымъ ими крестьянскимъ интересамъ, для того, чтобы они могли понять всю двусмысленность и неискренность своихъ рѣчей, обращенныхъ къ еврейскимъ публицистамъ.

Въ положеніи о крестьянахъ есть нѣсколько «строчекъ», затрудняющихъ переходъ отъ частнаго въ общинное владѣніе. Либеральная печать сочувствуетъ общинному владѣнію. Противъ такихъ специальныхъ интересовъ мы ничего не имѣемъ: шестидесятимилліонное крестьянское населеніе имѣетъ право на защиту своихъ интересовъ. Но желая устройства общиннаго владѣнія, либералы хлопочутъ объ отмѣнѣ этихъ строчекъ и объ установленіи другихъ, которыя узаконили-бы исключительно общинное землевладѣніе. Они всѣми силами борются съ внѣшними факторами, считая ихъ единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію своей задачи обособленія крестьянъ во взаимной солидарно-отвѣтственной жизни. Если-бы имъ кто сказалъ, что они пріурочиваютъ специально-экономическій вопросъ къ законодательнымъ строчкамъ, къ общественнымъ предразсудкамъ и т. п., они бы указали на свой матеріалъ, историческій и неисторическій, и сказали-бы, что рѣчь вовсе не идетъ объ одной изъ основъ государства—частной собственности, что это дѣло болѣе широкихъ общественныхъ сферъ, неимѣющихъ ничего общаго съ интересами крестьянъ, которые при общей почвѣ и общемъ климатѣ, при несложныхъ условіяхъ экономическаго быта, при скудномъ образѣ понятій и степени или типѣ культуры, должны пребывать въ общинномъ землевладѣніи. Что же, мы ли это должны возставать противъ либераловъ русской печати, если они, такъ понимая интересы своего народа, защищаютъ ихъ по своему? Но, когда евреи выступаютъ на защиту своего пролетаріата и тоже возстаютъ противъ законодательныхъ строчекъ, тѣ же либералы, рассуждающіе крѣп-

кимъ умомъ, когда говорятъ о крестьянахъ, считаютъ смѣшнымъ дѣломъ приуроченіе къ законодательнымъ опредѣленіямъ общей государственной мѣры, имѣющей для евреевъ такое-же важное значеніе какое для крестьянъ—общинное или необщинное землевладѣніе. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что евреи ратуютъ за освобожденіе ихъ отъ навязанной имъ законодательными мѣрами солидарности и считаютъ необходимымъ зломъ пребываніе въ этой солидарности единственно изъ за неувѣренности въ человѣчномъ отношеніи къ нимъ со стороны русскаго общества, тогда какъ либералы стоятъ за обособленность крестьянъ и солидарность почти семейную, если позволительно выразиться языкомъ представителей русской печати.

Далѣе, когда рѣчь заходила въ пятидесятыхъ годахъ о дарованіи крестьянамъ общечеловѣческихъ правъ, которыхъ они были лишены въ крѣпостномъ состояніи, литературные предки современныхъ либераловъ не пугались того, что крестьяне съ своими заскорузлыми понятіями, съ своими народными предразсудками, съ своими крѣпостническими традиціями и выдохшимися мѣрами, не окажутся способными къ воспріятію общечеловѣческихъ правъ. Крѣпостное право, разсуждали тогда либералы, убило въ крестьянинѣ духъ личности, но стоитъ только даровать ему человѣческія права, снять съ него тягостныя оковы крѣпостничества, чтобы онъ воспрянулъ духомъ свободной личности и счумѣлъ-бы стать хозяиномъ своихъ правъ. И они не ошиблись въ своемъ предположеніи. Между тѣмъ, когда рѣчь заходитъ о необходимости даровать и еврею права, почти прирожденныя человѣку въ силу его личности, то тѣже мыслители совѣтуютъ намъ прежде порасчистить свой духъ, приняться за перебрасываніе мостовъ и другія очистительныя работы, чрезъ которыя только и можетъ открыться для еврея рай человѣческихъ правъ. Что же? Современные русскіе евреи стоятъ въ культурномъ отношеніи ниже крестьянъ временъ крѣпостничества? Не думаемъ, чтобы это можно было кому-либо утверждать даже при самыхъ недозволительныхъ натяжкахъ. Отчего же такая двойственность въ мысляхъ, такое непростительное отношеніе свысока къ интересамъ народности, еще теперь прикрѣпощенной къ землѣ не только въ смыслѣ лишенія ея права свободнаго передвиженія, но и обложенія разными чиншевыми налогами въ Западномъ краѣ? Предоставляемъ русскимъ либераламъ дать незастѣнчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Засимъ—долгъ платagemъ красенъ: за совѣтъ дадимъ и мы совѣтъ. Вамъ, русскимъ либераламъ, дороги

интересы крестьянъ, какъ намъ—интересы еврейскаго пролетаріата. Не лучше ли было бы, если бы, вмѣсто нешаблонныхъ и пріобрѣвшихъ себѣ не въ средѣ крестьянъ извѣстность журналовъ, вы озаботились улучшить положеніе крестьянъ изданіемъ на простонародномъ языкѣ сборниковъ, въ которыхъ распространяли бы среди крестьянства элементарныя понятія здраваго общежитія, гигиены и тому подобныя? Дѣло прогресса русскаго крестьянина выиграло бы гораздо больше, чѣмъ отъ существованія разныхъ журналовъ и газетъ. Кому они нужны? образованному иностранцу? но у него свои интересы и болѣе широкіе. Образованному русскому читателю? но для него открыты литературы не нашей доморощенной чета, открыты всѣ источники, изъ которыхъ черпается вся ея премудрость. Быть можетъ массѣ русскаго крестьянства? но для нея русскіе журналы недоступны ни въ интеллектуальномъ ни въ матеріальномъ отношеніи. Совѣтъ нелѣпый, но тождественный. Русскіе журналы издаются, очевидно, *во имя* народныхъ интересовъ, но не *для народа*; они стараются разрабатывать народные вопросы, для установленія правильной точки зрѣнія на дѣло въ средѣ интеллигентнаго русскаго общества и въ сферахъ административныхъ. Позвольте же и намъ тоже самое дѣлать. Внесеніе же здравыхъ понятій общежитія въ среду еврейскаго пролетаріата было бы только насмѣшкою надъ его судьбой. Эти опыты уже испробованы еврейскими публицистами и непригодность ихъ обнаружилась тотчасъ же, потому что тамъ гдѣ нечѣмъ жить, очень мало интересуются порядкомъ общежитія. Попробуйте дѣйствовать въ томъ же духѣ въ отношеніи крестьянъ, и вы убѣдитесь, что вашъ совѣтъ писанъ на пескѣ. Еврейскіе публицисты же имѣютъ еще тѣмъ большую надобности въ изданіи еврейско-русскихъ сборниковъ, что печать, такъ генеральски къ нимъ относящаяся, желаетъ хранить печать безмолвія, когда рѣчь идетъ о нарушеніи священнѣйшихъ правъ евреевъ. Мы говоримъ объ отношеніяхъ одного изъ либеральнѣйшихъ русскихъ журналовъ къ одесскимъ беспорядкамъ 1871 года. Въ немъ вымолили было мѣсто для одной обстоятельной статьи объ этихъ беспорядкахъ, и она была уже набрана и готова была появиться, какъ вдругъ либеральный органъ, по требованію одного изъ ретивыхъ своихъ сотрудниковъ, рѣшился разобрать шрифтъ и наложить на эту статью veto. Не либеральная ли печать создаетъ необходимость изданія русско-еврейскихъ органовъ? Слѣдовательно, ей менѣе всего къ лицу вооружаться противъ нихъ. Пока существуетъ такая

либеральная русская печать, до тѣхъ поръ должна существовать отдѣльная русско-еврейская журналистика.

Въ заключеніе, для окончательной характеристики отношеній либеральной печати къ интересамъ русскаго еврейства, по ея словамъ *трехмилліоннаго бойкаго, энергическаго и дѣятельнаго*, приведемъ высокопарный, дышавшій человѣческой любовью общій отвѣтъ ея, который она даетъ еврейскимъ публицистамъ буквально въ слѣдующихъ, не лишенныхъ глубокаго патріотизма выраженіяхъ: «общій отвѣтъ, который можетъ дать русская журналистика на упреки евреевъ за равнодушіе къ ихъ судьбѣ, столько же простъ, сколько резоненъ: многомилліонное русское крестьянство имѣетъ несравненно больше правъ на ея вниманіе, нежели *всѣ евреи земнаго шага, вмѣстѣ взятые*. Задачи, поставляемые жизнію этихъ десятковъ милліоновъ настолько серьезны и разнообразны, что русская литература можетъ отвѣтить вотъ что: «у русской журналистики, по крайней мѣрѣ у той части ея, которая еще не потеряла сознанія своихъ обязанностей, есть своего рода Иерусалимъ, о которомъ она съ большимъ, съ несравненно большимъ правомъ, нежели какой бы то ни былъ еврейскій писатель, можетъ сказать словами нашего псалма: «да отсохнеть моя десница, если я забуду тебя».

Вся разница у либеральной печати въ количествѣ: они защищаютъ интересы десятковъ милліоновъ, а мы — интересы единицъ милліоновъ людей. Но либеральная печать забыла еще объ одной, весьма существенной разницѣ, что еврейскій публицистъ, не только не отвернется, подобно ей, съ презрѣніемъ отъ интересовъ крестьянъ, но всегда относится къ нимъ сочувственно, говоритъ и пишетъ о нихъ съ любовію, свойственною человѣку, свободному отъ предрассудковъ среды, не только своей, но и общерусской. Еврейскій публицистъ знаетъ, что собственно русскій народъ ничего не имѣетъ противъ евреевъ, что противъ послѣднихъ возстаютъ интеллигентныя силы русскаго общества, за весьма немногими исключеніями. Еврейскій публицистъ давно бы пересталъ защищать своихъ единовѣрцевъ, если бы замѣтилъ человѣческое къ нимъ отношеніе со стороны тѣхъ, въ которыхъ находится руководительная сила; если бы о нихъ не говорили съ высокоуміемъ интеллигентныхъ дикарей, если бы ихъ интересовъ не игнорировали, если бы не отворачивались отъ нихъ съ гордымъ презрѣніемъ, — словомъ, еврейскихъ публицистовъ не было бы нужно вовсе, если бы не было русскихъ патріотовъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но пока

послѣдніе существуютъ, должны, какъ сказано выше, существовать и еврейскіе публицисты. Нашъ общій отвѣтъ на высокопарный тонъ и презрѣніе либеральной русской печати будетъ слѣдующій: «намъ дороги интересы русскихъ крестьянъ, намъ дороги общерусскіе интересы; но покуда существуютъ такіе представители народныхъ интересовъ, какъ тѣ, которыхъ мы только что охарактеризовали, еврейскіе публицисты, по крайней мѣрѣ та часть ихъ, которая не потеряла еще сознанія своихъ обязанностей въ отношеніи своего народа, ее вскормившаго и на деньги котораго она получала образованіе, не должна прерывать свою духовную связь съ своимъ Іерусалимомъ, въ образѣ русско-еврейскаго пролетаріата, и съ небольшою гордостью, чѣмъ русскій писатель, можетъ сказать словами псалма: «да отсохнетъ моя десница, если я забуду тебя».

Изъ изложеннаго видно, что дѣйствительные представители мысли, рассуждая о евреяхъ, не говорятъ о нихъ иначе какъ о части цѣлага, съ которымъ она составляетъ общій организмъ. Вотъ почему они касаются общихъ, основныхъ сторонъ вопроса съ точки зрѣнія общечеловѣческой, не національной. Касаясь религіозной стороны вопроса, Бруно-Бауэръ высказываетъ взглядъ на религію, какъ на различныя ступени челоуѣческаго духа, которыя должны объединиться наукою. Даже въ этомъ специальномъ и узкомъ вопросѣ Бруно-Бауэръ сознаетъ необходимость отыскивать общечеловѣческую сторону, дабы не впасть въ односторонность, въ такую частность, о которой не стоило бы вовсе говорить, потому что, какъ частность, религія вообще, по мнѣнію Бауэра, составляетъ противорѣчіе съ стремленіями къ политической эманципации. Еврейскій вопросъ, въ своей всеобщности, превращается, поэтому, у Бауэра въ общій вопросъ объ отношеніи религіи къ государству вообще. Нечего говорить, что Марксъ, ставя вопросъ на чисто экономическую почву, никакъ не можетъ выдѣлить вліянія еврейскаго элемента въ этой сферѣ изъ общихъ, установленныхъ и исторически выработанныхъ условій экономической жизни вообще. Понятное дѣло, что приближаться къ истинѣ можно только путемъ изученія духа даннаго явленія, основнаго источника его происхожденія, а не формъ, въ которыхъ оно обнаруживается, ибо особенности внѣшнихъ проявленій могутъ зависѣть отъ особенностей мѣстныхъ, народныхъ и даже отъ чисто-личныхъ условій, а извѣстно, что какъ бы разнообразны эти послѣднія ни были, они все таки возсоединяются въ общемъ своемъ основаніи.

Очевидно, что, удаляясь отъ общихъ основаній и отдѣливъ евреевъ острымъ анатомическимъ ножомъ отъ той среды, съ которою они органически связаны, можно допустить, что все насъ поражающее есть результатъ исключительно ихъ дѣятельности и специфическихъ условій ихъ національно-экономической жизни. Приписывая все однимъ частностямъ, мы вовсе не замѣчаемъ, что выводъ нашъ вытекаетъ изъ ошибочныхъ анатомическихъ приемовъ, противъ которыхъ протестуютъ законы дѣйствительной экономической жизни какой бы то ни было страны. Противъ массы частныхъ можно выставить массу другихъ частныхъ, а противъ духа и сущности явленія едва ли кто станетъ и спорить. Духъ же и сущность явленій изучаются на основаніи общихъ, свойственныхъ имъ законовъ, а не на основаніи частныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ самими законами и составляющихъ лишь форму проявленія послѣднихъ. Если общій духъ или сущность явленій измѣнится кореннымъ образомъ въ общемъ организмѣ, въ которомъ евреи составляютъ отдѣльную часть, то измѣнятся и форма и тѣ частности, въ которыя она выливается, благодаря тѣмъ или другимъ частнымъ условіямъ. Наши же публицисты-либералы стали на путь частныхъ, изъ лабиринта которыхъ они не такъ скоро выпутаются, теряя окончательно изъ виду сущность вопроса. Якорь спасенія еврейскаго вопроса въ способѣ его постановки. Если поставить его на надлежащую почву, на которую его ставили люди съ широкимъ умомъ, то онъ разрѣшается вмѣстѣ съ общечеловѣческими вопросами, интересующими не однихъ евреевъ; если же поставить его на почву національно-религіозную, при рѣзкомъ выдѣленіи евреевъ изъ среды другихъ народностей, какъ отдѣльнаго проклятаго сословія, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ столько же долговѣченъ, сколько долговѣчны предразсудки человѣческаго рода. Первый путь—путь истины, а второй—путь лицемѣрія и лжи.

М. Моргулисъ.

ВОСХОДЪ.

Мы долго блуждали во тьмѣ роковой;
Трудна была наша дорога;
Напрасно мы къ помощи звали людской
И тщетно молили мы Бога.
Но пробилъ нашъ часъ... И прекрасно-могучь—
Сквозь сумракъ зари предразсвѣтной,—
Зари воскресенья спасительный лучъ
Блеснулъ намъ съ улыбкой привѣтной.
Свободнѣй и легче забилая грудь,
Проснулись въ душѣ упованья,
И бодро, и смѣло мы двинулись въ путь
На голосъ святого призванья...

И правду вѣщала намъ наша заря!...

Какъ будто воскресла природа
И на небѣ блещутъ, привѣтно гора,
Лучи золотые «*восхода!*»...
.....
То вѣстникъ побѣды желанной идетъ,
Надежды и радости новой;
Въ рукѣ своей мощной онъ знамя несетъ...
И грянетъ могучее слово,
И новыя силы оно пробудить,

Задышетъ и жизнью, и волей,
И пѣснью побѣдной оно прозвучитъ
Надъ нашей печальною долей!..
Сокройся-жь, исчезни, послѣдняя тѣнь!
Свѣтло наше солнце, и близокъ нашъ день!

С. Фругъ.

ТИПЫ И СИЛУЭТЫ

(Воспоминанія школьника конца сороковыхъ годовъ).

I.

Неудобства гипотенузы и катетовъ.—Учитель математики.—Наше училище, какъ исправительное для него заведеніе.—Онъ открываетъ намъ глаза.—Онъ становится нашимъ мучителемъ.—Возможный романъ.—Возможная метаморфоза.

— Господи, что за несносныя вещи—гипотенузы и катеты! И на какого чорта ихъ выдумали? Кому онѣ нужны? А онѣ такъ мѣшаютъ, такъ мѣшаютъ!.. Вотъ, въ нашемъ третьемъ, выпускномъ классѣ, теперь, по росписанію, «исторія» и учитель, слава богу, не пришель, потому боленъ; во второмъ классѣ—«библія»,—а учителя, слава... дитя умерло, такъ онъ тоже не пришель; а въ первомъ классѣ хотя учитель и есть, но его все равно что нѣтъ, потому—«чистописаніе и черченіе», т. е. ни чистописанія, ни черченія, а глубокой сонъ ветхаго деня учителя, служащаго для полученія пряжки за полувѣковую безпорочность, и абсолютная свобода учениковъ дѣлать, что имъ угодно. Слѣдовательно, весь училищный контингентъ совершенно свободенъ—и съ какимъ наслажденіемъ мы разыгрывали-бы теперь Мамаево побоище, Полтавскій бой, Бородинское сраженіе или тому подобное историческое событіе, въ которомъ намъ особенно нравились «ударили съ тылу...» «смяли...» «полки дрогнули...» «взяли приступомъ...» «отступили съ большимъ урономъ...» «разбили на голову» и тому подобныя термины Смарагдова и Устрялова, точно мы сами продѣлывали все это: и ударили, и смяли, и взяли, и разбили! И громадныя классныя комнаты—такое обширное поле для продѣлыванія всѣхъ этихъ хорошихъ штукъ! Есть гдѣ развер-

нутья нашей молодой удали!... А мы должны возиться со скучными гипотенузами и катетами, потому что послѣдній урокъ— «геометрія», а учитель шутить не любитъ; влѣпить самому лучшему ученику, напр., мнѣ, двойку или единицу—для него левое дѣло.

Такъ я разсуждалъ про себя, стоя, вмѣстѣ со всѣми прочими учениками нашего класса, у классной доски, на которой одинъ изъ товарищей, слабый по всѣмъ прочимъ предметамъ, но сильнѣйшій по математикѣ, чертилъ мѣломъ геометрическія фигуры и алгебраическія формулы, объясняя намъ то, чего мы не понимали и что какъ-то не лѣзло въ наши головы. И чѣмъ больше онъ объяснялъ, тѣмъ большій туманъ застилалъ наши бѣдные мозги, и мы хлопали глазами и ничего не понимали. Математикъ кипятился, потѣлъ, изъ себя выходилъ, стучалъ мѣломъ въ доску, кричалъ: «да это такъ просто, такъ очевидно, позовите хоть пятилѣтнаго ребенка», обзывалъ насъ и чурбанами, и ослиами, а мы не понимали, хоть зарѣжь. И каждый изъ насъ невольно проникался не то завистью, но какимъ-то тупымъ озлобленіемъ и досадою на то, что, вотъ, недалекій во всѣхъ отношеніяхъ Янкельсонъ понимаетъ таинственное отношеніе, существующее между гипотенузою и катетами прямоугольнаго треугольника, а мы нѣтъ.

Впрочемъ, бѣда была не въ гипотенузѣ и катетахъ. Да ну ихъ со всѣмъ! Я почему-то былъ увѣренъ, что я съ этими «нахалами» никогда въ жизни не встрѣчусь, а если встрѣчусь, то уступлю имъ дорогу. Чего-же больше они могутъ отъ меня требовать? Бѣда была въ учителѣ. Онъ былъ новый, со всѣми свойствами новой метлы, которая не только хорошо мететь, но и изрядно дереть. Не чета нашему прежнему учителю, доброму, мягкому старичку безъ волосъ на головѣ и безъ зубовъ во рту, но всегда съ дешевыми конфетами въ карманахъ и съ проставленными четверками въ спискахъ: меньшаго балла онъ никому не ставилъ, баллы начинались у него съ цифры «четыре». А нашъ новый учитель былъ человѣкъ молодой, энергическій, хорошій математикъ, который притомъ задался цѣлью—дѣлать чудеса съ своимъ предметомъ...

А дѣлать чудеса ему было необходимо нужно. Дѣло въ томъ, что, когда онъ окончилъ курсъ въ университетѣ по математическому факультету, то за какую-то «исторію» былъ посланъ или сосланъ, въ качествѣ учителя, въ Архангельскую губернію или чуть не въ Лапландію,—просвѣщать лапландцевъ, что-ли. Но, какъ уроженцу Западнаго края, ему эта

почетная миссія на дальнемъ сѣверѣ, разумѣется, не могла особенно нравиться; а потому онъ сталъ просить, умолять, хлопотать, чтобы его перевели на родину, причемъ далъ клятвенное обѣщаніе не только исправиться, но даже чудеса творить на педагогическомъ поприщѣ... Его перевели въ нашъ городъ и, дабы онъ на время своего исправленія не умеръ съ голоду, водворили въ «казенномъ еврейскомъ училищѣ», гдѣ и должно было совершиться чудо его исправленія, его перерожденія изъ завятаго въ мирнаго, благонамѣреннаго поляка. Наше училище, такимъ образомъ, должно было, въ нѣкоторомъ родѣ, служить исправительнымъ заведеніемъ для чловѣка, дѣлающаго «исторію», когда его о томъ не просятъ, а мы—матерьяломъ для производства опытовъ его исправленія. Пустить его въ какое нибудь другое учебное заведеніе,—дворянское или даже приходское училище,—къ тупымъ уличнымъ мальчуганамъ,—боялись, а къ намъ, жиденятамъ, уже болѣе или менѣе развитымъ и во всякомъ случаѣ смышленнымъ и впечатлительнымъ юношамъ,—не опасались. На насъ, жиденятахъ, штрафованный и долженъ былъ демонстрировать свою благонамѣренность и свои отличныя педагогическія способности, словомъ, выслужиться, дабы перейти потомъ въ гимназію—уже въ перерожденномъ видѣ.

И онъ принялся на насъ выслуживаться. Онъ началъ съ того, что сталъ подъ рукой внушать намъ, что всѣ предметы, которымъ насъ обучаютъ въ училищѣ,—пустяки, вздоръ и не стоитъ тратить на нихъ время. Единственный предметъ, достойный изученія — математика. Совсѣмъ не бѣда не знать исторіи, географіи или русскаго языка.

— Русскаго языка? недоумѣвали мы.

— Да, русскаго языка. И развѣ это языкъ? Это только нарѣчіе, на которомъ говорятъ простолюдины, мужики, солдаты. Ни одинъ порядочный русскій не говоритъ на этомъ языкѣ. На немъ нѣтъ и литературы.

— А Карамзинъ? спросили мы, уже кое-что читавшіе для пріобрѣтенія слога, въ виду задававшихся намъ учителемъ русскаго языка описаній «звѣзднаго неба», «восхода солнца», «лѣтняго вечера въ деревнѣ» и другихъ темъ для «сочиненія».

— Карамзинъ? ха, ха, ха! Тоже писатель! На безрыбьи и ракъ рыба. Нынѣ ученикъ пятаго класса пишеть умнѣе и правильнѣе Карамзина.

— А Пушкинъ?

— Пушкинъ стоялъ на заднихъ лапкахъ предъ нашимъ Мицкевичемъ.

— Предъ столяромъ? спросили мы наивно, думая, что рѣчь идетъ о столярѣ-Мицкевичѣ, жившемъ насупротивъ училищнаго дома, о чемъ гласила четырехугольная вывѣска, на которой намалеваны были желтою краскою на голубомъ фонѣ кресло, комодъ, столъ и гробъ.

— Я вамъ говорю о нашемъ Мицкевичѣ, который есть величайшій поэтъ въ мірѣ, полякъ, живущій теперь въ Парижѣ.

— Ну, а Крыловъ?

— Крыловъ обкрадывалъ француза Лафонтена и выдавалъ чужія басни за свои. О, русскіе—большіе мастера на такія штуки. Свое-ли, чужое-ли—у нихъ все одинаково. Цапъ и баста!

Какъ намъ ни жаль было «дѣдушки», котораго мы такъ любили и баснями котораго мы упивались, а дѣлать было нечего: надобно было думать, что онъ воръ. Мы были ужасно разочарованы, огорчены всеѣмъ тѣмъ, что узнали о нашихъ «любимцахъ», которыхъ мы до сихъ поръ обожали и произведеніями которыхъ восхищались; но не вѣрить учителю мы не могли. Мы ему повѣрили и на счетъ того, что все учебные предметы — пустяки, и стали относиться къ нимъ равнодушно, небрежно, обративъ все наше прилежаніе и усердіе на «единственно достойный изученія предметъ», на математику. Но чѣмъ прилежнѣе мы занимались математикою, тѣмъ учитель становился къ намъ требовательнѣе и строже. Онъ положительно подавлялъ насъ своимъ предметомъ. Онъ задавалъ намъ непомѣрно большіе уроки, требовалъ твердаго знанія теоріи и необычайной ловкости въ практикѣ, на каждомъ словѣ останавливалъ насъ вопросами: отчего? почему? Отчего дважды два—четыре? Почему прямая линія есть прямая? Словомъ, онъ насъ мучилъ, тиранилъ, жилы изъ насъ тянулъ,—и все для того, дабы мы на экзаменѣ, на которомъ будетъ присутствовать директоръ училищъ, чудеса творили и тѣмъ доказывали его высокородію, что мы по математикѣ за поясъ заткнемъ учениковъ гимназій, куда нашему учителю такъ пламенно хотѣлось попасть!...

Вотъ почему мы на свободномъ отъ учителя урокѣ исторіи занимались геометріею, отказывая себѣ въ удовольствіи почитать что нибудь на досугѣ или пошалить. То есть, заданный урокъ мы собственно уже знали и даже очень твердо; но дѣло шло теперь не о самомъ урокѣ, а о его казуистикѣ, о во-

просахъ отчего? почему? для отвѣтовъ на которые у насъ не хватало діалектики. За выработкой этой-то діалектики мы и торчали теперь предъ классной доской съ поникшими головами, съ тревогой и отчаяніемъ въ сердцѣ, такъ какъ эта діалектика, не смотря на усилія нашего товарища, доки по математикѣ, намъ что-то трудно очень давалась.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ напрасно ломали себѣ головы, мысль моя, значительно утомленная отъ бесплоднаго напряженія, стала постепенно отрываться отъ доски, уносясь, какъ это случалось со мною часто, въ совершенно другіе районы, въ которыхъ было все, кромѣ гипотенузъ и катетовъ. Разъ оторвавшись отъ ненавистныхъ ей предметовъ, она очень скоро остановилась и успокоилась на восхитительной мечтѣ,—авось учитель сегодня не придетъ совсѣмъ. Почему? Да мало-ли бываетъ случаевъ и неожиданностей, заставляющихъ самого исправнаго человѣка манкировать службой?... Возможно, напри- мѣръ, такое обстоятельство. Нашъ учитель математики — очень частый гость у нашего учителя нѣмецкаго языка. Это фактъ всѣмъ извѣстный. У учителя-же нѣмецкаго языка есть, кромѣ подюжины крошекъ и подростокъ, уже довольно взрослая дочь, фрейлейнъ Шарлотта. Фрейлейнъ Шарлотта— очень красивая дѣвушка: она хорошо сложена, имѣетъ великолѣпные каштановые волосы и овальное лицо съ очень правильными чертами. Она немного коситъ лѣвымъ глазомъ, но это къ ней очень идетъ, придавая ея выразительному личику еще больше пикантности. Это тоже фактъ, о котомъ мы, ученики, иногда засматривавшіеся на дочь нашего учителя и толковавшіе о ней въ часы досуга, рѣшили разъ навсегда не спорить, признавъ его за аксіому. Нашъ математикъ усердно ухаживаетъ за фрейлейнъ Шарлоттой. Мы это знаемъ, мы это замѣчаемъ, когда приходимъ къ нашему нѣмцу по дѣлу,—за записками и учебными пособиями по его предмету. Хотя мы невинны, аки голуби, однако мы уже кое что смыслимъ въ этихъ дѣлахъ, потому мы уже не маленькіе, по пятнадцатому году, да и развиты-же мы не по лѣтамъ, какъ скороспѣлые сыны Востока... Фрейлейнъ Шарлотта, съ своей стороны, *кажется*, не совсѣмъ равнодушна къ своему обожателю. Хотя трудно вѣрить, чтобы нашъ математикъ могъ кому либо нравиться, такъ-какъ онъ изъ себя низенькій, толстенный, пузатенькій и лысенькій не по лѣтамъ и при томъ курносенькій и съ желтыми зубами, но... чѣмъ чортъ не шутить? А потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ фрейлейнъ Шар-

лоттѣ нравится. Разъ допустивъ *это* обстоятельство, отчего не допускать того, что онъ сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе, — и теперь такъ занять своей нареченной, что забылъ о насъ, своемъ урокѣ, своихъ теоремахъ и прочихъ неважныхъ предметахъ? Развѣ это невѣроятно или невозможно?...

Или, вотъ, другое, еще болѣе возможное обстоятельство. Нашъ математикъ живетъ по ту сторону той необыкновенной улицы нашего города, которая въ обыкновенную погоду представляетъ собою очень обыкновенную улицу съ мостовой и тротуаромъ, а при сколько нибудь крупномъ дождѣ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, моментально превращается въ обыкновенный потокъ * съ бушующими волнами, Богъ знаетъ изъ какихъ небесныхъ или подземныхъ хлябій берущимися, такъ что чрезъ улицу нѣтъ ни прохода, ни проѣзда — и она, а съ нею цѣлый кварталъ бывають отрѣзаны отъ другихъ частей города на цѣлыя сутки. Стало быть, жительство нашего учителя на такой необыкновенной улицѣ есть обстоятельство, которое можетъ сослужить намъ большую службу, а именно: хотя небо теперь совершенно чисто, но вѣдь возможно, чтобы оно вдругъ покрылось большими тучами и чтобы полилъ проливной дождь, такъ что учитель будетъ отрѣзанъ отъ насъ, а мы отъ него, о чемъ мнѣ такъ сладко мечтать? Развѣ такое обстоятельство лежитъ внѣ предѣловъ возможнаго?...

Или-же...

— Да сядешь-ли ты?.. Сколько разъ нужно говорить тебѣ? слышу чей-то голосъ надъ самимъ моимъ ухомъ.

Это былъ голосъ учителя Закона Божія.

II.

Дѣйствительность. — Патриархальный порядокъ на некоторыхъ урокахъ. — Слухъ о раввинскомъ училищѣ. — Прочувствованное слово учителя закона Божія по поводу этого слуха. — Воображаемый еретикъ и дѣйствительный мученикъ. — Предукушеніе мести. — Учитель библіи и еврейскаго языка. — Его метода преподаванія. — Его хозяйственные импровизаціи.

Стало быть, я все это время проспалъ, промечталъ и не слышалъ ни звонка къ рекреаціи, ни звонка къ уроку, ни про-

* Имя этого внезапно являющагося потока упоминается въ „Словѣ о полку Игоревомъ“, такъ-какъ дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городовъ Западной Руси, принадлежавшемъ къ древнѣйшимъ русскимъ удѣльнымъ княжествамъ.

Авторъ.

ходя учителя. Товарищи не трогали меня, не мѣшали мнѣ «спать» съ открытыми глазами, полагая, что я погруженъ въ созерцаніе начертанныхъ на доскѣ теоремъ и формулъ.

Я сѣлъ на свое мѣсто и, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ только что разыгравшихся въ моемъ воображеніи сценъ, нѣсколько минутъ не могъ слѣдить за «разговоромъ». На урокахъ по еврейскимъ предметамъ всегда происходили разговоры. О чемъ? Да обо всемъ, въ особенности-же о вещахъ не имѣвшихъ ни малѣйшаго отношенія къ уроку: о гастроляхъ проѣзжающихъ казановъ или магидовъ, дороговизнѣ рыбы въ прошлую пятницу, дракѣ въ хасидской молельнѣ, рекрутскомъ наборѣ, поимкѣ женщины съ корчемнымъ мясомъ и тому подобныхъ матеріяхъ. На урокахъ по еврейскимъ предметамъ мы чувствовали себя какъ бы въ родномъ хедерѣ съ его патриархальными порядками и нравами и поступали согласно этому. Мы сидѣли съ покрытыми головами, развалившись или облокотившись, говорили на жаргонѣ и всѣ разомъ, отпускали остроты или плоскости, закусывали, повторяли уроки по общимъ предметамъ, или-же, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, дрались. Да наши учителя, старики, автодидакты, скорѣе похожи были на меламадовъ, нежели на педагоговъ въ европейскомъ смыслѣ, а потому они ничего не имѣли противъ хедерныхъ порядковъ, господствовавшихъ на ихъ урокахъ. И только, когда до звонка оставалось минутъ двадцать, двадцать пять, они брались за дѣло.

Вдругъ до моего уха долетаютъ слова: «раввинское училище».

— Что это за раввинское училище? спрашиваю я, уже очнувшись.

— Ха, ха, ха! расхохотался весь классъ, глядя на меня, какъ на сумасшедшаго.

— Шолемъ алейхемъ, г. проѣзжій, — произноситъ учитель съ комическою серьезностью, протягивая мнѣ руку. — Откуда вы извоили прибыть въ наши страны, — изъ Америки или прямо съ предмѣстья? Мы уже цѣлый часъ толкуемъ объ этомъ, а ты... точно тебя совѣмъ не было.

Оказалось, что учитель принесъ намъ вѣсть, что въ Вильнѣ открылось учебное заведеніе, называемое «раввинскимъ училищемъ», и это-то училище составляетъ предметъ разговора на «нынѣшній разъ».

— Словомъ, — резюмировалъ учитель свою бесѣду, — казенными раввинами въ нашихъ кегилахъ уже не будутъ ребѣ

Иоцели и ребъ Цоцели, или какіе нибудь портные и сапожники, а вы, молодежь. Будеть, какъ въ Германіи. Это приводится теперь въ исполненіе проектъ д-ра Лиліенталя. Всѣ эти раввинчики, море-героз, магида и роше-эшиба будутъ находиться подъ вашею властью и стоять предъ вами на заднихъ лапкахъ. Вы будете нашими епископами, нашими архіереями, нашими представителями предъ правительствомъ. Мы теперь будемъ на конѣ! Господству ханжей, фанатиковъ полагается конецъ. Они надъ нами уже глумиться не будутъ, нѣтъ, шабашъ!..

Онъ воспламенялся все болѣе и болѣе и, не будучи въ состояніи совладать съ душившимъ его внутреннимъ волненіемъ, вскочилъ съ кресла, захватилъ свой клѣтчатый носовой платокъ въ одну руку и табакерку въ другую, и сталъ бѣгать по классу взадъ и впередъ, тяжело дыша, скрежеща зубами и кому-то угрожая кулаками. Бѣдный старикъ былъ увѣренъ, убѣжденъ, что часъ мести уже пробилъ, — а мечь такъ сладка для слабаго и долго терпѣвшаго страдальца! Онъ въ мысляхъ своихъ уже давилъ, сокрушалъ, уничтожалъ своихъ враговъ, столько времени пившихъ его кровь, унижавшихъ, оплевывавшихъ его, который цѣлою головою былъ выше ихъ по уму и по познаніямъ...

Дѣло въ томъ, что нашъ учитель, очень умный старикъ, замѣчательный талмудистъ и въ высшей степени набожный еврей, слылъ въ городѣ страшнымъ еретикомъ, эпикурейцемъ, отщепенцемъ, которому всякій паршивый факторишка могъ тогда безнаказанно плевать въ лицо, какъ человѣку внѣ закона. Прослылъ-же онъ такимъ по слѣдующему случаю. Докторъ Лиліенталь, во время пребыванія своего въ нашемъ городѣ, отыскивая однажды квартиру нужнаго ему лица, случайно встрѣтился на улицѣ съ нашимъ старикомъ, остановилъ его и спросилъ что ему нужно было. Это было дѣломъ одной минуты, но это «дѣло» было замѣчено однимъ ремесленникомъ, который разсказалъ о немъ двумъ другимъ ремесленникамъ — и менѣе чѣмъ въ часъ, по городу стало кружить извѣстіе, что, вотъ-де такой и такой (имя рекъ) простоялъ на улицѣ съ «безбожнымъ докторомъ» битыхъ два часа, обнимался съ нимъ, цѣловался и потомъ, сѣвъ на извозика, укатилъ вмѣстѣ съ нимъ къ губернатору — дѣлать доносы на евреевъ, еврейскую религію и т. д. Стало быть, онъ съ нимъ — старые друзья-пріатели, одного поля ягоды. Стало быть, онъ и вызвалъ его изъ еретической Нѣмечины въ нашъ городъ на погибель Израиля и его святой Торы...

Всѣ этому повѣрили, повѣрили тѣмъ болѣе, что о нашемъ старикѣ носились слухи, на этотъ разъ, впрочемъ, основательные, что въ его домѣ есть, страшно сказать,—Пятикнижіе съ переводомъ Моисея Дессаускаго (Мендельсона) и что онъ даже умѣетъ... читать по-нѣмецки!! Ясно, что онъ такой еретикъ, котораго свѣтъ еще не производилъ, и что онъ,—да сотрется его имя и память,—собирается на старости лѣтъ перейти въ христіанство и перетаскать туда всѣхъ евреевъ. Карауль!!..

Его стали презирать, ненавидѣть, избѣгать, травить и дѣлать ему разныя непріятности. Не воздвигая на него формальнаго гоненія, такъ-какъ онъ не давалъ къ тому ни малѣйшаго повода, посѣщая рано и вечеръ синагогу и исполняя всѣ религиозныя обряды по всей строгости закона, ему однакоже на каждомъ шагѣ и при всякомъ случаѣ давали чувствовать, что онъ въ опалѣ. Его не допускали ни до какой общественной должности, ни до преподаванія въ какомъ нибудь ешиботѣ, ни до содержанія хедера, въ то время, когда ко всему этому допускали людей, которые въ подметки ему не годились. И онъ, шатаясь цѣлый рядъ лѣтъ безъ опредѣленныхъ занятій и борясь съ самою страшною нуждою, умеръ-бы съ голоду, еслибы не открывшіяся еврейскія училища, въ которыя онъ, по протекціи вліятельныхъ лицъ, попалъ въ преподаватели. Вотъ почему его озлобленіе противъ нашего стараго «духовенства» было такъ остро и вотъ почему при первой вѣсти объ открытіи раввинскаго училища такъ оживилась его надежда на паденіе этого духовенства. Въ открытіи раввинскаго училища онъ видѣлъ мечь, уготованную Провидѣніемъ за все, что онъ самъ и многіе ему подобныя выстрадали отъ фанатиковъ-изувѣровъ, осуждавшихъ людей, не разбирая ихъ вины и доводя ихъ до отчаянія, богохульства, самоубійства.

— А потому, дѣти,—продолжалъ учитель, нѣсколько успокоившись и сядя на свое мѣсто,—вы должны теперь серьезно взяться за изученіе еврейскихъ предметовъ; они должны быть теперь для васъ главными. Вы должны доказать этимъ скотамъ въ образѣ человѣческомъ, что можно быть образованнымъ человѣкомъ, знать разныя науки и языки и въ тоже время быть набожнымъ евреемъ и свѣдущимъ въ талмудѣ. Великій Маймонидъ былъ медикомъ, философомъ и величайшимъ талмудистомъ своего времени. Одно другому не мѣшаетъ, напротивъ, даже много помогаетъ. Чѣмъ больше человѣкъ знаетъ наукъ, тѣмъ лучше онъ понимаетъ талмудъ.

Онъ взялъ понюшку табаку и продолжалъ:

— Предупреждаю васъ, дѣти, что отнынѣ я буду къ вамъ строже. Отмѣтокъ я уже не буду вамъ ставить зря, а сообразно со степенью вашихъ познаній. Отъ будущихъ раввиновъ нужно и больше требовать, да отъ васъ и можно требовать, способности у васъ хорошия, только побольше прилежанія. Министерская программа по моимъ предметамъ должна быть пройдена вся, безъ всякихъ обрѣзокъ и сокращеній. Мои ученики должны быть отлично подготовлены для слушанія раввинскаго курса. Между дѣятелями раввинскаго училища есть у меня много старыхъ знакомыхъ и пріятелей; они будутъ ругать меня, если я выпущу изъ своихъ рукъ «вещь, не хорошо отдѣланную». Будетъ стыдъ и срамъ.

Но нашъ учитель могъ и не бояться стыда и срама: стыдъ и срамъ ему во всякомъ случаѣ не предстояли. Не смотря на то, что онъ былъ автодидактомъ, онъ однакоже выработалъ себѣ такую отличную методу преподаванія, что мы его предметамъ,—Мишнѣ и Маймониду,—учились шутя и знали ихъ изрядно. Природный умъ, тактъ и вкусъ замѣняли ему систематическое образованіе, котораго онъ не получилъ,—и онъ былъ отличнымъ педагогомъ въ полномъ смыслѣ слова. Кромѣ того, будучи вообще веселаго нрава и тонкимъ юмористомъ, онъ умѣлъ заинтересовать насъ самымъ сухимъ предметомъ и постоянно держать наше вниманіе въ самомъ напряженномъ состояніи,—и его уроки, не смотря на наше равнодушіе къ еврейскимъ предметамъ, были для насъ, нѣкоторымъ образомъ, праздникомъ.

Но того же нельзя было сказать о второмъ учителѣ еврейскихъ предметовъ, читавшемъ еврейскій языкъ и библію. Это былъ какой-то взбалмошный, безтолковый и безалаберный автодидактъ, хорошо знавшій свой предметъ, но очень скверно его преподававшій. Онъ каждый день мѣнялъ методу, если методой можно называть какіе-то странные, лихорадочные педагогическіе приемы, изъ которыхъ ничего не выходило. Программы для него не существовало, онъ ее знать не хотѣлъ, держась собственнаго вдохновенія, которое каждый день принимало другое, неожиданное направленіе. Сегодня, напр., онъ начинаетъ намъ читать Исаію, потому «Исаія—величайшій изъ всѣхъ пророковъ», завтра онъ перескакиваетъ къ Софоніи или къ Іонѣ, потому-де, что «и малые пророки имѣютъ свои прелести», а послѣ завтра онъ уже захлебывается книгою. Руеъ, «какъ образцомъ еврейской идилліи» и т. д. въ этомъ

родѣ Еще хуже обстояло дѣло съ еврейской грамматикой: онъ на одномъ урокѣ три раза мѣнялъ объектъ преподаванія. То онъ съ азартомъ барабанщика, бьющаго тревогу, барабанить намъ спряженія: *покладъ, покладто, покладти*, причемъ его длинная и жидкая борода колыхнется, какъ тряпка, колеблемая вѣтромъ, то начнетъ вдругъ толковать намъ флексіи именъ, то, хватаясь за учебникъ Бенъ-Зева, начинается, ни съ того, ни съ сего, излагать намъ правила синтаксиса, мѣрно качаясь всѣмъ корпусомъ и махая правою рукою въ тактъ, какъ дирижеръ своею палочкой. И все это на одномъ урокѣ.

Эта взбалмошность, безалаберность и непосѣдливость знаменовали и его частную жизнь, представлявшую собою очень много комическаго.

Разъ какъ-то Богъ сподобилъ его пріобрѣсть за «очень сходную цѣну», т. е. въ три-дорога, сильно поддержанныя плетенныя ширмы, круглый столикъ и маленькіе стѣнные часы, имѣвшіе привычку отставать *только* на три часа въ сутки,—и, Господи! что онъ не выдѣлывалъ съ этою *мебелю*, которую онъ муштровалъ, какъ дѣвочка—свою куклу.

Приходимъ разъ и видимъ, что одинъ изъ уроковъ комнаты составлявшей *всю* квартиру нашего бѣднаго учителя, на глухо загороженъ ширмами.

— Кто тамъ? слышимъ мы голосъ учителя изъ-за ширмъ.

— Мы, ученики,—отвѣчаемъ мы.

— Пожалуйте въ кабинетъ.

Мы пожаловали въ «кабинетъ».

— А что, я мило устроился?—спрашиваетъ учитель самодовольно обводя рукою по «стѣнамъ» кабинета, которыя держались на волоскѣ. — По крайней мѣрѣ, отдѣленъ отъ семейства,—продолжалъ онъ, осторожно опускаясь на табуретъ о трехъ ножкахъ, на которомъ можно было кое-какъ сидѣть, если сидящій внимательно слѣдилъ за центромъ тяжести. — А то мнѣ ужасно мѣшали, заниматься не давали. Теперь только и могу взяться за давно задуманную мною поэмю: «Потопъ». Когда напишу первую пѣсню, я вамъ прочту ее въ классѣ на урокѣ еврейскаго языка.

— А «Давидъ и Голиаѳъ?» напоминаемъ мы ему о другой поэмѣ, о которой онъ на дняхъ сообщалъ намъ, какъ о произведеніи, почти уже совсѣмъ готовомъ.

— Подвигается, подвигается, но отложу ее на время, потому что «Потопъ» важнѣе. Я въ этой поэмѣ проведу параллель между капитальными грѣхами человѣческаго рода тог-

дашней эпохи и нашего времени. Это будетъ нѣчто въ высшей степени поучительное и глубокомысленное. Безъ комментарія никто не пойметъ. Въ концѣ поэмы помѣщу комментарій. Поэма будетъ достойна быть переведенной на всѣ европейскіе языки.

Приходимъ черезъ нѣсколько дней—изъ ширмъ уже сдѣлана прихожая.

— Кто тамъ въ прихожей? окликаетъ насъ учитель.

— Мы, ученики, отвѣчамъ мы, хихикая въ кулакъ.

— Войдите, можно.

Входимъ.

— Безъ прихожей весьма неудобно,—начинаетъ учитель объяснять намъ причину новой перемѣны.—Приходитъ человекъ и прямо претъ, а я, можетъ быть, еще не одѣтъ или тому подобное... Неловко.

— А кабинетъ? спрашиваемъ мы, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Я занимаюсь теперь вотъ у этого окошка,—и никто изъ семейства не смѣетъ подходить туда безъ моего позволенія. Тутъ мой столикъ, тутъ и мои часы. Слѣдовательно, все равно, что кабинетъ. А безъ прихожей невозможно.

Приходимъ въ третій разъ, — ширмы проведены *вдоль* комнаты,—въ четвертый—*поперекъ*, и для всякой перемѣны есть, «разумное» основаніе, на счетъ котораго мы, волей-неволей, должны соглашаться съ нашимъ учителемъ, который «безъ причины никогда ничего не дѣлалъ». По крайней мѣрѣ, онъ самъ глубоко убѣжденъ былъ въ этомъ и насъ въ томъ увѣрялъ.

Но, когда мы пришли въ пятый разъ, намъ уже было не до смѣху. Мы ахнули и уже стали было ретироваться назадъ.

Представьте себѣ, на этотъ разъ, мы нашли несчастныя ширмы изображавшими прямой уголъ и прикрѣпленными веревками къ перекладинамъ потолка. Къ этому-то прямому углу, составлявшему вмѣстѣ со стѣнами, къ которому онъ былъ прилаженъ, висячій четырехугольникъ, приставлены были снизу пустыя бочки, устланныя досками; на эту импровизированную эстраду взбирались по лѣсенкѣ домашняго приготовления.

— Боже, что это? воскликнули мы, испугавшись этой чудовищной постройки, отъ которой притомъ несло острой затхлостью боченковъ изъ-подъ селедки.

— Пожалуйте сюда, поближе,—слышимъ изъ импровизированной клѣтки голосъ учителя.—Я себѣ устроилъ новую ком-

нату, на второмъ этажѣ и совсѣмъ безъ архитектора. Теперь я уже совсѣмъ отдѣленъ отъ семейства. Они могутъ себѣ *внизу* шумѣть сколько угодно, я здѣсь ничего не слышу, и могу себѣ отлично заниматься.

— О, мешугенерь, мешугенерь,—произнесла жена укорительно, оперируя кочергой въ топившейся печкѣ.—Богъ послалъ ему грошоваыя ширмочки, такъ онъ отъ радости не знаетъ что и дѣлать съ ними. Онъ уже замучилъ насъ своими конфедераціями. Что ни день, то новый планъ; самъ не живетъ и намъ жить не даетъ. А вотъ, я когда нибудь возьму и совсѣмъ сожгу эти ширмочки. Это будетъ лучше всего.

Такой-то сумасбродъ былъ нашимъ учителемъ. Вы можете себѣ представить, какъ успѣшно шло его преподаваніе. И, что всего досаднѣе, онъ былъ человѣкъ добрый, душевный, старательный; онъ готовъ былъ заниматься съ нами все свободное отъ уроковъ время; готовъ былъ ночи просиживать съ нами и самымъ искреннимъ желаніемъ его было—передать намъ *всю* свои познанія. Но изъ этого желанія ничего не выходило,—и его предметы сильно у насъ прихрамывали

III.

Впечатлѣніе, произведенное слухомъ о раввинскомъ училищѣ.--Предстоящая намъ будущность.--Новыя мечты.--Сознаніе нами важность еврейскихъ предметовъ.--Заговоръ противъ учителя математики.--Бунтъ и его усмиреніе.

Извѣстіе объ открывшемся въ Вильнѣ раввинскомъ училищѣ произвело въ нашемъ классѣ сильное впечатлѣніе и большой переворотъ. Мы вдругъ сдѣлались серьезными и стали мыслить; изъ беззаботныхъ дѣтей мы превратились въ юношей съ думами о будущемъ. До сихъ поръ мы учились такъ себѣ, для ученія, для образованія, безъ всякихъ видовъ и цѣлей въ будущемъ,—да и какое могло быть для насъ будущее? Мы окончимъ курсъ, получимъ аттестаты и разойдемся въ разные стороны. Тотъ женится, другой поступитъ въ магазинъ прикащикомъ, третій сдѣлается просьбописцемъ, ходатаемъ по дѣламъ, четвертый станетъ заниматься частнымъ преподаваніемъ и т. п. *Предметы*, надъ которыми мы потѣли, мало по малу, испарятся изъ нашей памяти; мы забудемъ и о пуническихъ войнахъ, и о крестовыхъ походахъ, и объ удѣльной системѣ, которая намъ стоила столько труда, и о сопряженіи неправильныхъ глаголовъ, и о періодической дроби. Пройдетъ нѣсколько

лѣтъ, и мы смѣшаемся съ тою темною, суевѣрною, живущею изо дня въ день массою, къ которой мы принадлежимъ по происхожденію, — и время, проведенное нами въ училищѣ, будетъ представляться намъ какимъ-то сновидѣніемъ, въ продолженіе котораго мы чему-то радовались и о чемъ-то горевали, одерживали побѣды и терпѣли пораженія, словомъ, мучились, тревожились, терзались богъ знаетъ изъ-за чего, и о которомъ мы будемъ вспоминать съ ѣдкою ироніей, какъ о какомъ-то продолжительномъ умопомраченіи.

Теперь же наше ученіе, наше пребываніе въ училищѣ вдругъ получило смыслъ, цѣль, — и какую цѣль! Шутка сказать! Мы будемъ раввинами, предводителями общества! Что можетъ быть выше и почтеннѣе этой цѣли? Отъ насъ будетъ зависѣть перевернуть вверхъ дномъ все, что намъ не нравится и что шокируетъ насъ въ духовной и общественной жизни нашихъ «фанатическихъ» единовѣрцевъ, оставшихъ отъ современнаго общества на цѣлое тысячелѣтіе. По крайней мѣрѣ, учитель закона Божія увѣряетъ насъ, что это будетъ зависѣть отъ насъ и ни отъ кого болѣе. А нашъ учитель — человекъ умный, понимающій дѣло и состоящій въ перепискѣ съ членами «берлинской» (прогрессивной) партіи евреевъ во многихъ городахъ нашего края. Слѣдовательно, онъ знаетъ, что говоритъ, — а говоритъ онъ, что на насъ, будущихъ раввиновъ, возлагаются большія, чрезвычайныя надежды, отъ осуществленія которыхъ зависитъ благо, счастье всего Израиля.

Мы выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ и стали смотрѣть на себя съ уваженіемъ, какъ на сосуды, въ которыхъ будетъ разноситься благо, счастье, облегченіе по всѣмъ обителямъ сыновъ Израилевыхъ.

Еврейскіе предметы вдругъ получили для насъ особенную важность, потому что мы хорошо понимали, что въ нашей будущей дѣятельности — еврейская наука должна будетъ играть большую роль. Но, къ нашему глубокому прискорбію, мы именно въ еврейскихъ предметахъ чувствовали себя слабыми, отчасти потому, что мы до сихъ поръ занимались ими не съ достоюльнымъ прилежаніемъ, отчасти же и потому, что сами учителя не требовали отъ насъ этого достоюльнаго прилежанія, относясь къ этимъ предметамъ и къ нашимъ ученическимъ обязанностямъ съ патріархальнымъ благодушіемъ. Достаточно было сказать, что мы были заняты приготовленіемъ урока по тому или другому изъ общихъ предметовъ, чтобы учитель помирился съ приготовленіемъ урока по его предмету. Влі-

янiя на баллы, которыми мы такъ дорожили, это обстоятельство не имѣло никакого: хорошему ученику по общимъ предметамъ ставили хорошій балъ и по предметамъ еврейскимъ, не сообразуясь со степенью его познанiй по этимъ *послѣднимъ* (и въ фигуральномъ смыслѣ). Правда, мы, съ одной стороны, могли рассчитывать на возбужденное въ насъ теперь рвенiе и надѣяться, что мы какъ нибудь наверстаемъ потерянное время, но, съ другой стороны... учитель математики. Этотъ учитель, лѣзшiй изъ кожи, чтобы на насъ отличиться, не давалъ намъ покоя, отнималъ у насъ все время, почти ничего не оставляя для другихъ предметовъ, которые съ нѣкотораго времени шли у насъ, какъ черезъ пень колода, возбуждая недоумѣнiе учителей, привыкшихъ къ нашему примѣрному прилежанiю и аккуратному приготовленiю уроковъ.

Мы долго совѣщались и наконецъ приняли твердое рѣшенiе.

Однажды, когда онъ сталъ вызывать насъ къ доскѣ, мы всѣ, какъ одинъ человекъ, встали и, не трогаясь съ мѣста, объявили:

— Мы урока не приготовили.

— Какъ не приготовили? спросилъ учитель, не вѣря своимъ ушамъ, такъ-какъ онъ такiя слова слышалъ отъ насъ въ первый разъ.

— Да такъ, не приготовили... и впредь не будемъ готовить.

— Это что значить? спросилъ онъ съ возрастающимъ недоумѣнiемъ, глядя на насъ въ упоръ.

— Мы курсъ по программѣ уже прошли, — гласилъ нашъ отвѣтъ. — Учиться сверхъ программы мы не обязаны. Это отнимаетъ у насъ много времени и не даетъ намъ заниматься другими предметами, которые для насъ также важны, какъ и математика, и даже важнѣе.

— Но я вамъ поставлю нуль.

— Можете.

— Вы аттестатовъ не получите! Я вамъ и на экзаменѣ поставлю нуль.

— Не поставите: мы у васъ и экзаменоваться не будемъ. Мы будемъ экзаменоваться въ педагогическомъ совѣтѣ, и экзаменатора потребуемъ изъ гимназiи.

— Да это бунтъ, чортъ возьми! — воскликнулъ учитель, покраснѣвъ, какъ ракъ и соскочивъ съ каеэдры. Васъ въ солдаты отдадутъ, въ Сибирь сошлютъ!

— Мы этого не боимся.

— Ишь, какіе ябедники! Кто васъ этому научилъ? Признайтесь! Не то будетъ худо! Кто васъ этому научилъ?

— Мы уже не маленькіе, насъ учить не надо.

— Но я васъ выпорю всѣхъ по одиночкѣ.

— Не смѣте: мы ни въ чемъ не провинились, да мы въ старшемъ классѣ.

— Такъ больше розогъ получите.

— Ужь это мы увидимъ.

— И увидите. Эй, сторожъ! Розогъ! воскликнулъ онъ, отворяя дверь въ корридоръ. Но такъ-какъ сторожъ не являлся, то онъ самъ выбѣжалъ въ корридоръ. Когда онъ возвратился со сторожемъ, то насъ нашелъ разсѣянными по всему классу, съ шапками на головахъ, съ книгами подъ мышкой.

Учитель растерялся.

— Это что значитъ? спросилъ онъ, пожимая плечами и не глядя въ насъ со сторожемъ.

— Мы уходимъ, отвѣтили мы.

— Не смѣть!—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Сторожъ, позови сюда смотрителя! Скажи, что въ третьемъ классѣ бунтъ!

Сторожъ отправился за смотрителемъ.

— Шапки долой! По мѣстамъ! кричалъ учитель, скрежеща зубами, потрясая кулаками и топоча ногами.

— Мы сядемъ по мѣстамъ, когда придетъ смотритель, отвѣтили мы, продолжая, ходить по классу.

— Шапки долой, говорю вамъ!—кипятился учитель, то краснѣя, то блѣднѣя отъ гнѣва.— Мы не въ кабакѣ!

Но мы ничего не отвѣчали, а еще больше нахлобучили наши шапки. Намъ доставляло удовольствіе бѣсить этого полячка, котораго мы вообще не долюбливали, чужая въ немъ большое нерасположеніе къ евреямъ.

Вошелъ смотритель. Мы сняли шапки и выстроились во фронтъ вдоль одной изъ стѣнъ.

— По мѣстамъ! скомандовалъ смотритель, принявъ грозную мину.

Мы разсѣлись.

— Что это у васъ такое? спросилъ смотритель, сложивъ руки на животъ и бросая испуганные и недоумѣвающіе взгляды то на насъ, то на учителя.

Мы молчали въ ожиданіи, что скажетъ учитель. Но послѣдній такъ растерялся и былъ, по видимому, такъ не радъ за-

воренной имъ кашѣ, что долго покрывалъ и теръ себѣ лобъ платкомъ, пока не произнесъ дрожащими губами:

— Бунтуютъ... Дерзки очень... Учиться не хотятъ. Вотъ я.... для усмиренія...

Мы поднялись и со слезами на глазахъ стали излагать наши претензіи къ учителю математики, причемъ напирали на то обстоятельство, что, какъ оканчивающіе курсъ и должныя готовиться къ выпускному экзамену, мы не можемъ тратить все время на одинъ предметъ, ради желанія учителя отличиться. Смотритель выслушалъ насъ молча и внимательно и на минуту задумался. Потомъ онъ вызвалъ учителя въ корридоръ и что-то толковалъ съ нимъ около четверти часа, послѣ чего учитель возвратился въ классъ взбѣшенный и красный, какъ ракъ. Онъ взлѣзъ на кафедру, сѣлъ и не проронилъ ни одного слова до самого звонка.

Кончилась эта передрыга тѣмъ, что насъ, за дерзость, продержали послѣ классовъ подъ арестомъ три часа и уменьшили по единицѣ съ кондуктнаго балла; но учитель отнынѣ пересталъ обременять насъ своими непомѣрными требованіями.

IV.

Наши опасенія, что не попадемъ въ «храмъ наукъ». — «Посланники божіи». — Урюмый парень. — Рыжій живчикъ. — Еврейскій террористъ. — Настоящая причина бѣгства рыжаго живчика изъ Вильны.

Мы раввинскимъ училищемъ стали бредить, и чѣмъ меньше у насъ было положительныхъ данныхъ объ этомъ вновь открывшемся «храмѣ наукъ», тѣмъ фантазія наша работала свободнѣе и неудержимѣе въ разныхъ направленіяхъ. На помощь же нашей фантазіи подоспѣвали вѣсти и слухи, Богъ знаетъ откуда взявшіеся и окончательное сбивавшіе насъ съ толку. Говорили то о десяти, то о двадцати классахъ, пятидесяти предметахъ преподаванія и цѣломъ полку преподавателей, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ быть, по нашему расчету, по крайней мѣрѣ, о семи головахъ. А мы, къ сожалѣнію, были только объ одной. Мы это чувствовали, мы это сознавали. А потому нами овладѣло сомнѣніе, опасеніе, что мы, по всѣмъ вѣроятіямъ, окажемся недостойными этого великаго храма наукъ; стало быть, мы въ него не попадемъ, и тогда прощай всѣ наши прекрасныя мечты, иллюзіи и надежды!... И, замѣчательно, никто изъ нашихъ сотоварищей не опасался

столько, сколько мы, т. е. я и мой alter ego, самые лучшие, первые ученики въ классѣ и во всемъ заведеніи. Мы трусили больше всѣхъ. Потому-ли, что мы, какъ первые, понимали лучше наши слабые пункты и прорѣхи въ томъ или другомъ предметѣ, а вслѣдствіе этого мало довѣряли себѣ, или потому, что по самой природѣ своей, мы были трусливѣе нашихъ бравыхъ сотоварищей?... Довольно того, что мы больше всѣхъ сознавали необходимость имѣть болѣе точныя свѣдѣнія объ учебномъ заведеніи, манившемъ насъ къ себѣ своей блестящей перспективой.

Но откуда добудешь эти точныя свѣдѣнія? Кто ихъ тебѣ доставить? Хотя учитель закона Божія, по нашей просьбѣ, и обратился за справками къ своимъ старымъ «знакомымъ и пріятелямъ» въ Вильнѣ, но эти старые знакомые и пріятели, какъ водится, не удостоили его отвѣта.

А время, между тѣмъ, уходитъ. Наступило лѣто... Приближаются экзамены... Мы были въ отчаяніи, не зная что дѣлать.

Вдругъ узнаемъ, что въ нашъ городъ пріѣхали два ученика, два живыхъ ученика изъ раввинскаго училища и остановились у своихъ родственниковъ, гдѣ-то на краю города. О, самъ Богъ прислалъ ихъ къ намъ,—подумали мы,—и съ насъ точно гора свалилась.

Не теряя времени, мы въ одно майское послѣ-обѣда отправились по указанному намъ адресу, лицезрѣть «посланниковъ Божіихъ», долженствовавшихъ разсвѣять всѣ наши сомнѣнія, недоумѣнія и опасенія.

Одного изъ этихъ посланниковъ мы нашли на дворѣ, рассказывающаго взадъ и впередъ съ книгою въ рукѣ. Это былъ парень лѣтъ восемнадцати или двадцати, брюнетъ, высокаго роста, худой, немножко сгорбленный, съ коротко остриженными волосами на большой головѣ и съ лицомъ, гладко выбритымъ, но такимъ блѣднымъ, сухощавымъ, мрачнымъ и даже гнѣвнымъ, что мы испугались, когда онъ, при нашемъ появленіи, сверкнулъ на насъ своими черными, умными и серьезными глазами и опять погрузилъ ихъ въ книгу.

Мы съ минуту стояли въ нерѣшимости, обезпокоить-ли этого сердитаго парня или нѣтъ. Но, наконецъ, рѣшились.

— Позвольте васъ спросить,—начали мы, когда парень на своемъ ходу поровнялся съ нами,—вы пріѣзжіе?

— Пріѣзжіе, отвѣтилъ онъ густымъ басомъ.

— Изъ Вильны?

— Изъ Вильны.

— Вы ученикъ раввинскаго училища?

— Нѣтъ.

— А намъ говорили...

— Вамъ солгали, — и, углубившись опять въ книгу, онъ отошелъ отъ насъ, продолжая свою прогулку взадъ и впередъ и не удостоивая насъ больше взглядомъ, точно насъ уже нѣтъ на дворѣ.

Мы переглянулись между собою и пожали плечами, недоумѣвая, что это значить. Неужели насъ обманули, мистифицировали? подумали мы про себя и, испустивъ глубокой вздохъ, сдѣлали на лѣво кругомъ, по направленію къ воротамъ.

Вдругъ слышимъ позади себя голосъ:

— Обождите немножко, не уходите!

Оборачиваемся и видимъ, что къ намъ бѣгомъ приближается какой-то молодой человѣкъ маленькаго роста, толстенькій, съ курчавыми волосами рыжеватаго цвѣта и съ лицомъ такимъ открытымъ, бѣлымъ, веселымъ, смѣющимся, что намъ самимъ сдѣлалось весело, глядя на него.

— Я видѣлъ изъ окошка, что вы говорили съ моимъ товарищемъ, — началъ онъ, застегивая свой холщевой сюртучекъ на единственную роговую пуговицу, находившуюся на немъ. — А потому... Вамъ собственно кого нужно?

— Намъ говорили, что здѣсь остановились ученики раввинскаго училища.

— Это вѣрно.

— Но этотъ господинъ говоритъ, — сказали мы, указывая на сердитаго парня, — этотъ господинъ говоритъ, что намъ солгали.

Рыжій добродушно улыбнулся, пожалъ плечами и махнувъ рукой по направленію къ парню, проговорилъ:

— Чудакъ... Не могъ объяснить толкомъ. Но это все равно. А вы кто такіе?

— Мы ученики здѣшняго казеннаго еврейскаго училища.

— Очень радъ, очень радъ съ вами познакомиться, — сказалъ рыжій весело, крѣпко пожимая намъ руки. — И повѣрьте, что я это говорю не изъ принятой вѣжливости, а вполне искренно. Я пріѣзжій, никого здѣсь не знаю, живемъ почти за-городомъ, я просто умираю со скуки, не съ кѣмъ слова сказать... Но зачѣмъ мы стоимъ на дворѣ? Пойдемте ко мнѣ.

И онъ повелъ насъ черезъ весь дворъ въ старый, деревянный флигель, на чердакѣ котораго и была его квартира.

— Я могъ бы жить и внизу, — объяснял онъ намъ нека-
зистость своего помѣщенія. — Дядя позволяетъ, но я предпочелъ
чердакъ, потому лѣто, воздуху больше, да шмыгающія по двору
служанки, дѣти не имѣютъ возможности въ окна заглядывать,
шпіонить и судачить. Наши еврейчики, — дай Богъ имъ здо-
ровья, — очень любопытный народъ, любятъ подсматривать и
т. д. И хотя мы ничего дурнаго не дѣлаемъ, однакожь...
лучше, когда сидишь и знаешь, что за тобою не наблюдаютъ.
Не такъ-ли?

Мы вполне были согласны съ его мнѣніемъ. Однако, чер-
дакъ былъ очень порядочно убранъ для чердака. Жилая
комната огорожена была со всѣхъ сторонъ коврами, а *перед-
няя* — циновками; въ комнатѣ стояла довольно хорошая мебель,
не исключая и дивана; *полъ* былъ хорошо укатанъ; по край-
ней мѣрѣ онъ не пылилъ и нога не вязла въ песокъ. По всему
видно было, что нашъ новый знакомый любитъ комфортъ и
умѣетъ себѣ добыть его.

— Садитесь-же, господа, и будьте, какъ дома, — пригласилъ онъ насъ, подставляя стулья къ столу предъ диваномъ. — Я на минуточку васъ оставлю; пойду распоряджусь на счетъ самовара.

— О, если это ради насъ, — пробовали мы остановить го-
степріимнаго хозяина, — то не извольте беспокоиться. На дворѣ
и безъ того жара, да мы пришли къ вамъ по дѣлу.

— Ради васъ и ради меня, грѣшнаго человѣка, — весело
отвѣтилъ хозяинъ, стоя уже одною ногою въ *прихожей*. — Какъ
говорится: «дай Богъ хорошихъ гостей, такъ сами поживимся». А о дѣлѣ мы тоже потолкуемъ: стаканчикъ чаю разговору не
мѣшаетъ.

Сказаль — и исчезъ изъ комнаты.

— Вотъ что значить большой городъ, *высшее* учебное за-
веденіе, — сказали мы себѣ, когда остались на чердакѣ...
то бишь въ комнатѣ. — Какая развязность! Какая легкость въ
обращеніи съ людьми, которыхъ видишь въ первый разъ! Мы
просто мальчики, бурсаки въ сравненіи съ нимъ. Правда, онъ
нѣсколькими годами старше насъ, уже бороду брѣшетъ, но мы
и въ его лѣта не станемъ развязнѣе, если останемся здѣсь
и не будемъ продолжать курса.

— Вотъ я опять къ вашимъ услугамъ, — послышался весе-
лый голосъ нашего хозяина еще на лѣстницѣ. — Теперь сядемъ
и потолкуемъ, — сказалъ онъ, уже вошедши въ комнату. — Не
удобно-ли покурить? Вотъ табакъ, а вотъ и чубуки.

— Благодаримъ, мы не куримъ.

— А я курю, уже пять лѣтъ, какъ курю. Я началъ курить въ тотъ день, когда первый разъ побрился и надѣлъ цилиндръ. Мнѣ хотѣлось сразу сдѣлаться «полнымъ человѣкомъ», а какой полный человѣкъ нынѣ не курить? Я теперь самъ этому не радъ, но уже привычка... Ну-съ, что вы намъ скажете? спросилъ онъ, закуривая трубку съ большимъ аппетитомъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—начали мы крикнуть и краснѣя отъ непривычки говорить съ незнакомымъ намъ человѣкомъ *о дѣлахъ*.—Мы, изволите видѣть, находимся теперь въ третьемъ классѣ.

— А, стало быть, мы съ вами одной роты,—прервалъ онъ насъ, выпустивъ изо рта клубъ дыма. — Я тоже имѣю честь быть ученикомъ третьяго класса.

— Но третій классъ у насъ уже послѣдній, выпускной, и по окончаніи его мы хотѣли-бы продолжать курсъ въ раввинскомъ училищѣ.

— Чтожь, это дѣло хорошее. Что вы въ самомъ дѣлѣ будете дѣлать по окончаніи вашего училища? Оно вѣдь карьеры не даетъ.

— Но мы боимся, что насъ въ раввинское училище не примутъ.

— Почему не примутъ? Вы, надѣюсь, учитесь хорошо. Вижу это по вашимъ липамъ и по вашему разговору.

— Пятерки по всѣмъ предметамъ, а по нѣкоторымъ даже съ плюсомъ,—не могли мы воздержаться, чтобы не прихвастнуть нашимъ «богатствомъ», дабы *онъ* зналъ, что его лестное о насъ мнѣніе основательно.

— Чего-жь лучше? Васъ примутъ съ большимъ удовольствіемъ. Принимаютъ десятью степенями похуже, потому нуждаются въ ученикахъ для наполненія классовъ. Если-бы вы видѣли, какой тамъ теперь сбродъ!...

Мы остолбенѣли. Мы были не то обрадованы, не то разочарованы этимъ извѣстіемъ. Мы переглянулись между собою большими глазами, какъ-бы говоря: «какъ-же это? раввинское училище, *высшее* учебное заведеніе, храмъ наукъ, который долженъ будетъ выпускать изъ себя новые свѣточы для всего Израиля, и... сбродъ!... Это-ли развѣ мѣсто для сброда?»

— Но, изволите видѣть, — продолжали мы, проглотивъ наше недоумѣніе, — мы не знаемъ, соотвѣтствуетъ-ли курсъ *нашею* училища курсу училища раввинскаго. Мы, можетъ

быть, знаемъ то, чего тамъ требуютъ и не знаемъ того, безъ чего насъ не примутъ. Вотъ въ чемъ заковычка.

— О, на счетъ этого вы можете быть покойны. У меня есть съ собою всѣ программы, всѣ книги, учебники и записки, и если вамъ угодно будетъ, то мы вмѣстѣ и къ экзамену будемъ приготовляться.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Это будетъ лучше всего. Вы, должно быть, будете держать экзаменъ послѣ каникулъ? У васъ вѣдь теперь каникулы, да?

— Нѣтъ, до каникулъ еще два мѣсяца.

— Что-же вы дѣлаете здѣсь?

— О, это цѣлая исторія, — сказала рыжій, набивая себѣ новую трубку. — Я, правду говоря, что называется, бѣжалъ изъ Вильны.

— Бѣжали?—спросили мы въ высшей степени удивленные и даже испуганные, не имѣемъ-ли дѣло съ преступникомъ.— Почему?

— Если-бы вы знали, что дѣлается теперь у насъ въ Вильнѣ!—отвѣтилъ онъ, спокойно закуривая свою трубку.— Настоящій терроръ. Никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Насъ, «берлинцевъ», травятъ, какъ дикихъ звѣрей. Сдають въ солдаты или высылають изъ города по приговору общества, словомъ, преслѣдуютъ до послѣдней возможности.

— Кто-же это преслѣдуетъ?

— Кто? Извѣстно кто, —фанатики.

— Неужели они имѣютъ у васъ такую власть?

— Не они, но ихъ предводитель, который годился-бы въ атаманы разбойниковъ. И представьте себѣ, это человѣкъ совершенно безграмотный, круглый невѣжда во всѣхъ отношеніяхъ, самого низкаго происхожденія и который за свои «дѣла», прошлые и теперешнія, можетъ каждый день быть посланъ на каторгу; но онъ очень богатъ, энергиченъ, смѣлъ, дерзокъ. и такъ крѣпко и основательно забралъ все общество въ свои руки, что никто не смѣетъ противъ него и пикнуть. Его слово — законъ, исполняющійся точнѣе всѣхъ государственныхъ законовъ, которые про него, кажется, вовсе не писаны.

— Что-же начальство?

— Да что начальство! Во первыхъ, какое ему дѣло до того, что дѣлается въ еврейскомъ муравейникѣ, душатъ-ли они другъ друга или цѣлуются? Во вторыхъ, онъ, небось, не дуракъ: съ начальствомъ живетъ въ ладахъ, платитъ очень щедро

и, разумѣется, общественными-же деньгами, а потому ему все легко сходить съ рукъ, и онъ дѣлаетъ, что ему угодно. На него суда нѣтъ, онъ ни предъ кѣмъ не отвѣчаетъ. Вотъ теперь онъ вздумалъ преслѣдовать «берлинцевъ»,—и преслѣдуетъ. Десятки молодыхъ людей покинули свои дома, семейства и разбѣжались въ разныя стороны, чтобы не попасться въ его лапы, потому что пощады ждать отъ него нечего. Онъ извергъ, людоѣдъ.

— И все это во славу Божию, изъ ревности къ религіи?

— Какое тамъ во славу Божию! Онъ вовсе не такой набожный и, какъ невѣжда, ничего не смыслить въ религіи; онъ даже не понимаетъ значенія словъ ежедневной молитвы. Но онъ преслѣдуетъ образованныхъ людей изъ личной мести къ берлинской партіи, которую онъ поэтому поклялся истребить до основанія.

— Впрочемъ,—продолжалъ нашъ собесѣдникъ, вставъ, чтобы заварить чай, такъ какъ въ эту минуту внесли самоваръ,—впрочемъ, я оставилъ Вильну вовсе не по этой причинѣ. Какъ ученикъ, я *ею* вовсе не боюсь: на учащуюся молодежь его сила и власть не распространяются. Но тутъ штука вотъ какая. Мои родители, изволите видѣть, совсѣмъ не знаютъ, что я посѣщаю раввинское училище, я это дѣлаю отъ нихъ тайкомъ, потому что, какъ довольно зажиточные и набожные люди, они никоимъ образомъ не позволили-бы мнѣ быть студіозусомъ. Они хотятъ женить меня и уже невѣсту подыскали. И вотъ я, во избѣжаніе этого преждевременнаго счастья, воспользовался незнаніемъ моихъ родителей, что я ученикъ, и, подъ предлогомъ страха преслѣдованій со стороны фанатиковъ, удралъ сюда. Когда я возвращусь, то буду держать экзаменъ въ четвертый классъ, попрошусь въ казеннокоптные,—и тогда родители ничего со мною не подѣлаютъ.

Къ чаю пришелъ и паренъ съ мрачнымъ лицомъ; онъ подѣблъ къ столу, пилъ молча, ни однимъ словомъ не участвуя въ разговорѣ. Мы разстались съ нашимъ новымъ знакомымъ, очень довольные другъ другомъ и обѣщавъ видаться почаще, «какъ солдаты одной роты».

V.

Прелести «храма наук». — Угрюмый парень. — Черты из его жизни. — Его конец. — «Письма къ Суламита». — Отъезд рыжого.

Мы стали очень часто посѣщать чердакъ. Съ рыжимъ живчикомъ мы сошлись, какъ нельзя лучше, такъ что по истеченіи двухъ недѣль сдѣлались съ нимъ закадычными друзьями.

Хотя извѣстіе о «сбродѣ» сначала и охладило нѣсколько наши восторги, однакожь, благодаря дальнѣйшимъ разговорамъ нашего пріятеля о порядкахъ, общежитіи казеннокоштныхъ воспитанниковъ и другихъ подробностяхъ «храма наукъ», этотъ храмъ сталъ быстро реабилитироваться въ нашемъ воображеніи и принимать свой прежній ореоль. Намъ плѣняло и восхищало въ особенности то обстоятельство, что учителями еврейскихъ предметовъ состоятъ тамъ мужи знаменитые, литераторы, писатели, поэты. Наивные и идеалисты, какими мы тогда были, мы благоговѣли предъ печатнымъ, именемъ и въ каждомъ авторѣ самой ничтожной книженки, самага нелѣпаго стихотворенія, видѣли человѣка изъ ряду выходящаго, отмѣченнаго судьбою, писателя, гениа, отъ общенія съ которымъ самъ становишься лучше, умнѣе, просвѣщеннѣе. И мы не мало завидовали нашему пріятелю, что онъ лично знакомъ съ этими «геніями», ежедневно видѣлъ ихъ и имѣлъ съ ними непосредственныя сношенія, слушалъ ихъ голосъ и имѣлъ у себя ихъ собственныя надписи и отмѣтки на своихъ тетрадахъ, — счастье, котораго мы еще не сподобились и, Богъ знаетъ, сподобимся-ли когда нибудь... Мало того: мы на него серьезно сердились и нерѣдко упрекали его, что онъ говоритъ объ этихъ «геніяхъ» съ возмутительнымъ равнодушіемъ, убійственнымъ хладнокровіемъ, а иногда даже и въ шутовомъ тонѣ, какъ объ обыденныхъ людяхъ. Мы это считали съ его стороны преступнымъ кощунствомъ, профанаціею или легкомысленнымъ отношеніемъ къ представителямъ человѣческаго ума и духа, которыхъ онъ не умѣетъ цѣнить вслѣдствіе своей неразвитости. А что онъ неразвитъ или по крайней мѣрѣ стоитъ гораздо ниже насъ въ этомъ отношеніи, мы уже были достаточно убѣждены: не онъ намъ а мы ему были полезны въ приготовленіи къ экзамену, и онъ самъ признавался намъ въ этомъ.

Не менѣе плѣняло насъ и общежитіе на казенный счетъ

которое кромѣ своего матеріальнаго удобства, имѣло для насъ высшія, идеальныя прелести. Пятьдесятъ человекъ на одной общей квартирѣ... общій столъ... общая спальня... товарищество... постоянный обмѣнъ мыслей, чувствъ и впечатлѣній... удаленность отъ мірскихъ суетъ, заботъ и дразгъ... общій трудъ во имя науки и просвѣщенія... общее стремленіе къ великой цѣли! Что можетъ быть возвышеннѣе этого? Не есть ли такое общезитіе подъ такими условіями само себѣ цѣль, независимо отъ конечной цѣли, къ которой оно ведетъ? Въ раю, кажется, не можетъ быть лучше. И намъ поэтому случало часто приходили на память слѣдующія слова, которыми великій Маймонидъ опредѣляетъ будущій міръ, загробную жизнь: «Праведники воссѣдаютъ съ сіяніями на своихъ главахъ и наслаждаются блескомъ безусловнаго покоя». Праведники-не праведники, а юноши, живущіе для науки, преподаваемой имъ такими высокопросвѣщенными мужами, не могутъ не быть благородными, съ возвышенными помыслами и стремленіями. «Сбродъ» тутъ ни при чемъ; какъ только онъ вступаетъ подъ сѣнь «храма», онъ перестаетъ быть сбродомъ: святость мѣста его претворяетъ, возвышаетъ и облагораживаетъ.

«Угрюмый паренъ» иногда присутствовалъ при нашихъ бесѣдахъ, но не принималъ въ нихъ никакого участія, а сидѣлъ или лежалъ съ книгою въ рукѣ и каждый разъ съ какою нибудь другою книгою. То онъ держитъ латинскую грамматику, то перелистываетъ еврейскій словарь, учебникъ по физикѣ, по алгебрѣ, или томикъ Шиллера. Разъ даже мы застали его за «Махзоромъ». Что онъ нашелъ интереснаго въ нашихъ праздничныхъ кантахъ, значительная часть которыхъ — образецъ галиматы и самаго безвкуснаго сочетанія библейскихъ словъ и фразъ,—Богъ его, знаетъ. И, что всего замѣчательнѣе, увлеченія чтеніемъ незамѣтно было въ немъ никакого. Онъ смотрѣлъ въ книгу безстрастно, вяло, лѣниво, нерѣдко и засыпая надъ нею. Но безъ книги мы никогда его не видали. Даже, за ѣдою или питьемъ, онъ съ книгой не разставался: въ одной рукѣ держитъ ложку или вилку, а въ другой—книгу; то смотритъ въ тарелку, то въ книгу.

Однажды, когда его не было въ комнатѣ, мы не могли воздержаться и спросили нашего пріятеля:

— Скажите, пожалуйста, что это съ вашимъ товарищемъ? Онъ что-то вѣчно не въ духѣ или дуется на кого-то? Не на насъ-ли, чего добраго?

— Что за мысль!—возразилъ рыжій, улыбнувшись.—Онъ

вовсе не дуется, а такъ, хандрить. Онъ, вообще какой-то чудакъ, но добрый и въ особенности честный малый.

— Кто же онъ такой?

— Сынъ какого-то мѣстечковаго раввина, большой талмудистъ и гебраистъ и вообще съ отличными способностями. Онъ обучался у насъ въ ешиботѣ, мы какъ-то познакомились и подружились, и я переманилъ его изъ ешибота въ раввинское училище. Мы вмѣстѣ къ экзамену приготавлились, вмѣстѣ и въ училище поступили. Не зная даже азбуки, онъ въ полгода приготовился ко второму классу, былъ въ немъ первымъ ученикомъ и перешелъ въ третій классъ съ наградой.

— Стало быть, онъ ученикъ?

— Былъ, а теперь нѣтъ: исключился.

— Почему?

— Потому, что раввинское училище ему по чему-то не понравилось. Да ему ничто не нравится, онъ всѣмъ недоволенъ, вѣчно ищетъ чего-то лучшаго. Книги любить такъ, что жить безъ нихъ не можетъ, глотаетъ ихъ цѣлыми десятками. Чего онъ не перечиталъ въ эти три года и на разныхъ языкахъ? Но онѣ его не удовлетворяютъ. То авторъ мелеть вздоръ. то говоритъ правду только на половину, то нарочно морочить читателя, въ увѣренности, что читатель глупъ и не пойметъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ бросаетъ книгу на полъ, топчетъ ее ногами и бѣсится, какъ будто авторъ нанесъ ему личную обиду.

— Ого! — удивились мы, — стало быть, онъ иногда способенъ и волноваться?

— И какъ еще! Вы не смотрите на то, что онъ съ виду такой флегматикъ, безстрастный, тихоня. Внутри его кипитъ и клокочетъ, какъ въ котлѣ. Но я такъ думаю, что онъ вообще человѣкъ больной, ипохондрикъ, меланхоликъ, вообще не нормальный.

— И вы не боитесь ночевать съ нимъ въ одной комнатѣ?

— Чего бояться? Онъ смиренъ, какъ ягненокъ, и мухи не обидитъ. Я его такъ люблю и уважаю, что разлука съ нимъ будетъ мнѣ очень тяжела, и я буду тосковать по немъ.

— Онъ развѣ не возвратится съ вами въ Вильну?

— Врядъ-ли. Онъ рвется за границу, въ Берлинъ, въ тамошній университетъ, гдѣ, по его мнѣнью, больше правды и науки.

— А средства?

— Да ему не нужно никакихъ средствъ. Онъ не то, что

мы съ вами. Фунтикъ хлѣба въ три дня—и достаточно съ него, лишь-бы душа держалась въ тѣлѣ. А до Берлина онъ доберется пѣшкомъ. Онъ и въ Вильну приплелся пѣшкомъ, когда ему было двѣнадцать лѣтъ, и полгода жилъ, можно сказать, однимъ воздухомъ, пока не пристроился кое-какъ къ ешиботу. Ему ни по чемъ ни голодъ, ни холодъ, ни прочія лишенія, онъ къ нимъ привыкъ съ измала. А потому, если онъ забралъ себѣ въ голову, что въ Берлинѣ лучше, то ужь до него доберется; а когда ему не понравится въ Берлинѣ, то онъ пойдетъ дальше, хоть на край свѣта. Онъ вѣдь ничѣмъ не связанъ. Къ отцу своему онъ уже не писалъ лѣтъ пять или шесть, хотя отца любить и уважаетъ, разумѣется, по своему. Сказано, чудакъ.

Однако, въ концѣ концовъ оказалось, что этому чудаку всѣмъ не нужно было далеко ходить за искомой имъ правдой и чѣмъ-то лучшимъ. Эту правду и лучшее онъ всегда имѣлъ у себя подъ рукой и въ рѣшительную минуту скватился за нихъ и успокоился. Дѣло въ томъ, что недѣли три спустя послѣ нашего разговора о немъ съ рыжимъ, въ одно утро, его нашли на нежилой половинѣ чердака—повѣсившимся.

Коротко и ясно.

Въ этой трагической развязкѣ не было, по крайней мѣрѣ для насъ, ничего удивительнаго: отъ этого пасмурнаго бахура можно было и слѣдовало ожидать каждую минуту, что онъ окончитъ чѣмъ нибудь пасмурнымъ. И если-бы мы были лучшими фізіономистами, то легко могли бы прочитать самоубійство на его лицѣ, на которомъ ничто другое не было начертано. Инстинктивно, мы можетъ быть, и прочли, что надо было, но не отдавали себѣ отчета въ прочитанномъ. Мы только знали, что этотъ странный бахуръ производитъ на насъ какое-то тяжелое впечатлѣніе своимъ угрюмымъ лицомъ, гробовымъ голосомъ и всѣмъ своимъ недовольнымъ существомъ. А потому его конецъ насъ только испугалъ, какъ всякій внезапный смертный случай, но не поразилъ и не удивилъ. Насъ удивило только то, что въ его бумагахъ нашли тетрадку, всю исписанную очень мелкимъ еврейскимъ шрифтомъ и озаглавленную: «Письма къ Суламитъ».

Надъ этими письмами мы съ рыжимъ просидѣли много часовъ, пока разобрали ихъ, и пролили много слезъ надъ ихъ содержаніемъ, въ высшей степени трогательнымъ и поэтическимъ.

— Неужели этотъ несчастный могъ чувствовать такъ

глубоко, такъ тонко и любить такъ пламенно и нѣжно? спрашивали мы себя, прочитывая одно письмо за другимъ и не будучи въ состояніи оторваться отъ тетрадки, пока не прочли ее до послѣдней точки.

А между тѣмъ онъ чувствовалъ и любилъ; предъ нашими глазами было ясное тому доказательство, и мы эту «Суламить», только подъ ея настоящимъ именемъ Эсфирь, знали лично. Это была кузина нашего пріятеля, рыжаго, дочь его дяди, молодая и красивая бабенка, несчастная страдальца, два года тому назадъ покинутая мужемъ, который, обобравъ ее почти до нитки, исчезъ, точно въ воду канулъ. Въ письмахъ часто намекалось на это обстоятельство.

Знала-ли Эсфирь, какое глубокое чувство она внушала этому несчастному бахуру, который, вѣроятно, и на нее производилъ непріятное впечатлѣніе своимъ страннымъ существомъ? Наврядъ. Хотя ея кузень не разспрашивалъ ее объ этомъ, но были косвенныя доказательства, свидѣтельствовавшія, что она не только не знала, но и не подозрѣвала даже, какую роковую роль она играла въ послѣднія недѣли жизни несчастнаго самоубійцы. Несообщительный, какъ всѣ меланхолики, онъ свою тайну хранилъ про себя и, должно быть, когда она уже слишкомъ сильно стала рваться наружу, довѣрилъ ее только мертвой бумагѣ.

Эта сильная, затаенная и безнадежная страсть, должно быть, и ускорила развязку, которая раньше или позже наступила бы сама собою: такое острое недовольство жизнью долго тянуться не могло. Подоспѣвшее роковое чувство только подсказало несчастному, что «уже пора и медлить не зачѣмъ», — и развязка ускорила.

Эта-же ускоренная развязка, въ свою очередь, ускорила и отъѣздъ нашего пріятеля въ Вильну. Катастрофа съ товарищемъ такъ сильно потрясла его, что онъ уже не могъ спокойно жить и заниматься въ томъ мѣстѣ, гдѣ она произошла.

(Продолженіе будетъ).

Л. Левада.

РУССКОМУ ЕВРЕЮ.

Россіи пасынокъ, обиженный судьбой,
Привѣтствую душой твое я пробужденъе.
Глубокимъ сномъ ты спалъ, кошмаромъ надъ тобой
Носились страшныя, тяжелыя видѣнья.

Ты спалъ,—и призраки съ угрозою въ устахъ
Топпились надъ тобой и грудь твою давили,
Сверкали бѣшенство и ярость въ ихъ очахъ
И въ адскомъ хорѣ смерть они тебѣ сулили.

Напрасно ты стоналъ, метался, какъ больной,
Зубами скрежеталъ въ предсмертномъ содроганьи,—
Безжалостно звучалъ кругомъ во тѣмѣ ночной
Злорадный смѣхъ въ отвѣтъ на всѣ твои страданья.

Но силы ты напрягъ,—и вотъ очнулся вдругъ,
Дрожащею рукой утеръ ты потъ холодный,
Широко ты раскрылъ глаза: еще вокругъ
Несутся призраки и слышенъ вой голодный.

Зловѣщій хохотъ ихъ еще въ твоихъ ушахъ,
Ты когти грозные ихъ видишь въ отдаленьи,
Угрозы слышишь ты вверху, внизу, въ углахъ
Не въ грезѣ,—на яву ужасное видѣнье!

Вставай-же, будь смѣлѣй! Ты видишь-ли вотъ тамъ
Привѣтные лучи край неба озарили?
Восхода то лучи!.. Что, тяжело глазамъ?
Да, мракъ и ночь тебя отъ свѣта отучили!..

Но близокъ день уже: залететь все небо свѣтъ,
И мракъ разсѣется, исчезнуть привидѣнья,
И всѣмъ врагамъ своимъ ты дашь отпоръ, отвѣтъ,
При помощи труда и свѣта просвѣщенья!

Я. Штейнбергъ.

РУСЬ И РУССКОЕ

ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Представляя собраніе извѣстныхъ мнѣ Russica изъ сочиненій средняго періода еврейской письменности, я старался разъяснить показанія еврейскихъ авторовъ при помощи извѣстій объ евреяхъ и еврействѣ въ русскихъ литературныхъ памятникахъ и въ другихъ источникахъ, и въ связи съ этими послѣдними. Если вслѣдствіе этого нѣкоторыя объясненія вышли, быть можетъ, черезъ-чуръ длинными, то надѣюсь, что любознательные читатели и лица, интересующіяся прошлыми судьбами евреевъ въ нашемъ отечествѣ, меня за это не осудятъ. Для полноты нашего предмета включены нами также сказанія еврейскихъ авторовъ, писавшихъ на арабскомъ языкѣ, который въ IX — XII столѣтіяхъ пользовался у евреевъ, жившихъ въ мусульманскихъ странахъ, даже преимуществомъ предъ древнееврейскимъ языкомъ. Приводятся также въ настоящемъ сборникѣ извѣстныя намъ мѣста изъ еврейской литературы, гдѣ идетъ рѣчь о русскихъ городахъ и гдѣ упоминаются русскія слова,—такъ чтобъ всѣ эти извѣстія и свѣдѣнія, вмѣстѣ взятые, представили намъ полную, по возможности, картину свѣдѣній о Руси, заключающихся въ нашихъ литературныхъ памятникахъ. Мы говоримъ по возможности, потому что эксплуатированіе средневѣковой еврейской литературы для историко-географическихъ и этнографическихъ цѣлей началось весьма недавно, а пользованіе рукописными матеріалами для этихъ цѣлей почти даже не начато. Естественно, что при такомъ положеніи вещей пройдетъ еще долгое, долгое время до тѣхъ поръ, когда возможно будетъ представить дѣйствительно полное собраніе свѣдѣній и свидѣтельствъ еврейскихъ писателей объ извѣстной исторической эпохѣ или объ извѣстномъ краѣ и народѣ. Но то, что не будетъ начато по современному состоянію изученія источниковъ, то не

можетъ быть окончено, ибо научное зданіе, какъ всякое другое, создается не разомъ, а мало по малу, von Sandkorn zu Sandkorn. Такъ какъ обыкновенное дѣленіе во всеобщей исторіи и литературѣ на древній, средній и новый періоды не приурочиваются, относительно времени, къ еврейской письменности, то въ средневѣковой, или лучше, въ средній періодъ приходится включать еврейскія сочиненія вплоть до начала эпохи сознательнаго изученія и критики въ нашей литературѣ, т. е. до времени Мендельсона приблизительно. За указанія, могущія служить къ пополненію и дальнѣйшему разъясненію сообщаемыхъ здѣсь матеріаловъ, авторъ будетъ весьма признателенъ.

Октябрь 1880.

I.

Изъ сочиненія неизвѣстнаго автора, коего псевдонимъ Іосифъ бенъ Горіонъ или Іосиппонъ (въ IX и X столѣтіяхъ по Р. X.).

[Время передѣлки сочиненія миланскаго епископа Амвросія *Hegesippus, de bello Iudaico* по еврейски, въ Италіи или южной Франціи, во всякомъ случаѣ не позже начала IX столѣтія. Правда, что впоследствии многое было прибавлено переписчиками по Псевдо-Каллисѣону и одной греческой передѣлкѣ сочиненія Іосифа Флавія, привезенной архипресвитеромъ Леономъ изъ Константинополя въ Италію (въ первой половинѣ X столѣтія), какъ это доказалъ Ю. Цахеръ (*Julius Zacher, Pseudocallisthenes, Halle 1867 p. 132 ff.*; см. *Hebr. Bibliographie 1869, p. 18*), и это обстоятельство, равно какъ и разныя позднѣйшія вставки, заставляеть насъ относиться осторожно въ опредѣленіи времени для извѣстій нашего автора; но такъ какъ противъ упоминаній о Руси нельзя привести серьезныхъ доводовъ, то нѣтъ причины исключать Іосиппона изъ нашего списка. Вотъ что говорится у этого автора, въ комментаріи на родословную кн. Вытїя]:

«Тирасъ—это Русинъ (или Русецъ, Russes), Бошни и Англеси, живущіе по великому морю. Руси живутъ по рѣкѣ Бира (Кира), текущей въ морѣ Гурганъ (Джорджанъ, Каспійское море)».

(*Ioseph. Gorionides, ed. Breithaupt, Gothae 1707 p. 4—5*; Сказанія о Хазарахъ, стр. 40—41).

По поводу этихъ словъ Іосиппона мы замѣтили (Сказанія, стр. 58—64) слѣдующее: Библейское названіе Тирасъ нашъ авторъ толкуеть неменѣе чѣмъ тремя современными ему народами: русскими, босняками и англича-

нами. Поводъ къ первому отождествленію довольно понятный, а именно, сходство звука; но неизвѣстно съ какой стати приплетены босняки и англичане. Впрочемъ, мы должны оговориться, что Бошаръ (Bochart, *Geographia Sacra, Phaleg, lib. III cap. XV*) отождествляетъ Бошни не съ босняками, а съ городомъ Познанью, названномъ здѣсь вмѣсто Польши, что на первый взглядъ кажется лучшимъ, по сосѣдству Руси съ Польшей. Но это только кажущееся облегченіе, ибо, во первыхъ, мы видимъ, что Иосиппонъ помѣщаетъ русскихъ далеко на югѣ, при рѣкѣ Куръ, слѣдовательно, не въ сосѣдствѣ съ Польшей; во вторыхъ, едва ли городъ Познань могъ служить въ X столѣтіи олицетвореніемъ Польши, и хотя городъ этотъ служилъ уже тогда мѣстопробываніемъ епископа (Славянскія Древности Шафарика § 37, 5; нѣм. перев. II, 368—369), однако въ то время на западѣ какъ этнографическія названія извѣстны были имена Поляки, Лехи, Винды, Сарматы, но не Познань (Шафарикъ, тамъ же § 38, 1; нѣм. перев. II, 386—388), и т. д.

Одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ у Иосиппона составляетъ его извѣстіе, что русскіе живутъ при рѣкѣ Кира (т. е. при Курѣ), впадающей въ море Гурганъ. Въ текстѣ Иосиппона читается, правда, Бира; но такъ какъ въ тождествѣ моря Гурганъ съ Каспійскимъ моремъ, Джурджаномъ арабскихъ и персидскихъ географовъ, Гурганомъ письма хазарскаго царя Иосифа (название это перешло въ классическіе языки въ формѣ Гирканъ, *Maге Нугсанум*), то слово Бира безпремѣнно слѣдуетъ читать Кира, т. е. нынѣшняя Кура, тѣмъ болѣе, что буквы б (бетъ) и к (кафъ) легко пережѣшиваются въ рукописяхъ еврейскихъ. Какъ извѣстно, рѣка эта, по мнѣнію большинства экзегетовъ, названа уже у пророка Амаса (IX, 7) Киромъ, ср. *Кѣрос*, *Сугус* классической географіи, Куръ у армянъ, арабовъ и персіанъ и т. д.

До сихъ поръ еще неизвѣстно, ни какимъ образомъ Иосиппонъ дошелъ до такого страннаго утвержденія, ни находится ли подобное извѣстіе въ другихъ источникахъ. Мы можемъ только догадываться, что Иосиппонъ дошелъ до рѣки Куры путемъ библейскихъ Рошъ, названія одного народа въ Алкоранѣ Асхабъ ар-Расъ (владѣльцы Раса) и рѣки Аракса; или что показаніе нашего автора находится въ связи съ извѣстіями о Черноморской и Тмутараканской Руси; или же, наконецъ, что оно возникло вслѣдствіе русскихъ походовъ на прикаспійскія страны. Объяснимся на счетъ каждаго изъ этихъ предположеній.

а) Какъ извѣстно, пророкъ Езекииль три раза называетъ народъ Гогъ и Магогъ неси рошъ мешехъ ветубаль «князь Рошъ Мешехъ и Ту-

баль» (гл. XXXVIII, ст. 2 3; гл. XXXIX, ст. 1), при чемъ второе слово рошъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ двусмысленно: его можно принять въ значеніи головы, главы—въ такомъ случаѣ выраженіе это будетъ плеоназмомъ (князь главы Мешеа, вм. князь Мешеа), и плеоназмомъ тѣмъ болѣе страннымъ, что оно аккуратно повторяется три раза сряду,—или же можно принять слово за собственное имя народа Рошъ. Всѣ переводы книги пророка Езекииля на семитскихъ языкахъ приняли означенное слово въ смыслѣ главы. Впрочемъ относительно слова русъ въ арабскомъ переводѣ, напечатанномъ въ Полиглоттѣ, можно еще сомнѣваться. Правда, что въ печатномъ изданіи слово это снабжено гласными знаками, придающими ему значеніе нарицательное; но находятся ли эти знаки въ рукописяхъ—это еще вопросъ, такъ какъ нынѣ известно, что издатели Полиглотты не стѣснялись подобными мелочами, а отсутствіе знака родительнаго падежа въ слѣдующемъ словѣ (русъ маджуджъ вмѣсто русъ аль-маджуджъ) какъ бы указываетъ на то, что арабскій переводчикъ принялъ слово не въ нарицательномъ смыслѣ, но какъ собственное имя. Латинскій каноническій переводъ (Вульгата) имѣетъ ясно *princeps capitis* (князь главы), и съ нимъ согласны переводъ Аквилы и Иеронимъ. За то другая группа переводчиковъ стоитъ на томъ, что означенное слово составляетъ собственное имя народа; такъ LXX толковниковъ имѣютъ *ἄρχοντα Ῥώσ, Μεσοχ καὶ Θουελα* (откуда въ древне-славянскомъ переводѣ: «князя Росъ, Мосоха и Фовеля»), точно также переводятъ Симмахъ и Θεοδοτιόνъ. То же самое различіе господствуетъ во мнѣніяхъ средневѣковыхъ и новѣйшихъ ученыхъ. Съ одной стороны мы видимъ, что Левъ Діаконъ, византійскій историкъ X вѣка (Leo Diac. ed. Bonn. p. 150), карамискіе экзегеты Іефетъ бенъ Али (конца X вѣка) и Яковъ бенъ Рувимъ (см. Меасефъ Ниддахимъ ч. I № 1, стр. 2; *Altjüdische Denkmäler aus der Krim* p. 280), Густинскія лѣтописи (стр. 236) отождествляютъ Рошъ съ Русскими, точно также новѣйшіе ученые Бошаръ (Bochart, *Phaleg* III, 13), Михаелисъ (Michaelis, *Supplem. ad lex. hebr. s. v.*), Гезениусъ-Редигеръ (*Thesaurus lingg. hebr. et Chald.* p. 1253), Гаммеръ (Hammer, *sur les origines Russes* p. 24—29), Георгій (Georgii, *Alte Geographie* II, 337), Кнобель (Knobel, *Völkertafel der Genesis* p. 70), Фюрстъ (Fürst, *Hebr. und Chald. Handwörterbuch*, 1863, II, 316), Штейнеръ (Steiner, *Schenkels Bibellexicon* B. V, 1873, p. 116), и нѣкоторые русскіе ученые какъ напр. кн. Вяземскій (Слово о полку Игоревѣ стр. 233), Эйхвальдъ (*Alte Geographie des Caspischen Meeres*, p. 368. 569) и др., стоятъ за отождествленіе этихъ Рошъ съ Роксоланами, принимая

послѣднее названіе за составленное изъ Росъ (Руси) и Аланъ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ учевыхъ относятъ туда также народъ Асхабъ ар-Расъ Алкорана и названіе Расъ для Аракса. Другіе же ученые, принимая тождество русскихъ съ Роксоланами, не рѣшаются, однако, привести съ ними въ связь также названіе Рошъ, какъ напр. Фрэнъ (Frähn, Ibn Fozlan; p. 36—38), Винеръ (Winer, *Biblisches Realwörterbuch*, 3 Ausg. II, 339), Форбигеръ (Forbiger, *Pauly's Classische Realencyclopädie* VI, 554), Гедеевъ (Изслѣдованія о варяжскомъ вопросѣ, стр. 20, 45; *Варяги и Русь*, 1876, стр. 413, 421), Иловайскій (Русскій Архивъ за мартъ 1873; *Разысканія о началѣ Руси*, 1876, стр. 105 и слѣд.) и Ламанскій (Славяне въ Малой Азии, историч. прим. стр. 84 и слѣд.). Рѣшительно же возстали въ нашемъ отечествѣ противъ сопоставленія Езекиилева Рошъ и Роксолановъ съ Русью Погодинъ (Борьба съ историческими ересями, стр. 308 и слѣд.), Куникъ (въ послѣдній разъ въ Каспій Дорна, 1875, стр. 669—683), и многіе заграничные ученые, какъ напр. Томсенъ (Thomsen, *Ursprung des russischen Staates* 1879) и Смендъ (Smend, *Der Prophet Ezechiel* 2 Aufl. 1880, p. 296—297). Нѣкоторые ученые, принимая Рошъ за собственное имя, толкуютъ его иначе; такъ вышеупомянутый Винеръ предлагаетъ еще для сравненія Плиніевскій Роасъ (Rhoas) на Кавказѣ, между Суані (Сванетіи) и Есгестіце (Plinii *Hist. Nat.* VI, 4), который Роасъ путешественникъ Рейнеггъ находитъ въ иверійской области Реджъ (Reineggs, *Beschreibung des Caucasus*, II, 34), а Ленорманъ (Lenormant, *Lettres Assyriologiques*, I. 27) и Финци (Finzi, *Antichità Assira*, p. 298—299) приводятъ библейскій Рошъ въ связь со страню Расъ или Раси, которая упоминается въ 18-й строкѣ надписи, прозванной *Fastes de Sargon*. Впрочемъ, что бы ни значило слово рошъ въ самомъ дѣлѣ, если только допустить, что Юсипповъ слышалъ о связи между Рошъ, Русь и Расъ (р. Араксъ), или только между двумя послѣдними названіями, то ему уже не трудно было смѣшать имя р. Аракса, которая есть притокъ р. Куры, съ именемъ сей послѣдней, что уже предполагалъ Бошаръ (Phaleg III, 13; *Cyrum pro Araxe dixit, quia sunt vicini amnes quique adeo confluentes uno, et eodem ostio in mare Caspium exeunt*). Въ высшей степени интересно было бы узнать, не находилось ли что вѣбудъ подобное о русскихъ у архипресвитера Леона, извѣстіями котораго, какъ выше было замѣчено, пользовались переписчики и передѣлыватели сочиненія Юсиппона. Въ такомъ случаѣ это было бы прямое заимствование того византійскаго отождествленія названій Рошъ и Русь, о кото-

ромъ свидѣтельствуееть намъ другой Леонъ (Левъ Діаконъ), жившій немного позже.

б) О Черноморской и Тмутороканской Руси трактовали обстоятельно Геденовъ (Исслѣдованія о варяжскомъ вопросѣ, стр. 63—70), Куникъ (тамъ же, стр. 124—125), Ламбинъ (Журналъ Министерства Народн. Просв. за январь 1874, стр. 58—94), Иловайскій (Разысканія о началѣ Руси, стр. 241 и слѣд.) и др. Разсмотрѣнiемъ извѣстій арабскихъ источниковъ по сему предмету мы занимались въ особой статьѣ, которая будетъ напечатана въ Трудахъ IV-го Русскаго Археологическаго Съѣзда (въ Казани).

в) О походахъ Руси на прикаспійскія страны свидѣлствуютъ многіе арабскіе, персидскіе и армянскіе писатели. Разборомъ этихъ свидѣтельствъ занимались В. В. Григорьевъ (Журналъ Минист. Народ. Просв. ч. V, 1835; Россія и Азія, 1876, стр. 1—44), Дефремери (Journal Asiatique 1847. II, 402—404), Доссонъ (D'Ohsson, Peuples du Caucase, p. 105—115, 249—253), Дорнъ (Каспій, вѣстѣ съ г. Куникомъ), Шармуа (Charmoy, Bulletin histor. philolog. de l'Acad. de St. Pétersb, T; IV) и нами въ другомъ мѣстѣ (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 126—128, 130—133, 155—159 и т. д.). Какъ въ походѣ 913—914 года, такъ и въ походѣ 944 года, русскіе наѣзтники оставались долгое время на Каспійскомъ побережьи, и это пребываніе легко могло подать поводъ къ ошибочному извѣстію, что русскіе тамъ живутъ. Прибавимъ здѣсь еще, что рукописный матеріалъ, который намъ удалось до сихъ поръ разсмотрѣть, не могъ служить для разъясненія этого темнаго сказанія. Такъ въ рукописи Парижской Bibliothèque Nationale № 1280, заключающей сочиненіе Юсиппова, соответствующее мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: «Сыны Тираса суть Руси Гурганъ (!), и отъ нихъ происходятъ Инглиси», что составляетъ очевидное сокращеніе и искаженіе словъ изданнаго текста. Не лучше обстоитъ дѣло въ арабскомъ переводѣ соч. Юсиппова, находящемся въ рукописи № 537 здѣшняго Азіатскаго музея (при Академіи Наукъ), гдѣ читаемъ: «Тирасъ это Румъ (обыкновенный вариантъ вѣсто Русь), они живутъ при рѣкѣ Кивъ, и отъ нихъ происходятъ Саксинъ и Инджлисинъ». Какъ ни заманчиво предположеніе, что подъ словомъ Кивъ разумѣется Кіевъ, нельзя, однако, придавать ему серьезнаго значенія въ виду испорченности этой поздней рукописи (она списана въ 1808 году невѣжественнымъ христіаниномъ изъ Антиохіи) и легкости замѣны буквы *p* буквою *e* въ арабскомъ письмѣ даже въ хорошихъ рукописяхъ. При такомъ неутѣшитель-

ножъ положеніи дѣла приходится только возлагать надежды на дальнѣйшія рукописныя открытія, которыя прольютъ новый свѣтъ на этотъ темный вопросъ. Весьма жаль, что одинъ рукописный отрывокъ изъ сочиненія Іосиппона въ здѣшней Публичной Библіотекѣ, отличающійся правильными чтеніями собственныхъ именъ (такъ напр. названія славянскихъ народностей, искаженныя въ изданномъ текстѣ, читаются тутъ правильно), не заключаетъ въ себѣ приведеннаго нами отрывка о Русскихъ.

II.

Изъ сочиненія Тахкемони врача Саббатаи Донноло (собственно Домнуло,) жившаго въ южной Италіи (между 913 и 970 по Р. X).

[Объ этомъ первомъ до сихъ поръ извѣстномъ еврейскомъ медикѣ въ Европѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ впервые составилъ оригинальныя научныя сочиненія на еврейскомъ языкѣ, появилась обширная монографія Штейншнейдера въ *Virchow's Archiv für pathologische Anatomie, Band XXXVIII—XLI*, которая исправляетъ во многомъ сказанное объ этомъ лицѣ въ исторіи Греца по Гейгеру, Кармоли и Рапопорту. Помѣщаемый здѣсь отрывокъ присланъ мнѣ г-мъ Штейншнейдеромъ въ 1870-мъ году и взятъ изъ неизданной части комментарія на Сеферъ Іецира Псевдо-Саадін, находящейся въ двухъ рукописяхъ Мюнхенской публичной бібліотеки (№ 40² и № 115⁴), при чемъ г. Штейншнейдеръ сообщилъ мнѣ, что онъ имѣетъ основаніе приписать этотъ отрывокъ Донноло].

«Палестина имѣетъ средній климатъ, ибо въ ней въ равной степени бываютъ теплота и стужа. На сѣверѣ находятся страна Ашкеназъ (Германія и славянскія земли) и страна Русія (вариантъ Русія), а на концѣ сѣвера лежитъ страна Кедаръ (тюркскихъ народностей). Большіе запасы снѣга и града находятся на сѣверѣ».

Подобное говоритъ современникъ нашего автора, арабскій писатель Масуди, о своей родинѣ Иракъ-Араби (древняя Вавилонія, см. его сочиненіе *Prairies d'or*, III, 132—133, Сказанія мусульман. писат. стр. 138). Что подъ библейскимъ названіемъ Ашкеназъ въ средніе вѣка понимали германскія и славянскія земли, доказано нами въ Меасефъ Ниддахимъ (№ 6). Этнографическое же названіе Кедаръ, употребляемое въ Библии для арабскихъ кочевыхъ племенъ, прилагается въ средневѣковой еврейской литературѣ въ турко-монгольскимъ народностямъ преимущественно.

Замѣтимъ, что въ то время, т. е. въ IX и X столѣтіяхъ, еврейскому

писателю на западѣ могли быть хорошо извѣстны географическое положеніе и климатъ Руси, такъ какъ торговыя сношенія между русскими и евреями, жившими издавна въ нынѣшнихъ областяхъ южной Россіи, равно какъ съ иностранными евреями, были весьма часты, какъ можно заключить изъ разныхъ отрывочныхъ, правда, историческихъ свидѣтельствъ. Не касаясь здѣсь свѣдѣній о кавказскихъ евреяхъ до-христіанскаго времени, требующихъ отдѣльнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія; не входя также въ разборъ извѣстій о еврейско-греческихъ колоніяхъ по Черному и Азовскому морямъ и по Днѣпру, отъ которыхъ остались намъ документальные памятники, относящіеся къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ (памятники эти собраны и изданы нами въ XIV части Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Императ. Русск. Археологическаго Общества и въ отдѣльной брошюрѣ)—обратимся къ временамъ, болѣе близкимъ къ Саббатаи Дон-поло. Византійскій хронографъ Теофанъ подъ 671-мъ годомъ по Р. Х. говоритъ слѣдующее: «Къ восточной части, на прибрежьи Чернаго моря, у города Фанагоріи (на Таманскомъ полуостровѣ) и его окрестностей, около живущихъ тамъ евреевъ, проживаютъ также и многія другія племена» (*Theophanis Chronographia*, ed. Paris. p. 297, ed. Bonn. I, 545). Такимъ образомъ въ главномъ городѣ бывшаго Босфорскаго царства и средоточіи тогдашней торговли того края, въ Фанагоріи и въ окрестностяхъ, жили въ VIII и IX столѣтіяхъ преимущественно евреи.

Это византійское свидѣтельство подтверждается изъ арабскихъ источниковъ. Арабскій писателя Абуль-Хассанъ-Али Шарзи (по другимъ Ша зри) составилъ въ началѣ X вѣка по Р. Х. сокращеніе изъ географическаго сочиненія подъ названіемъ Книга странъ Ибнъ-Факиха, жившаго въ IX столѣтіи. Слѣдующее извѣстіе, принадлежитъ ли оно первоначальному источнику (Книгѣ странъ Ибнъ-Факиха) или сократителю Шарзи, во всякомъ случаѣ относится къ IX-му столѣтію, такъ какъ и послѣдній авторъ, писавшій въ 901-мъ году по Р. Х., описываетъ, конечно, порядки IX вѣка. Вотъ что говорится въ этомъ извѣстіи: «Что касается славянскихъ (т. е. славяно-русскихъ) купцовъ, то они возятъ мѣха лисицъ и мѣха выдръ изъ дальнѣйшихъ (самыхъ сѣверныхъ) краевъ славянской земли, отправляясь къ Румскому (Черному) морю, гдѣ владыка Рума (византійскій императоръ) беретъ съ нихъ (въ пощлину) десятину; затѣмъ они идутъ по морю въ еврейскій Самкершъ, послѣ чего обращаются опять къ славянской землѣ (т. е. къ сѣверу). Потомъ они берутъ путь отъ Славянскаго (т. е. Азовскаго) моря, пока они не приходятъ къ Хазарскому рукаву (къ рѣкѣ Донъ, гдѣ Хазаре имѣли свою

крѣпость Саркель), гдѣ хазарскій владыка беретъ съ нихъ десятину; затѣмъ они идутъ къ Хазарскому (Каспійскому) морю по той рѣкѣ, которую называютъ Славянскою (т. е. по Волгѣ)». (Сказанія мусульманскихъ писат. о слав. и русскихъ, стр. 251). Изъ описаннаго маршрута русскихъ купцовъ ясно видно, что мѣстность, называемая арабскимъ географомъ «еврейскимъ Самкершомъ», находилась на берегу Чернаго и недалеко отъ Азовскаго моря, т. е. это тотъ же самый край, гдѣ и по свидѣтельству Теофана жили преимущественно евреи, а именно, на Таманскомъ полуостровѣ. На эту мѣстность указываетъ также хазарскій царь Юсифъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ Хасдаи, (о которомъ у насъ будетъ рѣчь ниже), называя Самкерцъ рядомъ съ Керчемъ. Понятно, что цѣль русскихъ купцовъ, отправлявшихся въ населенную евреями мѣстность, была торговля съ этими евреями. Находятся также указанія на фактъ посѣщенія южной Россіи иностранными купцами изъ евреевъ. Такъ напр. извѣстный арабскій географъ Ибнъ-Хордадбе, занимавшій во второй половинѣ IX вѣка должность начальника почтъ въ Джебалѣ (древней Мидіи и Парсіи), рассказываетъ про еврейскихъ купцовъ: «Они говорятъ по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски, по-испански и по-славянски; они путешествуютъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ, моремъ и сушей» (*Journal Asiatique* 1865, vol. I, p. 115, 512; Сказанія мусульман. писат. стр. 48, 52—54). Нѣтъ сомнѣнія, что иностранные евреи изучали между прочими языками и славянскій для того, чтобъ имѣть возможность непосредственныхъ коммерческихъ сношеній со славянами. А принимая въ соображеніе то обстоятельство, что они, по свидѣтельству того же арабскаго писателя, путешествовали изъ Европы въ Малую Азію, Индію, Среднюю Азію и Китай, становится понятнымъ, что славяне эти были никто иные, какъ русскіе.

III.

Изъ письма испанскаго сановника Хасдаи Ибнъ-Шапрута къ хазарскому царю Юсифу (около 960 года по Р. X.).

[Литература о Хасдаи и его дѣятельности представлена въ вышеупомянутыхъ Сказаніяхъ о Хазарахъ (стр. 80—81); къ ней слѣдуетъ прибавить слѣдующія сочиненія: Штерна (*S. J. Stern, Liber Responsonum discipulorum R. Menahem et Dunasch. Vindobonae* 1870. Prolegom. p. L—LXXI; ср. замѣчанія на эту статью въ *Hebr. Bibliogr.* X, 82). Дози (*Dozy, Geschichte der Mauren in Spanien*, 1874.

II, 47, 53, ff). Касселя (D. Cassel, Lehrbuch der jüd. Geschichte und Literatur, 1879, p. 239—240) и др.]

„Затѣмъ я намѣревался отправить письмо къ царю моему государю черезъ священный городъ Иерусалимъ, потому что нѣкоторые евреи ручались мнѣ что отвезутъ письмо мое изъ ихъ страны въ Несобинъ (городъ въ Малой Азіи); отсюда оно пошло-бы въ Арменію, оттуда—въ Бардаа (городъ близъ Дербента въ Закавказіи), а оттуда дошло-бы и до вашей страны. Пока я все это обдумывалъ, прибыли къ намъ послы царя Гебалимъ (вѣроятно Хорватіи), между которыми были два еврея. г. Саулъ и г. Иосифъ. Когда они услышали о моемъ затрудненіи, то начали утѣшать меня, сказавъ: Дай намъ твои письма, мы передадимъ ихъ царю Гебалимскому, который, ради твоей чести, перешлетъ ихъ къ евреямъ, живущимъ въ странѣ Гунгары (Hungaria, Венгрія). тѣ отправятъ ихъ въ Русь, отсюда они пойдутъ въ Булгаръ и такимъ образомъ дойдутъ до назначеннаго тобою мѣста“. (Еврейская Библиотека, т. VII, стр. 150).

Маршрутъ, показанный хорватскими евреями для письма въ Хазарію, а именно чрезъ Венгрію, Русь и Булгарію—не точенъ, ибо, какъ извѣстно, Русь непосредственно сосѣдствовала съ Хазаріей; но тогда на западѣ неизвѣстно было въ точности географическое положеніе странъ восточной Европы. Изъ всего изложенія письма Хасдаи явствуетъ, что послѣдній наученный неудачной попыткою переслать письмо чрезъ Византію, хотѣлъ чтобъ письмо это, для большей вѣрности, шло чрезъ еврейскія руки, на что указываютъ также слова хорватскихъ пословъ-евреевъ, что „царь Гебалимскій (чрезъ ихъ посредство конечно) отправить письмо къ евреямъ, живущимъ въ Венгріи“. Слѣдовательно, и относительно Руси имѣлись въ виду жившіе тамъ евреи. Въ лѣтописи Нестора, какъ извѣстно, разсказывается, что вслѣдъ за болгарами и нѣмцами въ 986 году прибыли въ Кіевъ и хазарскіе евреи („Се слышавше Жидове Козарьстии придоша“) съ цѣлью предложить Владиміру принять ихъ вѣру. Изъ того обстоятельства, что для пропаганды іудизма пришли хазарскіе евреи, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что въ Кіевѣ тогда не было своихъ евреевъ, такъ какъ въ дѣлѣ прозелитизма хазарскіе евреи, будучи сами прозелитами, могли отличаться большимъ рвеніемъ. Или же прилагательнымъ хазарскіе обозначается только ихъ первоначальное происхожденіе, какъ утверждаетъ Татищевъ, говоря: «Что же написано (у Нестора) пришли, то не можно за то почитать, что они нарочно для того изъ Козаровъ пришли, но разумѣть тѣхъ, которые Святославомъ плѣнены, въ Кіевъ, на рѣкѣ Роси и по другимъ городамъ поселены, которыхъ много было» (Исторія Тати-

щева, кн. II, прим. 176). Еслибъ это послѣднее извѣстіе подтвердилось какимъ либо древнимъ источникомъ, то мы имѣли бы прямое вѣрное свидѣтельство о существованіи евреевъ въ Кіевѣ въ X столѣтіи; но имѣ по крайней мѣрѣ не извѣстенъ источникъ для означеннаго извѣстія Татищева. Хотя другія прямыя свидѣтельства о пребываніи евреевъ въ Кіевской Руси въ X вѣкѣ имѣ пока неизвѣстно, однако значеніе Кіева въ торговомъ отношеніи, подчиненіе его въ продолженіе долгаго времени іудейскимъ (по династии и господствующему классу) хазарамъ и положительныя извѣстія объ евреяхъ въ Кіевѣ и вообще на Руси въ XI и XII столѣтіяхъ даютъ намъ право заключить о существованіи евреевъ тамъ и въ X вѣкѣ. Этотъ столь важный для исторіи евреевъ въ Россіи предметъ, котораго мы коснулись уже вкратцѣ нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ, вполнѣ заслуживаетъ однако, чтобъ на немъ остановились подольше. Отмѣчая здѣсь относящіяся сюда факты и указанія за XI вѣкъ, мы представимъ ниже все, что имѣется у насъ по этому предмету о XII столѣтіи.

По свидѣтельству русскихъ лѣтописей (Лаврентьевскій списокъ, изд. подъ ред. А. Θ. Бычкова 1872, стр. 147 и параллельныя мѣста въ другихъ спискахъ) подъ 1035 или 1036 годомъ: „Иде Ярославъ Новугороду и посади сына Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Луку Жидята“. Этотъ Лука Жидята, второй новгородскій епископъ (первымъ былъ грекъ Іоакимъ Корсуванинъ, умершій въ 1030 году), считается первымъ на Руси епископомъ изъ русскихъ, изъ туземцевъ, а не изъ грековъ, и Ярославъ, поставивъ его епископомъ, устранилъ новгородскаго кандидата на епископство, Ефрема, ученика вышеупомянутаго Іоакима и сподвижника его въ пастырскомъ учительствѣ, имѣвшаго, слѣдовательно, болѣе права быть преемникомъ своего учителя. По изслѣдованію г. Малышевскаго (въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1878 г. II, 565—602. III, 427—504) оказывается, что въ то время какъ другихъ духовныхъ лицъ называли тогда обыкновенно по имени и только случайно упоминали ихъ прозваніе, если они имѣли таковое, Лука постоянно упоминается въ сопровожденіи прозванія Жидяты, а въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ (въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ) епископъ этотъ называется даже просто Жидятою, что доказываетъ, что прозваніе это срослось съ его именемъ и даже заслоняло собою послѣднее. Это обстоятельство указываетъ въ свою очередь, что прозваніе это было для Луки особенно характернымъ и типичнымъ и, конечно имѣло какое-либо отношеніе къ жидамъ. Весьма вѣроятнымъ оказывается результатъ, къ которому приходитъ г. Малышевскій, а именно что Лука Жидята могъ быть насильно взятъ у евреевъ вмѣстѣ съ другими мальчп-

ками жидовскими, или жидятами, и крещенъ еще при Владимирѣ, затѣмъ взять въ княжескіе отроки, отданъ въ книжное обученіе и опредѣленъ на церковное служеніе, а при Ярославѣ былъ вѣроятно облеченъ въ духовный санъ и состоялъ однимъ изъ домовыхъ священниковъ; затѣмъ, когда великій князь посадилъ своего сына на княженіе въ Новгородѣ, онъ пожелалъ дать ему также надежнаго и испытаннаго пособника, который служилъ-бы ему опорой въ охраненіи интересовъ династическихъ и великокняжеской власти, и такого челоуѣка онъ нашелъ въ лицѣ Жидяты, испытаннаго долгою службою и приближеннаго къ великокняжескому дому. Изъ характерныхъ чертъ въ жизни Луки для нашей цѣли является болѣе интереснымъ слѣдующее обстоятельство. Первымъ до сихъ поръ извѣстнымъ произведеніемъ русской литературы является, какъ извѣстно, Поученіе Луки Жидяты, и замѣчательно, что въ нравственной части этого произведенія авторъ говоритъ языкомъ Моисеева десятословія и вообще Пятикнижія: «Не клянись именовъ Божиимъ; чти родителей; чти дни Господни; не убій; не укради; не солжи, лжи послужъ не буди (ср. Исходъ XXIII, 1); блуда не твори съ чужими женами и рабынями» и т. д. «Конечно, справедливо замѣчаетъ г. Малышевскій, подобныя выраженія вообще естественны въ катехизическомъ поученіи; но буквальность повторенія заповѣдей Моисеевыхъ, не встрѣчаемая, сколько помнимъ, въ нашихъ древнихъ поученіяхъ даже популярнаго склада, какъ напр. въ поученіяхъ Феодосія, вызываетъ сказать, что проповѣдникъ особенно свыкъ съ десятословіемъ Моисеевымъ, какъ начальною формою религіознаго обученія, свыкъ по своимъ особеннымъ отношеніямъ къ жидовству. Еще: въ той же части своего поученія Лука говоритъ: «Бога бойтеса, князя чтите; мы рабы первые Бога, потомъ государя». Хотя и это довольно обычный мотивъ въ другихъ поученіяхъ, но, выраженный у Жидяты такъ рѣшительно, не былъ ли онъ въ устахъ его отголоскомъ особенныхъ отношеній его къ князю, какъ бывшаго отрока-слуги и потомъ домоваго священника князя?» Признавая справедливость предположенія г. Малышевскаго относительно послѣдняго пункта, прибавимъ еще, что въ приведенномъ выраженіи слышится также подражаніе 21-му стиху XXIV главы Притчей Соломоновыхъ («Бойся, сынъ мой, Бога и царя») и разнымъ изрѣченіямъ раввиновъ (напр. «Бойся всегда царя», Вавилонскій Талмудъ, Зевахимъ л. 102а), и что во многихъ другихъ изрѣченіяхъ въ Лукиномъ «Поученіи къ братѣ» (см. разборъ его въ Исторіи Русской Церкви Макарія, I, 87—89) слышны ветхо-завѣтные мотивы, напр. «Не рой ямы предъ братомъ, да не ввергнетъ тебя Богъ еще въ бѣлшую» (ср. Псал. VII, 16; Когелетъ X, 8).

Во всякомъ случаѣ, безпристрастная историческая критика отдастъ справедливость мнѣнію только что названнаго ученаго, а именно, что личность Луки Жидята, выясняемая въ своихъ характеристическихъ чертахъ въ связи съ другими указаніями объ отношеніяхъ еврейства къ Кіевской Руси въ вѣкъ Владиміра и Ярослава, можетъ служить свидѣтельствомъ, что въ Кіевѣ существовали тогда евреи, что нѣкоторые изъ нихъ, обращенные въ христіанство, старались потомъ обращать и своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и что болѣе даровитые изъ нихъ могли достигать высшихъ постовъ въ церковной іерархіи.

Другое духовное лице, имѣющее отношеніе къ исторіи евреевъ въ Кіевской Руси—современникъ Луки, кіевскій митрополитъ Иларіонъ, на значеніе сочиненія котораго для нашего предмета было указано мною уже давно (см. Гакармель 1866, стр. 184, ср. журн. Минист. Нар. Просв. ч. СХСІІ, 1877, отд. 2, стр. 114). Еще Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы (въ Ученыхъ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ. т. III, 1856, стр. 8) справедливо замѣтилъ, что изъ той части Слова Иларіона, которая озаглавлена Ученіе о ветхомъ и новомъ законѣ можно заключить, что въ Кіевѣ въ то время (въ половинѣ XI столѣтія) считали нужнымъ полемизировать противъ еврейства, и что «по личнымъ сношеніямъ съ учителями іудейскими» возрѣнія послѣднихъ на христіанство были тогда извѣстны русскимъ. Такого же мнѣнія и г. Малышевскій, который находитъ, что и все Слово Иларіона, озаглавленное: „О законѣ Моисеемъ данномъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ“, отъ начала до конца проникнуто полемикою противъ іудейства. Въ означенномъ словѣ (см. Макарія, тамъ же, I, 90 и слѣд.) авторъ сперва старается доказать несовершенство закона Моисеева, даннаго будто на время только и созидавашаго рабовъ, и превосходство надъ нимъ христіанскаго ученія, которое дано на вѣчныя времена и рождаетъ свободныхъ чадъ Божіихъ. Отъ догматики митрополитъ обращается къ исторіи и въ краткомъ обзорѣніи судьбы еврейскаго народа старается представить доказательства тому, что вся причина бѣдственнаго положенія евреевъ, утраты ими политической самостоятельности, изгнанія ихъ изъ Палестины и разсѣянія ихъ между всѣми народами и по всѣмъ странамъ, заключается въ отверженіи ими христіанства. При разъясненіи появленія, дѣйствій и знаменій Іисуса, Иларіонъ опровергаетъ „іудейскія хуленія“ на Христа, которыя дѣйствительно заключаются въ апокрифической „Исторіи Іисуса“ (Толдотъ Іешу или Маасе Талу), распространенной въ низшемъ классѣ евреевъ въ средніе вѣка. Въ заключеніе

митрополитъ обращается съ молитвою къ Богу, чтобъ Онъ былъ милостивъ къ грѣхамъ русскихъ христіанъ, не допустилъ надъ ними такой кары, какая постигла евреевъ, не допустилъ бы стольному граду русскому быть въ такомъ плѣненіи какъ Іерусалимъ, а русскимъ христіанамъ подвергаться участи евреевъ, т. е. быть пришельцами въ чужой странѣ. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Малышевскій, что чисто отвлеченными догматическими интересами никакъ нельзя объяснить всѣ эти приемы полемики противъ евреевъ, проникающей сочиненіе Иларіона отъ начала до конца; полемика здѣсь такъ жива и отличается такою свѣжестью, что не можетъ относиться къ какому-то далекому, давно прошедшему іудейству, а наоборотъ по всему видно, что кievскій митрополитъ имѣетъ въ виду еврейство близкое, современное, существовавшее на его глазахъ. Еще раньше было замѣчено Филаретомъ (Учен. Записки, III, 8), что изъ содержанія сочиненія Иларіона явствуется, „что безуспѣшные при Владимірѣ проповѣдники іудейства не оставляли надеждъ на пріобрѣтеніе прозелитовъ себѣ между русскими; они очень помнили о своихъ успѣхахъ между Козарами“, и г. Малышевскій также распространяется въ своихъ, правда, гадательныхъ только, предположеніяхъ о тогдашнихъ еврейскихъ прозелитахъ и іудействующихъ христіанамъ между русскими. Еслибъ рѣчь шла объ обыкновенныхъ средневѣковыхъ евреяхъ и при обыкновенной обстановкѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что слѣдовало бы такія догадки рѣшительно отвергать, такъ какъ всѣмъ извѣстно отвращеніе европейскихъ и азіатскихъ евреевъ-талмудистовъ къ прозелитизму. Но въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что Кіевъ долгое время находился подъ еврейско-хазарской властью и что значительная часть тогдашняго еврейскаго населенія въ Кіевѣ по всей вѣроятности состояла не изъ коренныхъ евреевъ, а изъ обращенныхъ въ іудейство хазаръ, названныхъ въ лѣтописи «Жидове Козарьстии», а извѣстно, что прозелиты обыкновенно отличаются большимъ рвеніемъ къ пріобрѣтенію себѣ подобныхъ неофитовъ—принимая все это во вниманіе, говоримъ, означенныя догадки Филарета и Малышевскаго являются уже гораздо менѣе невѣроятными.

Третье русское духовное лице XI столѣтія, имѣющее отношеніе къ нашему предмету, это Феодосій Печерскій (1057—1074 гг. по Р. Х.). Въ житіи этого русскаго святаго, составленномъ Несторомъ, говорится между прочимъ, что во время своего игуменства онъ имѣлъ обычай уходить тайкомъ изъ монастыря ночью къ евреямъ съ тою цѣлью, чтобы вести съ ними пренія о Христѣ, укорять ихъ и досаждать имъ. ибо онъ, по мнѣнію біографа, жаждалъ быть убіеннымъ и сдѣлаться мученикомъ

за христіанскую вѣру («Се бо сїце обычай имѣше блаженный, якоже и многаяды, въ нощи вставъ, отай всѣхъ и схожаше къ жидамъ, тѣхъ еже о Христѣ препирая, коряше и досажаше я тѣмъ, яко отметники и беззаконники тѣхъ нарицаа: жадаше бо еже о Христовѣ исповѣданїи убїенъ быти»). Г. Гатцукъ, который впервые обратилъ вниманїе на это извѣстїе (Сїонъ, органъ русскихъ евреевъ 1861, № 5, стр. 73), высказываетъ предположенїе, что Теодосїй дѣйствовалъ такъ, впитавши въ себя горячую душу идеи, понятїя и чувства византїйскихъ духовныхъ писателей, которые нерѣдко раздражались противъ евреевъ проклятїями и честили ихъ самыми рѣзкими выраженїями. Изъ того обстоятельства, что Теодосїй отправлялся къ евреямъ по ночамъ, привыкшіе видѣть во всемъ еврейскомъ только худое выводятъ заключенїе, что кїевскїе евреи имѣли ночныя собранїя и сходки, конечно, съ преступною цѣлю. Между тѣмъ въ Житїи печерскаго святаго ясно обозначена причина ночныхъ его отлучекъ („въ нощи вставъ, отай всѣхъ“): онъ, значитъ, желалъ держать свои отлучки и препирательства въ тайнѣ отъ всѣхъ. У евреевъ же ночныя собранїя въ синагогахъ бывають вполне законны—для вечернихъ молитвъ, послѣ которыхъ многіе остаются еще въ молитвенныхъ домахъ для занятїй изученїемъ религіозныхъ законовъ, чтенїемъ правоучительныхъ сочиненїй и бесѣдованїемъ о религіозно-моральныхъ предметахъ. Слѣдуетъ прибавить, что и изъ посланїя того же Теодосїя Печерскаго къ великому князю Изяславу видно его знакомство съ евреями и ихъ законами. Такъ на вопросъ великаго князя: можно-ли въ воскресный день заколотъ вола, овцу или птицу и ѣсть ихъ мясо? Теодосїй отвѣчаетъ: «Іудеямъ, когда Богъ ихъ вывелъ изъ Египта, данъ былъ законъ хранить субботу, такъ чтобъ ничего не дѣлать, не зажигать огня, не закалатъ ничего въ пищу, а все нужное приготовить въ пятокъ предъ вечеромъ и это іудеи дѣлають донныѣ. Но съ того времени, какъ Иисусъ снишѣлъ на землю, все іудейское умолкло; мы не чада Авраама, а чада Христа» и т. д. Отмѣтимъ еще, что не смотря на горячіе споры свои съ евреями по дѣламъ вѣры, Теодосїй однако училъ не отказывать имъ въ христіанскомъ состраданїи и помощи, когда они въ этомъ нуждаются.

Въ Печерскомъ Патерикѣ, гдѣ помѣщается житїе Теодосїя, находится также посланїе Поликарпа къ Акиндину, въ этомъ посланїи интересуеть насъ слѣдующїй рассказъ о Никитѣ Затворникѣ. Былъ онъ родомъ изъ кїевлянъ и поступилъ въ печерскїй монастырь за нѣсколько лѣтъ до кончины вышеупомянутаго Теодосїя. При преемникѣ послѣднаго, игуменѣ Никонѣ (1078—1088 г. по Р. Х.), Никиту постигло искушенїе, а именно,

онъ вдругъ пожелалъ достигъ славы высшихъ подвиговъ и даровъ духовныхъ, почему и сталъ проситься въ затворничество. Игуменъ отговаривалъ его, представляя, что онъ еще молодъ, что лучше-бы ему трудиться въ обществѣ съ братією, гдѣ онъ также не потеряетъ своей награды, что затворничество подвигъ трудный, соединенный съ опасностью искушеній, при чемъ игуменъ указалъ на недавній примѣръ затворника Исакія, подпавшаго искушенію въ затворѣ. Но все это не помогло: Никита настаивалъ на своемъ, ибо во что бы то ни стало стремился къ тому, чтобы сдѣлаться прозорливцемъ и чудотворцемъ, почему и всячески завѣрялъ, что никимъ образомъ не поддастся искушенію, такъ что игуменъ Никонъ не могъ его болѣе удерживать, и Никита удалился въ затворъ. Скоро его здѣсь посѣтилъ искуситель въ видѣ ангела. «Ты не молись, говорилъ онъ новому затворнику, и только читай книги, я же буду молиться за тебя». Никита послушался искусителя, который сталъ часто посѣщать затворника и молиться въ виду его; Никита же занимался книгами. Скоро его горячее желаніе исполнилось, ибо онъ почувствовалъ въ себѣ даръ прозрѣнія и учительства, и первымъ его подвигомъ было слѣдующее прозрѣніе. Онъ послалъ сказать великому князю Ізяславу: «Нынѣ убить Глѣбъ Святославичъ (Новгородскій князь) на Заволочѣ; пошли поскорѣ твоего сына Святополка въ Новгородъ на княжескій престолъ». Это прозрѣніе вполнѣ оправдалось, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней стало общезвѣстно, что Глѣбъ Святославичъ на самомъ дѣлѣ убить на Заволочѣ. Слава затворника Никиты разнеслась скоро, къ нему стали ходить за совѣтами и наставленіями князья и бояре. При этихъ посѣщеніяхъ возбуждались и релігіозныя пренія, на которыхъ обваружилось слѣдующее странное явленіе въ затворникѣ: отлично зная и умѣя даже низусть всѣ книги еврейской библіи (Ветхій Завѣтъ), Никита и слышать не хотѣлъ о Новомъ Завѣтѣ („Не можаше, говорится въ посланіи Поликарпа, никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства и вся Пророчества по чину и вся книги жидовскія. Евангелія же и Апостола, яже въ благодати преданныя намъ святыя книги на утвержденіе и на исправленіе, сихъ николиже въскотѣ видѣти, ни слышати, ни иному дастъ бесѣдовати къ собѣ“). Тутъ монастырская братія поняла, что дѣло не ладно, что затворникъ обольщенъ лукавымъ ѡбсомъ. Виѣстѣ съ игуменомъ собрались къ нему нѣкоторые изъ наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ братьей, въ томъ числѣ и лѣтописецъ Несторъ, и, усердно помолившись о прельщенномъ Никитѣ, отогнали отъ него лукаваго ѡбса и вывели его изъ

затвора опять въ общежитіе. И опять обнаружилось слѣдующее чудо: Когда теперь стали спрашивать бывшаго затворника про книги Ветхаго Заѣта, то Никита клятвенно подтверждалъ, что онъ никогда не читалъ этихъ книгъ и не знаетъ ни слова изъ ихъ содержанія, и печерская братія съ трудомъ научила его грамотѣ. Разсказъ заканчивается тѣмъ, что въ общежитіи Никита достигъ высшихъ подвиговъ добродѣтели и около 1096 года былъ посвященъ въ санъ Новгородскаго епископа, гдѣ и былъ почитаемъ какъ святой.

Вотъ разсказъ Поликарпа, въ которомъ невольно обращаетъ на себя вниманіе своеобразный характеръ бѣсовскаго обольщенія, состоявшаго въ отличномъ знаніи и почитаніи Ветхаго Заѣта и въ полномъ пренебреженіи Новымъ. Нельзя опять не согласиться съ мнѣніемъ г. Малышевскаго, котораго разсужденіе объ этомъ предметѣ приводимъ здѣсь въ извлеченіи.

Историческій смыслъ разсказа (говорить авторъ статьи въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи) станетъ довольно яснымъ, если, не останавливаясь на обычномъ въ подобныхъ разсказахъ мотивѣ бѣсовскаго прельщенія, будемъ разбирать дѣло съ фактической стороны. Никиту, жившаго одиноко въ затворѣ, посѣщаетъ какой-то искуситель, который совѣтуетъ ему оставить христіанскія молитвы, внушаетъ ему пренебреженіе и непочитаніе христіанскихъ книгъ Новаго Заѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ чигать усердно книгъ еврейскія, книги Ветхаго Заѣта. Такимъ искусителемъ могъ быть только еврей, или іудействующій христіанинъ, т. е. еврей, наружно принявшій христіанство по расчету или по принужденію. Въ Византіи, какъ извѣстно, часто практиковалось насильственное крещеніе евреевъ. Греческое духовенство на Руси, ссылаясь на приѣзъ своей родины, безсомнѣнно совѣтовало и русскимъ князьямъ поступать такимъ же образомъ, тѣмъ болѣе, что это было въ духѣ общихъ мѣръ, принятыхъ уже Владиміромъ для насажденія христіанства въ русскихъ областяхъ. Такъ изъ лѣтописи и сочиненій Иларіона намъ извѣстно, что Владиміръ силою власти велѣлъ идти на крещеніе тѣмъ, которые не пожелали сами идти добровольно, и въ числѣ ихъ были, судя по разнымъ указаніямъ, и еврейскіе жители Руси. Насильственно же навязанная евреямъ вѣра, какъ мы знаемъ изъ приѣзта Испаніи, естественнымъ образомъ внушаетъ имъ ненависть и отвращеніе къ ней и еще большую привязанность къ своей старой религіи, къ іудаизму, а будучи лишены возможности высказывать свои убѣжденія явно и вслухъ, тотъ и другой іудействующій христіанинъ тѣмъ ревностиѣ старался распространять эти убѣжденія тайнымъ путемъ и пропагандировать при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ какъ

Никита поступилъ въ Печерскій монастырь изъ города Кіева, то вѣроятно тайный еврейскій учитель его былъ съ нимъ знакомъ раньше и имѣлъ на него вліяніе еще до поступленія въ затворъ, и, быть можетъ, этимъ вліяніемъ объясняется то крайнее упрямство, съ какимъ Никита настаивалъ, вопреки совѣтамъ и увѣщаніямъ игумена, на своемъ удаленіи въ затворъ: учителю, надобно полагать, хотѣлось удалить Никиту изъ среды монастырскаго братства, чтобы въ уединенномъ затворѣ имѣть его въ полномъ распоряженіи своемъ и сноситься съ нимъ безпрепятственно. Первымъ блистательнымъ опытомъ дара прозорливости, полученнаго Никитою при посредствѣ своего учителя-искусителя, было то, что Никита, какъ бы по откровенію, узналъ объ убіеніи новгородскаго князя Глѣба и успѣшилъ дать знать объ этомъ великому князю Изяславу, совѣтуя скорѣе послать въ Новгородъ своего сына Святополка занять вакантный княжескій престоль. Факты эти вполне историческіе: въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1078 годомъ значится: «Въ се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, Святославль сынъ, въ Заволочыи и т. д. Сѣдящу в него мѣсто Святополку въ Новгородѣ». Слѣдовательно, весьма легко могло случиться, что еврейскій учитель Никиты, узнавъ какъ-то скорѣе другихъ объ этомъ важномъ событіи и зная притомъ усердныя старанія Изяслава всячески вытѣснять Святославичей изъ княжескихъ мѣстъ для того, чтобы закрѣпить ихъ за своими домоумъ, воспользовался этимъ благопріятнымъ сдѣвленіемъ обстоятельствъ, чтобы пріобрѣсть чрезъ своего ученика Никиту вліяніе на великаго князя. Но при этомъ онъ поступилъ весьма неосторожно и самъ выдалъ свою тайну, заставивъ своего питомца опираться въ религиозныхъ преніяхъ исключительно на еврейскіе книги и открыто отвергать святость христіанскихъ, такъ что о бѣсовскомъ происхожденіи внезапной премудрости и прозорливости Никиты и монастырскаго братія не могло уже быть поэтому никакихъ сомнѣній.

Еще на одно извѣстіе, относящееся къ концу XI вѣка, было нами указано уже давно (Гакармель V. 1865, стр. 240, Журналъ Мин. Народ. Просв. въ вышеуказ. мѣстѣ). Какъ извѣстно, изъ славянскихъ странъ въ древности вывозилось много рабовъ, такъ что по этой причинѣ названіе *Slavi* получило въ западной Европѣ нарицательное значеніе въ смыслѣ невольниковъ. О древне-русской торговлѣ этимъ живымъ товаромъ весьма обстоятельно разсказываютъ современные арабскіе писатели. По свидѣтельству путешественника Ибнъ-Фоцлаха, русскій купецъ-язычникъ въ своей молитвѣ объ успѣшной торговлѣ не забывалъ упомянуть, что онъ привезъ «дѣвушекъ столько-то головъ». Въ качествѣ купческаго сословія

и евреи участвовали въ этой далеко неблагоприятной, по нашимъ современнымъ понятіямъ, торговлѣ, и пока славянскія страны были языческими, никто, конечно, не обращалъ на это вниманія. Но вотъ славяне сдѣлались христианами, и духовенство находитъ несомнѣннымъ съ достоинствомъ христианской религіи, чтобы отверженное іудейское племя, долженствующее пребывать въ вѣчномъ униженіи, господствовало надъ невольниками-христианами. Виѣсть съ духовенствомъ другихъ странъ и русское поднимаетъ свой голосъ противъ этого явленія. Въ одномъ посланіи митрополитъ Іоаннъ II (1077—1088) протестуетъ энергично противъ продажи христианскихъ рабовъ жидамъ и еретикамъ (Русскія Достопамятности, I, 89). Впрочемъ, еще сомнительно, относится ли это къ русскимъ евреямъ, такъ какъ въ Русь пріѣзжали и иностранные купцы изъ евреевъ, какъ мы видѣли выше.

IV.

Изъ отвѣтнаго письма хазарскаго царя Іосифа на письмо Хасдаи Ибнъ-Шапрута (около 960-го года).

[Объ этомъ хазарскомъ царѣ или хаканѣ другихъ свѣдѣній, кромѣ заключающихся въ его письмѣ, не имѣемъ. Слѣдовательно, мы знаемъ только, что Іосифъ былъ сыномъ царя Арона, что около 950-го года онъ уже царствовалъ, ибо византійскіе посланники, бывшіе въ то время въ Кордовѣ, говорили уже про него Ибнъ-Шапруту. Неизвѣстно, дожилъ ли Іосифъ до рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ Святославомъ хазарскому преобладанію въ нынѣшней южной Россіи, въ 965-мъ и 969-мъ годахъ. Во всякомъ случаѣ, въ то время, когда настоящее письмо было писано, Хазарія находилась въ апогеѣ своего могущества, и окружающія племена и народы платили ей дань. Хотя отвѣтное письмо это писано, по всей вѣроятности, «однимъ изъ секретарей царя», какъ выразился Хасдаи въ своей просьбѣ, по разнымъ намекамъ видно однако, что оно во всякомъ случаѣ писано по диктовкѣ самаго Іосифа. Слѣдующія мѣста изъ него касаются предмета настоящаго собранія].

1. «Ты меня спрашиваешь о моей землѣ и о протяженіи моего государства—на это я тебѣ отвѣчаю, что моя столица при рѣкѣ Итиль (Волга); у конца этой рѣки находится море Джорджанъ (Каспійское). Начало этой рѣки клонится къ востоку, она занимаетъ пространство четырехъ мѣсяцевъ пути. При этой рѣкѣ живутъ многіе народы въ городахъ и селахъ, въ открытыхъ мѣстахъ и въ укрѣпленіяхъ. Вотъ ихъ названія; Буртасъ

Булгарь, Суварь, Арису, Цармисъ, Винтять, Северь и Славіунъ. Каждый изъ этихъ народовъ весьма многочислененъ и всѣ они платятъ имъ дань» (Еврейская Библіотека, т. VII, стр. 160).

Это въ высшей степени важное извѣстіе о границѣ хазарскаго государства къ сѣверу и объ отношеніи Хазаріи къ славяно-русскимъ племенамъ, еще не вошедшимъ въ составъ Кіевской Руси, въ печатномъ изданіи сокращено и искажено, ибо въ немъ пропущены всѣ географическія и этнографическія названія и даже имя рѣки Итиль (Волги), и вмѣсто всего этого сказано тамъ глухо: «При рѣкѣ (какой не сказано) живутъ девять многочисленныхъ народовъ». Между тѣмъ въ полномъ текстѣ исчислены не девять, а восемь этнографическихъ названій. Очевидно, сократитель по ошибкѣ причислилъ также пропущенное имъ имя рѣки Итиль къ родамъ! О волжскихъ Буртасахъ (Мордвѣ), Булгарахъ (Камскихъ) и Суварѣ (въ сосѣдствѣ съ Булгарами) упоминается часто древнѣйшими арабскими географами; Арису тождественно съ именемъ Эрза (Эрзяне); Цармисъ очевидно черемисы, которыхъ уже Иорнандъ называетъ Sarmis; непонятное имя Винтять слѣдуетъ по моему предположенію читать Вентить и подразумѣвать подъ нимъ вятичей, первоначальное названіе коихъ было вентичи, и которые были подчинены Хазаріи до 966-го года (см. свидѣтельство русской лѣтописи, приводимое ниже); Северь очевидно сѣверяне, которые хотя и перестали, по свидѣтельству лѣтописи (Лавр. списокъ подъ 6392—884-мъ годомъ, изд. 1872 г. стр. 23), по настоянію Олега платить хазарамъ дань, но вѣроятно ненадолго, или же они платили обоимъ, и кіевлянамъ и хазарамъ. Подъ названіемъ славянъ вообще (Славіунъ есть арабское множ. число) разумѣются другія славяно-русскія племена, бывшія въ подчиненіи у хазарской власти, какъ напр. радичи, отношеніе которыхъ къ Хазаріи и Кіеву было одинаково съ отношеніемъ сѣверянъ (см. Лаврентьев. спис. тамъ же). Свидѣтельство арабскаго путешественника Ибнъ-Фацлана (въ началѣ 20-хъ годовъ X столѣтія) гласитъ также: «Славяне и всѣ сосѣдніе народы находятся во власти хазарскаго царя, онъ обращается съ ними, какъ со слугами и они повинуются ему покорно» (Сказанія мусульм. писат. стр. 92—93). Царь Юсифъ могъ также имѣть въ виду многочисленные славяно-русскіе роды, обитавшіе въ самой Хазаріи. По извѣстію Масуди, эти славяно-русскіе язычники имѣли въ хазарской столицѣ своего особаго судью, и они составляли преимущественно царское войско и прислугу. Извѣстно также, что восточные государи, какъ напр. китайскіе въ наше время, весьма часто съ упорнымъ легитимизмомъ продолжаютъ считать подчиненными себѣ

племена и области, бывшія когда-то въ зависимости отъ нихъ, но пріобрѣтшія самостоятельность, или же отошедшія къ другимъ государствамъ, питая надежду снова подчинить послѣднихъ своей власти при благоприятныхъ тому обстоятельствахъ.

2. «Знай и примѣчай, что я живу при устьѣ помянутой рѣки (Итиля, или Волги), и съ помощью Всемогушаго охраняю входъ въ эту рѣку, и не пускаю русскихъ, которые пріѣзжаютъ на корабляхъ, вступить въ Каспійское море для того, чтобъ переправиться къ Измаильтянамъ (мусульманамъ). Точно также не пускаю враговъ, находящихся на сушѣ, добраться до вратъ (т. е. до Бабъ-аль-Абваба или Дербенда). Я съ ними веду войну (изъ за этого), и если я бы ихъ пустилъ хоть на короткое время, то они опустошили бы всю землю Измаильтянъ до Багдада и до страны... (пропущено названіе страны, которое могло быть Персіей)». (Еврейская Библиотека, т. VII, стр. 160—161).

Такъ гласить это мѣсто въ рукописи Императ. Публичной Библиотеки. Въ печатномъ же текстѣ, мѣсто это искажено слѣдующимъ образомъ: «Я живу при входѣ рѣки и не пускаю русскихъ, приходящихъ на корабляхъ, переправиться къ нимъ (къ кому-неизвѣстно); точно также не пускаю всѣхъ враговъ ихъ (чьихъ?), приходящихъ по сушѣ, перейти въ ихъ страну». Послѣднимъ выраженіемъ перепясычакъ или издатель печатнаго текста (Исаакъ Акришъ) замѣнилъ непонятныя ему слова добраться до вратъ, ибо онъ не зналъ, что рѣчь тутъ идетъ о городѣ Дербендѣ, носившемъ по арабски названіе Бабъ-аль-Абвабъ (врата вратъ), подъ которымъ онъ приводится въ письмѣ Хасдан и въ этомъ же письмѣ царя Юсифа, немного выше.

Въ этомъ описаніи своихъ отношеній къ русскимъ наѣзdnикамъ на Кавказъ и на Закавказье царь Юсифъ нисколько не хвасталъ, а говорилъ вполне согласно съ истиной.

Изъ свидѣтельства современнаго арабскаго писателя намъ также извѣстно, что русскіе, предпринимавшіе походы противъ народовъ и племенъ, жившихъ къ югу отъ Хазарин, должны были предварительно заручиться согласіемъ хазарскаго Хакана, чрезъ владѣнія коего они должны были проходить. Современникъ царя Юсифа, арабскій историкъ и географъ Масуди (писалъ въ 30-хъ—50-хъ годахъ X вѣка) рассказываетъ: «Послѣ 300-го года гиджры (912/913 года по Р. Х.; событіе это на самомъ дѣлѣ происходило въ 914-мъ году) случилось, что около 500 кораблей, изъ коихъ на каждомъ было сто человѣкъ русскихъ, вошли въ рукавъ Бовтаса (Понтуса, Чернаго моря), соединяющійся съ Хазарскою рѣкою (т. е. въ

рѣку Донъ, соединенную посредствомъ волока, съ Волгою). Здѣсь же хазарскимъ царемъ поставлены въ большомъ количествѣ люди, которые задерживаютъ проходящихъ этимъ моремъ, также проходящихъ сухимъ путемъ съ той стороны, гдѣ рукавъ Хазарскаго моря (другое названіе для Волги) соединяется съ моремъ Вонгасъ (посредствомъ р. Донъ) и т. д. Послѣ того какъ русскія суда прибыли къ хазарской стражѣ, поставленной при устьѣ рукава, русскіе послали къ хазарскому царю просить о томъ, чтобъ имъ было дозволено перейти въ его страну, войти въ его рѣку и вступить въ Хазарское (т. е. Каспійское) море, подъ тѣмъ условіемъ, что они ему дадутъ половину изъ всей добычи, которую возьмутъ у народовъ, живущихъ по означенному морю» (Сказанія мусульман. писат. стр. 130—131). Мы привели выше свидѣтельство другаго арабскаго писателя, Ибнъ-Хордадбе, что и мирные русскіе купцы, отправлявшіеся со своими товарами на югъ, также должны были платить пошлину (десятину) хазарскому Хагану. О разныхъ другихъ русскихъ походахъ на прикаспійскія страны въ древнія времена трактуется обстоятельно въ Каспіи г. Дорна (СПб. 1875).

Взявъ во вниманіе неослабое стремленіе русскихъ въ продолженіе IX и X столѣтій къ югу, (кромѣ похода 914-го года имѣются еще извѣстія о походахъ 880-го, 909/910-го и 944-го годовъ), можно поглубже вникнуть въ тогдашнія политическія отношенія русскихъ къ хазарамъ. Очевидно для всякаго, знакомаго съ источниками, что единственная сильная помѣха русскимъ на пути къ Кавказу и къ Закавказью были хазаре, какъ со стороны Черноморья, такъ и со стороны Каспійскаго моря. По всей вѣроятности, незадолго до 960-го года, (когда приблизительно было написано хазарское письмо), русскіе наѣзники опять пытались проникнуть на югъ и встрѣтили сильный отпоръ со стороны царя Юсифа, на что ясно указываютъ вышеприведенныя слова его, и за это сопротивленіе, навлекшее на Юсифа гнѣвъ русскихъ дружинъ, Хазарія поплатилась дорого, такъ какъ русскій князь обрушился съ тѣхъ поръ всѣми силами на бывшихъ нѣкогда господъ и властелиновъ въ Кіевской Руси и наносилъ имъ ударъ за ударомъ. Сперва онъ освободилъ своихъ соплеменниковъ вятичей отъ хазарскаго господства, а затѣмъ, въ нѣсколько пріемовъ, разрушилъ совсѣмъ сильное хазарское государство и получилъ свободный доступъ къ кавказскимъ племенамъ. Способъ изложенія военныхъ дѣлъ Святослава за 60-ые годы въ лѣтописи Нестора подтверждаетъ политическую связь между этими различными событіями. Разсказъ лѣтописи гласитъ такъ: «Влѣто 6472 (=964) князю Свято-

славу възрастшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры и т. д. И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: Кому дань даете? Они же рѣша: Козарамъ по щялгу отъ рала даемъ.—Въ лѣто 6473 (=965). Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Вѣлу Вежю (=крѣпость Саркель) взя. И Ясы побѣди и Касоги—В лѣто 6474 (=966) Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ возложи». (Лѣтопись по Лаврент. списку, изд. 1872 года, стр. 63—64). Мы здѣсь видимъ, что первымъ дѣломъ Святослава послѣ побѣды надъ хазарами было вторженіе къ кавказскимъ ясамъ (иначе называемымъ аланамъ) и касогамъ, т. е. черкесамъ; освобожденіе же единоплеменныхъ вятичей и присоединеніе ихъ къ Руси, начатое, по крайней мѣрѣ задуманное, еще въ 964-мъ году, было исполнено не раньше какъ чрезъ два года, послѣ похода на Кавказъ, который сталъ возможнымъ лишь по уничтоженіи хазарскаго могущества.

3. Отиѣтимъ еще, что въ письмѣ царя находится первое, извѣстное въ еврейской сведневъковой литературѣ славяно-русское слово. Въ началѣ письма Иосифъ пишетъ къ Хасданъ: „Симъ я тебя извѣщаю, что твое письмо, украшенное превосходнымъ языкомъ, получено нами чрезъ одного еврея изъ земли Нѣмецъ, по имени Исаакъ, сынъ Эліазара“ (Евр. Библиот. VII, 154). Славянское названіе для Германцевъ и Германіи нѣмецъ было заимствовано нѣкоторыми византійскими писателями, венгерцами и восточными народами: арабами, персіянами и турками. Кассель (Magyarische Alterthümer, p. 195, Anmerkung 2) говоритъ, что хазаре могли заимствовать это названіе или у византійцевъ, или у славянъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они его заимствовали у своихъ непосредственныхъ сосѣдей, т. е. у русскихъ.

(Продолженіе будетъ).

А. Гаркави.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ.

(Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней) *.

I.

Цѣль учрежденія колоній и первоначальное ихъ образованіе.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія евреи жили чрезвычайно скучено въ нѣсколькихъ малороссійскихъ, польскихъ и въ особенности литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ они, по многочисленности и бѣдности, поневолѣ вели сильную борьбу за свое существованіе, не рѣдко въ ущербъ интересамъ не только христіанъ, но и своихъ соплеменниковъ. Борьба эта во многомъ, впрочемъ, соотвѣтствовала тогдашнимъ суровымъ законамъ, грубымъ общественнымъ нравамъ и обычаямъ, а также безправію отдѣльныхъ лицъ: законъ держалъ евреевъ *безотлучно* на опредѣленныхъ для нихъ мѣстахъ пребыванія; христіане относились къ нимъ враждебно, вслѣдствіе предубѣжденія противъ ихъ торговой дѣятельности, а отчасти и изъ зависти къ ихъ скуповству; мѣстныя же власти часто издѣвались надъ ними и безпредѣльно произвольничали. Сово-

* Мы будемъ вести здѣсь рѣчь о колоніяхъ на основаніи достовѣрныхъ архивныхъ документовъ, до сихъ поръ нигдѣ и никогда не опубликованныхъ, но всесторонне обнимающихъ предметъ. Заранѣе считаемъ долгомъ замѣтить, что будемъ относиться совершенно объективно какъ къ хорошимъ, такъ и дурнымъ сторонамъ дѣятельности евреевъ-земледѣльцевъ; мы будемъ говорить совершенно безпристрастно, ибо убѣждены, что для евреевъ одинаково вредно какъ огульное восхваленіе, такъ и огульное осужденіе.

купность перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ еще обстоятельство, какъ напимѣръ—особенности національныхъ и религиозныхъ взглядовъ и обрядовъ, побуждали и евреевъ, въ свою очередь, не особенно дружелюбно относиться къ своимъ противникамъ и не стѣсняться въ средствахъ къ добыванію главнѣе всего — денегъ, такъ какъ эти послѣдніе, предметъ удобно скрываемый, далеко не столь просто отнимаются, какъ иное имущество, всегда находящееся на виду, ими легко было откупаться отъ всякихъ бѣдъ, да и жить безъ особеннаго страха за свою будущность.

Начало царствованія Александра I ознаменовалось, какъ извѣстно, многими мѣрами, клонившимися къ предоставленію и низшимъ сословіямъ кое-какихъ правъ. Но господствовавшія въ названныхъ провинціяхъ, среди христіанъ и евреевъ, неурядицы порождали, естественно, угнетеніе сильными слабыми, а со стороны послѣднихъ вызывали «доходившія» и до Александра I «жалобы на разныя злоупотреленія и безпорядки во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей тѣхъ губерній, гдѣ евреи обитали».

И вотъ «для избранія средствъ къ исправленію положенія евреевъ», императоръ Александръ образовалъ, 9-го ноября 1802 г., «особенный комитетъ», который, проработавъ надъ заданною ему задачею болѣе 2-хъ лѣтъ,—составилъ цѣлое, самостоятельное «положеніе» о «гражданскомъ устройствѣ» евреевъ вообще. Положеніе это государь утвердилъ 9-го декабря 1804 г., въ увѣренности, что «начала его весьма справедливы, а статьи сообразны умѣренности и попеченію о истинномъ благѣ евреевъ».

«Положеніемъ» этимъ всѣ евреи раздѣлялись на 4 класса: земледѣльцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, купцовъ и мѣщанъ, при чемъ каждому изъ названныхъ сословій присвоивались отдѣльныя права, обязанности и отвѣтственность, но съ одинаковымъ для всѣхъ ограничительнымъ условіемъ: «въ теченіи 2-хъ лѣтъ *непремѣнно* *приписаться* къ одному изъ сословій» и, чтобы «съ 1-го января 1808 г. *никто* изъ евреевъ *ни въ какой деревнѣ* и *ни въ какомъ селѣ* не содержалъ никакихъ арендъ, шинковъ, постоянныхъ дворовъ, ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, не продавалъ вина и даже *не жилъ* ни подъ какимъ-бы то ни было видомъ» (31 и 34 п. положенія).

Мы будемъ касаться здѣсь «положенія» 1804 г. лишь на столько, на сколько оно касается занимающаго насъ здѣсь класса земледѣльцевъ. Положеніемъ этимъ, евреямъ разрѣша-

дось: а) прибрѣтать въ личную и потомственную собственность незаселенныя земли въ литовскихъ, бѣлорусскихъ, малоросійскихъ, кievской, минской, вoлынскoй, подoльскoй, астраханскoй, кавкaзскoй, екатеринoслaвскoй, тавричeскoй и херсонскoй губерніяхъ; б) земли эти обрабатывать *наемными* работниками, по условіямъ и контрактамъ съ ними; в) водворившимъ на этихъ земляхъ по условіямъ не менѣе 30 домовъ, или семействъ работниковъ, изъ единовѣрцевъ, содержать, въ ихъ поселеніяхъ, пивныя, по общимъ о нихъ, впрочемъ, правиламъ; г) арендовать помѣщицки земли по формальнымъ договорамъ, съ освобожденіемъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, на 5 лѣтъ, лишь тѣхъ изъ нихъ, которые разселятся на арендуемыхъ земляхъ, *особенными* селеніями; наконецъ д) бѣднымъ евреямъ, «кои ни собственныхъ земель прибрѣсть, ни арендовать не будутъ въ состояніи», — переходить во всѣ названныя, кромѣ кievской, губерніи на казенныя свободныя земли (ее предназначалось, въ «нѣкоторыхъ губерніяхъ», на первый разъ, до 30,000 десятинъ), съ избавленіемъ желающихъ переселиться, на *новыя* уже мѣстахъ — «на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей, исключая земскихъ повинностей» и съ правомъ «получать отъ казны на заведеніе заимообразную ссуду, которую возвратитъ въ извѣстное число лѣтъ, согласно правиламъ, на коихъ ссуда чинится иностраннымъ колонистамъ», т. е. въ теченіи первыхъ 10 же лѣтъ *послѣ* минованія устанавливавшихся 10 льготныхъ лѣтъ (11—19 п.).

Въ довершеніе всего, чтобы евреи вѣрили въ прочность предлагавшихся будущимъ земледѣльцамъ преимуществъ, — правительство ручалось имъ въ полной ихъ «личной свободѣ и въ точномъ покровительствѣ имъ законовъ, наравнѣ со всѣми російскими подданными»; для тѣхъ, которые будутъ «отличаться знаніями или важными, государству, заслугами», правительство узаконяло «соразмѣрныя награды и отличія», безпаспортныхъ же предоставляло полиціи «брать подъ стражу и пересылать, въ видѣ наказанія, въ степныя земли, назначенныя для добровольныхъ переселенцевъ» (42, 43 и 46 п. положенія).

Создавая это «положеніе» правительство стремилось, главнымъ образомъ: во 1-хъ расширить предѣлы свободного пребыванія евреевъ, чтобы облегчить имъ способы къ безобидному и безбѣдному существованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ умалить антипатію къ нимъ христіанъ за то, что они, массами, волей-неволей отягощали и безъ того незавидный бытъ крѣпостныхъ крестьянъ; во 2-хъ привлечь евреевъ къ самостоятельному жи-

зическому труду, казавшемуся правительству плодотворнѣе торговаго, какъ лично для нихъ, такъ и для государства,—и наконецъ въ 3-хъ, засѣлить пространныя степи Новороссіи, свободную землю которой некому было обрабатывать, для извлеченія изъ нея матеріальной пользы.

Сопоставляя тогдашнее крайне стѣсненное положеніе евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи съ тѣмъ, что имъ предлагалось «положеніемъ», слѣдовало, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ ожидать, что они тотчасъ-же толпами съ радостію ринутся на земледѣльческое поприще, благо знали ему *на толщую* цѣну, по жительству своему въ деревняхъ; а какъ люди смышленные, скоро усвоятъ себѣ ясное понятіе о земледѣльческой производительности и окажутъ содѣйствіе къ ея процвѣтанію. Однако, дѣйствительность удостовѣряетъ насъ, что евреи далеко не спѣшили въ земледѣльцы, и вотъ, кажется, почему. Одни не хотѣли разстаться хоть и съ плохими, но все-таки насиженными мѣстами и унаслѣдованными отъ предковъ предразсудками, да по внушеніямъ кагаловъ, остерегавшихся разстройства общинъ, какъ потомъ многіе излагали въ прошеніяхъ властямъ. Другіе готовы были, правда, сдѣлаться земледѣльцами, но не иначе, какъ *дома*: чрезъ полгода послѣ обнародованія «положенія» 125 гродненскихъ семействъ просили мѣстнаго губернатора надѣлать ихъ въ той же губерніи землею, которой тамъ считалось казенной свободной только 200 дес. Имъ, разумѣется, отказали, какъ и минскимъ евреямъ, гдѣ вовсе не было подобной земли, а они на этомъ и успокоились. Третьи—по свойственному всѣмъ, даже и невѣжественнымъ евреямъ, резерверству и мнительности, — судили и рядили какъ имъ быть, но никуда не трогались, какъ изъ опасенія, не изображаетъ-ли собою «положеніе» ловушку, такъ и съ цѣлію выждать, не отыщутся-ли смѣльчаки, которые, переправившись на чужбину, устроятся тамъ, извѣстятъ, какъ имъ это удастся, а тогда и поступить, сообразно личнымъ видамъ, — практичнѣе.

«Положеніе» было обнародовано въ декабрѣ 1804 г., но до 1806 г. никто ни откуда не пожелалъ переселиться въ Новороссію, преимущественно въ предположеніи, что запретъ жить и торговать въ деревняхъ отмѣнится. Но такъ какъ эта надежда не сбывалась, а срокъ выселенія изъ деревень приближался, и многихъ стали выгонять въ мѣстечки и города, гдѣ положеніе бѣдныхъ семействъ становилось критическимъ, — то евреи встрепенулись и откликнулись на призывъ правительства.

Началось съ того, что могилевскій губернаторъ М. М. Ба-

кунинъ донесъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу В. П. Кочубею, что «Чериковскаго повѣта евреи Израиль Лентпортъ и Нохимъ Финкенштейнъ отъ себя и отъ имени другихъ, въ числѣ 36 семействъ изъ 96 мужчинъ и 102 женщинъ, просятъ переселить ихъ въ екатеринославскую, таврическую или херсонскую губернію, въ земледѣльцы, поелику они хорошо знаютъ хлѣбопашество». Удостоверяя, что семейства эти «находятся въ крайней бѣдности», Бакунинъ спрашивалъ разрѣшенія на выдачу имъ «подводъ и прокормежныхъ денегъ въ дорогѣ» и наставленія: «какимъ манеромъ и куда именно посылать этотъ народъ?» Кочубей, вмѣсто отвѣта, запросилъ Бакунина: въ какихъ эти люди «находились доселѣ промыслахъ, исправно-ли платили повинности, по какимъ причинамъ обѣднѣли, способны-ли они къ земледѣлію, можно-ли рассчитывать на ихъ будущее трудолюбіе, благонадежны-ли къ возврату ссуды, которую правительство рассудило-бы имъ сдѣлать и знаютъ-ли земли, на которыя хотяя переселиться?» При этомъ Кочубей поручилъ Бакунину предупредить евреевъ, что если они «не имѣютъ понятія о земляхъ, то прежде всего должны послать туда довѣренныхъ людей, для осмотра и выбора потребныхъ для нихъ земель, изъ такихъ, кои для казенныхъ поселянъ назначены». Безъ этого, закончилъ Кочубей предписание, «переселеніе ихъ совершенно бесполезно и дозволено быть не можетъ».

Съ своей стороны чериковскіе евреи, стѣсняясь ждать обыкновеннаго, бумажнаго исхода затѣяннаго ими дѣла, — вслѣдъ за бумагою губернатора отправили Финкенштейна хлопотать въ Петербургъ. Тутъ, въ экспедиціи государственнаго хозяйства, объявили Финкенштейну, что до получения отъ Бакунина удовлетворительнаго отвѣта ничего нельзя сдѣлать. Тогда Финкенштейнъ подалъ Кочубею прошеніе и въ немъ изложилъ слѣдующее: «Собратіи занимались въ селеніяхъ продажею питей; кромѣ барышей отъ сей продажи пользовались еще отъ помѣщиковъ бесплатными квартирами; производили и мелочную продажу крестьянамъ разныхъ нужныхъ имъ припасовъ, каковыя закупали въ городахъ оптомъ, дешевле, нежели порознь продаются, а отъ всего этого доставляли своимъ семействамъ пропитаніе; за отказомъ же имъ помѣщиками въ проживаніи и торговлѣ въ деревняхъ, — они принуждены были перемѣститься въ мѣстечки и города, гдѣ надо платить за квартиры, а лишася сказанныхъ промысловъ, пришли въ бѣднѣйшее положеніе. Всѣ собратіи, записанные по ревизіи, исправно платили казенныя

подати и повинности, въ чемъ имѣютъ квитанціи; люди они честнаго поведенія, трудолюбивы, въ ихъ благонадежности возвратитъ ссуды нѣтъ никакого сомнѣнія; но для вѣщнаго обезпеченія можно взять съ нихъ круговое поручительство. Они не знаютъ еще, на какихъ мѣстахъ удобнѣе будетъ имъ водвориться; но для посылки довѣренныхъ для выбора земли нужны издержки, а довѣрители не иначе могутъ ихъ поднять, какъ узнавъ предварительно: въ чемъ именно будетъ состоятъ обѣщанное правительствомъ пособіе? Оттого онъ просилъ разъяснить ему объ этомъ «для общей пользы», такъ какъ при соотвѣтственной помощи «многіе еще евреи присоединятся къ довѣрителямъ, а умноженное число ихъ облегчитъ раскладку затраты на посылку осмотрщиковъ земель». Ко всему сказанному Финкенштейнъ присовокупилъ «всепокорнѣйшую просьбу, дабы переселяющіеся состояли, на новыхъ мѣстахъ, въ вѣдомствѣ новороссійской попечительной конторы надъ колонистами, а не казенной палаты, ибо затрудненія, съ обрядами послѣдней сопряженныя, могутъ причинить остановки въ удовлетвореніи просьбъ; остановки-же при новыхъ обзаведеніяхъ причиняютъ гибельныя разстройства».

Кочубей письменно отвѣтилъ Финкенштейну, что «если вѣрители его *твердо* рѣшились перейти въ Новороссійскій край и *быть тамъ земледѣльцами въ полномъ смыслѣ сего званія*, то это имъ дозволяется»; но, что они «должны послать прежде, для выбора земель, повѣренныхъ, которые обязаны явиться въ Екатеринославъ въ опекунскую контору, а она: сперва—доставитъ имъ къ тому средства, а потомъ-будетъ пешись о водвореніи евреевъ, также, какъ это дѣлаетъ о колонистахъ. Когда повѣренные выберутъ земли, возвратятся на родину и могилевскій губернаторъ увѣдомитъ объ этомъ министерство, тогда оно распорядится объ отправленіи въ Новороссію разомъ всѣхъ желающихъ. Сверхъ пособій на постройку домовъ, закупку скота, орудій и сѣмянъ на правый посѣвъ,—дѣйствительно бѣднымъ дадутъ вспоможеніе на переѣздъ ихъ до мѣста поселенія, на прокормленіе въ пути и на мѣстахъ до первой жатвы, съ тѣмъ, однако-же, что всѣ издержки, какія на нихъ употребятся, они должны будутъ возвратитъ по прошествіи нѣкотораго времени». Финкенштейнъ, получивъ приведенное объявленіе за подписью самого Кочубея, отправился во свояси, совершенно довольный своею миссіею.

Обо всемъ разсказанномъ Кочубей успѣшилъ предупредить херсонскаго гебернатора, генераль-лейтенанта Э. О. Дюка де

Ришелье, для оказанія еврейскимъ повѣреннымъ содѣйствія къ достиженію ихъ «похвальной цѣли». Въ этой же бумагѣ прибавилъ онъ, что изъ евреевъ «вѣроятно найдутся еще охотники записаться въ земледѣльцы», почему просилъ Ришелье сообразить: «не лучше-ли отдѣлить нѣсколько участковъ, вмѣстѣ лежащихъ, дабы евреи могли селиться особенно отъ другихъ поселенцевъ, для сохраненія пользы евреевъ въ разсужденіи ихъ вѣры, да и имѣть надъ ними, со стороны начальства, лучшій надзоръ». Тоже самое Кочубей предписалъ, для точнаго исполненія, и конторѣ опекунства новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ. Ришелье отвѣтилъ Кочубею, что дѣйствительно «особенное, изъ евреевъ, поселеніе удобнѣйшее», поэтому онъ рѣшилъ водворить ихъ «въ херсонскомъ уѣздѣ при рѣчкѣ Ингуль, на свободныхъ до 24,000 дес. земли», тѣмъ болѣе, что эти участки «отстоятъ отъ Бериславля—въ 50 только верстахъ, а отъ Херсона и Николаева тоже не далеко, значить для евреевъ во всѣхъ отношеніяхъ выгодныхъ»; наконецъ, что и опекунской конторѣ онъ «наказалъ по прибытіи депутатовъ ласково показать имъ, въ натурѣ, землю, внушить имъ выгоду поселенія на ней и имѣть попеченіе о ихъ водвореніи».

Тѣмъ временемъ вѣсть о благопріятныхъ результатахъ путешествія въ Петербургъ Финкенштейна огласилось въ окружности. Вслѣдствіе этого 53 мстиславскихъ еврейскихъ семейства, изъ 96 челов., тоже пожелали переселиться въ Новороссію, а ихъ повѣренный Сафранчикъ длиннымъ, жалобнымъ прошеніемъ просилъ Кочубея объ отправкѣ ихъ безъ справокъ, какія собирались о чериковскихъ евреяхъ и безъ предварительной посылки депутатовъ, для выбора земли, въ томъ вниманіи, что его довѣрители, «изгнанные изъ селъ и деревень,—скитаются безъ всякаго пристанища, даже безъ дневнаго пропитанія, ужасно бѣдствуютъ» и умоляютъ о скорѣйшей помощи, которую надѣются «получить отъ землепашества», благо «доконально знаютъ эту работу».

Кочубей не внялъ, однако, мольбамъ Сафранчика, а написалъ Бакунину, что «вдругъ нельзя изготовить для просителей, въ Новороссіи, пристанищъ на зиму, а это имъ самимъ можетъ быть пагубно»; что «опредѣленіе имъ земли безъ ихъ выбора, легко можетъ послужить, послѣ, поводомъ къ жалобамъ на ея худобу или на невыгодное ихъ положеніе»; что «безразсудное ихъ помышленіе основывается вѣроятно на томъ, чтобы безъ дальнихъ трудовъ получить прокормленіе на счетъ казны». Но, «во избѣжаніе всѣхъ непріятностей и бесполезныхъ, для

правительства, хлопотъ», Кочубей просителямъ—отказалъ въ ихъ «исканіи», а Бакунина—просилъ заставить ихъ: во 1-хъ непременно послать повѣренныхъ для осмотра и избранія земель, а во 2-хъ до тѣхъ поръ, покамѣсть все выполнять, «снискивать пропитаніе въ сельскихъ или другихъ работахъ, наймомъ у тамошнихъ обывателей, къ чему лѣтнія полевья работы весьма имъ способствовать могутъ, если только они захотятъ трудиться».

Едва успѣлъ отправить этотъ отвѣтъ Кочубей, какъ ему доложили ходатайство 76 черниговскихъ еврейскихъ семействъ, о дозволеніи имъ переселиться въ земледѣльцы на Кавказъ. Кочубей, помня объ отводѣ для поселенія евреевъ земель въ херсонской губерніи, гдѣ о порядкѣ водворенія ихъ онъ возложилъ порученіе на контору,—отозвался, что «польза какъ евреевъ, такъ и правительства заключается въ размѣщеніи ихъ на одномъ мѣстѣ». Въ этихъ видахъ онъ просилъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина: внушить настоящимъ и будущимъ просителямъ, что «лучше было-бы, если-бы они направились въ названную губернію, гдѣ получаютъ ссуду на все хозяйственное обзаведеніе», но перебраться туда должны, по близости, на собственный счетъ, за исключеніемъ бѣднѣйшихъ, которымъ Куракинъ уполномочивается выдать «небольшое вспоможеніе». Объ этомъ рѣшеніи Кочубей далъ знать и конторѣ, для «исполненія всего, ей порученнаго объ евреяхъ».

Между тѣмъ Бакунинъ, собравъ требовавшіеся отъ него о первой группѣ евреевъ удовлетворительные отвѣты, сперва—представилъ ихъ Кочубею, а потомъ—доложилъ ему, что вслѣдствіе «бѣдности» евреевъ, они не могли собрать денегъ на посылку повѣренныхъ въ Новороссію, почему «жалѣючи» ихъ, онъ выдалъ избраннымъ въ повѣренные Финкенштейну и Либерману паспорта, бумагу въ контору «объ оказаніи имъ, на мѣстѣ, содѣйствія», а отъ себя «на прогоны на 3 лошади въ оба пути 181 р. 26 к. и на ѣду 100 р.», и отправилъ ихъ по назначенію. Что же касается означенныхъ денегъ, то онъ оговорился, что «ежели онѣ не будутъ признаны къ выдачѣ должными, то охотно приметъ ихъ на свой счетъ» *.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ опекунская контора донесла Кочубею, что Финкенштейнъ и Либерманъ явились,

* По соглашенію Кочубея съ министромъ финансовъ графомъ А. И. Васильевымъ эти деньги были возвращены Бакунину изъ казны (12 Декабря 1806 г.).

внимательно осмотрѣли землю, выбрали для себя и своихъ соплеменниковъ съ лѣвой стороны рѣчки Ингулы участокъ въ 6,600 дес.» (5,800 д. удобной и 800 д. неудобной) и уѣхали назадъ, на родину, за своими довѣрителями, ихъ семействами и пожитками. Контора при этомъ, кстати, пояснила, что по полученнымъ ею разнымъ свѣдѣніямъ, желающихъ переселиться изъ одной моголевской губерніи набирается 388 семействъ, въ 1,014 мужского и 881 женскаго пола душъ, да многіе изъ черниговской, полтавской и самой херсонской губерніи, уже пришли и прямо, на свой коштъ, самовольно «зачали селиться», тогда какъ Ришелье разрѣшилъ конторѣ вселить, на первый разъ, всего не болѣе 200 семействъ. Остерегаясь нарушить какъ наказъ Ришелье, такъ и справедливость, контора полагала— въ число предназначенныхъ 200 семействъ принять изъ всѣхъ губерній по немногу, отдавъ, впрочемъ, предпочтеніе моголевскимъ евреямъ; относительно-же остальныхъ завести очередь по спискамъ, которые истребовать отъ подлежащаго начальства.

Вслѣдъ за конторою Ришелье сообщилъ Кочубею, что по «самовѣрнѣйшимъ бумагамъ», до него дошедшимъ, въ земледѣльцы пожелали изъ губерній:

Моголевской . . .	388	семействъ	въ	1955	душъ.
Херсонской . . .	89	»	»	403	»
Балтскихъ . . .	100	»	»	374	» да тоже
Предполагають:					
Моголевскихъ . . .	300	»		не	извѣстно.
Изъ Балты . . .	84	»		1563	»
<hr/>					
Всего . . .	911	»	»	4295	душъ,

не считая черниговскихъ и полтавскихъ, ибо ихъ и другихъ «день ото дня числомъ преумножается», а всѣ «настоячиво просятъ землю, жилья и пищи».

Въ подкрѣпленіе послѣднихъ словъ Ришелье, контора прислала на «разсужденіе» Кочубею просьбу повѣренныхъ 100 моголевскихъ семействъ, Фальбишовича и Сафранчика, (выбравшихъ земли) о дозволеніи ихъ довѣрителямъ-безотлагательно же начать переселеніе, а конторѣ—устроить имъ только хоть «часть домовъ, купить нѣсколько паръ воловъ, сѣмянъ и земледѣльческія орудія, дабы съ открытія весны ничто не мѣшало имъ заняться земледѣліемъ», а также «произвестъ денежную помощь, чтобы «до жатвы не перемерли съ голоду, по ницетѣ».

Экспедиція Государственнаго Хозяйства къ доставленнымъ

конторою и Рипелье свѣдѣніямъ присоединила полученныя непосредственно отъ губернаторовъ справки о численности евреевъ, рѣшившихся превратиться въ новоросійскихъ земледѣльцевъ и изъ всѣхъ этихъ данныхъ вывела, что повѣренные избрали участки отъ евреевъ: чериковскихъ — 300, мстиславскихъ — 100, жлобинскихъ — 400, оршанскихъ — 200, люцинскихъ — 236 и полтавскихъ — 200 семействъ, итого 1436 семействъ, помимо тѣхъ, которыя долженъ былъ привести Финкенштейнъ.

Солідная эта цифра послужила Кочубею основаніемъ къ отмѣнѣ обязанности евреевъ посылать въ Новороссію, предварительно, повѣренныхъ для выбора земли, въ томъ соображеніи, что желающіе присоединиться къ поселенію, вмѣсто траты денегъ на посылку повѣренныхъ, — въ состояніи справиться о качествѣ земли и о томъ, что ихъ тамъ ожидаетъ, посредствомъ письменныхъ сношеній со своими соплеменниками, или съ конторою и Рипелье; съ послѣдними чрезъ губернаторовъ, которые обязывались способствовать переселенію всѣми зависѣвшими отъ нихъ «осторожными мѣрами». На этихъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ властей кончился 1806 годъ*.

Слѣдующій 1807 г. начался во 1-хъ испрошеніемъ, Кочубеемъ, разрѣшенія на ассигновку, для водворенія евреевъ въ Новороссію, на первый разъ, 30,000 р., въ распоряженіе конторы, подъ бдительнымъ руководствомъ Рипелье; во 2-хъ приказаніемъ губернаторамъ отпускать бѣднымъ переселенцамъ на счетъ казны, на дорогу: по подводѣ — на каждыя три души и свозъ ихъ имущества и на прокормленіе въ пути — по 5 коп. въ сутки на человѣка, и въ 3-хъ дозволеніемъ принять въ поселенцы собственно изъ могилевской губерніи 155, въ составъ предназначенныхъ 200 семействъ.

Въ силу этого разрѣшенія, Бакунинъ созвалъ еврейскихъ представителей и совѣтовалъ имъ отъ себя еще сложиться деньгами на дорогу переселенцамъ, но они, будучи въ «нищѣ, представили» ему 6,000 руб., собранные обществомъ «въ 15 лѣтъ. «за аренду райскихъ яблоковъ, употребляемыхъ ими въ праздникъ Трубный»**. Изъ этой суммы Бакунинъ раздѣлилъ по 3 р. 50 к. на человѣка — 1.025 р. 50 к., отправленнымъ

* По документамъ отъ 19 марта, 13 апрѣля, 2, 11, 15 и 11 мая, 25 июня, 12 іюля, 4 и 19 августа, 3, 12 и 26 октября, 17 и 19 ноября, 12, 15 и 21 декабря 1807 г.

** Такъ называемыя райскія яблоки, по еврейски — этрогамъ, употребляютъ въ праздникъ „Куци“, а не „Трубный“.

впередъ повѣреннымъ — 125 р., а остальные 2.849 р. 50 к. вручилъ Финкенштейну. Ушли съ пособіемъ по бѣдности: отъ яблоковъ и отъ казны, или изъ одного изъ этихъ двухъ источниковъ: 26 іюля—108 мужч. и 149 жен., а 6 сентября—44 мужч. и 45 жен., а всего 152 мужчины и 141 женщина, т. е. 293 чел.

Въ предотвращеніе сильнаго наплыва народа, который положительно негдѣ было размѣстить до сносной лишь хоть только постройки для нихъ домовъ, Ришелье просилъ Кочубея ограничить вселеніе ихъ отъ 200 до 300 семействъ въ годъ, ибо ему «изъ опыта извѣстно какъ тяжело водворять великое множество новыхъ поселенцевъ», тѣмъ болѣе, что вообще резоннѣе напередъ убѣдиться, «съ какимъ успѣхомъ собственно евреи примутся за хлѣбопашество, чѣмъ они, какъ онъ слышалъ, никогда не занимались». Независимо отъ этого, Ришелье, вникая глубже въ смыслъ правительственнаго предпріятія, въ интересахъ его преуспѣянія, находилъ, что водвореніе «сего народа потребуеть: на прокормленіе—по 5 к. въ сутки на человѣка въ продолженіи 8 мѣсяцевъ перваго же года—51.216 р., да на постройку 961 дома по 125 р. 120.537 р. 20 к., итого 310.878 р. 20 к.». Не отрицая далѣе, что первоначально онъ думалъ раздавать на прокормленіе лишь отъ 15 до 30 р. на семью въ годъ, но затѣмъ убѣдился, что «народъ очень бѣденъ, къ земледѣлію не пріобыкшій, а торговаго заработка имѣть не будетъ». Слѣдовательно, продолжалъ Ришелье, «въ случаѣ неурожая—придется кормить этотъ народъ нѣсколько лѣтъ сряду». Мало того: быстрое водвореніе, напр. 1000 семействъ, представлялось Ришелье опаснымъ и по мѣстнымъ особенностямъ края. Такъ, «въ степяхъ собственно въ текущихъ водахъ изрядный недостатокъ, значитъ народъ и скотъ должны будутъ довольствоваться водою изъ выкапываемыхъ колодезей; качество же колодезной воды способно развести болѣзни». Всѣ эти причины и вынуждали Ришелье «ограничиться пріемомъ, до поры до времени, незначительнаго числа семействъ, къ которымъ приселять, потомъ, по узнаніи ими мѣстныхъ удобностей, по столько, по сколько будетъ можно».

Кочубей призналъ правильными доводы Ришелье и уполномочилъ его принимать, на казенный счетъ, отъ 200 до 300 семействъ въ годъ, изъ всѣхъ губерній, по очереди, поступавшихъ о томъ заявленій; что же касается желающихъ прибыть и поселиться на свой счетъ, то предоставилъ имъ поступать по ихъ личному усмотрѣнію, безъ стѣсненій со стороны властей,

которыя, дескать, останутся, такимъ образомъ, свободными отъ отвѣтственности и упрековъ за могущія постигнуть ихъ неудачи.

Какъ только отвѣтъ Кочубея дошелъ по адресу, въ Новороссію уже явились и приступили къ расселенію стародубскихъ, новоградволинскихъ, суражскихъ, пожарскихъ, нѣженскихъ, сосницкихъ, полтавскихъ и черниговскихъ 91 семейство, проживавшія недалеко отъ земель, раздававшихся на льготныхъ условіяхъ. Немного погодя, по удостовѣренію конторы, и Финкенштейнъ привелъ въ Елисаветградъ 43 семейства изъ 141 мужч. и 304 жен., направленныхъ въ наскоро построенные, среди степи, до 50 домиковъ.

Члены конторы прилежно занимались доставленіемъ переселенцамъ не только помѣщеній, но и хозяйственныхъ принадлежностей, до чашекъ и ложекъ включительно. Къ 1808 г. въ вѣдѣніи Конторы состояло всѣхъ явившихся и поселившихся переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ:

	семействъ	мужч.	жен.	итого.	
на казенный счетъ	248	916	713	1629	
» собственный »	46	192	130	272	
Итого. .	294	1108	843	1901	чел.;

да расселившихся «безъ дозволенія, неизвѣстно откуда, до 180 семействъ, которымъ «некогда было свести вѣрный счетъ». Весь этотъ народъ образовалъ въ 1807 г. колоніи: Бобровый куть, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Названія колоніямъ дали, по общему согласію, сами евреи; размѣстились же: черниговскіе—въ Израилевкѣ; могилевскіе—въ Бобровомъ кутѣ, а въ остальныхъ—изъ разныхъ губерній, по взаимному соглашенію переселенцевъ.

Слухи и вѣсти о выгоде переселенія распространились, тѣмъ временемъ, по всѣмъ еврейскимъ захолустьямъ, а послѣдній срокъ выселенія ихъ въ мѣстечки и города изо дня въ день все грознѣе приближался и печальнѣе отражался на ихъ мизерномъ существованіи: не выбравшихся еще добровольно изъ деревень теперь гнали изъ нихъ силою, пожитки неповиновавшихся уничтожали, осѣлости ихъ разоряли безъ сожалѣнія!... Евреи молили объ отсрочкѣ, вопили и стонали, но все было напрасно: ихъ безпощадно выпроваживали подъ конвоемъ крестьянъ и даже солдатъ!... Ихъ загоняли, точно скотъ, въ мѣстечки и городишки и тамъ на площадяхъ, подъ откры-

тымъ небомъ, оставляли размышлять о превратностяхъ судьбы!... Въ пылу отчаянія, они подавали всѣмъ властямъ цѣлыми кипами слезныя прошенія о безотлагательномъ переводѣ ихъ въ земледѣльцы, въ Новороссію, полагая, что тамъ все готово къ ихъ услугамъ.

Особенно яростное изгнаніе евреевъ изъ деревень въ эту пору происходило въ витебской губерніи. И 236 семействъ по необходимости тоже пожелали въ ту же Новороссію.

Такъ какъ система водворенія евреевъ въ степяхъ уже ясно обозначилась, то Кочубей велѣлъ губернатору, П. И. Сумарокову, объявить просителямъ уже менѣе выгодныя условія, нежели ихъ предшественникамъ. Именно, что на свой счетъ «переселиться могутъ; хотя въ Новороссіи и дадутъ: всѣмъ—на обзаведеніе ссуду, а истинно бѣднымъ—и вспоможеніе,—но по прибытіи на мѣсто всѣ сами должны будутъ участвовать въ устроеніи» ихъ будущаго хозяйства, а какъ «знающіе русскій языкъ», и пропитываться личнымъ трудомъ, ибо «по малому числу жителей въ Новороссіи—въ ней есть надобность въ рабочихъ». Кроме того, Кочубей никому не совѣтовалъ пускаться въ путь зимой, чтобы «не погибли отъ стужи и мятелей, а до лѣта оставались-бы въ покоѣ и занялись-бы трудами». Въ отвѣтъ на эту бумагу Сумароковъ жаловался Кочубею, что евреевъ «*безвременно прогнали* изъ деревень, раззорили, ввергли въ нищету», а потому всѣхъ желающихъ въ Новороссію 867 семействъ въ 4288 челов., «большая часть коихъ лишена дневнаго пропитанія, крова и потому въ немаломъ числѣ непрерывно идутъ и идутъ въ Новороссію». Въ заключеніе Сумароковъ всенижайше просилъ приказать попечительной конторѣ елико возможно скорѣе устраивать поселенія и размѣщать въ нихъ больше евреевъ. На послѣдній пунктъ Кочубей объявилъ Сумарокову, что контора поступаетъ правильно и сообразно распоряженіямъ высшаго правительства.

И дѣйствительно: судя по донесеніямъ Рипелье и конторы, она выказывала чрезвычайно усиленную, энергическую дѣятельность. Изъ чиновниковъ конторы, одни принимали, записывали и распредѣляли прибывавшихъ въ поселенцы; другіе—распланировывали и раздавали участки; третьи—разѣзжали въ поискахъ за умѣлыми плотниками, печниками, слесарями и другими мастеровыми, нанимали и приводили ихъ на работы; четвертые—закупали, вдалекѣ, лѣсъ, скоть, земледѣльческія орудія, провіантъ, сѣмена и проч. и доставляли въ степи; пятые—наблюдали за постройками, за рытвемъ ко-

лодцевъ, за размѣщеніемъ поселенцевъ, снабжали ихъ имуществомъ, продовольствіемъ и т. д. Медленно же подвигалась организація колоній не отъ чего либо иного, какъ отъ недостатка хорошихъ мастеровъ, да отъ неимовѣрныхъ степныхъ разстояній. Такъ ли дѣйствительно все дѣлалось, какъ писалось *,—изъ Петербурга, разумѣется, не видно было. Несомнѣнно, однако, что правительство, для прочнаго, правильнаго водворенія евреевъ въ Новороссіи не скупилось ни на деньги, ни на разумныя распоряженія, ни на симпатіи къ переселенцамъ, а во всемъ остальномъ оно, естественно, полагалось на контору и главное—на Ришелье; рассчитывало же оно на нихъ потому, что они уже водворяли иностранныхъ и русскихъ поселенцевъ, слѣдовательно располагали опытомъ, знаніемъ и умѣньемъ распорядиться какъ слѣдуетъ.

Во всѣхъ еврейскихъ прошеніяхъ о дозволеніи переселиться въ Новороссію заключался единогласный отчаянный ропотъ и вопль на безжалостное раззореніе просителей при изгнаніи ихъ изъ деревень, что доводило, дескать, многихъ, и до «голодной смерти». Кочубей обратилъ на это обстоятельство серьезное вниманіе и требовалъ отъ губернаторовъ объясненія. Бакунины и Сумароковъ, какъ читатели видѣли, поддерживали евреевъ, но губернаторы напр. виленскій—Бахмевскій, минскій—Карнѣевъ, волынский—Комбурль положительно отвергали правдивость указанныхъ жалобъ, а доносили, напротивъ, что евреи «любятъ только легкую работу—торговать, шинкарить, факторствовать»; что они «лѣнтяи, привыкли надувать, всячески христіанъ, бездѣльники, предъ начальствомъ изворотливы, всѣ русскія правила вездѣ обходятъ, повинуются только своимъ кагалнымъ, а тѣ и въ синагогахъ учатъ ихъ пренебрегать русскими законами» и т. д. Губернаторы эти съ увѣренностію заключали, что «къ земледѣлію приучить евреевъ ни въ какомъ случаѣ никогда не удастся».

Рѣзкіе отзывы эти не возымѣли, впрочемъ, никакого вліянія на усвоенный правительствомъ взглядъ—сдѣлать евреевъ земледѣльцами и облегчить ихъ положеніе при выселеніи изъ деревень. Съ этою цѣлію высочайшими рескриптами, данными на имя генераль-губернаторовъ: литовскаго—Римскаго-Корсакова, кievскаго—Голенищева-Кутузова и губернаторовъ: подольскаго—Эссена, витебскаго—Шипкина и могилевскаго—Бакунина, учреждены были особые, подъ предсѣдательствомъ

* Читатели узнаютъ это впоследствии.

губернаторовъ, губернскіе «изъ дворянъ, особенное довѣріе заслужившихъ», комитеты, которымъ по отношенію собственно къ желающимъ обратиться въ земледѣльцевъ, поручалось «благовременно представлять о поощреніи переселенія, о судахъ и о вспомоствованіяхъ, чтобы не было остановокъ въ этомъ важномъ дѣлѣ». О томъ, какъ комитетамъ надлежало дѣйствовать, Кочубей поручилъ губернаторамъ составить предварительно «подробнѣйшія инструкціи, на мѣстныхъ соображеніяхъ основанныя», чтобы комитеты «производили дѣла съ лучшимъ успѣхомъ и единообразіемъ. соотвѣтственно цѣли, которую правительство отъ нихъ ожидаетъ». Къ сожалѣнію, надежда правительства на комитеты, по крайней мѣрѣ касательно переселенцевъ, не сбылась: ни въ одномъ изъ массы прочитанныхъ нами дѣлъ мы не нашли рѣшительно ничего, исходившаго отъ комитетовъ: ихъ точно нигдѣ и не существовало.

Безучастное отношеніе комитетовъ къ критическому положенію евреевъ, понятно, оттолкнуло отъ нихъ евреевъ, тѣмъ болѣе, что ихъ по прежнему безопадно вытѣсняли изъ деревень (согласно 34 п. положенія 1804 г. и помянутымъ рескриптамъ отъ 19 октября 1807 г.), а такъ какъ они были скучены въ мѣстечкахъ и городишкахъ, то имъ нечѣмъ было кормиться, негдѣ было жить... Они и рвались въ Новороссію, какъ въ обѣтованную землю: даровые, навсегда, участки, по 15 десятинъ на ревизскую душу, свобода отъ податей, готовые дома, денежные ссуды и пособія,—все это, вмѣстѣ взятое, представлялось имъ блаженствомъ, а пустынный край казался имъ самымъ для нихъ благодатнымъ. И вотъ, чтобы скорѣе очутиться въ этомъ земномъ раю, болѣе предприимчивые и нуждавшіеся, тайно уходили туда группами безъ позволенія и даже безъ паспортовъ, въ надеждѣ какъ нибудь пробраться, а несмѣлые и еще несовсѣмъ нищіе надѣдали начальству и, не получая отъ него удовлетворенія, напрашивались и на такія обязательства, которыя ихъ связывали, а достоинству правительства рѣшительно не соотвѣтствовали.

Въ этомъ смыслѣ Бакунинъ извѣстилъ, на примѣръ, новаго министра, князя А. Б. Куракина, что многія еврейскія общества согласны обложить себя особымъ сборомъ въ 5000 р. въ годъ, на 5 лѣтъ, въ возмѣщеніе издержекъ казны на переселеніе евреевъ, лишь-бы оно осуществилось немедленно, безъ ожиданія установленной очереди. Куракинъ отклонилъ это предложеніе въ уваженіе именно къ бѣдности просителей, которымъ

и въ званіи земледѣльцевъ не легко придется жить, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда они порядкомъ устроятся *.

Весь 1808 г. продолжались тѣ же усиленные представленія губернаторовъ о томъ, нельзя-ли пустить въ Новороссію елико возможно большее число еврейскихъ семействъ, а въ противномъ случаѣ спрашивали наставленій: какими мѣрами сдерживать ихъ порывы и избавить ихъ отъ безграничной нищеты и безпріютства? Контора и Рипшеле рѣшительно открещивались отъ новыхъ поселенцевъ, доказывая, что и прежнихъ не въ состояніи еще толкомъ водворить. Куракинъ поддерживалъ доводы Конторы и Рипшеле, потому что въ Новороссіи «даже негдѣ размѣстить по квартирамъ всѣхъ прибывающихъ еврейскихъ семействъ», которые могутъ, къ тому-жъ и «погибнуть въ походѣ отъ ненастья и стужи». Куракинъ, какъ и его предмѣстникъ Кочубей, тоже и совѣтовалъ и приказывалъ всѣмъ запастись терпѣніемъ, заняться физическимъ трудомъ на родинѣ и этимъ способомъ покамѣстъ питаться и подготовиться къ тяжелому быту земледѣльцевъ. Короче, онъ, сытый, не разумѣлъ голодныхъ...

Въ свою очередь губернаторы, съ одной стороны осаждаемые просьбами, а съ другой—получая на нихъ отказы, сперва не знали, что предпринимать, а потомъ, вопреки запрещеніямъ, начали, на авось, снабжать партіи паспортами, пособіями и отпускать назойливыхъ просителей въ дорогу, чтобы только отвязаться отъ нихъ, ежедневно мозолившихъ имъ глаза. Бакунинъ изъ своей липы могилевской губерніи насчиталъ болѣе 600 такихъ семействъ. Евреи съ радостію покидали опротивѣвшую имъ родину. Самое ихъ удаленіе изъ нея и затѣмъ странствованіе по Россіи не обходилось и безъ проказъ. Такъ, повѣренный 60 семействъ Дензбургъ, получивъ отъ гродненскаго губернатора паспортъ на свободное слѣдованіе партіи, чрезъ 2 недѣли заявилъ вице-губернатору объ утратѣ этого паспорта. Вице-губернаторъ выдалъ ему новый паспортъ, и онъ увелъ свою партію, но вскорѣ-же послѣ того обнаружилось, что Дензбургъ передалъ первый паспортъ другой партіи, по немъ ушедшей раньше Дензбурга. Объ этомъ довели до свѣдѣнія министра, но онъ оставилъ поступокъ Дензбурга безъ послѣдствій. Черниговскій губернаторъ представилъ на «благорасположеніе» Куракина не менѣе характерный эпизодъ. Къ этому

* По документамъ отъ 7 января, 19 февраля, 20 апрѣля, 20 мая, 27 июня, 26 июля, 10 августа, 6, 10 и 21 сентября, 25 октября, 6 ноября и 18 декабря 1807 г.

губернатору добралась «ни вѣсть какими ходами» партія въ 153 мужчинъ и 124 женщинъ, съ изъясненіемъ, что имъ «не хватило денегъ на пропитаніе, а ихъ лошади, отъ далекаго похода, не въ силахъ везти дальше даже самыхъ легкихъ повозокъ. По уваженію таковой крайней нужды жидовъ», онъ «отпустилъ ихнимъ кагалнымъ 150 р., росписку въ деньгахъ отослалъ Херсонскому губернатору, а самихъ жидовъ подъ командою застѣдателя нижняго земскаго суда выпроводилъ дальше, по дорогѣ къ Елисаветграду».

Куракинъ поручилъ опекунской конторѣ уплатить 150 р. на счетъ казны, безъ всякаго разбора: откуда и съ разрѣшенія-ли, или безъ него шла партія; получила-ли она пособіе, или двигалась на собственный счетъ и рискъ. Онъ счелъ себя вправѣ такъ поступить преимущественно потому, какъ гласятъ документы, что вѣрный счетъ тащившимся на поселеніе еврейскимъ партіямъ былъ уже потерянъ, не только губернаторами, но и самимъ министерствомъ. Одна лишь контора вела еще кое-какую, хоть тоже безтолковую отчетность о числѣ прибывавшихъ въ ея вѣдѣніе евреевъ. На основаніи этой отчетности контора считала разновременно, въ продолженіи 1808 г., пришедшихъ изъ различныхъ губерній 207 семействъ, изъ 737 муц. и 586 женц., итого въ 1323 чел.; въ томъ числѣ взрослыхъ 818 и малолѣтнихъ 505 чел. Люди эти, по показанію конторы, доставили съ собою 73 лошади и 56 повозокъ. Наконецъ вмѣстѣ съ явившимися въ 1807 г. контора числила къ 1809 г. 501 семейство, въ 1845 мужч. и 1429 женц., а всего въ 3215 чел. *.

Въ началѣ 1809 г. Сумароковъ опять донесъ, что «многіе евреи витебской губерніи, въ чаяніи переселиться въ Новоросію, распродали все свое имущество и неотступно просятъ туда хоть только для жительства, почему этотъ годъ не будутъ домогаться ни земли, ни вспоможенія». По долгу справедливости и онъ усерднѣйше добивался переселенія ихъ на означенныхъ условіяхъ. Куракинъ разрѣшилъ, съ оговоркою, что «если число ихъ не очень велико» и въ предположеніи, что они «успѣютъ, можетъ статься, разсмотрѣть выгодныя для себя мѣста, привыкнуть къ новому роду жизни собратій, а все это на будущій годъ облегчить ихъ личное водвореніе».

Когда извѣстили контору, чтобы приготовилась встрѣтить

* По документамъ отъ 29 февраля, 12 и 24 марта, 8 мая, 3 и 31 іюля, 16 сентября 1808 г.

и попечись объ этихъ новыхъ поселенцахъ, она донесла Куракину, что напрасно онъ ихъ направляетъ въ степи, потому что «ни избъ, ни приспособленій нѣтъ, для нихъ, въ готовности», слѣдовательно пусть пѣняють, дескать, на него и на себя, «если имъ придется терпѣть нужду и безпокойство въ тѣснотѣ на квартирахъ у нѣмецкихъ и русскихъ поселенцевъ въ казенныхъ селеніяхъ, ибо бездомныхъ евреевъ и безъ нихъ бродить, съ мѣста на мѣсто, великое множество». Куракинъ снова предписалъ всѣмъ губернаторамъ больше, въ этомъ году, никого изъ евреевъ ни подъ какимъ видомъ, на поселеніе въ Новороссію не отпускать, а отъ конторы потребовалъ наивѣрнѣйшихъ, пунктуальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, сколько именно приняла она евреевъ на казенный и ихній счетъ; сколько ихъ окончательно водворено; сколько еще водворяется; сколько къ слѣдующему году, при всѣхъ наиприлежнѣйшихъ стараніяхъ конторы, останется не водворенныхъ, а также сколько и на что именно истратила она на всѣхъ денегъ?

Контора стала присылать донесенія, одно другому противорѣчившія, списки перепутанные, съ надбавками и убавками въ цифрахъ. Министерство посылало конторѣ предписаніе за предписаніемъ, а контора продолжала сбиваться со счета. Вотъ, однако ея «экстракты», свѣренныя нами по разнымъ вѣдомостямъ. Судя по экстрактамъ въ вѣдѣніи конторы состояло:

Къ 1 января 1809 года:

	семействъ.	мужч.	женщ.	Итого человѣкъ
На казенномъ иждивеніи . . .	728	2516	2025	4541.
» собственномъ » . . .	337	855	860	1715.
Въ теченіе 1809 г. прибыло:				
На казенный счетъ.	687	2068	1761	3729.
» собственный счетъ	61	187	154	341.
Въ теченіе 1809 г. выбыло:				
Изъ селившихся на собственный счетъ	122	337	332	669.

*Къ 1810 г. предполагалось
въ наличности:*

На казенномъ иждивеніи . . .	1415	4584	3786	8370.
» собственномъ »	276	705	682	1387.

Итого 1691 5289 4468 9757.

*Въ теченіи 1809 г. окончательно
водворенными считалось:*

На казенномъ иждивеніи . . .	410	1402	1153	2555.
------------------------------	-----	------	------	-------

	сѣмействъ.	мужч.	женщ.	Итого человѣкъ
» собственномъ »	35	103	90	193.
Водворялись въ 1809 году:				
На казенномъ иждивеніи	297	890	741	1631.
» собственномъ »	87	225	211	436.
Итого	829	2620	2194	4815.

Такъ, что въ 1810 г. осталось
водворить:

На казенномъ иждивеніи	709.
» собственномъ »	154, итого 863 семейства.

Впрочемъ изъ поселившихся на казенный счетъ, контора самовольно уволила изъ поселенцевъ 6 семействъ въ 27 человѣкъ, да по ея оговоркамъ «нѣкоторые другіе еще ушли неизвѣстно куда»; всѣхъ-же желавшихъ поселиться она насчитывала 1903 семейства въ 9045 человѣкъ. Издержала она на всѣхъ прибывшихъ съ октября 1807 г. по ноябрь 1809 г.—91.730 р. 41 к. Деньги расходовали члены и чиновники конторы и по ея уполномочіямъ херсонскій, елисаветградскій и кривокутской полиціймейстеры, исправники, смотрителя колоній и другія лица.

Министерство ни въ чемъ уже не повѣрило конторѣ, а опять приказало ей доставить обстоятельныя свѣдѣнія объ успѣхѣ водворенія евреевъ, а равно: сколько и въ какихъ мѣстахъ водворено ихъ; сколько остается не водворенныхъ, (съ приложеніемъ имянныхъ вѣдомостей), о томъ, какъ они вообще принимаются за земледѣліе и есть-ли надежда, что они въ скорости приобрѣтутъ себѣ достояніе; почему назначенная ссуда увеличена съ 175 до 270 руб. на семью; отчего кормовыя деньги производятся всѣмъ, безъ изъятія, евреямъ, такъ какъ онѣ выводятся и на проживающихъ даже въ разныхъ городахъ не только новороссійскихъ, но и полтавской губерніи и т. д. Контора доставила длиннѣйшее и въ то же время темнѣйшее донесеніе, изъ котораго приведемъ самую лишь сущность въ сжатомъ видѣ.

Въ Херсонскомъ уѣздѣ, по содержанію донесенія, помѣщено въ деревняхъ:

	сѣмействъ	душъ.
въ Сейдеминухѣ	127	713
» Ингульцѣ образовались въ 1809 г.	91	573
» Камянкѣ » » » »	163	987
» Нагартарѣ » » « »	73	384
» Ефенгарѣ » » » »	48	276

502 2933

Изъ новороссійскаго края намѣревавшихся водвориться собственнымъ иждивеніемъ было не мало, но чрезъ медлительный отпускъ ихъ изъ прежнихъ мѣстъ, по болѣзнямъ на самомъ поселеніи и по крайней ихъ бѣдности снабжено было казеннымъ пособіемъ 44 семейства въ 252 души. Итого вселено 546 семействъ въ 3.385 чел., да на собственомъ коштѣ въ Бобровомъ Кутѣ и въ Израилевкѣ 143 семейства въ 685 душъ, значить, всѣхъ 689 семействъ въ 4.070 душъ. Изъ нихъ совершенно водворенныхъ: въ деревнѣ Ефенгарѣ—45 семействъ (изъ поселенныхъ тамъ, съ 1807 года); не водворенныхъ же и прибывшихъ въ концѣ 1809 года 3 семейства. Въ деревнѣ Сейдеминухѣ 127 семействъ, прибывшихъ разновременно; изъ нихъ въ 1809 г. водворено 63 семейства, которымъ только нужно еще нѣкоторое количество денегъ на покупку коровъ и сѣмянъ для посѣва; не водвореннымъ же 64 семействамъ ссуда хотя и ассигнована наравнѣ съ первыми на хозяйственное обзаведеніе, но они денегъ не получали, по близости осени, когда ни скота, ни лѣсу купить, а тѣмъ болѣе перевезти не было возможности, почему они находились до весны у обратіи своей въ совмѣстномъ квартирваніи; теперь же лѣсъ купленъ, перевезенъ и къ построенію домовъ приступлено. Изъ 91 семейства деревни Ингульца совершенно водворено 89 семействъ, прибывшихъ съ половины 1808 г.; неводворенныхъ же 2 семейства, квартировавшія также у своихъ собратовъ. Изъ 163 семействъ деревни Камянки, прибывшихъ съ половины 1809 г., деньги, на покупку лѣса, для строенія домовъ, отпущены на 112 семействъ, изъ коихъ 32 семейства построились, а 80 семействъ еще не успѣли, за неперевозкою лѣса; послѣднія 51 семейство зимуютъ на квартирахъ въ селеніяхъ, а водворятся лѣтомъ; всѣмъ имъ слѣдуетъ выдать деньги на скотъ и обзаведеніе. Изъ 73 семействъ деревни Нагартавъ, прибывшихъ въ 1808 г., водворено 57 семействъ, не водворенныхъ же 16 семействъ, кои снабжены уже деньгами и къ окончательному водворенію ихъ приступлено. Изъ живущихъ въ деревнѣ Бобровомъ Кутѣ: съ казеннымъ пособіемъ—44 семейства совершенно водворены, а изъ желавшихъ собственнымъ иждивеніемъ—108 семействъ: на мѣстѣ поселенія—31, а прочія—77 семействъ по разнымъ недостаткамъ принуждены были отлучиться въ окрестные города и селенія, для приобрѣтенія способа къ водворенію. Весьма, одначе, сомнительно, чтобы они успѣли ужиться безъ казеннаго пособія».

«Евреи, имѣющіе скотъ и земледѣльческія орудія засѣвали

хлѣбъ, особливо изъ деревни Ефенгарь, и получили урожай, не весьма, однакожъ, значительный, потому что во 1-хъ сѣяли на пѣлинной, нераспаханной землѣ; во 2-хъ, раньше не учились земледѣлію, потому и неспособны къ тому; въ 3-хъ, для распашки земли и посѣва по надлежащему, не умѣли обходиться и съ рабочимъ скотомъ. Для наученія евреевъ всему этому, по предписанію херсонскаго военнаго губернатора наняты были русскіе землевладѣльцы, съ коими евреи работали вмѣстѣ, поняли обхожденіе со скотомъ, обѣщаютъ впередъ лучшей успѣхъ, но на это можно полагаться развѣ со временемъ, когда молодые евреи привыкнутъ къ земледѣлію, что имъ свойственно больше, нежели старикамъ. Назначаемая на обзаведеніе еврейскихъ поселенцевъ ссуда до 270 р. есть примѣрная губернаторскому положенію, въ 1806 г. представленному Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, ибо тогда полагаемо было, что водвореніе евреевъ обойдется казнѣ не менѣе болгарскаго, т. е., на постройку дома—по 125 р.; а на обзаведеніе хозяйствомъ — по 145 р. 20 к., итого 270 р. 20 к. Теперь же на совершенномъ опытѣ доказано, что по возвысившимся на лѣсъ, скотъ и проч. потребности цѣнамъ, противъ тѣхъ, кои существовали при водвореніи болгаръ, 4—5 лѣтъ тому назадъ, хотя и назначено конторою съ умѣренностью казенной издержки на постройку еврейскому семейству — по 100 р., но по точнѣйшему изслѣдованію не достааетъ еще 30 р. 29 к. на домъ. Точно также при покупкѣ для болгаръ воловъ пара стоила отъ 40 до 50 р., а нынѣ посредственной парѣ воловъ цѣна 80 р. Такая же непомѣрность въ цѣнахъ и на полевые и домашніе снаряды. Поэтому показанной въ апрѣлѣ 1809 г. ссуды по 175 р. полною считать нельзя, ибо надо для еврейскаго семейства на домъ по 130 р. 29 к.

на пару воловъ	»	80	»	—
» » повозку съ приборомъ.	»	20	»	—
» » озимыя и яровыя сѣмена	»	12	»	—

Итого 242 р. 29 к.

Кормовая дача производилась и производится еврейскимъ поселенцамъ потому, что они прибыли сюда въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ самое нужное одѣяніе, у большей же части оно состояло изъ однихъ лоскутьевъ, а при помощи кормовыхъ по 5 к. въ сутки они чувствуютъ свое положеніе немного лучше. Впрочемъ, при промѣнѣ ассигнацій на мѣдныя деньги они лишаются съ рубля

20—25 коп. процентовъ, да и то затруднены доставать ихъ въ мѣстахъ поселенія; за таковою же потерю нельзя ихъ оставить безъ подкрѣпленія кормовыми: должны будутъ терпѣть крайность и голодъ. Сверхъ показаннаго числа евреевъ обрѣтается по городамъ новороссійской и полтавской губерній 160 семействъ, и та же необходимость заставила контору продовольствовать ихъ кормовою выдачею потому, что нѣкоторые изъ нихъ, слѣдовавъ съ прежняго ихъ мѣстожителства весьма продолжительно, по приспѣвшему холодному времени, по болѣзнямъ и разнообразнымъ причинамъ оставлены тамъ до весны, въ томъ разсужденіи, что ежели-бы и довести ихъ до назначеннаго поселенія,—то все равно должно-бы размѣщать ихъ на квартиры въ казенныхъ селеніяхъ; истощивъ-же въ пути все, что имѣли, они не могли найти средствъ къ сытости, почему питались подаяніями.

Въ заключеніе контора нашла за нужное «доложить двѣ причины, каковыя въ особенности слѣдуетъ брать во вниманіе, именно: болѣзни евреевъ, падежъ и воровство скота. Тому, что прибывшіе въ 1809 году не имѣли посѣва и хлѣба уважить должно: у нихъ не было ни скота, ни нужныхъ земледѣльческихъ орудій въ надлежащее время; большая часть кто-мужъ и поздно прибыла; живущіе же здѣсь съ 1807 и 1808 годовъ и могли бы имѣть все хозяйство въ порядкѣ и собственный хлѣбъ, но иные—мало, а другіе—и того не имѣютъ; непривычка ихъ къ здѣшнему климату неотвратимо ослабляетъ ихъ, причиняетъ лихорадки, горячки и кровавые поносы; дѣля семейства страдали семи болѣзнями, и не одинъ только, а по два и по три раза; между ними большая половина была больныхъ, нежели здоровыхъ и наиболѣе во время полевыхъ работъ. А коли ежели больной хозяинъ не имѣлъ взрослыхъ, здоровыхъ дѣтей, то время посѣва проходило даромъ и онъ не имѣлъ, естественно, никакой жатвы. У многихъ также украдены, или пали волю. Контора другой разъ денегъ отпустить не можетъ; отъ собственности приобрести ничего евреи не были въ состояніи, и выходитъ, что такой новый переселенецъ не только въ одинъ годъ, но и въ нѣсколько лѣтъ сряду исправиться не можетъ. Ежели урожай хлѣба не будетъ скуденъ—и опавшіе могутъ его имѣть, либо зарабатывать у собратій, но коли одинъ только годъ будетъ неурожай, какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ случается, тогда необходимо будетъ всѣхъ кормить не одинъ годъ, но нѣсколько лѣтъ сряду, какъ о томъ

изъясняяся Министерству и губернаторъ, Дюкъ-де-Ришелье, въ 1806 году».

Приведенное нами въ извлеченіи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень характерное донесеніе конторы лишь слегка обрисовывало внутренній бытъ водворенныхъ евреевъ. Затѣмъ оно почти ни въ чемъ не соотвѣтствовало заданнымъ конторѣ вопросамъ, для всесторонняго, точнаго уразумѣнія существа дѣла. Это всего нагляднѣе подтверждается тѣмъ, что при сопоставленіи различныхъ цифръ отчетности рѣшительно немыслимо было сдѣлать какой либо обстоятельный выводъ о томъ, чего правительство достигло въ продолженіи 3-хъ лѣтъ? Такъ, по отчетамъ конторы за 1808 г., къ 1809 г.

считалось водворенныхъ:

	семеис.	чел.		
	501	въ 3215	т. е. болѣе предъидущаго на	
А за 1809 г. къ это-			семеиствъ	душъ.
му же году	728	„ 4541	227	1326
По сводной-же вѣ-			т. е. болѣе предъидущаго на	
домости за 1809 г. къ				
тому же году	829	„ 4815	201	274
По послѣднему до-			т. е. менѣе предъидущаго на	
несенію конторы къ 1809				
г. значилось	689	„ 4070	140	745
			т. е. болѣе предъидущаго на	
Наконецъ по свѣдѣ-				
ніямъ Министерства	707	„ 4186	18	124
Всего пожелали пе-				
реселиться	1903	„ 9045		
Всего поселено по				
экстрактамъ	1415	„ 8370		
Слѣдовательно въ				
1810 г. оставалось посе-				
лить	488			
Тогда какъ по эк-				
стракту ихъ набиралось	863			

Такимъ образомъ нельзя было категорически рѣшить: которыя изъ всѣхъ проставленныхъ цифръ вѣрныя? Къ конторѣ слѣдовало, правда, относиться не особенно строго во вниманіи къ ея постояннымъ, въ донесеніяхъ, оговоркахъ, что ея цифры «приблизительны къ истинѣ», потому что ей «никакъ не удавалось вѣрно сосчитать всѣхъ евреевъ», безпрестанно переходившихъ, по степи, съ мѣста на мѣсто, а прикрѣпить ихъ гдѣ либо она не могла по неимѣнію караула. Тѣмъ не менѣе, столь рѣзкой разницы министерство все таки не ожидало, но оно окончательно возстало противъ конторы за то, что въ употребленіи съ 1807 по 1810 г. на водвореніе евреевъ 145.680 р. она ограничилась присылкою краткаго общаго

счета, на одномъ листочкѣ, безъ всякихъ оправдательныхъ документовъ. Мало того: искренно заботясь объ устройствѣ евреевъ на разумныхъ, правильныхъ началахъ, министерство совершенно естественно интересовалось узнать, на какіе именно предметы издержанъ капиталъ и доставилъ-ли онъ поселенцамъ ту именно выгоду, какая предусматривалась.

Отчаявшись добиться толку отъ конторы, министерство потребовало подробныхъ *на все* разъясненій не только отъ нея, но и отъ Ришелье *), поставленнаго правительствомъ главнымъ руководителемъ предпріятія на мѣстѣ, во ввѣренной ему губерніи. Однако и Ришелье въ продолженіи протекшихъ 3-хъ лѣтъ и безъ того уже утомился отъ непрерывныхъ хлопотъ объ евреяхъ; отъ усидчивыхъ разбирательствъ постоянныхъ ихъ и на нихъ «кляузъ»; отъ извѣщеній, что они: то-появляются въ колоніяхъ, то исчезаютъ изъ нихъ безъ спроса и безслѣдно, часто еще и съ полученными на обзаведеніе деньгами; отъ нескончаемой переписки объ нихъ съ конторою, губернаторами, казенными палатами, министерствомъ и прочими властями. Все это въ совокупности сильно охладило его къ «препорученному» ему водворенію въ Новороссіи евреевъ. «Препорученіе» это тѣмъ болѣе тяготило и даже пугало его, что по климатическимъ особенностямъ края, по недоброкачественности воды и по недостатку топлива, а главное—провизіи, вслѣдствіе неурожая, въ еврейскихъ колоніяхъ сильно свирѣпствовали: лихорадка, горячка, кровавый поносъ и падежъ скота, породившіе огромную смертность, такъ какъ и лечить людей и скотъ было некому, по неимѣнію свободныхъ врачей. Что же касается до казенныхъ расходовъ на водвореніе евреевъ, то Ришелье, располагая, какъ губернаторъ многочисленными обязанностями, просто не въ состояніи былъ изо дня въ день наблюдать: цѣлесообразно-ли дѣйствуютъ въ разныхъ мѣстахъ, многіе чиновники, да еще воздерживать каждаго изъ нихъ отъ злоупотребленій, въ особенности, когда все это лежало на непосредственной обязанности конторы.

Откровенно во всемъ этомъ сознаться у Ришелье не хватило гражданскаго мужества, по чувству самосохраненія. Онъ и избралъ, для выхода изъ затрудненія, самый деликатный способъ, т. е. увѣдомилъ Куракина, что по «непривычкѣ евреевъ къ хлѣбопашеству и по нечистотѣ въ ихъ житіи, смерт-

* По документамъ отъ 15 февраля, 3 и 31 мая, 15 іюня, 9 іюля, 15 и 23 августа, 17 сентября, 20 ноября, 7 декабря 1809 и 25 января 1810 года.

ность между ними весьма велика», а потому и «переселять ихъ болѣе не должно, развѣ чрезъ 2 или 3 года, по испытаніи склонности ихъ къ новому для нихъ роду жизни». А на предложенные ему вопросы отвѣтилъ: касательно числительности евреевъ,—что всѣхъ водворенныхъ, по справкамъ конторы, «до 600 семействъ, составляющихъ болѣе 3600 челов., да ожидается еще до 300 семействъ, которыхъ было-бы и гораздо больше, но одни — по лѣности бросили землепашество, другіе—отлучились торговать въ города, а третьи—просто скрылись неизвѣстно куда». Наконецъ для правильнаго сведенія всѣхъ счетовъ и для разбора поселенцевъ по категоріямъ—онъ ходатайствовалъ о предоставленіи «достаточно нужнаго времени, дабы все пунктуально исполнить».

Совершенно кстати оказалось, что изъ 300,000 р. ассигнованныхъ на переселеніе, осталось въ наличности только 2519 р., тогда какъ на окончательное устройство наличныхъ и ожидавшихся 300 семействъ вычислено было по 270 р. на семейство и на прокормленіе по 5 к. на душу въ сутки, всего до 219,000 р. По предшествовавшимъ, какъ читатели помнятъ, примѣрамъ министръ вправѣ былъ, собственною властію, остановить дальнѣйшее переселеніе, но дѣла министерства свидѣтельствовали, что не смотря на предписанія губернаторамъ отпускать исключительно по очереди по 200—300 семействъ въ годъ, въ Новороссію, туда ежегодно прибывала масса сверхкомплектныхъ, т. е. что неотразимыя обстоятельства уже неоднократно разрушали его власть; слѣдовательно примѣнять ее снова было не логично, такъ какъ самая причина еврейскаго стремленія къ переселенію не устранилась. Далѣе, прежде ассигновались деньги на переселеніе по докладамъ министра императору (7 октября 1807 г.—20,000 р.; 15 іюня 1808 г.—30,000 р., 30 сентября того же года—50,000 р. и 28 мая 1809 г.—50,000 р.), а теперь комитетъ объ уменьшеніи государственныхъ расходовъ не опредѣлилъ никакого источника на этотъ предметъ на 1810 г.

И вотъ всѣ перечисленные, съ формальной точки зрѣнія, разумѣется, основательные поводы, дали и самому министру возможность, не раскрывая, въ ущербъ собственной репутации, истиннаго положенія дѣла, — предпринять, по отношенію къ нему, такую коренную мѣру, которая исподволь была-бы способна исправить намѣченные погрѣшности. Онъ и внесъ въ комитетъ министровъ представленіе объ остановленіи переселенія на казенный счетъ, по высочайшему повелѣнію, съ тѣмъ,

чтобы контора на досугѣ: а) разобрала евреевъ и изъ нихъ неспособнымъ или нежелающимъ заниматься земледѣіемъ—выдала-бы паспорта, для приписки къ сословіямъ, со сложениемъ съ нихъ, по бѣдности, употребленныхъ на нихъ казною денегъ, и б) остальнымъ объявила-бы, что если кто изъ нихъ въ продолженіи года окажется нерадивымъ и не приспособится къ сельской жизни, тѣ будутъ отосланы на казенныя суконныя фабрики, и ихъ тамъ продержатъ до тѣхъ поръ, покуда отработаютъ числящійся на нихъ казенный долгъ. Послѣдній этотъ пунктъ былъ включенъ въ представленіе, въ видѣ полезной угрозы, на основаніи дошедшихъ до министерства многихъ фактовъ, о томъ, что евреи преднамѣренно уклоняются отъ земледѣшества, единственно въ виду оказываемой имъ казною помощи деньгами и даже наемными рабочими изъ русскихъ.

Комитетъ министровъ 9 марта 1810 года одобрилъ мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, но Александръ Первый, по своей снисходительности къ слабостямъ человѣческимъ, 6 апрѣля того-же 1810 г. повелѣлъ: только «остановить вновь переселеніе евреевъ въ Новороссію, водворенныхъ-же оставить безъ всякой перемѣны, ибо къ ней нѣтъ никакого повода».

На этомъ и мы закончимъ первую главую нашего труда. Впрочемъ, здѣсь-же кажется намъ умѣстнымъ отмѣтить, для свѣдѣнія читателей, что въ продолженіи первыхъ 3-хъ лѣтъ-нихъ перелеленій евреевъ въ Новороссію одна цѣль вполнѣ достиглась: въ Бѣлоруссіи и Литвѣ число евреевъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 10,000 чел.; но изъ нихъ, не взирая на всѣ ошибки въ отчетахъ конторы, во всякомъ случаѣ болѣе 1000 чел. не дошло до обѣтованной земли: одни—по бѣдности, болѣзнямъ и другимъ причинамъ, застряли въ разныхъ попутныхъ русскихъ городахъ, и тамъ кое-какъ перебивались, а другіе—окончательно успокоились въ сырой землѣ отъ холода, голода и превратностей судьбы.

(Продолженіе будетъ).

Н.

КЪ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Когда Александръ Великій, Македонскій, въ 332 году до Р. Х. основалъ городъ Александрію, онъ переселилъ туда цѣлую колонію евреевъ, по увѣренію историковъ *, числомъ до 200 тысячъ челоуѣкъ. Зерно этихъ переселенцевъ составляли опытные мореходцы, предприимчивые торговцы, ведшіе широкую вывозную торговлю **, всевозможные мастеровые и художники и разный рабочій людъ, которые образовали самостоятельные цехи ***. Одинъ историческій источникъ †, при описаніи великолѣпнаго александрійскаго храма, соперничавшаго съ храмомъ іерусалимскимъ, передаетъ намъ, что прихожане въ немъ группировались по роду своихъ занятій, занимая постоянныя, опредѣленныя мѣста. Такъ сидѣли особыми группами ювелиры, серебряныхъ и другихъ металлическихъ издѣлій мастера, кожевники, ткачи и проч. Новый переселенецъ, въ случаѣ надобности, отыскивалъ въ храмѣ людей своей спеціальности, которые и помогали ему устроиться на чужбинѣ. Еврейскіе ремесленники въ Александріи стали пользоваться такою извѣстностію, что ихъ выписывали для исполненія разныхъ работъ въ метрополию еврейской страны, въ Іерусалимъ, какъ напр. для изготовленія курительнаго состава для іерусалимскаго храма ††, для ремонта музыкальныхъ инструментовъ и разной металлической утвари †††. Такимъ образомъ не стѣ-

* Flav. Joseph. Cont. Apion. II, 4, XIV, 7, 2.

** Philo contra Flaccum II, 5, 25.

*** Philo l. c. Тосефта сукка, гл. IV.

† Талмудъ, тр. Сукка 51 б.

†† Јома 38 а.

††† Эрахинъ 10 б.

свенные въ своихъ правахъ, александрійскіе евреи, наравнѣ съ греками, македонянами и другими народностями, способствовали процвѣтанію города, ставшаго въ короткое время торговымъ и культурнымъ центромъ древняго міра.

Когда Петръ Великій, въ 1701 г. по Р. Х., основалъ городъ С.-Петербургъ, онъ, какъ извѣстно, въ поискахъ за плотниками и другаго рода способными мастерами обратился въ западную Европу, преимущественно въ Голландію. По этому поводу рассказываютъ намъ, что во время пребыванія Петра въ Амстердамѣ, мѣстный бургомистръ Витсенъ, пользовавшійся у Петра особеннымъ расположеніемъ, предложилъ ему позволить селиться въ С.-Петербургѣ голландскимъ промышленникамъ и мастеровымъ изъ евреевъ, указывая на несомнѣнную пользу, которую эти смышленные и расторопные люди принесутъ вновь возникавшему городу. Бѣдный Витсенъ, этотъ «честный мужъ, которому царь рѣдко въ чемъ отказывалъ», потерпѣлъ на сей разъ полное фіаско. «Другъ мой, Витсенъ»,—якобы отвѣтилъ ему на это предложеніе Петръ,—«ты знаешь жидовъ и образъ мыслей моихъ подданныхъ, и я также знаю и тѣхъ и другихъ. Не время еще позволить жидамъ пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ моимъ именемъ, что я благодарю ихъ за предложеніе и сожалѣю, что они желаютъ селиться въ Россіи; ибо хотя они почитаются за весьма искусныхъ обманывать весь свѣтъ, однакожъ я думаю, что у моихъ русаковъ не много они выторгуютъ»*.

Доподлинно-ли въ этихъ выраженіяхъ послѣдовалъ отказъ Петра, или же рѣчь его изукрашена услужливымъ лѣтописцемъ, не въ томъ сила при занимающемъ насъ вопросѣ. Для насъ важенъ фактъ, что Петръ Великій не послѣдовалъ примѣру Александра Великаго, и при основаніи новаго города Петербурга ремесленники, художники, фабриканты и торговцы изъ евреевъ не были имъ допущены, хотя онъ въ этого рода дѣятеляхъ крайне нуждался. Откуда-же такая разница во взглядахъ и поступкахъ двухъ великихъ монарховъ, дѣйствовавшихъ при одинаковыхъ условіяхъ, относительно людей тѣхъ-же категорій и того-же племени? Еврейскіе художники, мастеровые и торговцы времени Петра Алексѣевича не могли стоять на низшей степени развитія чѣмъ ихъ единоплеменники времени Александра Македонскаго. Точно также голландскіе художники, фабриканты и ремесленники еврейскаго исповѣданія, въ числѣ которыхъ

* Достопамятная сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго (собранныя редакціею журнала „Русская Старина“) Спб. 1876 г., стр. 47.

незадолго до того находился еще шлифовальщикъ Барухъ Спиноза, ни въ чемъ не уступали людямъ тѣхъ-же категорій другихъ исповѣданій. Но причина вовсе не въ евреяхъ, а, какъ принято выражаться, въ обстоятельствахъ, отъ нихъ независящихъ.

Между двумя выставленными нами аналогичными историческими событіями лежатъ цѣлыхъ двадцать столѣтій. Въ этотъ громадный промежутокъ времени весь міръ принялъ совершенно другой видъ. Измѣнился духовный и умственный строй всего человѣчества; измѣнилась и вся политическая оболочка земного шара. Народы исчезли, народы возникли; рушились государства и создались новыя. Отъ государствъ, созданныхъ Александромъ Македонскимъ и слѣдъ простылъ; самая Македонія стала лишь географическимъ терминомъ. Еврейскій народъ имѣлъ несчастье не исчезнуть съ лица земли, хотя государство его и разрушилось и культура его приняла характеръ своеобразный. Случись съ Иерусалимомъ и его населеніемъ въ 70 году по Р. Х. то, что 9 лѣтъ спустя случилось съ Геркуланомъ и Помпеею, позднѣйшіе народы относились-бы съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ памяти погибшихъ; цѣлыя экспедиціи наряжались-бы на счетъ государственныхъ казначействъ, чтобы откапывать малѣйшіе слѣды священнаго народа, народа откровенія, автора библіи, носителя монотеизма и высшихъ началъ нравственности. Его чучелами наполнялись-бы музеи и кунсткамеры; народы странствовали-бы на поклоненіе его мощамъ; онъ сдѣлался-бы источникомъ обильныхъ доходовъ для разныхъ паперовъ и конгрегацій. Но съ евреями случилось что-то феноменальное. Сквозь строй вѣковъ и народовъ, изъ которыхъ каждый стегалъ по беззащитной ихъ спинѣ, что было силы, они прошли живы и цѣлы. Они сохранились не въ видѣ чучель или нетлѣнныхъ мощей, а живыми существами, продолжающими борьбу за существованіе. Это нѣчто совершенно иное! Предметы древности, производящіе конкуренцію, не такъ уже почтенны. Они становятся неудобными и на счетъ ихъ слагается другой «образъ мыслей». И вотъ тѣ-же люди, къ которымъ въ началѣ отмѣченной нами эпохи относятся съ должнымъ уваженіемъ, платя должную дань ихъ культу въ лицѣ его представителей *,—люди, признающіеся полезною силою, которою македонскіе политикоэкономы спѣшатъ воспользоваться въ интересахъ своего государства,—въ концѣ этой эпохи признаются

* Flav. Jos. Ant. XI, VIII, 5.

Восходъ, кн. 1.

уже силою тлетворною, отъ нихъ отрециваются и на ихъ счетъ слагается тотъ образъ мыслей, который находитъ свое афористическое выраженіе въ пресловутой революціи «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли».

Собственно образъ мыслей его подданныхъ не могъ служить серьезнымъ препятствіемъ для Петра I, этого рѣшительнаго новатора, который стригъ бороды своихъ бояръ, закрывалъ ихъ терема, посылалъ женъ и дочерей ихъ въ ассамблеи, а сыновей въ ученье за границу, который въ интересахъ прогресса и на пользу Россіи не задумывался налагать руку на самые завѣтные обычаи и нравы своего народа, прибѣгая въ случаѣ надобности къ содѣйствію чудотворной дубинки. Но дѣло въ томъ, что самъ Петръ, при всемъ свѣтломъ умѣ своемъ, не былъ свободенъ отъ предубѣжденій, господствовавшихъ въ то время повсюду относительно евреевъ. Великіе люди суть также дѣти своего вѣка. Философъ на престолѣ долго не соглашался дать права жительствова въ своей столицѣ философу безъ престола, и обновитель русской земли относительно чадъ израилевыхъ руководствуется повелѣніемъ Ивана Грознаго и ссылается на застарѣлый образъ мыслей своихъ подданныхъ. Кто можетъ сообразить, въ какомъ положеніи находилось-бы въ настоящее время миллионное еврейское населеніе Россіи, какой видъ имѣла-бы сама Россія, еслибъ Петръ рѣшился съ самаго начала сломить этотъ архаическій антагонизмъ, осужденный здравымъ разсудкомъ и мудрой государственной экономіей!

Между тѣмъ ни Петръ, ни его приближенные не имѣли никакихъ ясныхъ понятій о евреяхъ. Мы имѣемъ возможность дать читателю образчики того полного невѣжества, которое господствовало въ придворныхъ кружкахъ Петра относительно быта и ученія народа, о которомъ онъ отзывается такъ рѣзко и такъ рѣшительно.

Одинъ изъ придворныхъ сановниковъ, (имя его не упоминается), сопровождавшій Петра въ его путешествіи по Европѣ въ 1697—1699 г., оставилъ объ этомъ путешествіи записки. Этотъ, повидимому, любознательный бояринъ, осматривая достопримѣчательности разныхъ европейскихъ городовъ, побывалъ и въ синагогахъ и присматривался къ житью-бытью евреевъ. Синагоги и самыя евреи принадлежали для него къ предметамъ рѣдкостей и достопримѣчательностей, такъ какъ у себя дома онъ ихъ никогда не видалъ и видѣть не могъ. И вотъ что мы читаемъ въ его дневникѣ * относительно евреевъ.

* Дневникъ этотъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ за 1879 г.

На стр. 110: «Въ Амстердамѣ былъ у жидовъ въ церквахъ и видѣлъ великое богатство, церкви изрядныя, книги Моисеевы украшены хорошо».

На стр. 112: «Былъ у жидовъ въ церкви, смотрѣлъ обрѣзаніе младенца. Прежде молитву сотворить, потомъ положить младенца и возьметъ крайнюю плоть и рѣжетъ щипцами серебряными (?) и отрѣжетъ не мало (!). Послѣ возьметъ ренскаго въ ротъ и припадетъ къ младенцу и возьметъ плоть въ ротъ и сосетъ кровь; тою-же кровью (?) съ виномъ мажетъ у младенца уста».

Тамъ же. «Былъ у человѣка, у котораго собраны разныя деньги древнихъ кесарей и *тѣ серебряницы тутъ-же, на которыхъ Христосъ отъ Иуды проданъ*, вѣсомъ будетъ противъ осьми копѣекъ русскихъ (!) и печать на нихъ на одной сторонѣ персоны человѣческой, а на другой лилі; надпись надъ персоною изрядная».

На стр. 116. «Видѣлъ въ жидовскомъ платѣ жидовку, сдѣлано брыжи (на немъ собрано изъ полотна); на головѣ, какъ рога, изъ полотна; на плечахъ епанча бархатная, черная».

На стр. 120. «Былъ въ церкви св. Марка (въ Венеціи) и видѣлъ камень тотъ, изъ котораго въ пустынѣ Моисей воду источилъ».

На стр. 125. «Въ церкви былъ Пресвятыя Богородицы (въ Римѣ) и видѣлъ... ковчегъ Завѣта Господня *... жезлъ Аароновъ, жезлъ Моисеевъ; оба пестрые».

Если такъ дѣтски-наивно относился къ своимъ этнологическимъ наблюденіямъ человѣкъ высшаго круга, стало быть интеллигентный, то легко вообразить себѣ изъ какихъ дикихъ понятій составлялся образъ мыслей низшихъ слоевъ народа, черпавшихъ свои свѣдѣнія о евреяхъ изъ фантастическихъ розказней нянекъ, изъ каррикатурныхъ представленій разныхъ фокусниковъ. Образчикъ такихъ народныхъ представленій можемъ предложить нашимъ читателямъ даже и изъ позднѣйшей эпохи, но тѣмъ болѣе доказательной силы имѣетъ онъ для насъ. Эразмъ Стоговъ въ своихъ воспоминаніяхъ **

* Забѣгаемъ, что во второмъ іерусалимскомъ храмѣ не было вовсе ковчега Завѣта, слѣдовательно не могъ его Титъ отвести въ Римъ. По преданію Талмуда (Иома 52 б, Гораіотъ 12 а, Керитотъ 5 б), который въ этомъ дѣлѣ во всякомъ случаѣ болѣе компетентный судья, чѣмъ ученый спутникъ Петра, ковчегъ Завѣта вмѣстѣ съ жезломъ Аароновымъ были запрятаны еще царемъ Іосіемъ (639—608 до Р. Х.) и остались не открытыми.

** „Русская Старина“ за 1879, январь, стр. 50.

рассказываетъ, что на святкахъ въ 1818 г. была поставлена на сцену оперетка «Удача отъ неудачи, или приключеніе въ жидовской корчмѣ». «Помню,—говорить рассказчикъ,—весь театръ хохоталъ, когда жидъ, одѣтый по домашнему въ чулкахъ и бапкакахъ, со всеѣми характерными ужимками хитраго еврея, перепрыгивалъ съ одной стороны стоявшаго спокойно господина на другую и пѣлъ: спію пану пѣсню ладзирду (?) шинцеркраверь лицерби (?) пинимини канцерми *, спію и станцюю ладзирду и пр. Не объясню, какъ могла память оживить слова совершенно для меня непонятныя», чистосердечно прибавляетъ этотъ добрый человекъ, нисколько не подозревая, что эта тарабарщина состоитъ изъ несуществующихъ словъ, никакого смысла не имѣющихъ.

Да намъ и не зачѣмъ встряхивать пыль архивовъ и удаляться въ дебри старины. Въ наше время, на нашихъ глазахъ происходили примѣры, достаточно доказывающіе изъ какихъ ничтожныхъ элементовъ слагается у насъ общественное о евреяхъ мнѣніе, доходящее подчасъ до высшихъ сферъ администраціи и вліяющее на ходъ законодательства. Достаточно прочесть напр. дѣла объ обвиненіи евреевъ въ убіеніи дѣтей съ религиозною пѣлью въ Саратовѣ (1853—1860 г.) и въ Кутаисѣ (въ 1878 г.), чтобы убѣдиться изъ какихъ слабыхъ паутинныхъ нитей сотканы эти двѣ чудовищныя уголовщины, изъ которыхъ одна была ничто иное, какъ вопіющее насиліе надъ правосудіемъ, имѣвшее послѣдствіемъ загубленіе нѣсколькихъ невинныхъ существованій, а другая—при тождественныхъ условіяхъ—имѣла въ противоположность первой благополучный исходъ, благодаря лишь тому счастливому случаю, что она пала въ періодъ гласнаго суда.

Подобныя явленія, на которыя въ послѣдующіе вѣка будутъ смотрѣть, какъ мы смотримъ нынѣ на пытки и костры жалкой памяти инквизиціи, имѣютъ свою единственную причину въ растлѣніи общественнаго мнѣнія и въ привитіи къ русской публикѣ дикихъ инстинктовъ искусственными средствами въ родѣ представленія на сценѣ жида, распѣвающаго ладзирду на какой то никому непонятной тарабарщинѣ, или, въ наше время, публичныхъ глумленій надъ евреями какого нибудь Павла Вейнберга, полуневѣжественныхъ передержекъ покойнаго Брафмана, сводившаго свои личные счеты съ евреями, или литературнаго фиглярства какихъ нибудь пантажистовъ въ родѣ

* Очевидно перековерканныя нѣмецкія слова: „Schöne Minna komm zu mir“.

Лютостанскихъ и Грыневичей. Безъ такихъ недостойныхъ искусственныхъ мѣръ образъ мыслей русскаго народа о евреяхъ ни въ наше время, ни 200 лѣтъ тому назадъ, когда русскіе вовсе не приходили въ прикосновеніе съ евреями, не могъ быть на столько враждебенъ этимъ послѣднимъ, чтобы вызывать такія катастрофы какъ саратовская, или внушать дѣйствительныя опасенія такому рѣшительному реформатору, какъ Петръ. Если бы злые умы не старались заслонить дѣйствительность и истину, еслибы русскіе имѣли возможность познакомиться съ истиннымъ духомъ ученія и вѣры евреевъ, то русскій народъ, по врожденному ему благодущію, менѣе всѣхъ другихъ народовъ былъ бы способенъ дать укорениться у себя безпричинной племенной ненависти. Не удаляясь слишкомъ отъ нашего предмета, я приведу изъ собственной своей практики, въ подтвержденіе высказаннаго взгляда, слѣдующій фактъ, самъ по себѣ заслуживающій быть занесеннымъ въ хронику петербургскихъ евреевъ.

Когда я въ 1872—3 году, по порученію правленія здѣшней еврейской общины, участвовалъ въ засѣданіяхъ комиссіи, состоявшей при петербургской городской Управѣ для приведенія въ исполненіе Высочайшаго распоряженія объ устройствѣ столичныхъ кладбищъ, съ цѣлью приобрѣтенія и устройства кладбищенскаго участка для евреевъ, предсѣдателемъ этой комиссіи былъ гласный Думы и членъ Управы Л. Я. Р—скій, личность почтенная, съ основательнымъ практическимъ умомъ и прямымъ открытымъ характеромъ. Л. Я. относился недовѣрчиво, даже недружелюбно къ евреямъ, что не мало затрудняло мою задачу, какъ блюстителя интересовъ еврейской общины, и подъ часъ приводило насъ къ экскурсіямъ въ область общихъ сужденій о евреяхъ внѣ тѣснаго круга нашихъ официальныхъ отношеній. 16-го февраля 1874 г. былъ наконецъ открытъ еврейскій участокъ преображенскаго кладбища, и Л. Я., какъ предсѣдатель городской кладбищенской комиссіи, присутствовалъ при этомъ открытіи. Молитвы, назначенныя для чтенія въ день открытія при богослуженіи въ кладбищенской молельнѣ, были напечатаны въ особыхъ книжкахъ съ русскимъ переводомъ и розданы присутствовавшимъ. Торжество произошло съ подобающимъ благолѣпіемъ и молитвы пропѣты стройнымъ хоромъ синагогальныхъ пѣвчихъ по мотивамъ, особо для этого случая сконструированнымъ. По окончаніи службы Л. Я., видимо тронутый содержаніемъ молитвъ и торжественностію минуты, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Отчего евреи не

стараятся насъ поближе съ собою познакомить? Это много содѣйствовало бы разсѣянію существующихъ противъ нихъ предразсудковъ и послужило бы имъ на пользу. Вы напр. знаете, что я предубѣжденъ противъ евреевъ. Но я почти вовсе не знаю ихъ. И откуда мнѣ было ихъ знать? Родомъ я, правда, изъ Молороссіи, но съ молодыхъ лѣтъ живу въ Петербургѣ. Помню евреевъ когда мнѣ было лѣтъ 9, когда я во главѣ ватаги единомышленныхъ мальчугановъ, бывало, ходилъ съ камнями въ рукахъ бомбардировать еврейскія кущи. Намъ говорили, что вы проклинаете насъ въ вашихъ молитвахъ и вотъ я въ первый разъ присутствовалъ при еврейскомъ богослуженіи и слушалъ ваши молитвы. И что жъ? Ничего подобнаго я не нашель. Это молитвы возвышенныя, святыя, ни въ чемъ не уступающія нашимъ. Сейчасъ прожитыя мною минуты останутся для меня незабвенными; онѣ преобразили весь мой внутренній міръ».

Здѣсь, конечно, не мѣсто разбирать, кто опять виновать въ томъ, что насъ не знаютъ,—русскіе ли, которые не посѣщаютъ нашихъ синагогъ, вездѣ и всегда для всѣхъ и каждаго открытыхъ, не знакомятся съ нашими литургическими книгами, давно уже переведенными на русскій языкъ,—или евреи, которые не могутъ же превратить свои богослуженія въ театральныя представленія, зазывая туда зрителей; но чувства, высказанныя Л. Я. въ минуту торжественнаго настроенія, безъ сомнѣнія общи всѣмъ лучшимъ людямъ русскаго народа, и если до сихъ поръ между русскими людьми и евреями не установился *modus vivendi*, чтобы первые могли узнать послѣднихъ въ совершенствѣ, то не особенно важную услугу оказываютъ имъ тѣ артисты, которые изъ за низменныхъ видовъ стараются заслонять истину и сбѣгать недоразумѣнія между людьми одной земли, хоть и различнаго происхожденія.

Русскій народъ въ массѣ ничто иное какъ добродушное, довѣрчивое дитя, слушающее что старшіе говорятъ. «Образъ мыслей» его зависитъ отъ того направленія, которое ему даютъ сверху. Поставьте еврейскую синагогу на Невскомъ проспектѣ, — и русскій простолоудинъ, пройдя мимо, сниметъ шапку и перекрестится: значить, молъ, святыня, коль сюда поставили; но запрячьте ее за Нарвскою заставою, онъ—не только будетъ смотрѣть на изгнанную синагогу какъ на скверну, но сочтетъ дѣломъ угоднымъ и Богу и начальству — гнать въ шею всѣхъ жидовъ. Еслибы въ сферахъ окружающихъ Петра было побольше положительнаго знанія евреевъ; еслибъ

у его любознательнаго боярина оказалось больше наблюдательности, чтобы замѣтить, что уста обрѣзаннаго младенца не мажутъ кровью, а окропляютъ виномъ изъ освященнаго молитвою бокала для освѣженія силъ маленькаго страдальца; еслибъ у него нашлось побольше критическаго смысла, чтобъ усумниться въ подлинности серебренницъ, которыя агентъ тайной іерусалимской полиціи по преданію когда-то получилъ въ вознагражденіе за свой доносъ; если Петръ Великій не былъ бы самъ одержимъ унаслѣдованнымъ отъ своихъ няней воззрѣніемъ на евреевъ и при основаніи своей новой столицы послѣдовалъ бы примѣру Александра Великаго,—у насъ въ настоящее время и въ поминѣ не было бы существованія многогодовой и живучей гидры, именуемой «еврейскимъ вопросомъ» и обнаруживающей свое присутствіе во всѣхъ суставахъ административнаго организма. «Образъ мыслей» его подданныхъ преобразился бы по мановенію его волшебнаго жезла. До Екатерины II караимы были тѣже жидаы и на нихъ существовали вѣроятно тѣ же воззрѣнія, но со времени указа 8-го іюня 1795 года этотъ образъ мыслей преобразился. Караимы пользуются всѣми правами, проживаютъ безпрепятственно вездѣ и въ столицѣ наравнѣ съ прочими восточными людьми, и никогда не слышно было противъ этого возраженій со стороны тѣхъ, образъ мыслей которыхъ такъ опасался Петръ. Мы теперь даже видимъ настоящихъ евреевъ-раввинитовъ, изъ отставныхъ солдатъ, въ значительномъ количествѣ проживающими въ Петербургѣ и производящими свою торговлю въ многолюдныхъ рынкахъ, какъ напр. въ Апраксинскомъ и Александровскомъ, и никогда между ними и торговцами изъ такъ называемаго кореннаго населенія не доходило до столкновеній или даже до перебранокъ, въ родѣ той, какую напр. поднимали газетные гостиннодворцы въ родѣ Булгариныхъ, Сувориныхъ и tutti quanti противъ всякаго, въ комъ имъ чудился опасный конкурентъ.

Но разъ Петръ I не сдѣлалъ этого coup de force во время общей ломки,—удобный для этого моментъ послѣ того долго не наступалъ. Въ послѣдующія затѣмъ царствованія, когда пресловутый «образъ мыслей» дошелъ до своего апогея,—ни въ дни Анны Іоанновны, отъ которой 3-го іюля 1738 г. послѣдовалъ указъ «о сожженіи флота капитанъ-лейтенанта Возницина за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а жида Бороха за превращеніе онаго капитана въ жидовскій законъ»,—ни въ дни Елисаветы Петровны, которой и принадлежитъ приведенный выше

афоризмъ «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной при-были», начертанный ею 16 декабря 1743 г. въ видѣ резолюціи на докладѣ сената о дозволеніи евреямъ селиться въ Лифляндіи и Курляндіи, — во все это время о появленіи евреевъ въ столицѣ конечно и рѣчи быть не можетъ. Нельзя однакожь не замѣтить рѣзкій переломъ въ побужденіяхъ къ недопущенію евреевъ въ Россію. Петръ I, хотя и упоминаетъ объ образѣ мыслей своихъ подданныхъ, выставляетъ однакожь главнымъ мотивомъ своего отказа Витсену соображенія экономическія; при дочери же его Елисаветѣ самъ сенатъ ходатайствуетъ о допущеніи евреевъ, доказывая, что экономическія соображенія говорятъ въ ихъ пользу, она же наотрѣзъ отказываетъ изъ чисто-религіозныхъ побужденій. Какая капризная превратность судьбы! Живи посѣщавшій жидовскія церкви наивно-вѣрующій бояринъ при благочестивой императрицѣ Елисаветѣ, а сенатъ въ своемъ составѣ 1743 года — во время Петра, какая трогательная гармонія вышла бы въ дѣйствіяхъ нашихъ государственныхъ учреждений!

Но—*tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Съ Россіею случилось нѣчто похожее на то, что случилось съ великимъ пророкомъ Аллаха. Не хотѣла гора придти къ пророку — и пророкъ отправился къ горѣ. Не хотѣла Россія пускать евреевъ къ себѣ — и вотъ пришлось ей самой отправиться къ евреямъ. Съ присоединеніемъ къ имперіи владѣній бывшей Рѣчи Посполитой у Россіи вдругъ оказались своихъ евреевъ цѣлые милліоны. Если при Петрѣ I еврейскій вопросъ былъ вопросомъ внѣшней политики, не причинявшимъ ему, какъ мы видѣли, даже особо затруднительной дипломатической переписки, то теперь онъ сталъ вопросомъ политики внутренней, притомъ вопросомъ неотвязчивымъ, мозолившимъ правительству глаза, куда бы оно ихъ ни обращало, такъ какъ во всѣхъ присоединенныхъ отъ Польши городахъ находилось густое еврейское населеніе. Елисавета Петровна, при завоеваніи Малороссіи, долго не затруднялась. Она велѣла просто «изо всей россійской имперіи, какъ изъ великороссійскихъ, такъ изъ малороссійскихъ городовъ, жидовъ мужска и женска пола, какого-бы кто званія и достоинства ни былъ, со всѣмъ имѣніемъ, немедленно выслатъ за границу» (указъ 1 декабря 1742 г.). Но при дальнѣйшемъ расширеніи предѣловъ имперіи при Екатеринѣ II, по присоединеніи въ 1772 г. Бѣлоруссіи, а впоследствии и литовскихъ губерній, эта крутая мѣра оказалась неудобноисполнимой. Пришлось подумать: а что если по волѣ судьбы Россіи

суждено сдѣлаться владычицею всего міра, то куда высылать тогда жидовъ? При томъ Екатерина вспомнила, что чрезъ окно, прорубленное нами въ Европу, Европа посматриваетъ и къ намъ. Пришлось Россіи покориться и имѣть у себя жидовъ. Но пу-
 скать ихъ въ старорусскія губерніи, тѣмъ паче въ столицу, не рѣшилась и Екатерина. Если при ближайшемъ ознакомленіи съ евреями, интересы государственнаго хозяйства стали гово-
 рить въ ихъ пользу, въ чемъ согласовались доклады всѣхъ ге-
 нераль-губернаторовъ, управлявшихъ мѣстностями, населенными евреями, и такимъ образомъ экономическія причины, выста-
 вленные Петромъ I, потеряли свою силу; если Екатерина II, подруга Вольтера, не могла также руководствоваться строго-
 религиозными побужденіями своей благочестивой предшествен-
 ницы, — то у нея оказались другія причины, — причины полити-
 ческія. Послѣ совершеннаго ею насильственнаго переворота, когда въ русской арміи могли появиться еще такіе головорѣзы
 какъ Мировичъ, и во время пугачовскаго движенія, дѣйстви-
 тельно казалось неблагоразумнымъ чѣмъ бы то ни было задѣвать
 пресловутый «образъ мыслей», какъ слабъ и сомнителенъ онъ бы
 ни былъ. Сама Екатерина все это намъ объясняетъ *: «На пя-
 тый или шестой день. — рассказываетъ она о себѣ въ третьемъ
 лицѣ *, — по возшествіи своемъ на престоль, Екатерина II
 «прибыла въ сенатъ. Случилось, что въ это засѣданіе пришла
 «очередь обсуждать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. *Всѣ*
«единогласно признали полезнымъ это допущеніе. Но Екате-
 «рина, *по тогдашнимъ обстоятельствамъ,* затруднялась изъ-
 «явить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ князь Одоевскій; онъ
 «всталъ и сказалъ: «прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно-ли бу-
 «детъ вашему величеству посмотриѣть собственноручное рѣше-
 «ніе, которое въ подобномъ случаѣ дала императрица Елиза-
 «вета?» Екатерина приказала достать списки и нашла, что
 «императрица Елизавета на поляхъ дѣла, по своему благоче-
 «стію, написала: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интерес-
 «ной прибыли». Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли
 «со вступленія на престоль Екатерины; она возведена была
 «на оный для обороны *православнаго* закона; ей приходилось
 «имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ,
 «которому *еще не возвращены были его имнія* и которое вслѣд-

* Русскій Архивъ 1866 г., стр. 492. У насъ мѣсто это заимствовано изъ книги Оршанскаго „Русское законодательство о евреяхъ“. Спб. 1877 г. стр. 247.

«ствіе этой дурно принаровленной мѣры не знало, чѣмъ ему «пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ столь великаго переворота, находились въ сильномъ волненіи. *Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ*; объявить оный вреднымъ было также невозможно. Екатерина поступила просто. Когда генераль-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: «я желаю, чтобы дѣло это было отложено до другаго времени».

Тѣмъ дѣло и кончилось, и оффиціальное допущеніе евреевъ въ Россію отложено ad calendae graecas.

Но какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ жизни народовъ бываютъ условія, которыя не подчиняются келейнымъ регламентаціямъ и вынуждаютъ къ уступкамъ. При обширной торговой и промышленной дѣятельности евреевъ, при врожденной имъ подвижности и центростремительности, очутившись въ странѣ въ такой значительной массѣ, они не могли не тяготѣть къ главному административному и дѣловому центру, и вотъ, не смотря на «пламенный мечъ», охранявшій предъ ними входъ во вновь насаженный на тундрахъ Ингерманландіи рай, они къ концу прошлаго столѣтія начинаютъ мало по малу проникать туда. Само собою разумѣется, что пребываніе первыхъ евреевъ-смѣльчаковъ въ Петербургѣ могло быть только временное и секретное. Сама Екатерина говоритъ: «Въ Петербургѣ есть 3 или 4 еврея съ давнихъ поръ; они терпимы вопреки закона: дѣлаютъ видъ, какъ будто ихъ не замѣчаютъ» *. Она позаботилась даже намъ сообщить курьезное свѣдѣніе, что эти «незамѣченные» евреи имѣли квартиру у одного изъ ея духовниковъ. Кто именно были эти 3—4 еврейскихъ пионера въ Петербургѣ, намъ съ достовѣрностію не выяснилось. Предположеніе о томъ мы выскажемъ ниже. Во всякомъ случаѣ это, вѣроятно, были люди состоятельные, такъ какъ они могли нанимать себѣ квартиру у придворнаго священника, который приютилъ ихъ, надо полагать, не изъ одной любви къ ближнему. На самомъ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій число этихъ «незамѣченныхъ» стало замѣтно увеличиваться. Особенно это случилось съ восшествіемъ на престолъ Александра I, когда правленіе стало мягче и гуманнѣе и по всей Россіи повѣялъ свѣжій духъ. Тогда сдѣлалось

* Оршанскій, тамъ-же, стр. 224 и 251, изъ статьи Шебальскаго „Екатерина II какъ писательница“, помѣщенной въ журналѣ „Заря“ за 1870 г. кн. 6.

Нѣсколько вольготнѣе и евреямъ, и нѣкоторые изъ «незамѣченныхъ» стали лицами весьма даже замѣтными. Первое мѣсто между ними занимаетъ извѣстный Перетцъ, потомки котораго многочисленны въ Петербургѣ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Л. Гордонъ.

БАРУХЪ СПИНОЗА.

Чуть не полвѣка тому назадъ, одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ романистовъ, Бертольдъ Ауербахъ, съ юныхъ лѣтъ съ жаромъ и любовью изучавшій жизнь и сочиненія великаго мыслителя семнадцатаго столѣтія и, какъ Гете, оставшійся вѣренъ его ученію до старости, впервые издалъ его біографію въ видѣ самостоятельнаго и оригинальнаго разказа *. Между тѣмъ, ни двухвѣковая извѣстность самого мыслителя, ни полувѣковая давность этой повѣсти, пережившей съ тѣхъ поръ множество изданій, въ послѣдствіи передѣланной авторомъ и переведенной на другіе языки, не помогла ей сдѣлаться доступною у насъ читателю, не владѣющему совершенно свободно нѣмецкимъ языкомъ, или не имѣвшему въ рукахъ ея подлинника по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ. Романы Ауербаха знакомы нашей публикѣ по переводамъ; но драматическая и правдивая повѣсть того же писателя о Спинозѣ осталась ей совершенно неизвѣстною. Наша цѣль—познакомить читателей и съ этою повѣстью Ауербаха въ возможно полномъ извлеченіи, и съ ея героемъ вообще. Высокій интересъ этого знакомства вполнѣ избавляетъ насъ отъ погони за новизною, которая не принесла бы въ настоящемъ случаѣ никакой существенной пользы дѣлу. Какъ великъ интересъ самаго предмета, объ этомъ высказался Ауербахъ въ предисловіи ко второму изданію своей повѣсти, вышедшему въ 1854 году: «Считаю за великое счастье, говорить онъ, что судьба и самый ходъ образованія въ ранней юности направили меня на изу-

* Spinoza, Ein Denkerleben, von Berthold Auerbach.

ченіе столь высокаго ума, и отношу къ самымъ радостнымъ событіямъ моея жизни, что мнѣ представился теперь новый случай возвратиться съ рвеніемъ зрѣлаго человѣка къ благоговѣйному стремленію юности».

Неограничившись этою біографическою повѣстью, Ауербахъ усердно работалъ и надъ переводомъ сочиненій Спинозы, который появился въ печати въ 1841 году. Къ сожалѣнію, повѣсть его доводитъ жизнь Спинозы только до окончательнаго переселенія героя изъ Амстердама. Намѣреніе автора обработать въ той же беллетристической формѣ послѣдующую пору въ жизни Спинозы, — намѣреніе, заявленное имъ въ предисловіи къ третьему изданію повѣсти, до сихъ поръ не приведено въ исполненіе, и намъ придется коротко дополнить біографію Спинозы изъ другихъ источниковъ, гораздо менѣе привлекательныхъ въ литературномъ отношеніи.

Въ средніе вѣка разсѣянное еврейство нигдѣ въ Европѣ не достигало такой образованности и такого благосостоянія, какія выпали ему на долю въ Испаніи, въ теченіе трехъ столѣтій, съ половины одиннадцатаго до конца четырнадцатаго вѣка. На немъ отразилось въ сильной степени вліяніе тогдашней арабской культуры. Высшіе вопросы религіи и морали, вмѣстѣ съ новыми попытками толкованія памятниковъ священной ветхо-завѣтной литературы, занимали въ то время лучшіе еврейскіе умы. Два направленія сложились тогда въ еврействѣ: одно изъ нихъ, представителемъ котораго признается писатель двѣнадцатаго вѣка, Маймонидъ, родомъ изъ Кордовы, стремилось согласовать религію съ наукой; другое отстаивало независимость вѣры отъ знанія и необходимость слѣпо вѣрить писанному закону и установившемуся обычаю. Тяжкое гоненіе постигло испанскихъ евреевъ въ концѣ четырнадцатаго столѣтія съ пробужденіемъ народнаго духа и усиленіемъ центральной власти въ Испаніи. Къ концу пятнадцатаго вѣка, послѣ многихъ гоненій, послѣдовало при Фердинандѣ и Изабеллѣ, за сокрушеніемъ арабскаго могущества, и полное изгнаніе евреевъ изъ Испаніи. Ихъ денежная сила, народная къ нимъ ненависть, вліяніе фанатическаго монашества и отчасти интересы сильно задолжавшаго имъ дворянства вызвали жестокою реакцію противъ многочисленнаго населенія, обособленнаго отъ массы народа своею вѣрой, своимъ происхожденіемъ, своими нравами. Ужасъ, наведенный на евреевъ безпощаднымъ религіознымъ гоненіемъ, заставилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ искать спасенія въ притворномъ переходѣ къ христіанству. Наружно

принимая крещеніе, эти новообращенные втайнѣ оставались вѣрны ветхозавѣтному закону и обычаю. Разумѣется, такіе люди считались въ то время еще болѣе опасными христіанству, чѣмъ необращенные, и противъ нихъ-то было учреждено, во имя церковнаго единства и чистоты вѣры, грозное тайное судилище, которое такъ печально прославилось подъ именемъ инквизиціи. Множество евреевъ переселилось тогда въ Португалію, гдѣ ожидали ихъ не менѣе безопаднаго преслѣдованія. Другіе спаслись въ единственную тогда страну религіозной терпимости и политической свободы—въ Нидерланды. Въ концѣ шестнадцатаго вѣка евреи, выходцы изъ Португаліи, основали первую еврейскую колонію въ Амстердамѣ, съ первымъ своимъ молитвеннымъ домомъ. Амстердамъ и Гамбургъ, подъ именемъ «новаго великаго» и «малаго» Иерусалима, стали убѣжищами гонимаго племени. Въ Нидерландахъ евреямъ были предоставлены всѣ права, кромѣ права занимать государственныя должности. Странѣ, въ рукахъ которой находилась тогда всемірная торговля, были полезны ихъ капиталы. Въ 1676 году число еврейскихъ семействъ было уже такъ значительно въ Амстердамѣ, что тамъ были выстроены три синагоги.

Многіе евреи, до своего переселенія изъ Португаліи въ Амстердамъ, приняли христіанство, чтобы избавиться отъ преслѣдованій инквизиціи, и были полу-евреи, полу-христіане. Чтобы положить конецъ этой религіозной двойственности, въ Амстердамѣ было основано семиклассное еврейское учебное заведеніе, гдѣ молодые люди обучались еврейскому языку и богословію. Въ самое цвѣтущее время амстердамской колоніи португальскихъ евреевъ, въ половинѣ семнадцатаго вѣка, во главѣ ея стояли раввины Сауль Леви Мортейра, Манассе бенъ-Израиль и Исаакъ Абоабъ, игравшіе роль въ жизни Спинозы. Представители еврейской общины стремились съ самаго начала къ восстановленію библейскаго еврейства, къ строгому соблюденію Моисеева закона и предписаній Талмуда. Вѣра, испытывшая столько гоненій въ Испаніи и Португаліи и вздохнувшая свободно въ Нидерландахъ, естественно ожила, и подъ вліяніемъ этого оживленія, въ Амстердамѣ сложилось нѣчто въ родѣ еврейской инквизиціи—раввинское судилище неправовѣрія, менѣе могущественное, чѣмъ католическое, потому что оно не располагало средствами свѣтской власти, но столь же яростное въ своей нетерпимости. Судьба Гавріила да-Коста, погребеніемъ котораго начинается романъ Ауербаха, очень характерна

въ этомъ отношеніи. Да-Коста, сынъ одного изъ евреевъ, неискренно принявшихъ христіанство въ португальскомъ городѣ Оporto, будучи самъ искреннимъ католикомъ и уже возведенный въ званіе каноника, пришелъ къ убѣжденію въ истинѣ ветхозавѣтной вѣры, бѣжалъ изъ Португалии въ Амстердамъ и перешелъ въ еврейство, принявъ при обрѣзаніи имя Уриеля да-Коста. Вскорѣ раввинское ученіе показалось ему несогласнымъ съ Библіей; онъ отвергъ его преданія и печатно высказался противъ безсмертія души, которое считалъ нововведеніемъ раввиновъ. Еврейская община, въ лицѣ раввиновъ, при участіи родныхъ Уриеля, не только отлучила его отъ синагоги и общенія съ правовѣрными, но и принесла на него жалобу гражданскимъ властямъ и добилаъ его заключенія въ тюрьму и сожженія еретической его книги. Да-Коста провелъ нѣсколько лѣтъ въ полномъ разобщеніи съ своими единовѣрцами, но наконецъ не выдержалъ, покорился авторитету духовной власти и былъ прощенъ. Новыя нарушенія еврейскаго церковнаго закона вскорѣ навлекли ему новыя преслѣдованія и новое, еще болѣе тяжкое проклятіе. И когда онъ опять попытался примириться съ еврейскою духовною властью, ему пришлось подчиниться тому жестокому обряду покаянія, который описанъ ниже въ излагаемомъ нами романѣ. Разбитый противорѣчіемъ между своими убѣжденіями и формальными требованіями закона, несчастный въ 1640 году окончилъ жизнь самоубійствомъ, оставивъ записки, въ которыхъ онъ разсказалъ печальную повѣсть о своей жизни и нетерпимости своихъ единовѣрцевъ. Спиноза былъ въ то время еще только восьмилѣтнимъ мальчикомъ. Такимъ же сыномъ еврея-католика былъ Вольтасаръ Оробіо де-Кастро изъ Браганцы, профессоръ медицины въ Севильѣ, обвиненный въ юдаизмъ по доносу своего слуги; подвергнутый пыткамъ, онъ былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ испанскихъ владѣній и переселился въ Амстердамъ, гдѣ перешелъ въ еврейство и принялъ имя Исаака Оробіо де-Кастро. По смерти Спинозы, онъ писалъ противъ его воззрѣній, считая его атеистомъ.

Параллельно съ оживленіемъ еврейскаго правовѣрія, въ амстердамской общинѣ шло между самыми правовѣрными сильное мистическое движеніе, поддерживавшее въ еврействѣ месіаническія ожиданія и надежды. Съ этими ожиданіями и надеждами, еще со временъ ветхозавѣтныхъ фарисеевъ, была тѣсно связана вѣра въ безсмертіе души и воскресеніе изъ мертвыхъ, за отрицаніе котораго подвергся проклятію Уриель

да-Коста. Еврейскій мистицизмъ породилъ въ то время рядъ такъ-называемыхъ «кабалистическихъ» сочиненій, проповѣдовавшихъ таинственныя толкованія священныхъ книгъ и обычаевъ. Мечтательныя стремленія и противо-критическіе приемы этой кабалистической литературы, въ которой особенно прославился португальскій еврей амстердамской общины, Алонзо (по обрѣзаніи Авраамъ) де-Геррера, авторъ «Божьяго Дома и Небесныхъ Вратъ», несомнѣнно имѣли въ послѣдствіи отрицательное вліяніе на Спинозу.

Рядомъ съ этимъ движеніемъ въ средѣ еврейства отмѣтимъ здѣсь высокое въ то время международное и вообще политическое значеніе Нидерландовъ, независимость которыхъ, послѣ многолѣтней борьбы, была упрочена вестфальскимъ миромъ, когда Спиноза былъ еще юношей, и которыхъ политическая жизнь и благосостояніе смущали покой самовластнаго Людовика XIV. То было первое федеративное государство въ западной Европѣ, въ которомъ боролись политическія партіи, оранская и республиканская, и религіозныя—правовѣрная (протестантская), примыкавшая къ оранской, и партія свободномыслящихъ, связанная съ республиканской сходствомъ идеаловъ и стремленій. Какъ извѣстно, оранская партія, отвѣчавшая требованіямъ тревожнаго военнаго времени болѣшимъ единствомъ въ управленіи страной и ея военными силами, побѣдила своихъ противниковъ въ дѣлахъ политическихъ и церковныхъ; побѣжденная партія свободномыслящихъ въ дѣлахъ вѣры, получившихъ названіе «коллегіантовъ», основала нѣсколько отдѣльныхъ вольныхъ общинъ, между прочимъ въ Амстердамѣ и Ринсбургѣ, и имѣла большое значеніе въ жизни Спинозы. Реакція противъ монархическихъ стремленій оранской партіи, наступившая по заключеніи вестфальскаго мира, временно возвратила правленіе въ руки республиканской партіи, во главѣ которой князь Іоаннъ де-Виттъ, другъ и покровитель Спинозы; но то разстройство, въ какомъ оказались военныя силы Нидерландовъ во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, когда вспыхнула война съ Франціей, опять вызвала народное движеніе въ пользу оранцевъ.

Въ такой-то исключительной общинѣ, взволнованной религіозною борьбой и мистицизмомъ, въ странѣ, вкусившей политической свободы и благъ вестфальскаго мира, родился мыслитель, въ сознаніи котораго столкнулись всѣ теченія времени, религіозныя, философскія и политическія, и улеглись потомъ въ видѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, составившаго эпоху въ но-

вѣйшей исторіи философіи. Барухъ Спиноза, основатель философскаго монизма, впервые увидѣлъ свѣтъ въ Амстердамѣ, 24-го ноября 1632 года, въ красивомъ купеческомъ домѣ, котораго трудно узнать теперь послѣ многихъ перестроекъ, которыя онъ подвергся съ тѣхъ поръ, въ еврейской купеческой семьѣ, пользовавшейся хорошимъ достаткомъ. Барухъ былъ единственнымъ сыномъ своихъ родителей, которые дали ему отличное по тогдашнему образованіе. Разсказъ Ауэрбаха начинается съ того времени, когда мальчикъ достигъ восьмилѣтняго возраста.

I.

Въ концѣ апрѣля 1640 года, въ пятницу послѣ полудня, въ отдаленномъ углу еврейскаго кладбища въ Оудекеркѣ, близъ Амстердама, усердно работали лопаты, чтобы засыпать землю только-что опущенный гробъ. Никто не вопилъ подлѣ свѣжей могилы. Присутствующіе раздѣлились на кружки, толковавшіе или о событіяхъ дня, или о жизни и смерти того, кто былъ преданъ землѣ, а тѣ, что работали на самой могилѣ, торопились молча и съ полнымъ равнодушіемъ на лицахъ: склонявшееся къ западу солнце уже напоминало, что близко время «привѣтствовать ликъ субботы». Только въ головахъ могилы стоялъ блѣдный мальчикъ, задумчиво взиравшій, какъ падали на могилу куски сѣрой земли. Лѣвой рукой онъ безсознательно ощипывалъ почки, выступавшія наружу на гладко выстриженномъ буковомъ заборѣ.

— Юный другъ, заговорить съ нимъ по-испански присутствовавшій тутъ же иностранецъ: вы, конечно, единственный родственникъ погребеннаго? Я вижу, вы хорошо знали его, и можете сказать мнѣ, кого это зарыли здѣсь, какъ зачумленнаго, безъ надгробнаго слова, безъ плача, безъ вздоха. Я иностранецъ....

— Я столько же его родственникъ, какъ и вы, если вы, какъ мнѣ сдается, тоже принадлежите къ израильскому племени, отвѣчалъ мальчикъ послѣ нѣкотораго колебанія. Вы, конечно, иностранецъ и пріѣхали изъ дальнихъ мѣстъ, если не знаете судьбы этого несчастнаго, Богомъ покинутаго человѣка. О, онъ былъ великъ и славенъ, а какъ опущенъ въ могилу!

— Пожалуйста, прервалъ иностранецъ: не слѣдуйте примѣру другихъ, которыхъ я уже спрашивалъ, когда шелъ съ улицы сюда; расскажите....

— Слыхали вы о родѣ да-Коста изъ Опорто? спросилъ юноша.

— Нѣтъ человѣка, жившаго въ Испаніи, до котораго бы не дошла громкая слава этого рода! Самые уважаемые рыцари носили это имя. Мигуэль да-Коста, по смерти котораго все семейство исчезло изъ Опорто, былъ одинъ изъ красивѣйшихъ рыцарей, какихъ я только видалъ на турнирѣ въ Лиссабонѣ; онъ былъ когда-то ревностнымъ приверженцемъ нашей тайной общины.

— А этотъ, кто наконецъ вкусилъ здѣсь вѣчный покой, былъ сынъ его—начальникъ юноша. Отецъ мой говоритъ, что по фигурѣ и обращенію онъ былъ совершеннымъ подобіемъ своего отца, Мигуэля да-Коста. Звали его Гаврииломъ; искусный въ рыцарскихъ упражненіяхъ онъ былъ свѣдущъ и въ наукахъ, особенно въ наукѣ права. Хотя и терзаемый съ ранняго возраста религіозными сомнѣніями, онъ принялъ однакоже, двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, должность казначея при соборной церкви, и тутъ сказалось въ немъ стремленіе къ родной вѣрѣ. Онъ покинулъ съ матерью и братьями ту землю, гдѣ покоются кости столькихъ пострадавшихъ за нашу вѣру, гдѣ евреи безъ счету склоняютъ колѣна передъ изображеніями и лобызаютъ ихъ, гдѣ они.....

Юноша вдругъ остановился и сталъ прислушиваться къ разговору двухъ людей, работавшихъ у могилы.

— Прости мнѣ, Господи, говорилъ одинъ изъ нихъ: а я все-таки думаю, что этотъ извергъ не заслуживалъ погребенія въ пятницу вечеромъ. Теперь, благо наступаетъ суббота, онъ избавленъ отъ мукъ тлѣнія. Теперь, когда душа его перейдетъ туда, онъ застанетъ накрытый столъ, ему не придется тотчасъ же прогуляться въ гетиномъ*, потому что по субботамъ всѣ злодѣи отдыхаютъ отъ своихъ мукъ. Я говорилъ: надо оставить его до воскресенья утромъ; своей смертью онъ еще заставляетъ насъ работать чуть не въ самую субботу. Живѣй, чтобы намъ поспѣть во-время.

— Да, да, отвѣчалъ другой. Подавится-таки онъ на томъ свѣтѣ, когда ангелы смерти примутся бичевать его огненными прутьями; тогда ужъ онъ повѣритъ, что есть и другой міръ, чего не хотѣлъ уразумѣть при жизни. Ты какъ полагаешь?

* Адъ.

— Прошу васъ: продолжайте вапъ разсказъ, сказалъ юношѣ иностранецъ.

— Вы слышали, что говорили эти люди, возразилъ юноша. А тому, который поменьше, горбатый, что теперь такъ ругается надъ нимъ, онъ сдѣлалъ много добра, потому что доброта и благотворительность его были безграничны. Гавриилъ прибылъ сюда, въ Амстердамъ, подчинился всѣмъ предписаніямъ и принялъ нашу вѣру. Съ того времени онъ принялъ имя Уриеля Акосты. Ревностно слѣдовалъ онъ писанію, которое повелѣваетъ: «Ищи денно и ношно». Мнѣ часто разсказывали: трогательно было видѣть, какъ не гнушался этотъ богатырь учиться еврейскому языку и священному писанію даже у мальчиковъ. Но вскорѣ вошелъ въ него нечистый духъ, и онъ сталъ издѣваться надъ нашими благочестивыми раввинами. Сейчас вы слышали сами, что онъ былъ изъ тѣхъ, которые отвергаютъ основанія нашей вѣры; онъ изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ грѣхи своего сердца и даже хотѣлъ подкрѣпить ихъ божественнымъ словомъ. Рабби Саломонъ де-Сильва, нашъ славный врачъ, опровергъ его лживыя ученія. Акоста навлекъ себѣ церковное проклятiе, но освободился отъ него отреченіемъ отъ всѣхъ заблужденій. Но въ немъ не успокоился духъ противорѣчiя и непокорства; онъ не только противился святой нашей вѣрѣ, осквернивъ, по свидѣтельству своего родного племянника, субботу и вкупная запрещенную пищу, не только усиленно отсовѣтовалъ двоимъ христіанамъ переходить въ еврейство, но и высказался публично, какъ настоящій безбожникъ, противъ всякой религіи. Семь лѣтъ отказывался онъ жить согласно предписаніямъ вѣры и подчиниться наложенному на него покаянiю. Ему предстояло подвергнуться великому проклятiю и вѣчному изгнанію изъ нашей общины. По совѣту своего прежняго друга, рабби Нафтали Перейры, онъ подчинился приговору Бетъ-Дина * и понесъ всѣ присужденныя ему тяжкія кары. Отецъ мой часто говаривалъ: еслибъ Акоста могъ вступить въ бой за нашу вѣру, онъ радостно сложилъ бы за нее свою голову; но жить для нея онъ не могъ. Семейные раздоры, расторгнутая помолвка съ дочерью Юсіи ди-Леонъ, совсѣмъ разстроили его душу. Онъ оставилъ, въ видѣ завѣщанія, разсказъ о своей жизни, въ которомъ старается защитить свои дѣйствія. Если вы еще останетесь нѣкоторое время въ Амстердамѣ, то можете узнать и еще кое-что объ

* Церковный судъ раввиновъ.

этомъ человѣкѣ. Съ давняго времени, совершенно вопреки своему прежнему праву, онъ почти ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова; это принимали за знакъ раскаянія, но онъ замышлялъ новое нечестіе. Онъ избѣгалъ теперь встрѣчи съ рабби Нафтали Перейрой, считая его виновникомъ своихъ страданій и своего несчастія. Вчера утромъ, когда рабби возвращался изъ синагоги и проходилъ мимо дома Акосты, отступникъ выстрѣлилъ изъ пицали въ этого благочестиваго человѣка. Стрѣлокъ онъ былъ хорошій и славился этимъ въ своемъ отечествѣ; но вѣрно ангелъ небесный взялъ его за руку, потому что благочестивый человѣкъ остался невредимъ! Должно быть, онъ все обдумалъ заранѣе, потому что вслѣдъ за тѣмъ схватилъ другую заряженную пицаль и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ, такъ что, говорятъ, совсѣмъ размозжилъ себѣ голову. Оттого и хоронятъ его такъ безславно....

— Барухъ! прервала юношу высокая фигура, приближаясь. Идемъ, все готово. Мы уходимъ съ нашимъ учителемъ.

— Иду, Хасдай, отвѣчалъ Барухъ, и, поклонившись иностранцу, пошелъ туда, гдѣ собравшіеся читали кадишъ, молитву на арамейскомъ языкѣ о воскресеніи мертвыхъ и восстановленіи Іерусалима. При выходѣ съ кладбища каждый трижды срывалъ траву и трижды бросалъ ее назадъ надъ своею головою, произнося по-еврейски: «Они вырастаютъ изъ города какъ полевая трава» (Пс. 72, 16). У воротъ кладбища выходявшіе троекратно омывали себѣ руки приготовленной водой, чтобъ очиститься отъ прикосновенія духовъ, пребывающихъ на этой нивѣ смуты. При этомъ надо было произносить стихъ (Ис. 25, 8): «Смерть уничтожить Онъ на вѣки». Только по исполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ пошли они домой, но и дорогою надо было повторить по три раза стихи 15-й изъ 90-го псалма и псаломъ 91-й. По обычаю, они каждый разъ садились при этомъ на камень или на траву; сказавши стихъ, они шли далѣе съ молитвой. Такъ возвращались Барухъ и Хасдай, съ учителемъ рабби Сауломъ Мортейрой между ними.

— Господь, да погибнуть точно также всѣ твои враги (Кн. Суд., 5, 31), сказалъ наконецъ Хасдай. На этомъ гордомъ человѣкѣ сказанъ снова во всемъ своемъ могуществѣ карающій судъ Господень. Ты не видаль его покаянія, Барухъ, да и я не желалъ-бы когда нибудь еще видѣть подобное. Сначала грѣшное состраданіе закралось мнѣ въ душу, пока я не созналъ съ сердечнымъ раскаяніемъ, что люди обязаны примѣнять бичи Господа. Незабвенно для меня это зрѣлище. Я, какъ теперь,

вижу передъ собою отступника, въ бѣломъ саванѣ мертвыхъ публично читающаго въ синагогѣ свое покаяніе. То не былъ уже его прежній повелительный голосъ; онъ уже не смотрѣлъ такъ горделиво, какъ прежде; но къ чему послужило то, что онъ, какъ говоритъ пророкъ Исаія, склонилъ свою главу какъ тростникъ? Я вижу, какъ потомъ повели его въ уголъ, какъ привязали къ колоннѣ его Самсоновы руки, какъ обнажили его широкую спину—вижу такъ ясно, точно все это происходитъ теперь передъ моими глазами. Хахамъ стоялъ подлѣ служителя синагоги и читалъ стихъ (Пс. 78, 38): «Милосердный прощаетъ грѣхи, щадя отвращаетъ свой гнѣвъ, усмиряетъ свою ярость». Трижды произнесъ онъ тринадцать словъ этого стиха, и при каждомъ словѣ служитель синагоги наносилъ отступнику ударъ по обнаженной спинѣ. Ни однимъ звукомъ не обнаружилъ онъ боли, и когда уже принималъ надлежащее число ударовъ, долго еще недвижно лежалъ, уста его лобызали тотъ самый полъ, на который отказывалась ступить его нога. Наконецъ, его опять одѣли и повели къ выходу изъ синагоги. Тамъ, въ дверяхъ, онъ долженъ былъ стать на колѣна, служитель держалъ его голову, и каждый, вышедшій ихъ храма, становился ногою на его избѣченную спину и проходилъ черезъ него; я придалъ себѣ тяжести, когда стоялъ на немъ, чтобъ онъ почувствовалъ мой шагъ. Говорю тебѣ: очень жаль, что твой отецъ какъ разъ въ тотъ день отсутствовалъ съ тобою; я видѣлъ потомъ, когда всѣ вышли изъ храма, какъ поднялся отступникъ, вернулся въ синагогу, дорывисто раскрылъ святой ковчегъ, и долго, долго смотрѣлъ на свитки закона, пока служитель не напомнилъ ему, что пора удалиться. «Открыты ли мнѣ вновь небесныя врата?» спросилъ онъ, и произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто онъ расхохотался при этомъ. Онъ прикрылся плащомъ и пошелъ домой. Пути Господа праведны! Онъ самъ попалъ въ могилу, которую рылъ другимъ. Такъ должны погибнуть всѣ они. Онъ погибъ и здѣсь, и тамъ.

Хасдай взглянулъ на учителя, ища въ лицѣ его одобреніе за свое усердіе къ дѣламъ вѣры; но тотъ задумчиво качалъ головою и еще читалъ про себя обычную молитву.

Барухъ принималъ мало участія въ завязавшемся потомъ разговорѣ между учителемъ и Хасдаемъ о невозможности предоставить каждому свободное обсужденіе вѣры. Онъ не зналъ и самъ, что именно въ немъ происходитъ. Иностранецъ на могилѣ прервалъ его тягостныя размышленія; ему казалось тогда, что его собственное тѣло опускаютъ въ землю, что духъ его,

вопросая и жалуясь, бродить по міру. Кто можетъ приказывать чужой душѣ, кто своей собственной, чтобъ она не сходила съ предписанной дороги? Какъ крѣпка, несокрушима была его мысль, если онъ изъ-за нея рѣшился лишиться жизни другаго и покончить съ самимъ собою. Кто въ правѣ быть въ этомъ случаѣ судьей, кто въ правѣ произносить проклятiе? Эти мысли были прерваны вопросомъ иностранца; но рѣчи Хасдая и учителя вновь пробудили ихъ, и въ душѣ юноши ожило давно забытое прошлое. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда ему пришлось впервые стоять между могильными насыпями, глубокая грусть охватила его сердце. Тогда хоронили его дядю Эммануила, который, постоянно хвораая и потому не выходя изъ дому, часто оставался съ дѣтьми и черезъ нихъ сносился съ остальнымъ міромъ. Когда всѣ уже ушли съ кладбища, одинъ въ школу, другой въ гавань или на биржу, третьи въ свои мастерскія и лавки, и городъ продолжалъ шумѣть, какъ будто ничего особеннаго не случилось, сердце мальчика затрепетало при мысли: какъ это все идетъ по прежнему, когда дяди уже нѣтъ въ домѣ? Цѣлые часы проводилъ онъ въ слезахъ, оставаясь въ опустѣвшихъ комнатахъ умершаго, гдѣ всѣ окна были отворены настежь, чего прежде никогда не бывало, и негодуя на людей, которые покинули больного человѣка на кладбищѣ и такъ поступали, точно никогда не слыхивали ни о какомъ дядѣ. Мать—отцу онъ не смѣлъ заявлять подобныя жалобы—старалась успокоить его и объяснить, что дядя теперь не одинокъ и не боленъ, а напротивъ здоровъ и находится у Бога, со всѣми своими предками и всѣми добрыми людьми. Мальчикъ не могъ взять этого въ толкъ и все повторялъ: ты этого не видѣла, они положили его въ глубокую яму и набросали много земли на ящикъ; теперь дядя, вѣрно, проснулся и не можетъ выйти изъ ящика. Мать старалась объяснить ребенку, что погребено одно лишь тѣло дяди, а душа его теперь у Бога. Мальчикъ успокоивался; но долго потомъ, въ бурю и непогоду, ему вдругъ приходила мысль: каково-то теперь дядѣ въ землѣ?...

Съ тѣхъ поръ мальчику пришлось стоять у могилы своей матери, припоминая ея утѣшительныя поученія. Сегодня, на могилѣ Авосты, въ немъ ожили вновь воспоминанія о погребеніи дяди. Тоже чувство, таже мысль, отъ которыхъ такъ сильно и тревожно билось его сердце, не покидало и отступника, котораго теперь зарывали въ землю.

Но отчего одни и тѣ же вопросы неотступно тревожатъ дѣтей и отступниковъ? Не потому-ли, что первыя еще ничего не

знаютъ объ откровеніи, а послѣдніе добровольно отвергаютъ его и дерзаютъ разрѣшать трудные вопросы вѣры? И кому принадлежитъ право карать за такія дѣла?...

«Не слишкомъ мудри надъ справедливостью и не утсвуй черезъ мѣру» — припомнился ему стихъ изъ Соломонова «Экклезіаста», и онъ смирился.

Незнакомецъ, вступившій въ разговоръ съ Барухомъ на кладбищѣ, оказался пріѣзжимъ испанскимъ евреемъ и гостемъ отца юноши. Его звали Родриго Кассересъ. Въ ночь съ пятницы на субботу онъ встрѣчалъ субботній день въ семьѣ Баруха, съ его отцемъ, красивой четырнадцатилѣтней сестрой Мириамъ и самимъ Барухомъ, которому, какъ узнаетъ пріѣзжій изъ праздничной бесѣды съ отцомъ, пошелъ уже девятый годъ. У пріѣзжаго тоже есть дѣти, почти ровесники Баруху и Мириамъ; за стаканомъ настоящаго Val de Pennas, присланнаго хозяину дома пріятелемъ изъ далекихъ странъ, отцы вспоминаютъ походы своей юности, вспоминаютъ и близкихъ людей, погибшихъ на плахѣ за вѣру. «Я и теперь еще ощущаю потъ ужаса на лбу, когда припомню, какъ стояли мы съ тобой въ Толедо въ церкви Мадонны Del Transito. Видишь-ли великолѣпное зданіе—сказалъ ты мнѣ тамъ со скрежетомъ зубовъ: оно было прежде синагогой нашихъ предковъ. Строитель его, Самуиль Леви, сгнилъ потомъ на висѣлицѣ, и не чудо-ли, что мы, не смотря на твою гордую душу, остались цѣлы и невредимы?»

— Не понимаю, вставилъ свое слово Барухъ, какъ можно быть счастливымъ хоть на одну минуту въ такой странѣ, гдѣ надъ людьми постоянно висятъ предательство, позоръ и смерть.

— Для этого ты еще слишкомъ юнъ, сказалъ пріѣзжій. Вѣрь мнѣ: хотя-бы люди предательски слѣдили за каждымъ твоимъ дыханіемъ, у тебя все-таки будутъ часы, будутъ даже дни, когда ты можешь быть веселъ и забыть все; и хотя бы тебя предали позору, хотя-бы тебя и твоихъ близкихъ бросили въ грязь—все-таки нѣчто святое, куда не проникаетъ никакая власть на землѣ, есть наша собственная совѣсть и довѣренный кругъ близкихъ людей; никто и ничто не въ силахъ отнять у насъ это разверзающееся подъ нами небо, не въ силахъ даже устрашающій образъ смерти. Всѣ муки испытаны нами, и все-таки мы были счастливы.

— А постоянный разладъ въ собственной душѣ? Быть христіаниномъ передъ всѣми и евреемъ въ душѣ?

— Да, это дѣлало насъ несчастными: я видѣлъ это на твоёмъ дядѣ Иеронимѣ.

— Зачѣмъ-же не бросить онъ своей мрачной кельи и не прійдетъ сюда? спросилъ Барухъ.

— Онъ уже бросилъ свою келью, и мы идемъ къ нему. Онъ умеръ. Тебѣ, молодой человѣкъ, надо-бы пережить исторію его страданій, она пригодилась-бы тебѣ на всю жизнь.

Барухъ привсталъ съ своего мѣста и произнесъ слова, обязательныя при вѣсти о чьей нибудь смерти: «хвала Тебѣ, судья праведный!»

— Пожалуйста, расскажи намъ эту исторію, обратился онъ къ пріѣзжему.

Миріамъ придвинулась ближе къ столу и присоединила свою просьбу къ просьбѣ брата.

— Сегодня суббота, и лучше было-бы не рассказывать, отвѣчалъ пріѣзжій; но вы такъ просите, что я не могу отказать вамъ. Кстати, именно смерть его придала мнѣ рѣшимость съ Божіей помощью спасти себя и своихъ изъ міра неправды и лжи.

Пріѣзжій хлѣбнулъ вина изъ длиннаго бокала и началъ свой рассказъ:

«Тому уже мѣсяцевъ восемь, я получилъ изъ Севильи письмо Филиппа Капсоли. Уже одинъ адресъ на письмѣ напугалъ меня: «Даніилу Кассересу, въ Гвадалахарѣ». Только очень неосторожный еврей могъ назвать меня моимъ еврейскимъ именемъ. Но содержаніе письма окончательно привело меня въ трепеть. «Угодный Господу Даніиль — сказано было въ письмѣ—день мести и смерти насталь; я хочу умереть съ филистимлянами. Пусть почувствуютъ они, каково человѣку, когда его жарять. Пріѣзжай ко мнѣ; меня сторожатъ священныя сбирьы. Именемъ пресвятѣйшаго Господа, пепломъ нашихъ убитыхъ братьевъ и сестеръ заклинаю тебя пріѣхать къ твоему умирающему Иерониму де-Эспиноза». Было несомнѣнно, что письмо принадлежитъ самому Иерониму: тонкій и прямой почеркъ подписи, знакъ поклоненія единому Богу, стоявшій подъ нею, устраняли всякое сомнѣніе, хотя я тотчасъ же узналъ по дрожащему почерку, которымъ писано самое письмо, что оно имъ продиктовано. Я открылъ моимъ дѣтямъ, что намѣренъ ѣхать въ Севилью; но былъ такъ малодушень, что просьбы и слезы ихъ удержали меня отъ исполненія моего замысла. Я почти забылъ о бѣдномъ Иеронимѣ, когда страшный сонъ напомнилъ мнѣ о немъ, и на другой день я былъ уже въ

пути. Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ я дѣтей, которыми сказалъ, что ѣду къ сестрѣ въ Кордову. Мнѣ надо было ѣхать на Кордову, гдѣ я, незамѣченный, миновалъ домъ сестры; я не хотѣлъ нигдѣ остановиться, точно какая-то невидимая рука неудержимо влекла меня впередъ. Я пріѣхалъ въ Севилью. Какъ разъ въ то время, когда я поднимался на гору, звонили къ службѣ. Ты тамъ, пламенный Геронимъ,—сказалъ я самому себѣ—и торопишься въ капеллу съ молитвой на губахъ и проклятіемъ въ сердцѣ. Не предаль ли ты Господа, когда, будучи евреемъ въ душѣ, ты дерзнулъ проникнуть въ совѣтъ инквизиціи, чтобы помочь своимъ братьямъ.—Войдя въ капеллу, я преклонилъ колѣна и оставался въ этомъ положеніи до конца обѣдни. Потомъ я всталъ и принялся разсматривать жирныя и унылыя лица монастырской братіи, но ни въ одномъ изъ нихъ я не узналъ Геронима. На мой вопросъ одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что Геронимъ уже нѣсколько недѣль лежитъ при смерти и все бесѣдуетъ съ Данииломъ во рву львиномъ. Онъ провелъ меня въ келью больного. Несчастный дремалъ въ это время, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и я увидѣлъ только обнаженный его черепъ; надъ кроватью висѣло распятіе, а подлѣ сидѣлъ молящійся монахъ, который сдѣлалъ мнѣ знакъ, что надо входить тише. Только трудное дыханіе больного, да тихій шопотъ читавшаго молитвы были единственными признаками жизни въ этой могильной тишинѣ. Наконецъ больной приподнялся: я не узналъ его: эти глубоко впалые глаза и щеки, эти блѣдныя губы, эти пряди бѣлой бороды—все это не могло принадлежать Герониму; такъ измѣниться онъ не могъ; но больной узналъ меня сразу, и тихо, едва шевеля губами, произнесъ: «Ты еще здѣсь, Данииль? Какъ хорошо, что ты меня не покидаешь; тебѣ, правда, нечего бояться—ты вѣдь во рву львиномъ, но Господь поможетъ тебѣ выйти, какъ помочь онъ нашему старику въ Вавилонѣ; только у меня высосали они кровь и мозгъ, я уже не выйду изъ ямы. Не правда ли, ты меня не покинешь?»

Я опасался, что минута свиданія ускорить роковую развязку; мнѣ трудно было понять, отчего онъ говорилъ со мною такъ, какъ будто мы давно уже живемъ вмѣстѣ, какъ будто мы совсѣмъ не разставались. Онъ кивнулъ монаху, читавшему молитвы, и тотъ закрылъ книгу, положилъ ее подъ мышку и вышелъ. Выхода, онъ тихо шепнулъ мнѣ, что если больному будетъ очень плохо, то я могу позвонить, и указалъ мнѣ мѣсто звонка.

— Онъ ушелъ? спросилъ меня Иеронимъ. — Дай мнѣ скорѣе смоляные вѣнки, которые у тебя подъ плащемъ, я спрячу ихъ въ кровати. Ночью, когда всѣ они спятъ, мы подожжемъ ихъ гнѣздо. То-то будетъ веселое жертвенное пламя, ангелы въ небѣ приятно посмѣются; я связанъ, я не могу выйти отсюда. Надо зажечь со всѣхъ четырехъ концовъ. Намъ нужно торопиться, а то Гвадалквивиръ самъ выйдетъ изъ береговъ и затушитъ пламя: онъ у нихъ на жалованьи. Помоги мнѣ, воды довольно для жизни. Господь, Господь! Я согрѣшилъ, я отрекся отъ святого твоего имени; но ты нѣкогда являлъ свою силу въ чудесахъ: пошли же свои перуны, чтобъ они истребили ихъ, и меня тоже, меня прежде всѣхъ; я согрѣшилъ, истреби меня.

Произнося скороговоркой эти слова, онъ сильно ударялъ себя въ грудь костлявыми своими кулаками; я не успѣлъ поддержать его: онъ упалъ назадъ почти бездыханный. Опасаясь, что онъ умираетъ, я хотѣлъ позвонить; но больной вдругъ приподнялся опять и сказалъ сквозь слезы: «Дай твою руку, она чиста, она незапятнана кровью твоихъ братьевъ; то было внушеніе сатаны, что я, червь, думалъ подточить колоссальное дерево. Я искупаю мою гордыню, я отрекся отъ моего Господа, я умираю бесполезно, какъ бесполезно жилъ. Видишь ли вонъ тамъ моего отца? Онъ тоже идетъ помогать намъ. Хорошо, у тебя довольно смоляныхъ вѣнковъ, отецъ. Слышишь ли, какъ плѣнники внизу поютъ: аллилуія! Ахъ, это чудный нагѣвъ: Аллилуія, Аллелу Эль. Мы освобождаемъ васъ, вы можете умереть. Не смотрите же на меня такъ злобно, я невиноватъ!»

И онъ опять упалъ назадъ, оставивъ на меня дикій, стеклянный взглядъ. Я умолялъ его успокоиться, рассказывалъ, какъ я пріѣхалъ, получивъ его письмо; я утѣшалъ его, напоминая, что онъ многихъ спасъ отъ смерти, что Господь милосердъ и требуетъ только чистаго сердца.

Тутъ онъ въ полномъ сознаніи заговорилъ о близкой своей смерти, о томъ, какъ радуется онъ ей. Сильное рыданіе облегчило его душу; но вдругъ сознаніе опять помутилось; онъ потребовалъ святой воды, которая, говорилъ онъ, смягчаетъ его боли; тутъ, около сердца, что-то горитъ, какъ раскаленное желѣзо. «Выпей и ты», сказалъ онъ мнѣ: «вода освящена самимъ папой; благослови меня, отецъ, теперь уже суббота. А гдѣ же мать? Все еще внизу въ подвалѣ синагоги? Мать, отвори, это я, твой Моисей».

Такъ онъ говорилъ, а у меня кружилась голова передъ той ужасающей пропастью, у которой я стоялъ. Повечерѣло, и Иерониму представлялось, что его тащатъ въ темную тюрьму и готовятся пытать; мучительно стоная и голосомъ почти умирающаго человѣка онъ постоянно кричалъ: «Я не еврей, я не знаю, гдѣ скрываются евреи. Не покидай меня, Данииль, не покидай меня!» Наконецъ, онъ опять задремалъ; полный мѣсяцъ показался въ окнѣ и озарилъ больного серебристымъ своимъ свѣтомъ. Я готовился къ смерти: каждое слово изъ нашего разговора, еслибъ его слышали, несомнѣнно навлекло бы мнѣ мученическую смерть; но, къ счастью, почти весь монастырь былъ занятъ въ этотъ день въ городѣ слѣдствіемъ по дѣлу лютеранъ. Я молилъ Бога сжалиться надъ Иеронимомъ и послать ему смерть. Ужасно, дитя, молиться о скорѣйшей смерти человѣка, да еще и друга юныхъ лѣтъ! Но зачѣмъ было бы терзать долѣе эту несчастную душу? Но суждено было иное, и мнѣ пришлось испытать нѣчто еще болѣе потрясающее. Я сидѣлъ погруженный въ грустные мысли, когда вошелъ монахъ и велѣлъ мнѣ идти къ инквизитору. Сердце билось у меня сильно, когда я вошелъ къ этому человѣку. Я опустился передъ нимъ на колѣни и просилъ его благословенія. Онъ благословилъ и сказалъ: «Ты другъ Иеронима. Если ты хорошій христіанинъ» — и онъ пронизалъ меня при этомъ своимъ взглядомъ — «если ты хорошій христіанинъ, постарайся отклонить Иеронима отъ его упорства и уговорить его причаститься передъ смертью. Попытайся, и тотчасъ сообщи мнѣ о результатѣ: онъ не долженъ умереть безъ причастія». Я пошелъ опять въ келью больного и нашелъ его еще дремлющимъ; я тихо склонился надъ нимъ, и онъ проснулся. «Идемъ, теперь уже пора», торопливо сказалъ онъ приподнимаясь. «Ты видишь? Гедеонъ съ тремястами человѣкъ тоже приближается; они несутъ наполненные огнемъ сосуды въ станъ мадіанитянъ; тише, тише, погодите трубить; дайте намъ прежде отслужить торжественную обѣдню». И онъ сложилъ свои пальцы и трижды перекрестился.

Я просилъ, я умолялъ его, я плакалъ отъ страха, совѣтуя ему успокоиться; я напоминалъ ему дни нашего дѣтства и объяснялъ, что онъ погубить меня самого, если не исполнитъ желанія инквизитора.

— Отчего же не даютъ мнѣ причастія? тихо спросилъ онъ. Вѣдь я духовное лицо. Вымой мнѣ руки, я нечистъ теперь, но потомъ причащусь.

Я пошелъ къ инквизитору и сказалъ ему, что Иеронимъ все еще въ бреду, но самъ требуетъ причастія. Инквизиторъ созвалъ весь монашескій чинъ; когда процессія потянулась длинной вереницей съ священными сосудами и страшнымъ погребальнымъ пѣніемъ, долго еще раздававшимся въ высокой галлерей, Иеронимъ подпѣвалъ монахамъ, и даже тогда, когда пѣніе уже смолкло, онъ все еще протяжно пѣлъ *De profundis clamavi*, причемъ пальцы его были сложены для крестнаго знаменія. Вдругъ онъ быстро развелъ руки, покрылъ ими свою голову и запѣлъ еврейскія слова: Святъ! Святъ! Святъ! Адонай Саваоѣ. *Ave Maria gratia plena*, проговорилъ онъ про себя механически въ томъ же положеніи. Инквизиторъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и подалъ ему гостію, которую больной проглотилъ съ жадностью очень голоднаго человѣка. «Чашу! Чашу! Я духовное лицо!» закричалъ онъ. Инквизиторъ подалъ ему чашу, онъ судорожно сжалъ ее обѣими руками и сталъ произносить надъ нею еврейское субботнее благословеніе; потомъ онъ рѣзко привсталъ на постелѣ, вытянулся во всю свою ужасающую фигуру и закричалъ: «Сюда Геденъ! Разгромите сосуды! Огня! Огня!» Онъ поднесъ чашу къ губамъ, съ страшною силой бросилъ ее въ стѣну, упалъ и—умеръ.

Сказавъ это, пріѣзжій закрылъ глаза руками и всталъ. Никто не осмѣлился произнести ни слова, и какое слово могло бы передать невыразимое душевное волненіе, испытанное въ эту минуту его слушателями? Каждый изъ нихъ боялся хотя бы единымъ вздохомъ нарушить глубокое впечатлѣніе другихъ. Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина. Снаружи кто-то, точно привидѣніе, постучалъ въ окно. Всѣ вздрогнули. Пріѣзжій отворилъ окно, но ничего не было видно. Онъ опять сѣлъ къ столу и продолжалъ:

«Я упалъ почти безъ сознанія у кровати Иеронима, чаша съ пролитымъ виномъ лежала подлѣ меня на полу. Я не смѣлъ приподняться отъ страха, что глаза мои прежде всего встрѣтятъ моего палача. «Встань!» сказалъ мнѣ суровый голосъ. Я приподнялся: передо мной стоялъ инквизиторъ, ни одного монаха уже не было въ кельѣ. «Какъ твое имя?» грубо спросилъ онъ. Меня мучило сомнѣніе: сказать ли мое настоящее имя, или нѣтъ? Но инквизиторъ, можетъ быть, уже узналъ его и ложь вдвойнѣ сулила мнѣ вѣрную смерть. Я сказалъ правду; онъ потребовалъ свидѣтеля. «Никто не знаетъ меня здѣсь», отвѣчалъ я. «Но зять мой, Донъ-Хуанъ Мальведа въ Кордовѣ, можетъ засвидѣтельствовать, что предкомъ моимъ

былъ тотъ самый Кассересъ, въ домѣ котораго, въ Сеговіи, происходило первое засѣданіе инквизиціи». Я и теперь еще удивляюсь той смѣлости, съ какою говорилъ съ инквизиторомъ въ ту рѣшительную минуту. «Поклянись мнѣ» — сказалъ онъ послѣ мучительно долгаго молчанія — «нѣтъ, не кланись, но знай, что если ты проговоришься хотя бы только полусловомъ о томъ, чему ты былъ здѣсь свидѣтелемъ, то умрешь съ обоими твоими дѣтьми на кострѣ. Ты въ моей власти, я держу тебя невидимыми узами, ты не можешь отъ меня уйти.» И съ этими словами онъ велѣлъ выпустить меня на всѣ четыре стороны изъ монастыря.

Если принять буквально исторію пророка Іоны, онъ, навѣрное, былъ такъ же обрадованъ какъ я, когда морское чудовище изрыгнуло его изъ себя. Мнѣ казалось, что я еще слышу ужасающее погребальное пѣніе, а вокругъ меня была мертвая тишина. Все было такъ таинственно, такъ грозно; каждый кустъ, колыхавшійся при лунномъ свѣтѣ, какъ будто совѣтовалъ мнѣ торопиться. Отъ утомленія и страха я уже не могъ связать двухъ мыслей, а на далекое разстояніе вокругъ не было ни единой души, которая могла бы ободрить меня. Я поднималъ глаза на безчисленные хоры звѣздъ, ихъ небесное сіяніе благотворно подѣйствовало мнѣ на душу. Господь, Господь и его силы охраняли меня; вся душа моя обратилась въ молитву, и онъ ее услышалъ. Я добрался до постоялаго двора, осѣдлалъ мою лошадь, и помчался какъ стрѣла. Мѣсяцъ скрылся за тучами, и только блѣдный свѣтъ звѣздъ освѣщаль мой одинокій путь. И, точно гонимый невидимыми бичами, мой конь неудержимо мчался черезъ горы и долины, страшно фыркая и покрываясь пѣной. Быть можетъ, думалъ я, душа свирѣпаго врага евреевъ или даже самого покойнаго великаго инквизитора перешла въ это животное, и теперь осуждена спасать меня ночью отъ враговъ. Часто, когда онъ поворачивалъ ко мнѣ свою голову и оглядывалъ меня огненными глазами, мнѣ казалось, онъ говорилъ мнѣ: развѣ не довольно я страдаю за прежнюю мою жизнь? Я почти боялся собственной тѣни, быстро мелкавшей по скаламъ и кустарнику, и еще сильнѣе давилъ шпорами въ бока лошади. Вамъ, выросшимъ и живущимъ на свободѣ въ Голландіи, вамъ не можетъ быть знакомо, какое смятеніе овладѣваетъ человѣкомъ въ подобные часы; земля кажется нетвердою, небо точно исчезло, и въ душѣ вновь оживаютъ всѣ испытанные ею страхи, всѣ привидѣнія. Самое чудо, если-бъ оно произошло въ это время, было-бы встрѣчено

безъ удивленія, потому что все стало чудомъ, все стало неуловимымъ, а всего больше собственная жизнь. Измученный прибылъ я къ сестрѣ въ Кордову; только подъ влияніемъ ея вѣрнаго сердца освободился я отъ страха, не дававшего мнѣ дышать свободно. На другой день, когда я вошелъ въ конюшню, чтобы осмотрѣть коня, онъ лежалъ уже мертвый; его большіе глаза еще смотрѣли такъ же непривѣтливо, какъ вчера вечеромъ. Пришлось продолжать путь на свѣжей андалузской лошади моего зятя. Я простился съ сестрой, но не могъ сказать ей, что вижу ее въ послѣдній разъ. Возвратившись домой, я уже не нашелъ тамъ прежняго покоя и прежней безопасности. Въ каждомъ пріятелѣ, привѣтствовавшемъ меня сердечно, въ каждомъ чужомъ человѣкѣ, озиравшемъ меня на улицѣ, я видѣлъ агента, подосланнаго тою шайкой убійцъ, которая называетъ себя судомъ; каждый, думалось мнѣ, вотъ сейчасъ сниметъ свой плащъ и покажетъ мнѣ красную букву *И* на своей груди. Изчезла прежняя беззаботность, я испытывалъ только страхъ и недовѣріе. А тутъ еще, и во снѣ, и на яву, передо мной стоялъ образъ Иеронима. И ты, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, и ты можешь умереть такою же смертью, покинутый вѣрою, которая была игрушкой твоего малодушія, необузданно бросающаго отъ истины къ лицемѣрію и отъ лицемѣрія къ истинѣ. Я продалъ все мое имущество и съ Божіею помощію уѣхалъ оттуда подъ большою опасностью: вы знаете, никто не можетъ выѣхать изъ Испаніи безъ особаго королевскаго позволенія. Дѣтей я послалъ впередъ окольными путями, но они остались въ Лейденѣ. Если Господь продлитъ мои дни, я привезу ихъ сюда на будущей недѣлѣ. Если-бъ я сталъ рассказывать все, что перенесъ, прежде чѣмъ прибылъ сюда, то не рассказаль-бы до утра и десятой доли всего; но теперь уже поздно, да и видимся мы не въ послѣдній разъ».

— Да, и свѣчи почти догорѣли, а завтра праздникъ, надо рано выйти изъ дому. Теперь, призвавъ Господа, пойдете спать, сказалъ отецъ. И всѣ разошлись.

Сильно билось сердце Баруха, когда онъ вошелъ въ свою темную спальню; громко и отъ души произнесъ онъ молитву, потомъ зарылъ лицо въ подушки и крѣпко сомкнулъ глаза; но сонъ еще долго не сходилъ на нихъ: юноша былъ слишкомъ взволнованъ. Онъ спалъ всего нѣсколько часовъ, когда отецъ прервалъ его лихорадочный сонъ, потому что пришло время идти въ синагогу.

В. Коршъ.

(Продолженіе будетъ).

П О Э Т У .

Зачѣмъ, поэтъ, твой чудный геній—
Наслѣдство дивное отцовъ,
Плодъ горя многихъ поколѣній,
Страданій, рабства и оковъ,
Не посвящаешь ты народу,
Который выстрадалъ тебя?
Зачѣмъ, болѣя и скорбя,
Поешь про чуждую невзгоду?
Печалью чуждою томимъ,
Ты позабылъ родное племя,
Какъ будто бѣ брезгаешь ты имъ,
Какъ будто лишнее онъ бремя.

Ты знаешь нашъ народъ многострадальный.
Великій при несчастіяхъ своихъ,
Несетъ онъ свой свѣтильникъ идеальный,
Имъ тщетно освѣщая путь другихъ,
Боящихся пойти изъ мрака къ свѣту,
Что-бъ въ человѣкѣ брата признавать.
И вотъ тебѣ, великому поэту,
Задача—тотъ свѣтильникъ поддержать.

Познай народъ, живи его страданьемъ,
Люби его, служи всегда ему.
Пусть рѣчь твоя звучитъ негодованьемъ,
Бичуй порокъ, вражду и зло и тьму.

А. Бебозъ.

МОШКА ПАРМСКІЙ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО СОЛДАТА.

Разсказъ К. Э. Францова.

I.

То, что будетъ разсказано въ этой книгѣ, есть ни больше ни меньше какъ исторія жизни бѣднаго, безвѣстнаго человѣка, который родился въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ земли и, послѣ многихъ странствій и приключеній, тамъ-же умеръ, такимъ-же жалкимъ и одинокимъ, какимъ жилъ. По фамиліи онъ былъ Фейльхендуфтъ, по имени-же — поочередно Моше. Мошко, Мозесъ, Морицъ, Мошко и наконецъ опять Моше. Исторія измѣненія этого имени есть въ то же время исторія всего счастья и несчастья этого человѣка, записанная здѣсь подробно и сообразно истинѣ, отъ колыбели до могилы.

Родился онъ въ еврейскомъ кварталѣ городка Барнова, въ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ, темныхъ, болотистыхъ переулковъ, которые окружаютъ старую синагогу, и притомъ въ самой маленькой, самой грязной избушкѣ этого переулка. Тутъ жилъ его отецъ, Авраамъ Фейльхендуфтъ, имѣвшій цѣлыхъ четыре профессіи: пономаря, сидѣлки у больныхъ, кладбищенскаго сторожа и портного—и не смотря на это, часто видѣвшій себя въ необходимости, чтобы не умереть съ голоду, прибѣгать еще къ пятому ремеслу—прошенію милостыни. Это потому, что всѣ вышеупомянутыя четыре профессіи, по крайней мѣрѣ въ Барнозѣ, приносили не особенно много, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ обладалъ разностороннею способностью соединить ихъ въ одномъ своемъ лицѣ. Въ качествѣ пономаря Авраамъ получалъ двѣнадцать гульденовъ жалованья въ годъ

и за это долженъ былъ держать синагогу въ чистотѣ и опрятности, исполнять многія богослужебныя обязанности и въ извѣстное время года, которое какъ разъ приходится въ самый разгаръ зимы, на зарѣ будить всю общину, сзывая ее на молитву. Правда, что при этомъ онъ ухаживалъ за больными и сторожилъ мертвыхъ, но если даже эти два занятія вмѣстѣ давали ему столько, сколько первое, то два гульдена въ мѣсяцъ все таки не Богъ вѣсть какое содержаніе, когда имѣешь на рукахъ жену и шестерыхъ дѣтей. Да, это было единственное богатство въ жалкомъ домишкѣ: три мальчика и три дѣвочки. Что касается до портняжества,—ахъ, это дѣло шло плохо! Во первыхъ, въ Подоліи почти всѣ евреи, посвящающіе себя занятію ремесломъ—портные, и въ Барновѣ ихъ было тоже цѣлыхъ пять дюжинъ, а во вторыхъ по околodку давно уже ходилъ слухъ, что Авраамъ Фейльхендуфтъ однажды совсѣмъ криво скроилъ куртку мясника, а въ другой разъ сдѣлалъ коробейнику Самуилу такіе панталоны, которые едва едва доходили до половины икры. Короче, Авраамъ, какъ портной, не шилъ на высшее общество Барнова, и фирма его не пользовалась модной репутаціею, что другими словами означаетъ, что ему еженедѣльно приходилось штопать за пять крейцеровъ какіе нибудь меланхолическіе брюки или сильно пожившій на своемъ вѣку кафтанъ. И вотъ почему становилось для него необходимымъ вышеупомянутое пятое ремесло; но оно, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ свободныхъ ремеселъ и какъ разъ въ Барновѣ число конкурентовъ въ немъ было до послѣдней степени велико. Правда, Авраамъ могъ гордиться тѣмъ, что имѣетъ богатую родственницу въ лицѣ своей родной сестры, Гольды Гельштейнъ, но этою гордостью все дѣло и ограничивалось. Эта женщина, благодаря своей ловкости, сперва сдѣлалась кухаркою богача Нахума Гельштейна, а когда онъ овдовѣлъ, то изобиліе ея прелестей—она вѣсила три центнера—доставило ей положеніе его супруги; но она была очень горда и не очень любила, когда ей напоминали о ея бѣдной роднѣ въ грязномъ переулкѣ. Есть поэтическая легенда о томъ, что ангелы записываютъ на небѣ всякую слезу, которую роняетъ родъ человѣческій на землѣ. Если это правда, то Богу по всей вѣроятности понадобилось отдѣлать для семейства Фейльхендуфтовъ особаго ангела, и этотъ послѣдній врядъ-ли имѣлъ хоть минуту отдыха.

Менѣе всего работы доставлялъ ему самый младшій членъ семьи — маленькій Моше. Не потому, что судьба улыбнулась

ему больше, чѣмъ его родителямъ и братьямъ съ сестрами, — напротивъ! Именно вслѣдствіе того, что онъ заключилъ собою подлужину, его приняли далеко не дружелюбно при вступленіи въ свѣтъ, — вступленіи, въ которомъ онъ однако, говоря правду, былъ нисколько не виноватъ. Нужда ожесточаетъ сердце. До тѣхъ поръ родители пять разъ, съ постоянно усиливавшимися вздохами, подчинялись слову Писанія, гласившему, что дѣти—благословеніе Божье; но на шестой разъ они положительно убѣдились, что черезъ чуръ большое изобиліе этого благословенія нездорово. Братья же и сестры увидѣли въ этомъ событіи коварную игру судьбы и сразу стали смотрѣть на новаго пришлеца какъ на новаго своего врага въ борьбѣ за хлѣбъ и супъ. Когда же ребенокъ подросъ, эти воззрѣнія теоретическія замѣнились дѣйствіями фактическими... Нужда ожесточаетъ сердце.

Записываются ли также на небѣ толчки, получаемые нами на землѣ, объ этомъ легенда не говоритъ. Но если записываются, то Моше одинъ въ своемъ дѣтствѣ давалъ работу по меньшей мѣрѣ тремъ ангеламъ. За то ангела, отмѣчающаго слезы человѣческія, Моше, какъ сказано выше, утруждалъ немного. Какъ ни щедро угощали его толчками и пинками, онъ не плакалъ,—не изъ гордости, а потому, что плакать отъ физической боли не было въ его натурѣ. Правда, онъ и не смѣялся, когда его удостоивали скудной ласки. Но при всемъ этомъ онъ великолѣпно развивался, быстро росъ въ вышину и ширину, точно это былъ одинъ изъ тѣхъ сыновей Эноха, передъ которыми нѣкогда такъ трепеталъ его народъ, а не сынъ бѣдняка-портняжки и мизерной еврейки, выкормленный среди горя и слезъ, выросшій подъ лишеніями и побоями...

Онъ сильно развился физически, и далеко превзошелъ въ этомъ отношеніи свою жалкую породу, далеко опередилъ свой возрастъ. Онъ сильно развился, и все, что было въ немъ достойнаго какъ похвалы, такъ и порицанья, коренилось въ этомъ свойствѣ его. Оттого и обладалъ онъ мужествомъ и отвагой,—вѣдь кого-же и чего было ему бояться?—и колотилъ окружающихъ, но не гнѣвно и нахально, а съ какимъ-то особеннымъ безмолвнымъ наслажденіемъ. И съ тѣмъ-же самымъ наслажденіемъ неутомимо помогалъ онъ дровосѣкамъ и мясникамъ городка въ ихъ тяжелой работѣ, помогалъ потому, что молодая жажда дѣятельности находила отрадное удовлетвореніе въ этомъ физическомъ направленіи. Но тяжело и мучительно было для него сидѣть за буквенными гіероглифами въ маленькой, душ-

ной школѣ, потому что здѣсь его сила оказывалась совершенно излишнею. А такъ какъ остальные еврейскіе мальчики были, вслѣдствіе своего тѣлосложенія и воспитанія, набожны, вялы, лѣнливы, то младшій сынъ Авраама скоро выдался изъ ихъ среды и обратилъ на себя общее вниманіе всего «переулка». Ему часто кричали: «ты точъ въ точъ христіанскій мальчишка». Надъ этими словами онъ часто задумывался по своему, потому что это былъ мальчикъ не глупый, хотя всѣ его считали дуракомъ, такъ какъ онъ не умѣлъ острить, всегда молчалъ и, не смотря на постоянные побои, едва едва могъ выучиться еврейской грамотѣ. «Христіанскій мальчишка» — думалъ онъ сначала, — «смѣшно право! вѣдь это мои враги!» И дѣйствительно, между нимъ и христіанскими ребятами городка свирѣпствовала вѣчная война; ожесточеннѣе никогда не сражались между собою индійцы и бѣлые. Горе мальчику, котораго Моше заставлялъ одинокимъ! Горе нашему Моше, когда на него нападали многіе! Послѣдній случай повторялся очень часто, потому что хотя Моше почти ежедневно выступалъ во главѣ шумной толпы, но какъ только дѣло доходило до битвы, онъ оставался одинъ. Это вѣчное удиранье его товарищей доставляло ему несчетное количество побоевъ всякаго рода, но въ то же время поселяло въ немъ убѣжденіе: «я все таки не то, что они, я не убѣгаю, я похожъ на христіанскаго мальчика!» А когда онъ больше подросъ, мысли его на этотъ счетъ сдѣлались серьезнѣе. «Похожъ я — думалъ онъ — на христіанина, а на самомъ-то дѣлѣ я еврей; что-же изъ меня выйдетъ?» И вотъ онъ сталъ еще молчаливѣе, и въ зиму, предшествовавшую тому весеннему дню, въ который ему должно было исполниться тринадцать лѣтъ, сидѣлъ съ утра до вечера въ глубокой задумчивости, передъ печкою своей избушки, между тѣмъ какъ на улицѣ раздавались боевые крики его враговъ и комы снѣга, бросаемые непріятельскими руками, звонко ударялись въ маленькія окошечки. Наконецъ, однажды въ пятницу послѣ обѣда, на него находить просвѣтлѣніе. Онъ вскакиваетъ съ мѣста и восклицаетъ: «Нашель, нашель!»

— Чего это ты? сердито спрашиваетъ мать.

— Нашель! Теперь я знаю, что изъ меня выйдетъ! продолжаетъ онъ и, стремительно выбѣгая изъ комнаты, кидается на встрѣчу своимъ врагамъ. И никогда еще онъ не дрался такъ порывисто, какъ теперь, никогда еще не получалъ такихъ сильныхъ побоевъ, — и только наступившая суббота заставила его остановиться, — потому что въ шабашъ нельзя ки-

даться снѣгомъ. нельзя размахивать палкой. Гордо вернулся онъ домой, съ улыбкой блаженства предоставилъ роднѣ созерцать красныя и синія пятна на его лицѣ и съ улыбкой блаженства уснулъ, убаюканный самыми радужными грезами о будущемъ.

Въ чемъ именно состояли эти грезы—скоро, и именно въ тотъ апрѣльскій день, когда Моше исполнилось тринадцать лѣтъ, должно было обнаружиться къ великому ужасу Авраама и всей еврейской общины Барнова.

Въ этотъ день еврейскій мальчикъ, по древнему, до сихъ поръ свято соблюдающемуся обычаю, вступаетъ въ кругъ взрослыхъ людей, хотя бы онъ былъ совсѣмъ еще неразвившимся, отъ земли невиднымъ ребенкомъ. На западѣ, гдѣ укоренилась цивилизація, гдѣ даже древній законъ цѣнится только въ силу своей разумности, — довольствуются залечатлѣвать это внезапное превращеніе ребенка въ совершеннолѣтняго чисто религіознымъ актомъ. Мальчикъ надѣваетъ на себѣ молитвенные ремни и вступаетъ, какъ равноправный, въ ряды молящихся. Не то на востокѣ, гдѣ евреи составляютъ не только религіозную общину, но и цѣлую націю. Выродившись въ слабосильный народъ торгашей, они, на холодномъ сѣверѣ, съ неслыханною пунктуальностью все еще продолжаютъ однако, держаться стараго порядка, приспособленнаго нѣкогда къ нуждамъ и потребностямъ здоровыхъ и энергическихъ пастуховъ, винодѣловъ и земледѣльцевъ въ знойной долинѣ Иордана. И вотъ до сихъ поръ въ Подолии на тринадцатилѣтняго еврейскаго мальчика смотрятъ, какъ на почти во всѣхъ отношеніяхъ зрѣлаго человѣка. Онъ, особенно если его родители—бѣдные люди, самъ избираетъ себѣ карьеру, онъ воленъ дѣлать и поступать, какъ ему угодно, лишь бы его дѣйствія доставляли ему кусокъ хлѣба. Захотѣлъ бы онъ въ это время жениться—законъ не препятствуетъ; но обыкновенно это дѣлается два-три года спустя. Однимъ словомъ, первое возложеніе на себя молитвенныхъ ремней становится для мальчика грамотой на самостоятельность, для его родителей же—полномочіемъ долге не заботиться о немъ, само собою разумѣется только въ томъ случаѣ, когда они сами не могутъ или не желаютъ нести эту обязанность.

У Авраама Фейльхендуфта соединились вмѣстѣ и невозможность, и нежеланіе. Къ младшему сыну своему онъ не питалъ особенной нѣжности, и притомъ ему какъ разъ въ эту пору приходилось переживать очень тяжелые дни. Изъ Бук-

чаца переселился въ Барновъ новый портной—перль своего цеха, который не только создавалъ новые кафтаны, дышавшіе неподражаемою граціею и достоинствомъ, но и не пренебрегалъ самыми ничтожными штопальными и заплаточными работами. Къ нему-то перешли и послѣдніе заказчики Авраама. Къ тому же наступило какое-то отчаянно-благословенное время: всѣ какъ нарочно оставались здоровыми. Такимъ образомъ, Авраамъ все болѣе и болѣе ограничивался однимъ пятымъ ремесломъ своимъ. Такъ удивительно ли, что у него точно камень съ груди свалился, когда въ вышеупомянутое апрѣльское утро онъ впервые узрѣлъ въ синагогѣ, на рукѣ и на лбу своего младшаго сына, молитвенные ремни?

По окончаніи богослуженія, остальные мужчины окружили старика Авраама и его мальчика и поздравили его, какъ того требуютъ обычай. Но существуетъ при этомъ и другой обычай, по которому новый «мужчина» какъ бы покупаетъ себѣ мѣсто въ общинѣ вѣрующихъ, угощая ихъ въ сѣняхъ синагоги водкой, изюмомъ и миндалемъ,—и который на этотъ разъ, конечно, остался бы неисполненнымъ, еслибъ богатъ. Нахумъ Гельштейнъ не принялъ участія въ племянникѣ своей крупнокалиберной супруги. И такимъ образомъ всѣ пили и всѣ были растроганы. А такъ какъ Авраамъ былъ растроганъ больше всѣхъ, то и пилъ этотъ бѣдный старикъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе.

Только въ полдень отправился онъ домой, опираясь на руку сына, пошатываясь и всхлиывая отъ непривычнаго умиленія. Въ своей избушкѣ сѣлъ онъ на скамейку передъ печкой, велѣлъ сыну сѣсть тутъ же и повелъ рѣчь на столько связано и торжественно, на сколько это позволяло его внутреннее волненіе.

— Моше, мой младшій сынъ, мой Веньяминъ, чѣмъ ты думаешь сдѣлаться?.. Сегодня долженъ ты рѣшить этотъ вопросъ, потому что я не могу долѣе кормить тебя. О, мой Веньяминъ, дорогой сынъ мой!... Сволочь ты этакая, ничему ты не выучился, только и умѣешь, что драться съ христіанскими ребятишками и пилить дрова... Что же изъ тебя выйдетъ? Нахумъ, мой зять, славный человекъ... Онъ заплатилъ за водку, заплатилъ за изюмъ, благословилъ тебя... И я тоже желаю тебѣ всего хорошаго... На висѣлицѣ покончишь ты, коли будешь продолжать, какъ началъ... О, Господи, на висѣлицѣ, дорогой сынъ мой!... И такъ ты долженъ выбрать себѣ что нибудь, чѣмъ зарабатывать хлѣбъ, а потомъ черезъ два года я найду тебѣ жену... О, Господи, доживу ли я до такой радости?.. Только нелегкая это работа будетъ: кто за-

хочетъ *тебѣ* отдать свою дочь?... Но ужъ я какъ нибудь устрою, — не тревожься объ этомъ сегодня, — сегодня вѣдь твой праздникъ, бѣдное дитя мое!.. Ужъ мы выищемъ тебѣ какую нибудь уродливую образину, да еще съ деньгами... или такую, которой не захочетъ никто другой... О, пошли мнѣ Господи еще жизни, чтобъ я дожилъ только до этой радости!.. Остальные дѣти мои всѣ пристроены, я исполнилъ свой долгъ, Богъ наградить меня за это!.. Твой самый старшій братъ, Манасе — подмастерье у портного; ему будетъ хорошо, онъ работникъ ловкій, особливо когда кроить приходится... еще бы! не даромъ онъ мой сынъ!.. А второй мой — Мендель — золото, не человекъ; такой набожный, такой ученый, что тестъ его даромъ даетъ ему ѣсть и пить, лишь бы только онъ могъ безпрепятственно сидѣть за своими книгами. И двѣ пары новаго платья даетъ онъ ему каждый годъ... Только въ послѣдній разъ вмѣсто новаго кафтана подарилъ старый, вывернутый на другую сторону... И не я его выворачивалъ, а этотъ Зеликъ, этотъ проклятый бухацскій пачкунъ, — пропади онъ на вѣки вѣчные!.. Ну, и твои сестры... Непремѣнно возьми себѣ въ примѣръ, висѣльникъ ты этакій, твоихъ трехъ сестеръ! Всѣ три дѣвушки — Господь тяжело покаралъ меня — но всѣ честно служатъ въ хорошихъ домахъ, и всѣ три — дѣвушки славныя, и благодаря Бога, довольно толстыя, и я не перестаю надѣяться, что имъ еще повезетъ такъ, какъ повезло моей сестрѣ Гольдѣ... Такъ слышишь, что я говорю, Моше мой, Венямины ты мой... Да благословить Господь Богъ твой путь, только я не стану тебя кормить ни одного дня больше... и что выйдеть изъ тебя, сволочь ты этакая?

Молодой великанъ боязливо и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на умиленнаго отца.

— Заработывать себѣ хлѣбъ я съумѣю — сказалъ онъ нерѣшительно — но жениться при этомъ мнѣ нельзя и не нужно будетъ ни черезъ два года, ни черезъ двадцать лѣтъ. Мое будущее ремесло такое, что жена совсѣмъ лишняя.

— Ты съ ума сошелъ — вскрикнулъ отецъ въ ужасѣ, и ужасъ этотъ былъ такъ великъ, что почти уничтожилъ умиленіе. — Ты съ ума сошелъ! Гдѣ же это слыхано, чтобы еврейское дитя оставалось холостымъ?.. И ты, ты одинъ хочешь взять на себя такой страшный грѣхъ?.. Но что же это за проклятое ремесло такое! Вѣдь даже живодеръ — и тотъ женится! Говори же, висѣльникъ, чѣмъ ты задумалъ сдѣлаться?..

— Это вы узнаете, когда придетъ время, отвѣчалъ Моше.

— Я теперь хочу узнать! крикнулъ Авраамъ и схватилъ принадлежность своего второго ремесла—аршинъ.

Мальчикъ хладнокровно посмотрѣлъ на этотъ маневръ.

— Я все-таки не скажу, возразилъ онъ;—вы станете мѣшать мнѣ... но бейте, сколько хотите—пользы мало будетъ!

Аршинъ принялся за работу и долго не переставалъ дѣйствовать. Но рука отца наконецъ устала,—а пользы дѣйствительно битье не принесло. Тогда старикъ выгналъ мальчика изъ дома, а самъ побѣждалъ къ сосѣдямъ искать совѣта и утѣшенія.

Юный сынъ Энаха стиснулъ зубы и медленно и задумчиво потиралъ себѣ спину. Затѣмъ онъ спокойно пошелъ вдоль по улицѣ. Встрѣтились съ нимъ два школьника изъ христіанъ—онъ добросовѣстно подѣлился съ ними тѣми побоями, которые самъ только что получилъ,—и продолжалъ свой путь по узкимъ, грязнымъ переулкамъ такъ же хладнокровно и медленно, какъ всегда. Но одновременно съ нимъ пробѣгалъ по этимъ самымъ переулкамъ зловѣщій слухъ, что младшій сынъ Авраама хочетъ остаться холостымъ и избираетъ себѣ ремесло до такой степени страшное, что у него не хватаетъ духу открыть тайну даже отцу. И когда Моше, направившійся вверхъ по теченью рѣки, дошелъ до мѣста, гдѣ стоятъ послѣдніе дома, то увидѣлъ, что прохожіе уже со страхомъ сторонятся отъ него; это происходило оттого, что зловѣщій слухъ достигъ сюда въ двухъ одинаково ужасающихъ вариантахъ: по одному, Моше представлялся сошедшимъ съ ума, по другому—рѣшившимся поступить къ доминиканамъ.

Но даже такіе слухи были еще далеки отъ настоящей, ужасающей истины. Эта истина распространилась по улицамъ Барнова на слѣдующій день и повсюду вызвала безпредѣльное изумленіе и негодованіе. Женщины визжали и стонали, мужчины проклинали и молились; точно общее несчастье обрушилось на городъ. Даже человѣкъ, котораго до тѣхъ поръ никто не видѣлъ печальнымъ, Клейнъ-Менделе, вѣчно веселый канторъ синагоги, омрачился, воскликнулъ: «вотъ до чего еврейское дитя можетъ заставить дожить насъ!»—и печально поплелся домой. Другой Менделе, золото-человѣкъ, тотъ самый, который ежегодно получалъ двѣ пары новаго платья, долго и горько плакалъ, потому что его тесть, въ первомъ порывѣ негодованія, объявилъ, что братъ такого страшнаго грѣшника едва ли можетъ долѣе оставаться его зятемъ. Старый барновскій раввинъ въ этотъ день почти не могъ обѣдать отъ горя

и потомъ мучилъ самого себя и своихъ учениковъ вопросами— нельзя ли еще какими нибудь средствами отстранить грозящее несчастье? А одинъ торговецъ изъ Бессарабіи, остановившійся въ Барновѣ по дѣламъ всего на нѣсколько часовъ, рѣшился переночевать тутъ только для того, чтобы взглянуть на необыкновеннаго мальчика, которому могла прійти въ голову такая ужасная мысль...

Чѣмъ же, однако, рѣшился сдѣлаться Моше?

«Зельнеромъ!»

II.

«Зельнеромъ!»

Такъ называется на еврейскомъ жаргонѣ солдатъ—нѣмецкое «Söldner» (наемщикъ). Но простой переводъ этого слова еще не уясняетъ, почему барновскіе евреи пришли въ такой ужасъ отъ этого выбора, почему рѣшеніе мальчика поразило ихъ какъ молнія.

Дѣйствительно, какъ молнія! Оно ослѣпило ихъ глазъ, вообще столь крѣпкій и острый. Эти люди, привыкшіе разсматривать всякую вещь въ мельчайшихъ подробностяхъ и со всѣхъ сторонъ, на этотъ разъ упустили изъ виду самое важное: *кто былъ тотъ, который принялъ такое рѣшеніе*; они забыли, что это мальчикъ, дитя, не смотря на его ростъ и физическую силу, стало быть, существо, для котораго выполненіе этого рѣшенія представлялось невозможнымъ. Они забыли это и только со страхомъ разсуждали о томъ, какъ могла вообще подобная мысль зародиться въ ихъ средѣ.

Да, быть «зельнеромъ»—это не только несчастье, но и позоръ,—мало того,—это оскорбленіе Бога. Какъ могло «еврейское дитя» добровольно избрать себѣ такую участь, добровольно кинуть себя въ среду мертвецовъ, тѣхъ презрѣнныхъ мертвецовъ, о которыхъ, разъ похоронивши ихъ, не слѣдуетъ и вспоминать больше? Потому что какъ дорогаго покойника оплакиваютъ эти люди и того человѣка, котораго эта участь постигаетъ помимо его воли и содѣйствія, — и молятъ Бога, чтобы Онъ простилъ ему грѣхъ его. Трудно рѣшить, что признаютъ они бѣльшимъ несчастьемъ—смерть или облеченіе человѣка въ солдатскій мундиръ. Отъ этого никакая жертва не представляется имъ слишкомъ великою, никакая дорога — слишкомъ кривою, когда дѣло идетъ объ избѣжаніи этой доли.

Почему же?

Потому что—услышите вы часто—еврей трусливъ. Но это объясненіе неправильно. Правда, между восточными евреями встрѣчается очень много трусовъ, и было-бы странно, если-бы такое явленіе не существовало. Храбрость безъ физической силы едва-ли мыслима. Еврей-же, вслѣдствіе ранняго брака и устраненія его религіознымъ закономъ всякаго смѣшенія расъ, слабосилень, а воспитаніе, получаемое имъ, доводитъ изнѣженность и отсутствіе натуральности до самихъ крайнихъ и пагубныхъ предѣловъ. Во вторыхъ, храбрость немыслима безъ увѣренности въ собственныхъ силахъ. А какимъ образомъ могла-бы такая увѣренность пустить корни въ потомкахъ народа, геройство котораго, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, состояло только въ терпѣливомъ перенесеніи бѣдствій, — котораго непрерывно травили повсюду точно дикаго звѣря, — съ которымъ и по сю пору еще въ нѣкоторыхъ восточныхъ мѣстностяхъ не удостоиваютъ обращаться такъ, какъ обращаются съ полезными домашними животными! Право, надо быть очень неразумнымъ человѣкомъ, чтобы удивляться тому, что неукротимый воинственный духъ не составляетъ главной отличительной черты въ душѣ еврейскаго народа!

Но вопросъ о храбрости или трусости здѣсь весьма мало идетъ къ дѣлу. Будь всѣ подольскіе евреи даже такими героями, какъ Иуда Маккавей, они все-таки не обладали-бы ни малѣйшимъ желаніемъ поступать въ солдаты его величества императора австрійскаго. И въ этомъ случаѣ препятствіемъ для нихъ служить то, ради чего они живутъ: ихъ вѣра; она-то ставитъ имъ преграду непосредственно своими установленіями, косвенно—тѣмъ міровоззрѣніемъ, которое она вырабатываетъ въ своихъ послѣдователяхъ.

Непосредственно—своими установленіями. Но этого не слѣдуетъ понимать ошибочно. Еврейская религія не запрещаетъ вступленія въ военную службу и предписываетъ вѣрно служить государству, въ которомъ живешь. Но эта религія предписываетъ также строго соблюдать законы, относящіеся къ употребленію пищи, и со всеможною строгостью исполнять всѣ богослужебные обряды. Кто поступаетъ иначе, совершаетъ такой-же тяжелый грѣхъ, какъ поднятіе руки на родителей, — ибо онъ поднимаетъ руку на Бога, онъ попираетъ ногами Его за вѣтъ. Незначительность проступка здѣсь ровно ничего не значитъ; какъ-бы ни маловажно было нарушеніе закона—оно все таки вытѣсняетъ грѣшника изъ среды вѣрующихъ. Старовѣрное еврейство не допускаетъ никакихъ компромисовъ. Чело-

вѣкъ-же, становящійся солдатомъ, не имѣетъ возможности соблюсти религиозные обряды и долженъ благодарить судьбу всякій разъ, когда на его долю попадетъ хоть кусочекъ мяса, даже такого, которое принадлежитъ быку, убитому христіанскимъ мясникомъ. Однимъ словомъ, еврей, дѣлающійся солдатомъ, перестаетъ быть евреемъ, онъ теряетъ всѣ права на блаженство въ загробной жизни. А перспектива этой загробной жизни есть единственное утѣшеніе этого несчастнаго, забитаго народа; тутъ передъ нимъ обѣтованная страна, въ которой еврей не преслѣдуется уже презрѣньемъ и насмѣшками, а ходитъ гордо и свободно предъ лицомъ своего Бога. Въ былую пору, когда этотъ народъ, какъ господствующее на землѣ племя, жилъ въ своихъ собственныхъ, унаслѣдованныхъ отъ Бога владѣніяхъ и пользовался всею полнотою своей власти,—въ ту пору мысль о безсмертіи была неизвѣстна ему, да онъ и не нуждался въ ней: земная жизнь вполне удовлетворяла его. Но когда онъ сдѣлался паріей и Агасферомъ между народами, тогда схватился онъ за эту идею, тогда онъ привязался къ ней какъ къ своему единственному утѣшенію. И еще въ настоящее время ни одинъ народъ не вѣритъ въ загробное существованіе такъ искренно, какъ евреи. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ они не упускаютъ изъ виду главной цѣли своей — не терять права на блаженство въ будущей жизни. Кто согрѣшилъ, тотъ утратилъ это право и совершаетъ свой житейскій путь въ страшную нравственной нищетѣ, не зная—зачѣмъ и куда онъ идетъ?... А вѣдь всякій «зельнеръ» поставленъ въ непремѣнную необходимость «грѣшиться!»

Но и міровоззрѣніе евреевъ заставляетъ ихъ смотрѣть на солдатскій мундиръ какъ на олицетвореніе всѣхъ несчастій. Чѣмъ сильнѣе напирала нѣкогда на еврейскій народъ его притѣснители извнѣ, тѣмъ тѣснѣе сплочивались евреи между собою, тѣмъ прочнѣе становилось ихъ убѣжденіе, что здѣсь, внутри семейнаго круга, внутри собственной общины, все хорошо, а за предѣлами ихъ — все дурно; внѣшній міръ обратился для нихъ въ непонятный, враждебный хаосъ, который грозно и враждебно подавилъ ихъ и спасенье отъ котораго они находили только на опальной территоріи своего гетто. Духъ времени сталъ мягче,—мягче начали поступать и съ евреями; но работу, сдѣланную столѣтіями, не могутъ заставить забыть нѣсколько десятилѣтій. Оттого еврей до сихъ поръ еще несказанно боится внѣшняго міра, и каждый шагъ въ чужую среду для него равносильенъ лишнему шагу въ область бѣдствія. А

вѣдь «зельнеру» приходится отправиться на самую невѣдомую чужбину—и какъ знать, куда?

Вотъ почему барновскіе евреен могли понять—какъ это нашелся между ними человѣкъ, добровольно рѣшившійся сдѣлаться «зельнеромъ?» Но на какомъ-же основаніи признавали они это рѣшеніе несчастіемъ для всей общины, и несчастіемъ такимъ, отстранить которое лежало на обязанности всей общины?

Старый раввинъ разъяснилъ это:

— Мы—сказалъ онъ—обязаны что нибудь сдѣлать, потому что онъ хочетъ оскорбить Бога, а нашъ долгъ—охранять священное имя Господа отъ всякаго поруганія. Притомъ-же, если онъ осуществитъ свой преступный замыселъ, то все племя израильское будетъ издѣваться надъ нашей общиной, такъ дурно воспитывающею своихъ дѣтей. И если когда нибудь снова появится такой-же преступникъ, всѣ будутъ показывать на насъ пальцами и говорить: «Это они подали пагубный примѣръ!» Поэтому мы обязаны что нибудь сдѣлать,—что именно, я еще не знаю. Хорошо по крайней мѣрѣ то, что мы во время узнали объ этомъ!

Что касается до послѣдняго замѣчанія, то бѣдный Моше былъ конечно на этотъ счетъ совершенно иного мнѣнія, чѣмъ достопочтенный старецъ. Только неотвязное принужденіе заставило его наконецъ открыть свою тайну. Чего не въ силахъ были добиться жесткія рѣчи и аршинъ отца, то сдѣлали на слѣдующій день кроткія слова и кулакъ матери. Она ласково убѣждала сына открыть ей закоснѣлое сердце и при этомъ все глубже и глубже запускала пальцы въ его кудрявые черные волосы. Противъ этихъ средствъ Моше не устоялъ, и наконецъ изъ устъ его вырвалось жалобное восклицаніе:

— «Зельнеръ!...»

Старуха испустила крикъ ужаса и, судорожно сжавъ въ рукѣ захваченный клокъ волосъ, упала въ обморокъ. Но она очень скоро очнулась. А какое впечатлѣніе произвела эта вѣсть въ городкѣ—о томъ уже рассказано выше. Однако не всѣ оказались такими растерявшимися, какъ набожный раввинъ. Придумывались разныя средства. «Родителямъ слѣдуетъ поколотить»—рекомендовали одни. Но это не принесло никакой пользы, не смотря на то, что аршинъ наконецъ сломался, а черные кудрявые волосы въ изобиліи летали по комнатѣ стараго Авраама. «Надо раввину усердно помолиться» совѣтовали другіе. Но и это оказалось непроизводительнымъ, Богъ не услышать молитвъ, хотя старый раввинъ кричалъ благимъ матомъ.

И вотъ община намѣревалась уже послѣдовать совѣту чужеземца — вышеупомянутаго еврея изъ Бессараби. Онъ сказалъ именно, что необходимо свести Моше къ знаменитому своими чудесами Садогорскому цадику для того, чтобы этотъ человекъ, находившійся въ одинаково хорошихъ и интимныхъ отношеніяхъ съ ангелами и демонами, выгналъ изъ мальчика солдатскаго бѣса. Но въ это время помощь неожиданно оказалась въ самомъ Барновѣ. Она явилась въ лицѣ Исаака Тюркишгельба, «маршалека» городка.

Этотъ человекъ играетъ важную роль въ нашемъ разказѣ, и уже поэтому необходимо представить подробную характеристику его. Но прежде всего мы должны разъяснить, что такое «маршалекъ», — а это трудно. Очень трудно! Простой переводъ слова ровно ничего не уясняетъ. Оно слово польское, а на этомъ языкѣ значитъ «управляющій домомъ». Но такое лицо заботится только объ одномъ семействѣ — и притомъ только въ извѣстныхъ отношеніяхъ. На попеченіи-же «маршалека» все и всѣ.

Все и всѣ! Но при этомъ ему повидимому совсѣмъ нечего дѣлать. Въ будни вы всегда найдете его въ молитвенные часы въ синагогѣ, а все остальное время дня — на улицѣ или въ трактирѣ; въ субботу-же, сверхъ присутствованія на молитвѣ, онъ дѣлаетъ визиты почетнымъ лицамъ города. Такимъ образомъ, остается загадкой — чѣмъ онъ живетъ, и дѣйствительно по большей части это самый отчаянный бѣднякъ. Но что за дѣло «маршалеку» до самого себя! На эти заботы у него, вѣдь, нѣтъ ни минуты свободнаго времени! Онъ знаетъ все, безъ исключенія все, происходящее въ общинѣ, и съ такою-же аккуратностью и подробностью расскажетъ вамъ, въ какихъ членахъ у стараго раввина особенно сильно развился ревматизмъ, или какое количество уксуса выпиваетъ мадамъ Гольда Гельштейнъ, чтобы похудѣть, — съ какою высчитаетъ до послѣдняго гроша, сколько прибыли получилъ Натанъ Зильберштейнъ на своей послѣдней операціи съ токайскимъ виномъ. Онъ всегда готовъ поболтать со всякимъ желающимъ, никогда нѣтъ у него недостатка въ свободномъ времени, въ веселыхъ новостяхъ, въ хорошемъ расположеніи духа. Языкъ его всегда одинаково остро начоленъ и съумѣетъ найти что нибудь смѣшное въ самомъ благомъ дѣлѣ, въ самомъ благородномъ человекѣ. — но за то и во всемъ мрачномъ онъ откроетъ свѣтлую, привлекательную сторону. Такимъ образомъ онъ въ одно и то же время общественный балагуръ и разносчикъ новостей, общественная совѣсть и препровожденіе времени, — однимъ словомъ — живая, вѣчно то-

мящаяся жаждой, на двухъ ногахъ ковыляющая газета общины.

Но это еще ничего! Безъ газеты можно еще, пожалуй, обойтись, но у кого хватитъ смѣлости утверждать, что можно обойтись безъ «маршалека»? Вѣдь не будь его, представлялось бы невозможнымъ всякое обрѣзание, всякое обрученіе, всякая свадьба, всякій семейный праздникъ. Вѣдь это онъ приглашаетъ гостей, убираетъ бальную комнату, назначаетъ, что ѣсть и что пить,—онъ знакомъ со всѣми формальностями, знаетъ, когда мѣсто этому, когда тому,—онъ занимаетъ гостей, онъ провозглашаетъ тосты, онъ импровизируетъ, рассказываетъ анекдоты. остритъ,—онъ, однимъ словомъ, душа праздника, и безъ него оно погибло. Можно смѣло утверждать, что на свадьбѣ скорѣе возможно отсутствіе жениха, чѣмъ «маршалека». Потому что когда нѣтъ жениха, то скучаетъ одна невѣста, когда-же нѣтъ «маршалека», зѣваетъ цѣлое общество.

Все это не лишено значенія, но тутъ еще далеко не самое важное. Знаете-ли, что безъ этого сановника, (конечно этотъ санъ не изобрѣтается, не переходитъ по наслѣдству, не достается по избранію, но падаетъ въ руки таланта свыше; «маршалкомъ» надо родиться, какъ поэтомъ);—и такъ знаете-ли, что безъ «маршалека» родъ человѣческій въ Подолии, по крайней мѣрѣ на столько, насколько онъ еврейскаго вѣроисповѣданія, вымеръ-бы рѣшительно весь! Это замѣчаніе не слѣдуетъ считать тонкимъ намекомъ на тотъ неоспоримый фактъ, что небо постоянно благословляетъ «маршалека» дѣтьми въ такомъ-же изобиліи, въ какомъ посылаетъ ему отсутствіе денегъ;—нѣтъ! независимо отъ этого прямого пути, онъ оказываетъ еще многими другими путями сотни самыхъ разнообразныхъ содѣйствій размноженію человѣчества. Дѣло въ томъ, что «маршалекъ»—единственная открытая и патентованная контора для устройства браковъ. Онъ ведетъ списокъ всѣхъ состоящихъ на очереди «партій» въ общинѣ и на десять миль въ окружности,—списокъ, въ которомъ не пропущены ни одинъ юноша отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ и ни одна дѣвушка отъ тринадцати до семнадцати. Потому-то онъ въ состояніи удовлетворять всякому запросу. Вамъ желательно найти здороваго, красиваго юношу? О, онъ знаетъ нѣсколько такихъ, въ сравненіи съ которыми Адонисъ—уродъ! Или красавицу-невѣсту? Вотъ цѣлая куча такихъ, при которыхъ очаровательная Суламитъ не посмѣла-бы показаться на свѣтъ божій? А можетъ быть вамъ требуется богатство? Извольте получить милліоны! Или вы ищите

знатное семейство? Онъ знаетъ дюжину потомковъ царственнаго племени Давида! «Маршалекъ» снабженъ всѣмъ, что требуется; онъ никогда не очутится въ затруднительномъ положеніи. Скажи ему кто-нибудь: «я желалъ-бы жениться только по сердечной склонности» — онъ тотчасъ-же доставитъ невѣсту съ сердечною склонностью. И онъ не только откроетъ приготовительныя дѣйствія, но и поведетъ безъ всякой посторонней помощи всѣ дальнѣйшіе переговоры и дотянетъ ихъ до желаннаго и благополучнаго окончанія.

Но не только сиротствующія сердца находятъ въ немъ ходатая и защитника; онъ заботится также о сиротствующей общинѣ, о государствѣ, нуждающемся въ помощи и совѣтѣ. Онъ—патентованный агитаторъ, онъ стоитъ во главѣ общиннаго представительства, онъ и при выборахъ въ ландтагъ обнаруживаетъ необычайное рвеніе. Только отъ одной отрасли общественной дѣятельности держитъ себя «маршалекъ» въ сторонѣ. Агентомъ подкуповъ при рекрутскихъ наборахъ онъ не согласится быть ни за что. Для такого дѣла бѣднякъ слишкомъ честенъ.

Теперь вы знаете приблизительно, что такое «маршалекъ». Именно приблизительно, потому что изобразить все изумительное разнообразіе и значеніе этой профессіи бѣдное, скудное человѣческое слово не въ состояніи.

Въ Барновѣ, какъ уже выше сказано, саномъ «маршалека» былъ облеченъ Исаакъ Тюркишгельбъ. Это былъ «маршалекъ» въ полномъ, истинномъ смыслѣ слова. Его прозвище «Ицекъ Шикеръ» вызывало улыбку всюду, гдѣ оно произносилось. То было почетное прозвище, своего рода *nom de guerre*, которое онъ честно добылъ себѣ. Какимъ оружіемъ? Стоило взглянуть на него, чтобъ получить отвѣтъ на этотъ вопросъ. На тоненькихъ ножкахъ носилъ онъ толстый животикъ, а на томъ мѣстѣ лица, гдѣ у другихъ людей помѣщается обыкновенный простой носъ, у него красовалась яркочерная гора, собственно говоря цѣлая горная система. Тюркишгельбъ ненавидѣлъ всѣ спиртные напитки всею силою своей благородной души и поэтому всюду, гдѣ они попадались ему подъ руку, уничтожалъ ихъ въ невѣроятномъ количествѣ. «Шикеръ» значитъ пьяница. Но хотя «Ицекъ Шикеръ» едва ли читалъ Боденштедтовскаго «Мирзу-Шаффи», съ этимъ мудрецомъ было, однако, у него то общее, что его опьяненіе было ничто иное, какъ усиленное воодушевленіе.

Однакоже, когда всѣ барновскіе жители опьянѣли отъ

набожнаго ужаса, Исаакъ Тюркишгельбъ одинъ остался трезвымъ. И вотъ онъ составилъ планъ спасенія заблудшаго мальчика. Планъ былъ понятенъ, простъ, какъ яйцо Колумба, — и потому совершенно пригоденъ. И открылъ онъ этотъ планъ какъ разъ во время.

То было въ ту самую субботу, которая заключила богатую побоями и послѣдствіями недѣлю въ жизни Моше. Наступили сумерки. Мужчины, свершивъ послѣобѣденную молитву, праздно стояли и сидѣли передъ синагогой, ожидая появленія на небѣ трехъ первыхъ звѣздъ, чтобы имѣть право приступить къ молитвѣ вечерней. Это часъ, когда можно на досугѣ и съ истиннымъ удовольствіемъ поболтать о чемъ угодно. Такъ было и въ нынѣшнюю субботу, съ тою только разницею, что бесѣда велась не особенно весело. Особенно громко выражалъ свою скорбь Авраамъ Фейльхендуфтъ.

Тутъ подошелъ къ нему маршалекъ.

— О чемъ вы горюете? спросилъ онъ съ достоинствомъ. — Послушайте меня! Какъ вѣрно то, что въ прошедшемъ году господинъ окружной начальникъ сказалъ мнѣ, — а онъ сказалъ: «Тюркишгельбъ, вы умная голова», такъ вѣрно и то, что я образумлю вашего мальчика и научу его зарабатывать хлѣбъ честнымъ образомъ... Что проку въ побояхъ! Колотить можетъ всякій мужикъ! Главное дѣло умъ! Понимаете! Главное дѣло — умный планъ! А такой планъ насчетъ вашего Моше уже сидитъ у меня въ головѣ и я его исполню, коли только Богъ мнѣ поможетъ, а вы дадите за мои труды по крайней мѣрѣ пять гульденовъ!

Озабоченное лицо Авраама просіяло.

— Ну, что! — торжественно сказалъ онъ, поднимая руки къ небу; — не говорилъ я развѣ всегда, что это самая умная голова? Такъ оно и есть; только и сердце у него такое доброе... Такъ вы въ самомъ дѣлѣ поможете мнѣ? Ахъ, Богъ вамъ вѣрно поможетъ и тысячекратно наградитъ за труды... Но я-то гдѣ возьму пять гульденовъ?

Маршалекъ съ значительнымъ видомъ покачивался со стороны на сторону и при этомъ производилъ осмотръ своей обуви, которая дѣйствительно заслуживала внимательнаго созерцанія, такъ какъ была замѣчательнымъ образомъ изорвана.

— Ахъ, да, — заговорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, какъ бы выходя изъ глубокаго забытья, — не помню, рассказывали ли я вамъ? Вчера утромъ я заходилъ къ нашему кривому сапожнику Манассе. Просилъ я его сшить мнѣ новые башмаки

или по крайней мѣрѣ сдѣлать новыя подметки къ старымъ, — говорилъ, что Богъ тысячекратно наградить его за труды. Ну, а посмотрите, какъ онъ исполнилъ мою просьбу!

Окружающіе засмѣялись. Но Нахумъ Гельштейнъ сказалъ:

— Ребъ Ицигъ, если вы вправду уладите это дѣло, можете получить съ меня одинъ гульденъ.

— А съ меня пятьдесятъ крейцеровъ! вызвался другой богачъ.

Тутъ третій обѣщалъ сорокъ крейцеровъ, четвертый — двадцать, и такъ далѣе. Наконецъ, оказались недостающими до полного гонорара, затребованнаго маршалекомъ, всего десять крейцеровъ. Эту сумму пожертвовалъ послѣ довольно продолжительнаго колебанія Фроимъ Луттингеръ, прозванный «Фроимъ Хаммеръ». Это послѣднее прозвище не особенно почетно, такъ какъ «Хаммеръ» значитъ осель. Но сей молодой отецъ семейства не заслуживалъ такой репутаціи, — напротивъ того, это былъ проницательный мыслитель, что доказала мотивировка его пожертвованія.

— Я даю эти деньги — объяснилъ онъ — потому, что ничей человѣческой умъ не въ состояніи сообразить и предвидѣть, какія бѣдствія постигнуть весь народъ Израиля, если одинъ изъ насъ добровольно сдѣлается зельнеромъ.

— Этого не будетъ! — торжественно произнесъ маршалекъ. — Конечно, пятью гульденами здѣсь не обойдешься. Теперь вамъ надо еще добыть для меня и Моше фуру, чтобы свезти насъ въ Залецики и обратно. А затѣмъ, само собою разумѣется, должны вы заплатить и за наше кушанье въ дорогѣ.

— Въ Залецики! — воскликнулъ Авраамъ; — это зачѣмъ?

— Затѣмъ, что тамъ рекрутское присутствіе, отвѣчалъ господинъ Тюркишгельбъ съ спокойною и сознательною улыбкою.

— Рекрутское присутствіе! — заголосили разомъ десятка два глотокъ; — онъ хочетъ самъ свезти туда этого сумасшедшаго... Онъ дурачить насъ!.. Ни одного гроша не дамъ!..

И въ этомъ нестройномъ хорѣ громче всѣхъ раздавался голосъ Фроима Луттингера.

Маршалекъ далъ всѣмъ этимъ крикамъ унятьсь и потомъ снова заговорилъ спокойно и съ достоинствомъ:

— Слава Богу, теперь я нашелъ то, чего напрасно искалъ всю жизнь: разницу между Фроимомъ и осломъ. Теперь знаю: когда кричить осель, лошади молчать, а когда кричить Фроимъ, вы орете вмѣстѣ съ нимъ. Но вамъ бы, кажется, слѣдло знать меня лучше! Что я, грѣшникъ, преступникъ какой

нибудь? Стану я шутить, когда дѣло идетъ объ Израиль? Дуракъ я, что ли, чтобы шутить, когда передо мною пять гульденовъ? Говорю вамъ ясно и коротко: дайте мнѣ съѣздить съ Моше въ рекрутское присутствіе, тамъ я его совсѣмъ вылечу. А не сдѣлаю—заколотите меня до смерти; пожалуй даже выругайте тѣмъ самымъ прозвищемъ, которое заслужилъ себѣ у васъ Фроимъ!

Эта энергія произвела свое дѣйствіе. Извозчикъ Симонъ объявилъ, что онъ на слѣдующее утро и безъ того везетъ къ Садагурскому цадикъ цѣлую фуру набожныхъ женщинъ, такъ что двое лишнихъ могутъ кое-какъ примоститься и доѣхать до уѣзднаго города. Остальныя матеріальныя затрудненія были тоже устранены щедростью Нахума Гельштейна.

И такимъ образомъ всѣ отправились на вечернюю молитву съ успокоеннымъ духомъ. «Маршалекъ все уладить!» думалъ каждый.

Дѣйствительно, человѣкъ, облеченный ихъ довѣріемъ, въ тотъ же вечеръ принялся за дѣло, отправившись съ визитомъ къ исколоченному предмету своихъ будущихъ опытовъ. Но Моше оставался невидимымъ; въ упорномъ, угрожающемъ молчаніи сидѣлъ онъ за печкою родительскаго дома. Господину Тюркишгелъбу пришлось пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы склонить юнаго великана къ поѣздкѣ. Наконецъ старанія его увѣнчались успѣхомъ.

— Хорошо,—сказалъ Моше, нерѣшительно выходя изъ-за печки,—я поѣду съ вами. Но если вы намѣрены сыграть со мною шутку какую нибудь, или, пожалуй, сдѣлать еще что нибудь похуже, — тогда, — и Моше сжалъ кулаки, — тогда я вамъ перерву глотку!.. •

— Ну, хорошо, хорошо,—отвѣчалъ маршалекъ привѣтливо и проводя рукой по волосамъ юноши, столь расчищеннымъ пальцами любящей матери,—если обману, души меня, Мошеле, сколько хочешь... Я и сердиться за это не стану...

III.

На слѣдующее утро тяжелая, покрытая парусиной фура извозчика Симона Галгенштрика двинулась по направленію къ городку. На этотъ разъ въ ней ѣхало двѣнадцать пассажировъ. Совсѣмъ сзади, на корзинѣ, наполненной сѣномъ, возсѣдалъ красноносый менторъ со своимъ непокорнымъ Телемакомъ; внутри же помѣщались десять женщинъ, отправлявшихся

къ чудодѣю-равнину въ Садагуру. Причины, побудившія ихъ къ этому путешествію, были совершенно различны. Одна ѣхала испросить у этого всемогущаго человѣка благословенія и совѣта на счетъ своего бѣднаго, больного ребенка, которому, можетъ быть, суждено было въ это время умереть на чужихъ рукахъ; другая желала посредствомъ молитвы раввина добыть подходящаго мужа для своей дочери, которая достигла уже восемнадцати лѣтъ и—о страшный позоръ, о несказанное бѣдствіе въ глазахъ евреевъ той мѣстности!— все еще оставалась въ дѣвушкахъ; третья, по порученію своего мужа, должна была спросить, слѣдуетъ ли ему начать торговать молдавскими винами; четвертая вела въ тарнопольскомъ окружномъ судѣ процессъ изъ-за наслѣдства и намѣревалась просить раввина, чтобы онъ благословилъ исходъ этого дѣла; у пятой не было дѣтей, это дѣлало ея бракъ несчастнымъ, и молитвъ раввина предстояло призвать плодородіе на ея чрево; у шестой сына взяли въ солдаты, и такъ какъ поправить это бѣдствіе можно было только посредствомъ чуда, то она и ѣхала съ просьбою сотворить такое чудо; седьмая давно уже страдала сильнымъ разстройствомъ желудка, которое надо было заговорить,—а восьмая рѣшилась съ раскаяніемъ броситься къ ногамъ святаго человѣка, чтобы его предстательствомъ вымолить себѣ у Бога прощеніе ужаснаго грѣха; дѣло въ томъ, что однажды въ ночь съ пятницы на субботу она, увидѣвъ какой-то страшный сонъ, въ испугѣ пробудилась и, забывъ, что наступилъ уже шабашъ, зажгла свѣчу,—зажгла свѣчу въ шабашъ!.. Перо отказывается отъ попытки даже приблизительно изобразить всю громадность этого преступленія!.. Девятая и десятая пилигримки преслѣдовали цѣли вполне противоположныя одна другой: первая желала развестись съ мужемъ, вторая—отстранить предположенный разводъ.

Въ то время, когда фура, благодаря густой грязи большой дороги, издавала шумъ покамѣсть довольно умѣренный, женщины раскрывали другъ передъ другомъ свои сердца и объявляли цѣли своего путешествія. Въ этой бесѣдѣ принялъ безъ приглашенія дѣятельное участіе Исаакъ Тюркишгельбъ; здѣсь онъ нашелъ такой прекрасный случай выказать свою сострадательную душу и свое природное краснорѣчіе, что даже мрачный юноша не могъ удержаться отъ улыбки, а у Симона Галгенштрика даже слезы ручьемъ потекли по краснымъ щекамъ. Женщины, конечно, отнеслись къ этому выраженію состраданія очень неблагосклонно и наконецъ, соединенными усиліями своими

на поприщѣ высшей вѣжливости, заставили даже маршалека отступить.

— Тысячи чертей—философски сказалъ онъ наконецъ—я не побоялся-бы; но отъ десяти женщинъ готовъ бѣжать Богъ знаетъ куда!

И послѣ этого маршалекъ обратился къ молодому великану.

— Мошеле,—началь онъ интимнымъ шопотомъ,—по крайней мѣрѣ теперь тебѣ слѣдовало-бы открыть мнѣ, отчего ты хочешь сдѣлаться зельнеромъ?

Но юноша молчалъ. Только послѣ продолжительныхъ увѣщаній заговорилъ онъ нерѣшительно, почти заикаясь:

— Ну, хорошо... скажу... только вы не смѣйтесь надо мною... Видите... теперь я долженъ самъ прокармливать себя; но чѣмъ-же мнѣ сдѣлаться? Я силенъ и великъ далеко не по лѣтамъ... Чѣмъ мнѣ быть? Портнымъ? Сапожникомъ? Такъ вѣдь и тамъ, и тутъ сиди цѣлый день, не разгибая спины, а въ концѣ концовъ все таки нечего ѣсть! Или разнощикомъ, торговцемъ какимъ нибудь? Да вѣдь у меня на это нѣтъ ни гроша и въ торговлѣ я ничего не смыслю и не люблю ее... Быть равниномъ или учителемъ тоже не могу; всѣ учителя говорятъ, что у меня точно мѣдная голова. Но силы у меня довольно и я могу работать, могу тоже колотить!... О!.. ребъ Ицекъ... отчего я еврей?

— Какъ тебѣ пришла въ голову такая мысль? спросилъ маршалекъ съ изумленіемъ.

— Самъ не знаю... Будь я христіанинъ, какой нибудь мужикъ взялъ-бы меня въ работники, или Василій Кузнецъ—въ подмастерья. Но теперь... кто возьметъ меня? Жидъ лѣнивъ—скажутъ всѣ и будутъ гнать прочь. Или скажутъ: ты жидъ, вы распяли Христа, вы всѣ собаки, убирайся къ чорту!.. Но въ зельнеры, гдѣ нужны сильные люди, берутъ и евреевъ. Тамъ еврея держатъ на одной ногѣ съ христіаниномъ... Ну, вотъ отчего я и хочу сдѣлаться зельнеромъ. Теперь знаете... Что-же вы скажете на это?

Но маршалекъ не сказалъ ничего; онъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость.

— Если-бы—размышлялъ онъ—я не зналъ, что жена старика Авраама всегда была не только очень добродѣтельна, но и очень безобразна, то еще могъ-бы объяснить себѣ эту штуку... Но такъ... рѣшительно не понимаю, откуда у этого парня такія мысли? Онъ и не подозреваетъ, что онъ за диковинка... За деньги его можно показывать!.. И только те-

перь я хорошо вижу, какой я въ самомъ дѣлѣ умный человекъ!... Попробоваль-бы его кто урезонить, чтобъ онъ отказался,—вѣдь никому бы и ни за что бы не удалось! А такъ какъ повелѣ это дѣло я, онъ самъ подставитъ себѣ ножку въ рекрутскомъ присутствіи,—и я заработаю пять гульденовъ, да и дорога обойдется мнѣ даромъ. Потому что въ Залепики мнѣ и безъ того нужно было съѣздить... за мужемъ для Розеле Иозефа Зауэрштейна.

Въ городъ пріѣхали они передъ вечеромъ. Сострадательный Тюркишгельбъ не могъ воздержаться отъ такого нѣжнаго прощанья со своими спутницами, что онѣ съ четверть часа послѣ того посылали ему вслѣдъ ругательства. Идти въ рекрутское присутствіе въ этотъ-же день — было уже слишкомъ поздно; поэтому и маршалекъ, и Моше отправились на постоянный дворъ. Здѣсь первый встрѣтилъ неожиданно одного изъ своихъ заклятѣйшихъ враговъ: настоящее, старое молдавское вино. Но онъ не испугался и вступилъ съ непріятелемъ въ кровопролитное сраженіе. Конечно, побѣда осталась въ концѣ концовъ на сторонѣ вина, и маршалекъ прохрапѣлъ до утра. Но бѣдный юноша всю ночь метался по постели и ни на минуту не сомкнулъ глазъ...

На слѣдующее утро пошли они въ горнизонное управленіе. Передъ воротами его лежали и грѣлись на солнцѣ нѣсколько гѣнты(въ въ мундирахъ).

— Посмотри, какъ они работаютъ,—сказалъ Тюркишгельбъ мальчику, дрожавшему отъ волненія;—сердце болитъ отъ жалости, глядя на нихъ! Бѣдные, какъ надрываются!

Послѣ этого онъ простился съ нимъ и добродушно прибавилъ: — Ступай къ капитану и объясни ему хорошенько, чего ты желаешь. Коли онъ тебя оставитъ у себя—будь здоровъ и желаю скоро сдѣлаться генераломъ; коли нѣтъ, ты до двухъ часовъ застанешь меня на постояломъ дворѣ, и мы отправимся вмѣстѣ домой.

Они разстались, и когда маршалекъ, зайдя за ближайшій уголъ, оглянулся, то увидѣлъ, что Моше стоялъ уже посреди солдатъ, а они дергали его за пейсы и отпускали другія нѣжныя шуточки.

— Любопытно-бы мнѣ узнать,—думалъ хитрый Тюркишгельбъ — сколько пинковъ и толчковъ получить онъ пока его допустятъ до капитана, и съ какою быстротою слѣтѣтъ онъ съ лѣстницы, когда капитанъ узнаетъ, что ему всего тринад-

пать дѣтъ... Но это ничего! Барновскіе побои были излишни, а здѣшніе принесутъ пользу.

Не докончивъ однако этихъ разсужденій, маршалекъ быстро двинулся въ дальнѣйшій путь, чтобы розыскать достойнаго спутника жизни для дѣвицы Розеле Зауэрштейнъ изъ Барнова.

Удались-ли ему поиски—это не относится къ нашему разсказу, и фантазіи читателя предоставляется воображать себѣ дѣвицу Зауэрштейнъ и понынѣ обрѣтающуюся въ дѣвственномъ состояніи. Какъ фактъ отмѣтимъ только то обстоятельство, что маршалекъ снова встрѣтился со своимъ заклятымъ врагомъ, вслѣдствіе чего воротился на постоянный дворъ очень нетвердыми шагами. Былъ уже второй часъ—и Тюркишгельбъ, не найдя тутъ мальчика, такъ испугался, что мгновенно отрезвился.

— Стало быть, удержали таки его!—вскричалъ онъ и побѣждалъ въ управленіе. Но солдаты, все еще продолжавшіе грѣться на солнцѣ, дали ему отвѣтъ отчасти въ духѣ оракула; именно. они ограничились тѣмъ, что и его подергали за пейсы. Когда же маршалекъ назначилъ два крейцера въ награду за опредѣлительное свѣдѣніе, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «Господинъ капитанъ далъ жиденку нѣсколько затрепичъ, — и тогда мальчишка побѣждалъ... къ рѣкѣ».

— Къ рѣкѣ?..

У маршалека кровь застыла въ жилахъ, и со всею стремительностью, какую допускали тоненькія ножки и толстый животикъ, онъ кинулся къ Днѣстру и сталъ громко звать пропавшаго. Скоро онъ дѣйствительно нашелъ его. Моше стоялъ у воды и смотрѣлъ въ волны.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? крикнулъ маршалекъ.

Юный великанъ очнулся и посмотрѣлъ на него какъ-то дико. Этотъ злобѣщій взглядъ еще болѣе испугалъ маршалека; онъ крѣпко схватилъ мальчика за руку и медленно повелъ его въ городъ. Только тогда, когда они снова очутились у постоянного двора, онъ спросилъ:

— Сумасшедшій! Чего ты искалъ на рѣкѣ?

Мошеле покачалъ головой и глухо отвѣчалъ:

— Я соображалъ, что лучше: кинуться въ воду или вернуться съ вами въ Барновъ?.. Но не могъ рѣшить... И то, и другое одинаково горько...

На это даже Тюркишгельбъ не нашелъ что возразить, онъ

только удвоилъ стараніе найти экипажъ для скорѣйшаго возвращенія домой.

Когда Днѣстръ и рекрутское присутствіе остались далеко за ними, и маленькая фура бодро пошледалась по одѣвшейся сумерками большой дорогѣ, къ маршалеку снова вернулось его юмористическое настроеніе.

— Глупый мальчикъ! — сказалъ онъ; — въ апрѣлѣ вздумалъ выкупаться! И почему это? Ты вѣдь еще не объяснилъ мнѣ, почему?

Но Моше повидимому не имѣлъ ни малѣйшаго желанія отвѣчать. Маршалекъ однако настаивалъ до тѣхъ поръ, пока онъ уступилъ и разсказалъ слѣдующее:

— Ну, вотъ, — прихожу я въ присутствіе и спрашиваю зельнеровъ: «Гдѣ господинъ капитанъ?» А они меня спрашиваютъ: «А тебѣ, жиденекъ паршивый, для чего это знать?» Я говорю: «Хочу тоже въ военную службу!» Они хохочутъ, дерутъ меня за волосы и кричатъ: «Императору не нужно жидовскихъ собакъ!» Былъ между ними одинъ унтеръ-офицеръ, такой маленькій, желтенькій; тотъ хуже всѣхъ приставалъ. Я даю ему пинка и кричу: «Тебя, небось, императоръ станеть спрашивать!» Тутъ они всѣ давай меня колотить. А господинъ капитанъ смотритъ изъ окна и спрашиваетъ: «Вы за что бьете этого жиденка?» Тутъ они меня оставили, а я кричу навѣрхъ, въ окно: «За то, что я въ военную службу хочу!» Капитанъ смѣется и говоритъ: »Пооди навѣрхъ!» Прихожу я въ канцелярію. «Сколько тебѣ лѣтъ?» спрашиваетъ онъ. «Четырнадцатый годъ». Онъ говоритъ: «Неправда. Такихъ четырнадцатилѣтнихъ не бываетъ. Тебѣ, можетъ быть, осмнадцать. Но чего тебѣ нужно?» Я и говорю: «На прошедшей недѣлѣ мнѣ минуло тринадцать лѣтъ, и я хочу вступитъ въ военную службу добровольцемъ.» — «Что! — крикнулъ онъ; — намъ здѣсь ребятъ не надо, проваливай!» «Но вѣдь я такой сильный!» говорю я. «Но вѣдь ты жидъ! — кричитъ онъ; — довольно того, что мы ужъ при рекрутскомъ наборѣ по неволѣ должны брать вашу трусливую собачью породу! Вонъ отсюда!» Тутъ я и говорю ему: «Мы не собачья порода, мы люди!»

— Неужто такъ-таки и сказалъ? недовѣрчиво перебилъ его маршалекъ.

— Да, — и за это онъ далъ мнѣ нѣсколько пощечинъ и выпгналъ вонъ... Тогда я и побѣжалъ къ рѣкѣ, потому что

увидѣль, что и тутъ дѣлають такую разницу. Нигдѣ, стало быть, не хотять еврея...

Маршалекъ не противорѣчилъ. Онъ молчалъ и думалъ: «Отчего этотъ малый совсѣмъ не такой, какъ мы, остальные евреи? Отчего?...»

Перев. Петръ Вейнбергъ.

ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣнѣ).

*Типъ современнаго общественнаго дѣятеля.—Докторъ Людвигъ-Августъ Франкль.—
Личность Франкля и его творенія.—Юбилей.—«Институтъ слѣпыхъ», какъ chef
d'oeuvre юбиляра.*

Arbeit ist des Bürgers Zierde,
Segen ist der Mühe Preis.

Schiller.

Въ первыхъ числахъ февраля 1880 года, въ одномъ изъ самыхъ извилистыхъ переулковъ старой, средневѣковой части города Вѣны, составляющей рѣзкій контрастъ съ новѣйшими великолѣпными улицами развеселой, „жизнерадостной“ — по выраженію извѣстнаго русскаго писателя—столицы монархіи Габсбурговъ, происходило необычное движеніе. Къ мрачному четырехэтажному дому, занимающему чуть ли не большую часть правой стороны этого крошечнаго переулка, такъ называемаго Seitenstättergasse, № 4, поминутно подъѣзжали щегольскіе экипажи, высаживая элегантную публику, толпившуюся у подъѣзда, въ теченіи цѣлаго дня. Телеграфисты, почталыоны, посыльные и разныхъ видовъ коммисіонеры сновали взадъ и впередъ, сталкиваясь на узкой и не совсемъ опрятной лѣстницѣ съ постоянно прибывающей толпой разнокалибернаго люда, стремившагося къ одной общей цѣли — въ скромную квартиру „секретаря и архиваріуса“ мѣстной еврейской общины. Привѣтственныя телеграммы, присланныя чуть ли не со всѣхъ концовъ Стараго и Новаго свѣта, поздравительныя письма, адреса, дипломы, стихи, кантаты, вѣнны и всевозможные подарки, постоянно подносившіеся разными депутаціями и общественными учрежденіями, не прекращались вплоть до сумерекъ. Лучшій цвѣтъ

интеллигенціи разноплеменнаго государства; люди различныхъ вѣроисповѣданій, профессій и происхожденій; избранные представители всѣхъ родовъ мѣстной аристократіи—умственной, родовой и финансовой — все это спѣшило съ единодушными поздравленіями въ скромную обитель даровитаго ученаго, поэта, безкорыстнаго филантропа и замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, завоевавшего себѣ немалую популярность въ обществѣ, среди котораго ему приходится жить и дѣйствовать. Семейный праздникъ частнаго человѣка—не чиновнаго дѣятеля—официальное значеніе котораго равняется нулю, принявъ размѣры событія, имѣвшаго несомнѣнное общественное значеніе. Министры, высшіе сановники имперіи, дѣятели парламента, профессора университета, академій, консерваторіи, представители духовенства, муниципалитета, суда, адвокатуры, ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, учебныхъ заведеній, народныхъ школъ, многочисленныхъ литературныхъ обществъ, союза журналистовъ, студенческихъ корпорацій, торговаго люда и рабочихъ артелей — собрались, ex grorgio motu, чтобы чествовать заслуги человѣка, прославившагося на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, въ широкомъ значеніи этого слова. Вѣна, въ лицѣ своихъ избранныхъ сыновъ, по своему, отпраздновала 70-ти лѣтнюю годовщину дня рожденія одного изъ своихъ достойнѣйшихъ гражданъ. Имя этому гражданину—докторъ Людвигъ-Августъ Франкль.

Имя Франкля пользуется нѣкоторою извѣстностью и въ Россіи. Многіе изъ образованныхъ русскихъ евреевъ знаютъ, по наслышкѣ, о несомнѣнномъ существованіи этого дѣятеля; немногіе, впрочемъ, познакомились и съ содержаніемъ его книгъ: „Nach Jerusalem“ и „Aus Egypten“, появленіе которыхъ произвело немалую сенсацію и у насъ—онѣ даже удостоились перевода на еврейскій языкъ. Но все это было такъ давно, что позволительно отозваться запамятованіемъ. Помнится, впрочемъ, довольно смутно, что этотъ неутомимый дѣятель что-то устроилъ въ Иерусалимѣ и что-то такое воздвигъ въ Вѣнѣ, но что именно—трудно сказать въ данную минуту.

А между тѣмъ, въ сонмѣ высшихъ представителей умственной жизни современнаго еврейства немного найдется именъ, которыя имѣли бы такое неоспоримое право на извѣстность и общественную симпатію, какъ та богато-одаренная натура, о жизни и

дѣятельности которой мы намѣрены побесѣдовать съ читателемъ. О нашихъ русскихъ единовѣрцахъ мы уже умалчиваемъ. Можетъ быть, наши внуки дождутся появленія такихъ общественныхъ дѣятелей. Но даже въ средѣ западно-европейскихъ и американскихъ исповѣдниковъ мойсеева закона,—которымъ, какъ извѣстно, вездѣ и всегда бабушка ворожить,—не много наберется людей Франкелевскаго пошиба. Такихъ личностей, какъ Франкль, можно безошибочно по пальцамъ перечестъ—разъ, два, три, четыре, можетъ быть, пять—да и обчелся.

Прежде чѣмъ приступить къ краткому изложенію біографическаго очерка, мы должны оговориться. Да не подумаетъ читатель, что мы намѣрены утомить его вниманіе лишь воспроизведеніемъ огульнаго славословія, которому Франкль безропотно подвергался въ день своего юбилейнаго торжества. Мы менѣ всего склонны умиляться трубными звуками и барабаннымъ боемъ официальныхъ чествованій. Намъ мало трогаетъ заказной лиризмъ застольныхъ или загробныхъ панегириковъ. Составить себѣ дѣйствительное понятіе о неприкрашенной дѣятельности даннаго лица, по хвалебнымъ отзывамъ юбилейныхъ поздравленій казеннаго образца, также трудно, какъ и судить о техническихъ, чисто-художественныхъ достоинствахъ любого образа, намалеваннаго поклонникомъ трафаретной живописи — богомазомъ пресловутой суздальской школы. Ни одна картина немыслима безъ тѣневой стороны — однѣ яркія краски, безъ соотвѣтственныхъ тѣней, слишкомъ рѣжутъ глаза. Мы не намѣрены поэтому умалчивать и о нѣкоторыхъ недостаткахъ, присущихъ вообще всѣмъ людямъ, недостаткахъ, хотя и мелкихъ, ничтожныхъ, ничуть не портящихъ цѣлостнаго впечатлѣнія изящнаго портрета — отъ которыхъ, конечно, не свободенъ и Франкль, какъ и всякій человѣкъ. Не по однѣмъ книгамъ и отчетамъ, кантатамъ и пѣснопѣніямъ судимъ мы о юбилярѣ. Мы имѣли возможность составить себѣ болѣе или менѣ вѣрное понятіе о характерѣ дѣятельности изображаемаго лица, благодаря давнишнему личному знакомству съ нимъ и не поверхностному изученію одного изъ лучшихъ дѣлъ его жизни—образцоваго «Института слѣпыхъ», которымъ Вѣна имѣетъ право гордиться. И результатомъ совокупнаго изученія какъ личности юбиляра, такъ и характера его общественной дѣятельности, изученія, по возможности, объективнаго, въ основу котораго легли приемы безпристрастно

критики—явилось полное, безграничное уваженіе къ этому человеку, успѣвшему совершить такъ много хорошаго въ своей жизни.

Для нашего брата, неизбалованнаго особенно-роскошною растительностью на родинѣ, привыкшаго съ дѣтства питаться какими угодно плодами, хотя бы и полустгнившими, видъ хорошихъ, сочныхъ фруктовъ или прекрасно содержимыхъ садовъ производить впечатлѣніе, которое французы называютъ *ébathissement*. Оказывается, что и почва не та, а, главное, уходъ иной, садовникъ совсѣмъ иначе относится къ своему дѣлу. Отъ совокупности этихъ и многихъ другихъ причинъ происходитъ то, что мы поневолѣ должны наслаждаться кислятиной, да еще похваливать, а на чужбинѣ люди пытаются фруктами, которые такутъ во рту и все таки недовольны — подавай получше; и главное, они непремѣнно добьются желаннаго.

Мы такъ долго останавливаемся на личности Франкля, между прочимъ, потому, что она представляется намъ самымъ полнымъ и въ высокой степени симпатичнымъ выраженіемъ иной, высшей культуры, богатой вѣковыми традиціями, преемственными умственными и нравственными вкладами цѣлаго ряда предшествовавшихъ поколѣній, вдосталь поработавшихъ надъ труднымъ дѣломъ чело-вѣческаго самосовершенствованія, культуры, до которой намъ съ вами, какъ до звѣзды небесной, далеко. Въ этой-то культурѣ исчезли и расплылись всѣ наросты, прилипшіе къ организму, во время многовѣковаго арестантскаго скитанія по разнымъ этапнымъ мѣстамъ заключенія, въ родѣ *Ghetto*, и крѣпкое здоровое зерно древне-еврейскаго духа, освободившись отъ невольной-приставшей къ нему затвердѣлой коры, получило совсѣмъ иную окраску, о которой намъ пока только дозволено мечтать.

Не думаемъ, чтобы у насъ, въ Россіи, не нашлось людей, которые уступили бы Франклю въ прирожденной даровитости. Наверное найдутся. Но дѣло въ томъ, что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, отъ этихъ-то дарованій обществу не бываетъ ни тепло, ни холодно. Наши таланты либо гибнуть, такъ сказать, на мѣстѣ, въ родномъ навозѣ, либо являются на свѣтъ Божій, на судъ общества, въ такомъ искалѣченномъ видѣ—вслѣдствіе долгой непосильной борьбы съ окружающими стихійными силами—что отъ нихъ не дождешься ничего, точно „отъ козла—ни шерсти, ни молока“. Дорвавшись, наконецъ, до вождедѣнной цѣли,

наши таланты думаютъ лишь объ отдыхѣ, успокоеніи и — забвеніи. Лучшія силы молодости надорваны, энергія истрачена въ мелкой, повседневной борьбѣ за существованіе, вѣра въ иную будущность испарилась. Остается лишь одно—чисто ремесленное отношеніе къ дѣлу, когда-то, во дни юности, казавшемуся лучезарнымъ. Зарывшись, точно страусъ, въ тѣсную область своей специальности, они окончательно забываютъ о серьезныхъ требованіяхъ жизни общественной, бьющей влючемъ вокругъ да около, но ими игнорируемой. Возьмите, напримѣръ, самыхъ типичныхъ представителей нашей интеллигенціи: медиковъ, юристовъ и инженеровъ. Всѣ помыслы медика устремлены на то, чтобъ жить въ ладу съ аптекарями и фельдшерами, отъ которыхъ зависитъ задача хлѣбной практики. Юриста удручаетъ мысль о нескончаемомъ накопленіи кассационныхъ рѣшеній, въ которыхъ, по его мнѣнію, нѣтъ спасенія, а въ перспективѣ манитъ взоръ лишь фигура вездѣсущаго судебного пристава съ желаннымъ исполнительнымъ листомъ въ рукахъ. Думы инженера всецѣло поглощены заботами объ устройствѣ какого бы то ни было, только неубыточнаго *modi vivendi* съ подрядчиками, десятниками и т. д. до безконечности. Ничего освѣжающаго, оживляющаго, облагораживающаго не представляется въ постыломъ однообразіи жизненнаго пути, проходимаго образованнымъ и, замѣтьте, добросовѣстнымъ ремесленникомъ, снабженнымъ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія. Объ остальныхъ представителяхъ нашей интеллигенціи мы ужъ умалчиваемъ потому, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ, говоря словами апостола Павла, «срамно бо и глаголати.»

Конечно, вся вина этого изуродованія людскихъ дарованій должна пасть на условія окружающей жизни, а не на субъектовъ, невольно подвергающихся подобному нежеланному процессу изуродованія. Почва, для обработыванія которой человѣкъ прилагаетъ не много труда и еще меньше техническихъ знаній, даетъ тѣ же злаки, которые на ней произрастали, во времена Адама и Евы. Странно было бы требовать отъ флоры олонецкой или архангельской губерній изобилія винограда или апельсиновъ, которымъ свойственно украшать собою благодатныя мѣстности южнаго Крыма или Италіи. Но если почвенныя условія двухъ сопредѣльныхъ государствъ одинаковы, то предъявленіе однородныхъ требованій къ люду, населяющему сосѣднія области, пред-

ставляется далеко не чрезмѣрнымъ. Этнографическія условія нашего югозападнаго края и Галиціи такъ тождественны, еврейское населеніе этихъ окраинъ двухъ сосѣднихъ государствъ такъ мало разнится между собою, что чувство *ébahissement*, овладѣвающее русскимъ наблюдателемъ, при сличеніи результатовъ двухъ культуръ, является, по нашему мнѣнію, вполне понятнымъ и законнымъ. Невольно является неотвязчивый вопросъ: отчего это на сосѣдской нивѣ бываетъ такой роскошный урожай, а въ нашихъ вертоградахъ только попадаются бурьянъ да сорная трава? Что за причина, что на поверхности интеллигентнаго слоя нашихъ австрійскихъ единовѣрцевъ красуются имена докторовъ: Франкля, Іеллинека, Куранды, Комперта, Францоа, и другихъ, а у насъ кругомъ только одна—пустота и уныніе?

Вотъ почему мы считаемъ далеко нелишнимъ прослѣдить всѣ фазы индивидуальнаго развитія выдающейся личности, выросшей при условіяхъ, во многомъ, если не во всемъ, напоминающихъ современный бытъ русскаго еврейства. Трудная жизненная борьба прошла безъ ущерба для нравственнаго достоинства человѣка. Извѣстные идеалы золотой юности не осмѣяны, не оплеваны, не размѣнены на мелкую монету, а служили путеводною нитью, которая имѣлась постоянно въ виду, во все время продолжительнаго житейскаго странствованія. Благодаря присутствію этого-то *feu sacré*, практическія тревоженія будничной жизни не успѣли наложить свое мертвящее тавро на все то, чѣмъ красна жизнь интеллигентнаго человѣка. Всѣ стороны духовнаго развитія человѣка были не чужды пытливому уму кабинетнаго мыслителя, не зарывшаго своихъ талантовъ въ землю. Не много наберется лицъ, которыя имѣли бы такое право, какъ Франкль, сказать о себѣ: *«Homo sum, et nihil humani a me alienum puto»*. Медикъ по профессіи, поэтъ по призванію, профессоръ эстетики въ консерваторіи и архиваріусъ еврейской общины, страстный любитель изящныхъ искусствъ и археологъ, кропотливо изучающій надгробныя эпитафіи давно позабытаго древняго кладбища, бойкій публицистъ, ратующій за право и вольность у себя дома и неутомимый туристъ, отправляющійся за тридевять земель устраивать школу, австрійскій патриотъ и вѣрный сынъ народа, изъ среды котораго онъ вышелъ, Франкль представляется русскому наблюдателю, съ пеленокъ привышему къ извѣстнымъ перегородамъ,

стойламъ, строго очерченнымъ специальностямъ, изъ которыхъ нельзя высунуть носа—какою то неразрѣшимою загадкою. Только неотразимымъ обаяніемъ недюжинной нравственной силы, поражающей гармоническимъ сочетаніемъ самыхъ разнообразныхъ талантовъ и можно объяснить сумму плодотворныхъ результатовъ практической дѣятельности Франкля, для котораго служеніе родинѣ не исключаетъ любви ко всему общечеловѣческому.

По почину еврея, католическая, полунѣмецкая Вѣна воздвигаетъ грандіозный памятникъ гордости и красѣ протестантской Германіи—Шиллеру; его неутомимымъ настояніямъ удается привлечь всѣ классы населенія къ основанію образцоваго заведенія для слѣпыхъ еврейскихъ дѣтей обоого пола. Слово Франкля въ состояніи распеветить общественную благотворительность, въ которой слѣшать участвовать принцы крови и рабочіе, обитатели Парнаса и боги биржеваго Олимпа. Слово скоро воплотилось въ дѣло, изумительное по своимъ результатамъ, которое навѣрное не останется безъ подражателей и послѣдователей.

Человѣкъ, сьумѣвшій, силою своего слова, вызвать къ жизни подобное дѣло, имѣетъ право на вниманіе со стороны всѣхъ своихъ братьевъ по крови. Дѣло его должно быть пропагандировано всюду, гдѣ обрѣтаются несчастные, для которыхъ закрытъ Божій свѣтъ. Въ этомъ то и заключается цѣль нашей статьи, посвященной личности маститаго автора и его незабвенному творенію.—Начнемъ по порядку.

I.

Франкль принадлежитъ къ древнему, весьма почтенному семейству, съ давнихъ поръ поселившемуся въ Вѣнѣ, гдѣ евреямъ, во времена оны, строжайше было запрещено жить. Предки его, братья Исаакъ и Израиль Франкли, представители богатой торговой фирмы, вслѣдствіе поголовнаго изгнанія евреевъ изъ Вѣны въ 1671, принуждены были переселиться изъ своего родного города, гдѣ они владѣли девятью домами, въ Баварію. Баварское плѣненіе продолжалось недолго, и они вскорѣ получили разрѣшеніе вернуться на родину.

Людвигъ-Августъ Франкль родился въ Богеміи, въ маленькомъ городѣ Храстѣ, 3 февраля 1810 года. Условія его первоначальнаго домашняго воспитанія были весьма благопріятны для

даровитаго, любознательнаго мальчика. Благодаря этимъ-то условіямъ, онъ успѣлъ изучить нѣмецкій, чешскій, еврейскій и латинскій языки, познакомиться съ лучшими тогдашними представителями германской литературы, впервые возбудившими въ немъ ту страстную любовь къ поэзіи, которой онъ всю свою жизнь служилъ вѣрой и правдой, полюбить исторію вообще и въ частности исторію Чехіи, которую ему преподавалъ нѣкій католическій патерь, дававшій ему уроки латинскаго языка. Эти занятія, въ связи съ его любовью къ чтенію путешествій, постоянными прогулками по живописнымъ окрестностямъ его роднаго городка, имѣвшими, по мнѣнію біографа Франкля *, огромное вліяніе на мечтательнаго мальчика, дали первый толчокъ его позднѣйшимъ стремленіямъ къ поэзіи и путешествіямъ, въ особенности на востокъ, манившій его къ себѣ съ первыхъ лѣтъ его сознательной жизни.

Въ 1823 году мальчика, обладавшаго ужъ порядочнымъ запасомъ познаній, отправили въ Прагу, для поступленія въ мѣстную гимназію, основанную и содержимую, какъ и вездѣ въ католическихъ земляхъ, монахами ордена Піаровъ. Гимназическія занятія шли очень успѣшно, въ особенности исторія и словесность. Бойкій литературный слогъ, впервые обнаруженный даровитымъ мальчикомъ въ эту эпоху его школьной жизни, обратилъ на него особенное вниманіе его преподавателей. Рядомъ съ изученіемъ классическихъ писателей Германіи и чешской литературы, Франкль усердно занимался древне-еврейскимъ языкомъ, подъ руководствомъ своего ученаго родственника, доктора Захарія Франкля, бывшаго впоследствии директоромъ духовной семинаріи въ Бреславлѣ. Черезъ два года, по пріѣздѣ въ Прагу, Франкля постигло тяжкое семейное горе—смерть отца. Со смертью отца матеріальное положеніе ухудшилось непомѣрно. Нечего было рассчитывать на помощь изъ роднаго гнѣзда, пришлось самому зарабатывать хлѣбъ насущный. Онъ принужденъ былъ давать уроки, которые доставили ему возможность окончить гимназическій курсъ и перебраться, въ концѣ 1826 года, въ Лейтомышль, для поступленія въ число студентовъ мѣстнаго лицея, по историко-филологическому факультету, гдѣ онъ посвятилъ себя изученію философіи.

* См. „Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich“, von D-r. Constantin v. Wurzbach.

Лицейская жизнь имѣла рѣшительное вліяніе на дальѣйшую судьбу юноши. Лучшая часть тогдашней молодежи, не способной мириться съ тяжелыми жизненными условіями, созданными реакціонными вакханаліями, обуявшими ретивыхъ поклонниковъ режима, установленнаго вѣнскимъ конгрессомъ, и задыхавшейся въ душливой атмосферѣ всеобщей солдатчины и шпіонства, бросилась въ аудиторіи и жадно изучала исторію, философію и литературу. Основательное знакомство съ дотолѣ игнорируемою отечественною исторіею, въ тѣсномъ смыслѣ, стало дѣломъ почти обязательнымъ, въ средѣ учащейся молодежи. Въ это время началось національное движеніе, вызванное твореніями плеяды лучшихъ людей Чехіи, провозвѣстниковъ ея умственного возрожденія: Палацкаго, Шафарика, Ганки и другихъ. Всѣ эти вѣянія не остались безъ вліянія на впечатлительную душу отзывчиваго юноши, дебутировавшаго тогда, хотя крайне неудачно, на литературномъ поприщѣ. Его баллады на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, отличавшіяся обычными недостатками, присущими всѣмъ начинающимъ поэтамъ, не имѣли, по крайней мѣрѣ, никакихъ непріятныхъ послѣдствій для автора, тогда какъ за свою злосчастную пьесу «Die Brautnacht», игранную въ Лейтомышлѣ труппой бродячихъ актеровъ, юный драматургъ чуть не поплатился исключеніемъ изъ лицея. Начальство, и безъ того косо смотрѣвшее на литературныя занятія Франкля, получавшаго, въ добавокъ, на экзаменѣ изъ математики отмѣтки самаго удручающаго свойства, усмотрѣло въ этой пьесѣ неподозволенные тенденціи, шедшія въ разрѣзъ съ полицейскою моралью и привлекло автора къ отвѣтственности. Только, благодаря отзыву цензора, отнесшагося довольно мягко къ этому первородному литературному грѣху, Франкль спасся отъ грозившей ему опалы. Въ эту эпоху Франкль занимался изученіемъ не одной чешской, но и другихъ славянскихъ литературъ, вѣроятно подъ вліяніемъ тѣхъ мучительныхъ думъ, которыя такъ мастерски очерчены Компертомъ въ одномъ изъ его лучшихъ очерковъ изъ жизни чешскихъ евреевъ *.

Въ 1828 году Франкль переселился въ Вѣну. Поступивъ на медицинскій факультетъ вѣнскаго университета, онъ отдался избранной имъ спеціальности не всецѣло, разнообразя свои занятія

* Aus dem Ghetto: „Die Kinder des Rendars“.

литературными трудами, въ особенности поэзію. Благодаря выгоднымъ кондиціямъ въ домѣ одного образованнаго венгерскаго магната, съ семействомъ котораго онъ и до сихъ поръ находится въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, молодой поэтъ успѣлъ совершить вмѣстѣ со своимъ питомцемъ нѣсколько каникулярныхъ поѣздокъ по живописнымъ мѣстностямъ южной Австріи и Италіи, что осталось далеко не безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе его таланта. Студенческіе годы не прошли даромъ для молодого чловека, смотрѣвшаго на университетъ не съ ремесленно-биржевой точки зрѣнія. Годъ его поступления въ университетъ совпалъ съ его дебютомъ на литературномъ поприщѣ. Въ 1828 году появилось въ печати его первое эпическое стихотвореніе: „Jan Panci“, а къ концу своего университетскаго курса онъ ужъ успѣлъ упрочить свое положеніе въ средѣ пишущей братіи. Его баллады, озаглавленныя: „Habsburgslied“, „Epische und lyrische Dichtungen“, „Morgenländische Sagen“, и наконецъ, „Christopho Colombo“, появившіяся въ свѣтъ, одновременно съ полученіемъ докторскаго диплома въ Падуѣ, доставили ему большую извѣстность среди читающей публики. Кромѣ того, онъ перевелъ Байроновскую „Паризину“ и „Рай и Пери“ Мура. Получивъ право гражданства въ нѣмецкой литературѣ, онъ близко сошелся со многими изъ самыхъ видныхъ представителей ея, какъ напримѣръ, съ Каролиной Пихлеръ, Гаммеръ-Пургсталь, Анастасіемъ Грюномъ, и др.

По окончаніи университетскаго курса со степенью доктора медицины, Франкль отправился путешествовать по Италіи, гдѣ онъ изучилъ ея литературу и искусство, посѣщая всѣ сокровищницы, разбѣянныя по разнымъ городамъ Апенинскаго полуострова. Въ Италіи, переживавшей тогда одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ своей исторической жизни, назрѣвали могучіе таланты, давшіе толчекъ тому неудержимому освободительному движенію, которое такъ блистательно завершилось въ началѣ 60-хъ годовъ. Съ вдохновенными пѣвцами италіянскаго освобожденія, поэтами Леопарди и Николини, Франкль сошелся, равно какъ съ историкомъ Чезаре Канту, феноменальнымъ знатокомъ языковъ, кардиналомъ Меццофанти и знаменитымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ. Во время своего пребыванія въ Генуѣ, Франкль удостоился рѣдкой для иностранца почести. За свое стихотвореніе «Christopho Colombo», онъ получилъ званіе почетнаго гражданина города

Генуи, гдѣ, какъ извѣстно, родился Колумбъ. Одинъ изъ итальянскихъ поэтовъ воспѣлъ въ стихахъ молодого человѣка, удостоеннаго итальянскимъ университетомъ званія доктора медицины, а родиной Колумба—званія почетнаго гражданина. Подъ вліяніемъ массы впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ знакомства съ лучшими произведеніями человѣческаго искусства, написалъ онъ латинскую диссертацию «О вліяніи фантазіи». Любовь къ искусству была для него не бесплоднымъ диллетантизмомъ, а своего рода культомъ, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни, усиленно содѣйствуя, устно и печатно, улучшенію быта художниковъ въ своемъ отечествѣ, поощряя таланты, устраивая общества, стипендіи, конкурсы, издавая органъ, исключительно посвященный интересамъ служителей искусства, во всѣхъ его проявленіяхъ.

Настала пора подумать о своей будущности, и нашъ докторъ вернулся въ Вѣну. Медицинская практика не пришлась ему по душѣ, и онъ мало по малу отсталъ отъ нея. Въ 1838 году онъ получилъ мѣсто секретаря и архиваріуса при вѣнской еврейской общинѣ,—мѣсто, которое онъ и по сю пору занимаетъ съ неуклоннымъ усердіемъ и несомнѣнною пользою. Дѣятельность его, за время десятилѣтія, протекшаго со времени его возвращенія изъ Италіи вплоть до наступленія мартовскихъ событій 1848 года, которымъ онъ остался далеко нечуждымъ, была самая разнообразная. Усердно занимаясь приведеніемъ въ порядокъ богатаго архива общины, Франкль успѣлъ издать, кромѣ полнаго собранія своихъ сочиненій, двѣ новыя поэмы: «Don Juan de Austria» и «Rahel», доставившія ему почетное имя въ отечественной литературѣ. Кипучая натура не могла однакожъ довольствоваться тихою кабинетною дѣятельностью археолога и поэта. Чтобы имѣть возможность пропагандировать свои политическіе и художественные идеалы, нужно было имѣть подходящій органъ. Франкль бросился въ водоворотъ журнальной дѣятельности. Онъ сталъ издавать сначала газету: «Oesterreichisches Morgenblatt», а съ 1846 года сдѣлался редакторомъ-издателемъ газеты: «Montagsblatt», и приложенія къ ней — «Kunstblatt», въ которомъ принимали участіе лучшія умственные и художественныя силы, мѣстныя и иноземныя. Какъ публицистъ, Франкль примкнулъ къ оппозиціонной части журналистики, всячески протестовавшей противъ гнета метерниховскаго режима и вызвавшей то броженіе,

которое разразилось мартовскими событіями. Какъ знатокъ изящныхъ искусствъ, онъ проповѣдовалъ въ своемъ «Kunstblatt» идеи, казавшіяся тогда ересью, но теперь получившія право гражданства, ставшія общимъ достояніемъ.

Наступили мартовскіе дни. Не стало Меттерниха, исчезла цензура, сократились его креатуры. Все ликовало, и Франкль явился выразителемъ этого настроенія въ извѣстномъ стихотвореніи «Die Universität». Время было слишкомъ горячее, чтобы толковать объ искусствѣ. Художественный отдѣлъ былъ упраздненъ, газета стала исключительно политической, посвященной быстро мѣняющимся интересамъ дня. Но не долго продолжалось всеобщее ликование и дни политической дѣятельности Франкля были сочтены. Вскорѣ наступилъ праздникъ на улицѣ князя Вивдишгреца, Баха и tutti quanti. — Началась безмѣрная, всеподавляющая реакція, со всѣми своими мрачными атрибутами: осаднымъ положеніемъ, военными судами, казнями, заточеніями, ссылками, солдатчиной и шпионствомъ. Франклевская газета была запрещена по распоряженію военнаго вѣдомства, и онъ принужденъ былъ, на время, совершенно отказаться отъ всякой общественной дѣятельности вообще и публицистической—въ частности.

«Прекрасные дни Арапхуеца миновали». За бурными днями намятнаго 1848 года наступило затишье, тяжелое, давящее. Свинцовыя тучи заволокли горизонтъ. На сценѣ остались одни лишь Баховскіе приспѣшники, да жандармы. Дѣятели опальнаго либерализма притихли, ступшевались за кулисами, зарывшись въ глуши кабинетныхъ занятій. Этому примѣру послѣдовалъ и Франкль, отдавшійся археологическимъ изысканіямъ полустертыхъ эпитафій средневѣковаго еврейскаго кладбища, переводамъ сербскихъ народныхъ пѣсень, изданныхъ имъ подъ заглавіемъ; «Гусли», написавшій въ это время біографію „своего друга, Николая Ленау“ и «Исторію евреевъ въ Вѣнѣ». Затѣмъ послѣдовалъ блестящій рядъ брошюръ, направленныхъ противъ усилившагося шарлатанства своихъ собратьевъ по профессіи—медиковъ,—которыхъ онъ бичевалъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Эти брошюры, озаглавленные: „Гиппократъ и современная медицина“, „Гиппократъ и шарлатанъ“, „Гиппократъ и холера“, написанныя, по словамъ его біографа, съ замѣчательнымъ юморомъ, преисполненные самой ядовитой сатиры и желчныхъ бичеваній шарлатан-

ствующихъ эскулаповъ, произвели огромное впечатлѣніе на читающую публику. Доказательствомъ громаднaго успѣха, заслуженнаго этими обличеніями, служить то обстоятельство, что, въ теченіи одного года, они выдержали тринадцать изданій.

Въ 1856 году Франкль отправился въ дальній путь—въ Палестину. Цѣлю этой нелегкой поѣздки, продолжавшейся довольно много времени, было учрежденіе въ Иерусалимѣ школы для еврейскихъ дѣтей, родители которыхъ состоятъ въ австрійскомъ подданствѣ, на деньги, пожертвованныя одною его знакомою, г-жей Герцъ, урожденной фонъ Лемель, завѣщавшей для этого филантропическаго учрежденія порядочный капиталъ въ 50,000 гульденовъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать, лучшаго организатора школьнаго дѣла, кромѣ Франкля, негдѣ было взять. Преодолевъ съ обычною энергіею всѣ трудности, попадавшіяся на пути, Франкль успѣлъ основать эту школу, находящуюся и донынѣ подъ особымъ покровительствомъ австрійскаго консульства, въ которой множество дѣтей получаютъ хорошее школьное образованіе. Результатомъ его путешествія по Востоку были двѣ книги: «Nach Jerusalem» и «Aus Egypten». Желающіе познакомиться съ бытовой обстановкою разноплеменнаго люда, населяющаго востокъ вообще и Иерусалимъ въ частности, найдутъ весьма интересныя данныя въ этихъ бойкихъ этюдахъ наблюдательнаго туриста. Эти книги, появившіяся въ свѣтъ вскорѣ по возвращеніи автора на родину, были встрѣчены публикой весьма сочувственно; онѣ были переведены на языки французскій, итальянскій, англійскій, голландскій и еврейскій. Англійскій переводъ сдѣланъ англиканскимъ пасторомъ, мистеромъ Битономъ, издавшимъ ихъ подъ заглавіемъ: „The Jews in the East“, а еврейскій—гг. Штерномъ и Готлоберомъ. Переводомъ остальныхъ его пьесъ, посвященныхъ воспроизведенію жизни евреевъ въ пражскомъ гетто, занимались г-ръ Летерисъ, Фишеръ и другіе.

Утомительно было бы перечислять всю массу поэтическихъ твореній, посвященныхъ отчасти востоку, отчасти его любимымъ поэтамъ: Гете и Шиллеру, или великимъ композиторамъ: Бетховену, Глюку и другимъ, и написанныхъ Франклемъ, въ теченіи 15-ти лѣтняго періода, протекшаго между его возвращеніемъ изъ Иерусалима и осуществленіемъ его грандіознаго плана,—основанія „Института слѣпыхъ“ въ Вѣнѣ. Завязавшіяся отношенія съ замѣчательнѣй-

шими представителями германской науки и искусства, какъ напримеръ, съ Александромъ Гумбольдтомъ, Мейерберомъ, Гутцковымъ, Юліаномъ Шмидтомъ, Мошелесомъ, Шуманомъ, Варигагенъ-фонъ-Энзе, Шпиндлеромъ и другими корифеями умственной жизни страны, не остались безъ послѣдствій для вѣчно-юнаго поэта, неуклонно стремившагося къ проведенію въ жизнь своихъ завѣтныхъ идеаловъ. Увѣковѣченіе памяти любимыхъ поэтовъ и великихъ художниковъ; изданіе сочиненій безвременно-погибшихъ писателей, пользовавшихся общественнымъ сочувствіемъ; хлопоты объ устройствѣ быта труженниковъ, посвятившихъ свою жизнь служенію искусству,—занимали всѣ помыслы, поглощали все свободное время замѣчательно энергическаго дѣятеля, поражающаго разнообразіемъ своей общественной дѣятельности и настойчивостью въ проведеніи разъ задуманнаго предпріятія, имѣющаго общественное значеніе, носящаго гуманитарный характеръ.

Только его изумительной энергіи и настойчивости, Вѣна и нѣкоторые другіе города Цислейтаніи обязаны возникновеніемъ на площадяхъ своихъ нѣкоторыхъ монументовъ, воздвигнутыхъ въ честь незабвенныхъ героев мысли и искусства, творенія которыхъ составляютъ достояніе всего человѣчества. Все пошло въ ходъ: концерты, литературныя чтенія, общественныя пожертвованія, собиравшіяся при всякомъ удобномъ случаѣ, доходъ съ продажи собственныхъ изданій — и задуманное дѣло приняло осязательныя формы. Такимъ образомъ удалась ему вторичное изданіе сочиненій безвременно-погибшаго поэта Гильшера и постановка памятника поэту въ его родномъ городѣ, Леймерицѣ, равно какъ Кеплеру въ Вейлѣ. Такъ возникли памятники Глюку и Бетховену въ Вѣнѣ, и, наконецъ, ему обязана эта столица однимъ изъ своихъ лучшихъ украшеній — великолѣпнымъ монументомъ Шиллера, воздвигнутымъ на лучшей улицѣ, Ringstrasse, недалеко отъ грандіознаго зданія новой оперы. За трулы, понесенныя имъ, по званію предсѣдателя комитета для сооруженія памятника Шиллеру, Франкль былъ возведенъ въ дворянское достоинство (Ritterstand), въ день торжественнаго открытія этого монумента *.

* Франкль былъ пожалованъ орденъ „железной короны“. По австрійскимъ законамъ, кавалеры этого ордена, дающаго дворянское достоинство, имѣютъ право прибавлять къ своей фамиліи названіе извѣстной мѣстности. Въ память

Выбранный безмезднымъ профессоромъ эстетики въ консерваторіи и предсѣдателемъ такъ называемаго «Общества друзей музыки и консерваторіи австрійской имперіи», Франкль употребилъ все свое вліяніе, чтобы обезпечить существованіе этого разсадника нарождающихся талантовъ. Записки, поданныя имъ по этому поводу городской думѣ и императору о необходимости поддержки такого общепользнаго учрежденія, достигли своей цѣли. Городъ ассигновалъ въ пользу консерваторіи ежегодную субсидію въ 3000 гульденовъ; императоръ Францъ-Іосифъ подписался на такую же сумму. Кромѣ того, членскими взносами гарантирована ежегодная сумма въ 1000 гульденовъ, такъ что консерваторія имѣетъ теперь извѣстный фондъ, гарантирующій ее отъ разныхъ случайностей и достаточный для удовлетворенія ея насущныхъ потребностей.

Постоянно вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, зная по опыту значеніе тернистаго пути, по которому приходится шагать многимъ, если не всѣмъ начинающимъ писателямъ и художникамъ, зачастую погибающимъ отъ недостатка своевременной поддержки, Франкль задался мыслию помочь этимъ труженикамъ инымъ способомъ, болѣе существеннымъ, нежели шаткіе сборы съ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ и тому подобныхъ видовъ вспомошествованія голодающимъ талантамъ. Разрозненная общественная благотворительность не достаточна, нужно привлечь государство, прямо заинтересованное въ дѣлѣ сохраненія своихъ начинающихъ литературныхъ силъ. Заручившись согласіемъ многихъ выдающихся писателей и художниковъ, какъ нельзя болѣе сочувственно отнесшихся къ этому проекту и составившихъ комитетъ, Франкль подалъ отъ имени комитета сообща выработанную петицію въ парламентъ. Петиція была уважена парламентомъ, постановившимъ внести въ государственный бюджетъ ежегодную сумму въ 24,000 гульденовъ, предназначенныхъ для образованія стипендій въ пользу поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ и музыкантовъ.

Не мало услугъ оказалъ онъ развитію школьнаго дѣла въ Австріи. Избранный единогласно членомъ столичнаго училищнаго

основанія „Института для слѣпыхъ“, въ такъ называемой „Hohe Warte“ Франкль носитъ титулъ „Ritter von Hochwart“.

совѣка, Франкль не остался празднымъ зрителемъ чужихъ педагогическихъ мѣропріятій, а всегда принималъ дѣятельное и, по отзывамъ его товарищей, весьма полезное участіе въ этомъ дѣлѣ, къ которому онъ постоянно относится также горячо, какъ и къ близко интересующей его дѣятельности «Общества поощренія ремесленного труда», избравшаго его своимъ почетнымъ президентомъ, по примѣру многихъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, гдѣ онъ подвизается съ обычною энергію и безкорыстіемъ. Собственными средствами основалъ онъ нѣсколько училищныхъ библіотекъ, какъ на примѣръ, въ своемъ родномъ городѣ, Храстѣ, и другихъ сосѣднихъ съ его родиной чешскихъ городахъ, раздавалъ богатыя коллекціи и книги во всѣхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ Лейтомышля, гдѣ провелъ лицейскіе годы, и, наконецъ, подарилъ аѳинскому университету цѣнную библіотечку, состоящую изъ 5,000 томовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, данныя, послужившія поводомъ къ чествованію заслугъ человѣка, праздновавшаго 3 февраля 70-ти лѣтнюю годовщину дня своего рожденія. Отлагая, на время, ознакомленіе читателей съ возникновеніемъ и настоящимъ состояніемъ „Института слѣпыхъ“, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что происходило на квартирѣ юбиляра, въ этотъ памятный для него день.

II. Левенсонъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о современной еврейской литературѣ.—Установленіе исходной точки.—Песиктотъ: изданія Бобера, Падуа и Фридмана.—Библиографическій лексиконъ Бенякоба.—Сочиненія по физиологій д-ра Порреса, Мееровича и Эткина. Исторія евреевъ въ Гроднѣ Фриденштейна.—«Былые годы» Гольдмана.—«Панегирикъ глупцамъ» д-ра Робина.—Переводы Ратнера—Алуфз-Неуризмъ, Бендтсона.—Ганъ-Шаашуимъ, Розенфельда.

Не легка задача обозрѣвателя еврейской литературы въ журналѣ, издаваемомъ на русскомъ языкѣ. Для кого пишетъ онъ свои обозрѣнія и какую публику имѣетъ онъ въ виду? Русская публика мало знакома съ еврейскою литературою и, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ, не особенно ею интересуется. Мы увѣрены, что многіе, даже изъ такихъ, которые съ интересомъ прочтутъ одну—другую статью въ другихъ отдѣлахъ нашего журнала,—оставятъ неразрѣзанными листы въ отдѣлѣ литературной лѣтописи. Многія изъ произведеній еврейской прессы имѣютъ специфическій характеръ, и рефераты о нихъ должны быть дѣлаемы почти съ элементарною подробностью, чтобы они не оставались непонятными для людей, незнакомыхъ съ общею исторіею еврейской литературы. Кругъ читателей среди евреевъ, на вниманіе которыхъ обозрѣватель книгъ на древнееврейскомъ языкѣ могъ бы рассчитывать, также весьма ограниченъ. Все грамотное еврейство распадается на двѣ главныя фракціи: на евреевъ, остающихся еще восточными людьми и на евреевъ оевропейшихся. Первые, воспитанные въ старыхъ воззрѣніяхъ, большею частію еще не въ состояніи читать литературную критику на инородномъ языкѣ, а если и прочтутъ, то есть основаніе думать, что не понимаютъ пользы такого анализа и не придаютъ ему должнаго значенія. По крайней мѣрѣ намъ

не встрѣчалось видѣть, чтобы разборъ еврейскихъ книгъ въ изданіяхъ на русскомъ языкѣ вызывалъ возраженія и разъясненія со стороны заинтересованныхъ лицъ, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ въ журналахъ на еврейскомъ языкѣ, гдѣ критика обыкновенно вызываетъ антикритику и ведетъ иной разъ къ продолжительной полемикѣ. Европейскающіе же евреи, которыхъ вѣрнѣе называть евреями „въ переводѣ“, смотрятъ на все подлинное въ еврействѣ, въ томъ числѣ и на авторовъ, продолжающихъ писать на древнееврейскомъ языкѣ, какъ на какихъ-то „оригиналовъ“. Какъ же отъ такихъ лицъ ожидать, чтобы ихъ интересовали рефераты о еврейской литературѣ, когда сама эта литература, по ихъ мнѣнію, въ настоящее время не болѣе какъ анахронизмъ? Остается незначительное число евреевъ, отрезвившихся отъ старинныхъ предрассудковъ и не утерявшихъ еще своихъ идеаловъ, да и изъ нихъ извѣстная часть имѣетъ узкій взглядъ на нашъ предметъ и допускаетъ употребленіе въ наше время древнееврейскаго языка съ ограниченіями, лишь въ предѣлахъ богословія и специально-еврейской исторіи. Такимъ образомъ, въ общей сложности аудиторія еврейско-литературнаго лѣтописца суживается до самаго ограниченного объема, значительно меньше даже той ничтожной пропорціи, которую представляетъ списокъ подписчиковъ на еврейско-русскій журналъ въ отношеніи къ трехмилліонному еврейскому населенію Россіи.

„Но, скажутъ, если не для кого писать, то и писать не надо“. Съ этимъ мнѣніемъ мы опять согласиться не можемъ. Во первыхъ, журналъ, поставившій себѣ задачею писать обо всемъ, происходящемъ среди евреевъ, не можетъ не слѣдить за ихъ литературою. коль скоро она существуетъ, не сообщать о книгахъ на древнееврейскомъ языкѣ, пока таковыя появляются. Къ тому, нашъ взглядъ на современное значеніе древнееврейскаго языка и новоеврейской литературы нѣсколько шире. Антагонисты древнееврейскаго языка называютъ его умершимъ, указывая на то, что онъ не разговорный. Древнееврейскій языкъ, дѣйствительно, языкъ не живой, не разговорный, но тѣмъ не менѣе его нельзя назвать языкомъ мертвымъ, и онъ далеко еще не похороненъ. Еврейскій языкъ ведетъ такую же жизнь, какъ сами евреи. Оторванные отъ своей почвы, отъ своей территоріи, евреи продолжаютъ жить силою духовныхъ своихъ интересовъ; и еврейскій языкъ, оторванный

отъ своей почвы, отъ устъ народа, продолжаетъ жить въ своемъ духѣ, такъ чудно сохранившемся среди его народа. Языкъ, употребляемый въ литургіи и въ наукѣ, на которомъ практикуется богословская, отчасти даже семейная и дѣловая переписка, на которомъ появляются новыя оригинальныя произведенія, подчасъ даже замѣчательныя и высокоталантливыя,—такой языкъ не можетъ считаться мертвымъ и похороненнымъ. Приступить теперь же къ дѣлежу его достоянія было бы со стороны торопливыхъ наслѣдниковъ по меньшей мѣрѣ неприлично и преждевременно. Еврейскій языкъ долженъ быть разрабатываемъ людьми, чувствующими къ тому призваніе, не ради одного богословія, философій и исторіи. Мы не видимъ основанія подвергать остракизму хорошія еврейскія произведенія въ области поэзіи, беллетристики и свѣтскихъ наукъ. Не долженъ же талантъ заглухнуть оттого, что онъ можетъ проявляться въ той, а не въ другой формѣ. Въ своемъ взглядѣ на новоеврейскую литературу наши суперлибералы вполне сходятся съ нашими ортодоксами, и грустно смотрѣтъ какъ эти люди двухъ крайнихъ возрѣній подаютъ другъ другу руки чрезъ трупъ еврейскаго языка, торопя его похороненіе при явныхъ признакахъ не погасшей еще жизни, одни—боясь именно его жизненныхъ силъ, способныхъ, въ случаѣ пробужденія, занести новыя начала въ еврейство, осужденное ими на вѣчное коснѣніе, другіе—наоборотъ, опасаясь въ немъ трупнаго яда, способнаго заразить организмъ и пріостановить его поступательное развитіе. Опытъ доказалъ, что опасенія первыхъ основательнѣе, и новоеврейскую литературу нельзя не признать однимъ изъ мощныхъ рычаговъ современной культуры среди евреевъ.

Съ этой точки зрѣнія спеціальное занятіе въ журналѣ, посвященномъ еврейскимъ интересамъ, современной еврейскою литературою, вполне оправдывается, и если публики, которую эта спеціальность можетъ интересовать, и не предвидится, то ее слѣдуетъ создать, вербуя ее въ томъ и другомъ лагерѣ. Въ этомъ и состоитъ трудность задачи лѣтописца еврейской литературы. Ему придется не только заниматься анализомъ литературныхъ явленій, но и пояснять исторію и значеніе даннаго предмета и этимъ путемъ сдѣлать его доступнымъ, а можетъ быть и не безинтереснымъ для непосвященной и равнодушной публики. Исходя изъ этой точки, мы приступаемъ къ обзорнѣю нѣкоторыхъ

болѣ выдающихся произведеній еврейской прессы за истекшій годъ. На сколько намъ удастся разрѣшить эту трудную задачу, мы, конечно, предвидѣть не можемъ.

Послѣдите за объявленіями по дѣламъ печати въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и вы замѣтите, что въ числѣ книгъ, выходящихъ ежемѣсячно въ предѣлахъ Россіи, бываетъ каждый разъ извѣстное число книгъ еврейскихъ. Если встрѣтите мѣсяцъ, въ которомъ о выходѣ еврейскихъ книгъ не говорится, то это будетъ мѣсяцъ сентябрь, въ которомъ, по причинѣ праздникова, еврейскія типографіи бездѣйствуютъ. Прибавьте къ этому еще ввозныя изъ за границы еврейскія книги, о которыхъ въ правительственныхъ сообщеніяхъ отдѣльно не упоминается,—и въ общей сложности составитя изрядная цифра книгъ, печатаемыхъ на древнееврейскомъ языкѣ. Книги эти бываютъ, правда, большею частію, литургическаго содержанія,—т. е. такія, которыя, какъ по характеру своему, такъ и по стереотипности своей формы, не могутъ служить предметомъ журнальной критики. Сверхъ того появляются постоянно новыя изданія книгъ богословскаго содержанія, которыя опять таки могутъ имѣть для насъ интересъ лишь на столько, на сколько онѣ въ новомъ изданіи содержатъ что нибудь новое, усовершенствованное. Эти усовершенствованныя изданія богословскихъ книгъ имѣютъ интересъ для евреевъ-старовѣровъ, которые ищутъ въ нихъ новыхъ точекъ опоры для казуистическихъ тонкостей, равно какъ и для евреевъ образованныхъ, которые вообще смотрятъ на этого рода книги какъ на древніе источники для исторіи и науки еврейской. Но, кромѣ того, появляется каждый разъ большее или меньшее число произведеній такъ называемой ново-еврейской литературы, которыя, имѣя содержаніемъ предметы общіе, представляютъ большій интересъ для публики и являются главнымъ сюжетомъ для журнальной критики.

Замѣтимъ теперъ-же, что въ произведеніяхъ еврейской прессы за послѣднее время, какъ у авторовъ такъ и у издателей, стало замѣтнымъ направленіе болѣе реальное, утилитарное. Авторы новыхъ книгъ оставляютъ область безпредметныхъ грезъ, въ которой большею частію они любили парить до сихъ поръ, и начинаютъ весьма благоразумно избирать для своихъ сочиненій сюжеты болѣе практичныя и общепользныя, прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ старанія поглубже вникнуть въ свой предметъ и покороче съ нимъ

ознакомиться. Тоже самое видно и со стороны издателей древнихъ классическихъ книгъ. До сихъ поръ напр. перепечатаніе какойнибудь распроданной богословской книги дѣлалось обыкновенно по неизмѣнному шаблону прежнихъ изданій, много—много съ сомнительнаго достоинства глосаріемъ 'какойнибудь доморощенной талмудической компетентности; нынѣ же, плата дань потребностямъ времени, при новыхъ изданіяхъ обращаются къ истиннымъ знатокамъ дѣла, справляются съ хранящимися въ бібліотекахъ рукописями для возстановленія возможно правильныхъ текстовъ и для рациональнаго ихъ истолкованія.

Богословская литература все еще стоитъ у насъ на первомъ планѣ; съ нея и начнемъ настоящую нашу лѣтопись.

Богословская литература въ истекшемъ году обогатилась нѣсколькими хорошими приращеніями, которыя случайно сошлись на одномъ и томъ же предметѣ. Мы говоримъ о состоявшихся въ прошломъ году изданіяхъ Песиктотъ.

Песикта, собственно: отдѣлъ, или глава, есть нѣчто въ родѣ экзегетическо-гомилетическаго толкованія различныхъ главъ изъ св. Писанія. Извѣстно, что пятикнижіе Моисеево раздѣляется у евреевъ на 54 отдѣла, (паршіотъ или сидротъ), по числу недѣль въ году. Каждую субботу при утреннемъ богослуженіи читается послѣдовательно одинъ изъ этихъ отдѣловъ изъ Пятикнижія и въключеніе соотвѣтствующая ему по содержанію или по значенію даннаго дня глава изъ пророковъ, что называлось афтарта (нынѣ: афтора). Проповѣдники въ древнія времена, поучая народъ въ синагогахъ по субботамъ или праздникамъ, придерживались въ своихъ поученіяхъ текста данной сидры или данной афторы, комментируя ее и выводя изъ нея этическихъ сентенцій, причемъ приправляли свою рѣчь разными легендарными, подчасъ даже историческими анекдотами (агадотъ) по понятіямъ и въ духѣ своей аудиторіи и своего времени. Проповѣди эти были легкія народныя бесѣды и изъ нихъ исключались серьезныя и тяжеловѣсныя юридическія изслѣдованія (галахотъ), которыми тѣже учителя занимались въ болѣе тѣсныхъ кругахъ своихъ специальныхъ слушателей. Сборники такихъ народныхъ бесѣдъ, составленныхъ по отдѣламъ пятикнижія, называются Песиктотъ и принадлежать къ разряду гомилетико-экзегетическихъ книгъ (Мидрашимъ). Существуетъ три различныя Песикты: А) Песикта

деравъ Кагана, самая древняя, приписывается одному изъ составителей талмуда р. Кагана, главъ талмудической академіи въ Пум-Бадитъ (род. ок. 330, ум. 413 по Р. Х.). Она состоитъ изъ 32 отдѣловъ.—Позднѣйшая переработка этой Псиеты составляетъ: Б) Псиету раббаты (т. е. большая Псиета), неизвѣстнаго редактора, составленную по системѣ предыдущей, но значительно дополненную. Она состоитъ изъ 47 главъ и содержитъ лекціи на разные торжественные дни еврейскаго календаря, какъ-то на дни новолунія, праздниа Маккавеевъ и др. Кромѣ извлеченій изъ разныхъ Мидрашимъ, въ нее вошли всѣ лекціи р. Кагана, отчего ее верѣдко смѣшивали съ самою Псиетою де-р. Кагана. Настоящую редакцію Псиеты раббаты относятъ къ 846 г. по Р. Х.—и В) Псиета зутръта (малая Псиета) или Лекахъ-товъ (Ученіе добра), гомилиическій комментарий ко всѣмъ пяти книгамъ Моисея и къ 5 свиткамъ, составляетъ конгломератъ извлеченій изъ разныхъ древнѣйшихъ сборниковъ. Авторъ этой книги—р. Тобія, сынъ р. Эліезера Великаго, жившій въ концѣ XI и началѣ XII в., во время перваго крестоваго похода.

Изъ этихъ трехъ Псиетотъ были до сихъ поръ изданы въ свѣтъ и находились въ употребленіи у народа только Псиета раббата (Б) * и изъ Псиете-зутръта (В) три послѣднія части къ тремъ послѣднимъ книгамъ Моисея (Венеція 1546). Подлинная же Псиета де-р. Кагана, цитируемая древними учеными, начиная отъ Саадіи Гаона (892 · 942 по Р. Х.), до 1868, и первыя двѣ части Псиеты зутръта къ первымъ двумъ книгамъ Моисея до истекшаго 1880 г., оставались неизданными.

Въ 1868 г., при помощи существовавшаго тогда общества для изданія древнихъ еврейскихъ рукописей подъ названіемъ *Мекше Нурдамитъ* т. е. пробуждающіе дремлющихъ, издана въ Лыкѣ (въ вост. Пруссіи) г. Соломономъ Боберомъ изъ Лемберга Псиета де-р. Кагана (А изъ рукописи писанной въ Каирѣ въ 1565 г. и хранившейся въ Сафатѣ (въ Палестинѣ), по сличеніи таковой съ тремя другими рукописями изъ Феца (въ Мароккѣ) отъ 1287, Оксфорда отъ 1291 г. и Пармы (безъ обозначенія года).

Тотъ же ученый г. Боберъ издалъ въ истекшемъ 1880 году въ Вильнѣ въ типографіи Роммовъ неизданную доселѣ Псиету

* Издана 4 раза: Прага 1655, Шкловъ 1806, Бреславль 1831 и Лембергъ 1853 г.

Зутръту (В) въ первыхъ двухъ книгамъ Моисеевымъ по тремъ рукописямъ, одной изъ Иерусалима, другой изъ Флоренціи и третьей изъ Императорской Публичной Библиотеки въ Спб. Г. Боберъ успѣлъ уже стяжать себѣ почтенное имя въ еврейской литературѣ. По промыслу крупный негодіантъ въ галиційскомъ городѣ Львовѣ, онъ занимается литературою ех амоге и не жалѣетъ ни денегъ, ни времени, ни усилий для добыванія дорогихъ и труднодоступныхъ рукописей. Обладая обширною талмудическою эрудиціею, здравымъ критическимъ смысломъ и солиднымъ знаніемъ древнихъ языковъ, онъ издаетъ эти рукописи въ возможно совершенной отдѣлкѣ съ надлежащимъ объясненіемъ и освѣщеніемъ. Находящееся передъ нами изданіе Пси́кты зутръты снабжено издателемъ обширнымъ введениемъ, въ которомъ онъ даетъ мельчайшія варіанты рукописей, по которымъ онъ съ глубокимъ знаніемъ установилъ точный и правильный текстъ, излагаетъ интересныя біографическія свѣдѣнія о книгѣ и констатируетъ до очевидности всѣ біографическія данныя объ авторѣ. Онъ такимъ образомъ приходитъ къ заключенію, что авторъ, р. Тобія бенъ-Эліезеръ, хотя и былъ очевидцемъ событій въ Майнцѣ во время перваго крестоваго похода, самъ однакожъ не жилъ въ этомъ городѣ, какъ утверждали до сихъ поръ корифеи еврейской науки Цунцъ, Гретцъ, Фюрстъ, Штейншнейдеръ, а жилъ въ Касторіи, въ Булгаріи. Какъ первая Пси́кта де-р. Кагана, изданная въ 1868 г., такъ и настоящая Пси́кта зутръта, снабжена г. Боберомъ подробнымъ комментариемъ, главное достоинство котораго состоитъ въ томъ, что онъ правильно истолковываетъ греческія, латинскія, арабскія и персидскія слова, которыми, какъ извѣстно, изобилуютъ книги древнихъ раввиновъ и которыя составляютъ камень преткновенія для обыкновенныхъ читателей. Знаніе этимъ литераторомъ-негодіантомъ идиомовъ, употребляемыхъ древними раввинами, до того основательно, что издатель и дополнителъ раввинскаго лексикона Аруха, д-ръ Kohut, не рѣдко обращается къ нему за совѣтами и указаніями.

Вмѣстѣ съ первыми 2-мя частями Пси́кты (къ Бытію и Исходу), являющимися въ первый разъ, вышли изъ той-же типографіи Роммовъ новымъ изданіемъ и остальныя три части (къ Левиту, Числамъ и Второзаконію) *. Изданіе это снабжено новымъ коммен-

* Пси́кта зутръта къ свиткамъ продолжаетъ оставаться въ рукописи, на

таріемъ А. М. Падуа, сына раввина Я. М. Падуа изъ Бреста-Литовскаго. Комментарій этотъ не имѣетъ, конечно, тѣхъ достоинствъ, что комментарий г. Бобера, такъ какъ г. Падуа, личность вполне достойная въ кругу ученыхъ раввиновъ, не обладаетъ ни вспомогательными познаніями, ни критическою проникательностію г. Бобера, которому онъ отдаетъ должную справедливость въ своемъ предисловіи. Зато г. Падуа дѣлаетъ одно весьма дѣльное замѣчаніе о свойствѣ Психты зутрѣты, ускользнувшее отъ вниманія г. Бобера. По словамъ г. Падуа, р. Тобія бенъ-Эліезеръ является въ своей книгѣ кодификаторомъ древнихъ мидрашимъ, по примѣру того, какъ р. Алфасъ былъ кодификаторомъ галахической части талмуда. Вообще, замѣчаетъ весьма рационально г. Падуа, прежніе раввинскіе корифеи стояли на практической почвѣ и старались сокращать и уменьшать объемъ талмудическихъ компендіи, сбрасывая лишній балластъ и оставляя одно насущно полезное, чѣмъ облегчили для большой публики пользованіе этими источниками; между тѣмъ какъ раввины послѣдующихъ столѣтій всячески старались расширить и увеличить до безконечности матеріалъ раввинской письменности. Съ другой стороны г. Падуа полагаетъ найти въ комментируемой имъ книгѣ доказательства древности пресловутой каббалистической книги «Zohar,» которую новѣйшіе критики относятъ къ эпохѣ не ранѣе XIV ст., между тѣмъ какъ въ книгѣ р. Тобія, жившаго въ XI ст. находится нѣкоторыя положенія, находящія свое объясненіе только въ названной каббалистической книгѣ.

Одновременно съ этими изданіями виленской типографіи Ромовъ выпущена въ Вѣнѣ новымъ (пятымъ) исправленнымъ изданіемъ и *Психта рабата* (Б) М. Фридманомъ, лекторомъ талмудической школы въ Вѣнѣ. Г. Фридманъ снабдилъ свое изданіе новымъ критическимъ комментариемъ, не уступающимъ комментарий г. Бобера. Г. Фридманъ также позаботился о возстановленіи правильнаго текста, отчасти посредствомъ сличенія параллельныхъ мѣстъ въ другихъ аналогическихъ сборникахъ, отчасти по собственнымъ удачнымъ комбинаціямъ. Въ объясненіи чужеземныхъ словъ издателю сотрудничалъ извѣстный вѣнскій проповѣдникъ д-ръ Гидеманъ. Въ своемъ словарѣ, приложенномъ въ

ходящейся въ Гармъ и Оксфордъ. Выдержки изъ нея были даны въ разное время. Г. Боберъ обѣщаетъ современемъ издать и ее.

воцѣ книги, д-ръ Гидеманъ не только воспользовался всѣми новѣйшими изслѣдованіями по своему предмету, но и самъ удачно объясняетъ многія, неразъясненныя до сихъ поръ, слова.

Такимъ образомъ эти работы, дополняя одна другую, сразу дали этой статьѣ талмудической письменности характеръ чего-то цѣльнаго, округленнаго.

Этотъ же г. Фридманъ, почтенная раввинская извѣстность, вмѣстѣ съ другимъ талмудическимъ ученымъ критикомъ И. Г. Вейсомъ, издають съ прошлаго года періодическій журналъ для еврейской богословской науки и исторіи подъ названіемъ „Ветъ-Талмудъ“, о которомъ будемъ говорить въ другой разъ.

Общій интересъ возбудилъ вышедшій въ прошломъ году

О царь-Гасефаримъ. Библиографическій лексиконъ всеобщей еврейской письменности со включеніемъ рукописей, посмертное изданіе И. А. Бенякоба. (Вильна, 1880 г.) Изданъ сыномъ автора.

Полезьа отъ библиографическихъ лексиконовъ всегда сознавалась еврейскими учеными. Первый, составившій такой лексиконъ, былъ Саббагай Басъ или Басиста *. Его лексиконъ *Сифте-Тешемимъ*, составленный на основаніи каталоговъ, вышелъ въ первый разъ въ 1680 г. въ Амстердамъ; онъ обнимаетъ до 2200 названій. Вторымъ библиографомъ на еврейскомъ языкѣ былъ Азулаи **, авторъ книги *Шемъ Гадомиъ*, изданной впервые въ Ливорно въ 1774 г., затѣмъ нѣсколько разъ не совсѣмъ исправно и наконецъ въ исправленномъ видѣ нашимъ же авторомъ (Вильна, 1853 г.). На иностранныхъ языкахъ, кромѣ многочисленныхъ специальныхъ каталоговъ разныхъ библиотекъ, имѣется на нѣмецкомъ языкѣ извѣстный лексиконъ Фюрста *Bibliotheca Judaica* (Leipzig 1849 — 1863) и выходитъ специальное ежемѣсячное изданіе для еврейской библиографіи подъ заглавіемъ «*Ha-Maskir*» редактируемый извѣстнымъ библиографомъ Штейншпейдеромъ. На еврейскомъ же языкѣ до такой степени полного, такъ тщательно обработаннаго и си-

* Родился въ Калишѣ въ 1641 г., служилъ басомъ (оттого его прозвище) въ хорѣ пѣвчихъ при такъ называемой старо-новой синагогѣ въ Прагѣ, жилъ впоследствии въ Дюрнфортѣ, гдѣ основалъ въ 1689 г. типографію и умеръ въ 1718 г. въ Кротошинѣ.

** Хань-Иосифъ-Давидъ Азулаи род. въ Иерусалимѣ въ 1719 г., умеръ въ Ливорно въ 1807 г. 84 лѣтъ отъ роду.

стематически составленнаго лексикона еще не было, и только такая компетентная въ дѣлѣ еврейской библіографіи личность, какъ покойный Бенакобъ, могла его составить. Самъ еврейскій литераторъ съ обширною начитанностію, и издатель разныхъ сочиненій, Бенакобъ былъ торговцемъ еврейскими заграничными изданіями, провелъ много лѣтъ въ Лейпцигѣ, этомъ всемірномъ книжномъ рынкѣ, посѣщалъ разныя книгохранилища, былъ лично знакомъ и состоялъ въ постоянной связи съ вышеупомянутымъ Ю. Фюрстомъ, которому онъ былъ полезенъ при составленіи его *Bibliotheca Judaica*, какъ упоминаетъ самъ Фюрстъ въ предисловіи къ I т. с. VIII, а также съ Цунцомъ и Штейншнейдеромъ. Разсматриваемый нами сборникъ есть плодъ двадцатилѣтняго усидчиваго труда свѣдущаго автора, который даетъ не простой перечень однихъ названій, а дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ краткія, но мѣткія замѣчанія о содержаніи книгъ и о достоинствахъ того или другаго изданія, что весьма полезно для человѣка, пользующагося лексикономъ. Это доказываетъ, что авторъ не списывалъ механически заглавные листы, а былъ знакомъ съ содержаніемъ находившагося въ его рукахъ матеріала и, если принять во вниманіе, что библіографическій лексиконъ Бенакоба обнимаетъ до 17,000 разныхъ наименованій, то этотъ гигантскій и кропотливый трудъ не можетъ не вызвать нашего удивленія.

О своевременности появленія и общепользности разсматриваемаго лексикона для литераторовъ-евреевъ всѣхъ оттѣнковъ, свидѣтельствуя припечатанные въ началѣ книги одобрительные отзывы ученыхъ самыхъ противоположныхъ направленій. Съ удовольствіемъ видишь, какъ отъявленный антираввинистъ Игошуа-Гешель-Шорръ сходится во взглядѣ съ виленскимъ раввиномъ ребъ-Иоселемъ, какъ другой раввинъ р. Шлеймеле въ предлинномъ отзывѣ, въ которомъ онъ не совсѣмъ умѣстно выставляетъ на показъ свою богатую ученость, тщится доказать то самое, что престарѣлый Цунцъ высказываетъ въ двухъ строкахъ, обращенныхъ къ издателю книги: «Прилежный трудъ вашего покойнаго отца—говорить Цунцъ—заслуживаетъ всякой похвалы и станетъ необходимою для каждаго, зазнающагося еврейскою литературою». Это единодушіе въ отзывахъ людей такихъ противоположныхъ воззрѣній свидѣлствуетъ, замѣтимъ кстати, объ отрадномъ фактѣ, что существуетъ крѣпкій жизненный нервъ, связывающій разрознен-

ные члены еврейскаго народнаго организма; этотъ нервъ есть—еврейская наука.

Молодой Бенаковъ добросовѣстно исполнилъ святой долгъ относительно покойнаго отца своего и сослужилъ службу своему народу. Библиографическій лексиконъ, обнаруживающій повсюду тщательное усердіе издателя, стоитъ въ 3 томахъ всего 4 руб., въ то время какъ *Bibliotheca Judaica* Фюрста стояла при лучшемъ курсѣ нашей валюты 18 руб. Такимъ образомъ книга и по цѣнѣ общедоступна и должна неминуемо стать настольною справочною книгою всякаго еврея, интересующагося своею народною литературою.

Отъ окончательнаго приговора надъ достоинствами и недостатками изданія, (безъ которыхъ такой гигантскій трудъ немислимъ), слѣдуетъ воздержаться въ виду того, что издатель обѣщаетъ въ скоромъ времени выпустить четвертую часть съ дополненіями и поправками. Но именно, въ виду предстоящаго появленія этого тома съ дополненіями, считаемъ умѣстнымъ указать на нѣкоторые пропуски, замѣченные нами при поверхностномъ разсмотрѣніи книги. Прежде всего бросается въ глаза, что авторъ обратилъ недостаточное вниманіе на біографическую сторону писателей. Эта часть важнѣе для историка и на нее обратили главное вниманіе всѣ библиографы. Но это уже органическій недостатокъ, который не исправится вполне обѣщаемымъ отъ издателя алфавитнымъ спискомъ авторовъ; нѣкоторыя другія неточности могутъ быть исправлены при новомъ изданіи. Такъ во II т. на стр. 350 подъ № 1714 при книгѣ *Майль-Гажохма* изд. Kozzec 1784, сказано, что въ прибавленіи находится *сеферъ Кохъ Гашамъ*; но это не вѣрно. Мы имѣемъ экземпляръ этого изданія и тамъ такого прибавленія нѣтъ, а есть другое прибавленіе *Кшиуръ омаъ 10-тикунъ*, состоящее всего изъ одного листа, о которомъ въ лексиконѣ не упоминается. Точно также не оправдывается, что вся книга составляетъ извлеченіе изъ сборника *Таалумотъ-хома, дем-Медно*. Всѣ части книги приписываются р. Исааку Люрію и его ученику р. Израилю Серуку. Впрочемъ самъ авторъ лексикона въ данномъ мѣстѣ отмѣтилъ: «все это требуетъ справки». Онъ повидимому не имѣлъ книги предъ собою.

Во II т. на стр. 379 № 2437 и въ III т. на стр. 540 № 10 пропущены изданія въ Кенигсбергѣ 1860 и 1861 г. — Въ III т. на стр. 489 № 972 пропущено изд. въ Львовѣ 1853 г.—Тамъ же

на стр. 609 подъ № 1238 №7 есть опечатка и должно быть №7; это разница на цѣлыхъ тысячу лѣтъ. Тамъ же, на стр. 617 № 89 показанъ годъ изданія книги №7 1731 и прибавлено въ скобкахъ 737 №7 т. е. по другимъ 1735. Прибавка не вѣрна и ее слѣдуетъ вычеркнуть. Предъ нами лежитъ это изданіе и тамъ выставленъ мнемоническій стихъ הַרְרָה הַרְרָה הַרְרָה הַרְרָה, приче́мъ прямо обозначено знакомъ слово №7; къ тому, книга окончена печатаніемъ 15 Адара I, а 1735 годъ не былъ високоснымъ. Тамъ же на стр. 655 пропущена русская грамматика Б. Рындзюнскаго, напечатанная также подъ заглавіемъ *Талмудъ-леионъ-руссія*, въ Вильнѣ, кажется въ 1836 году.—Что тамъ же между № 622 и 623 пропущена книга *Тестимъ* М. Плунгянскаго. о силлогизмахъ въ талмудѣ, напечатанная въ Вильнѣ еще въ пятидесятыхъ годахъ, это мы оставляемъ на отвѣтственность корректора типографіи Ромовъ въ Вильнѣ.

Среди новыхъ еврейскихъ писателей, судя по дошедшимъ до насъ нѣкоторымъ книгамъ и брошюрамъ, появившимся въ прошломъ году, замѣтно тоже реальное движеніе, стремящееся къ усовершенствованію и практичности. Молодые силы, выступающія на литературную арену, оставляютъ излюбленную область фантастическихъ грѣзъ, перестаютъ заниматься переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, а избираютъ себѣ предметы изъ области прикладныхъ знаній, математики, исторіи и естественныхъ наукъ. Мы видимъ въ этомъ признакъ пробужденія стараго генія еврейскихъ ученыхъ прежнихъ вѣковъ, когда сплошь да рядомъ встрѣчались раввинъ-медикъ, раввинъ-математикъ, раввинъ-естествоиспытатель. Конечно, въ наше время немислимо то, что возможно было тогда, когда при низкомъ уровнѣ науки, для пріобрѣтенія себѣ имени спеціалиста въ какой нибудь отрасли свѣтскаго знанія, достаточно было тѣхъ крохъ времени и умственной силы, которыя оставались отъ занятія всепоглощающей богословской наукой. По тѣмъ размѣрамъ, которыхъ достигли науки въ наше время, немислимо нынѣ соединить спеціальность хорошаго медика или основательнаго философа со спеціальностью настоящаго раввина, исключая развѣ новый типъ раввиновъ, извѣстный у насъ подъ именемъ „казеннаго“. Но намъ этого не надо. Насъ радуетъ то явленіе, что на еврейскомъ языкѣ, отчасти у авторовъ пишущихъ исключительно по еврейски, стали появляться статьи и сочиненія,

могущія дать здоровую пищу пытливому уму тѣхъ евреевъ, которымъ суждено не слишкомъ далеко уйти за рубежъ завѣтныхъ ихъ круговъ. Пусть онъ себѣ будетъ раввиномъ, маггидомъ, меламдомъ, чѣмъ угодно, воль скоро ему доступны хранилища тѣхъ прикладныхъ знаній, которыя, какъ опытъ доказалъ, такъ прекрасно уживаются съ еврейскою богословскою наукою, онъ уже застрахованъ отъ узкосердечной односторонности и грубаго фанатизма.

Предъ нами лежитъ:

„Торатъ-чоаимъ“ (*Ученіе о жизни.*) *Систематическій учебникъ физиологіи, по изслѣдованіямъ новѣйшей науки, д-ра А. Порьеса. Вѣна, 1880.*

Авторъ, самъ медикъ, естественно знаетъ хорошо физиологію, первую основу медицины, но замѣчательны систематичность его изложенія и тотъ плавный, легкій слогъ, на которомъ онъ умѣетъ излагать свой предметъ. Правда и то, что физиологія—одинъ изъ тѣхъ современныхъ научныхъ предметовъ, для которыхъ въ талмудѣ и другихъ еврейскихъ источникахъ имѣется наибольшее число готовыхъ терминовъ и техническихъ выраженій; но самое знакомство съ этими источниками пріятное явленіе въ молодомъ человѣкѣ, кончившемъ курсъ наукъ въ Вѣнѣ со степенью доктора медицины и державшемъ послѣ экзаменъ въ Петербургѣ.

Совѣтуемъ г. Порьесу продолжать на досугѣ свой прекрасный трудъ и составить такимъ же популярнымъ образомъ учебникъ сравнительной анатоміи животныхъ, которая имѣетъ такое важное и прямое значеніе для раввинской практики.

Мекоръ-чоаимъ, т. е. родникъ жизни, М. Мееровича. Варшава. 1880. Естественная исторія съ изложеніемъ анатоміи животныхъ по системѣ Дарвина (!). „*Ученіе о жизни и ея явленіяхъ*“ А. М. Эткина, (Спб. 1880), двѣ статьи о физиологіи человѣческаго организма и человѣческой души.

Оба автора, хотя и хорошо знакомы съ предметомъ, но не специалисты, трактуютъ о предметѣ довольно поверхностно, и техническій слогъ ихъ недостаточно выработанъ; но, принадлежа оба къ той именно средѣ, во имя которой мы и требуемъ распространенія побольше этихъ знаній, они своими довольно удачными попытками лучше всего доказываютъ какъ плодотворно дѣйствуетъ на эту среду ознакомленіе съ подобными предметами. Желая г. Мееровичу успѣха при дальнѣйшемъ слѣдованіи по избранному пути,

мы отъ души горюемъ объ авторѣ второй брошюры, который погасъ въ цвѣтѣ лѣтъ, и обращаемъ вниманіе любителей еврейской литературы, что послѣ безвременной его смерти остались необезпеченными жена и старуха мать, которымъ авторъ при жизни служилъ единственною опорой, а послѣ смерти только и оставилъ названный первый плодъ его прекрасныхъ познаній.

Ирѣ-ибборимъ, Исторія евреевъ въ Гроднѣ С. Л. Фриденштейна. (Вильна, 1880).

Ни одна страна въ свѣтѣ не бѣдна матеріаломъ для исторіи евреевъ такъ, какъ именно та, которая богаче всѣхъ евреями. Русскіе евреи обижаются на еврейскихъ исторіографовъ-нѣмцевъ, которые ихъ совершенно игнорируютъ. Гретцъ, напр., въ своемъ одиннадцати-томномъ историческомъ сочиненіи не проронилъ ни одного словечка о трехмилліонномъ русскомъ еврействѣ, которое такъ вичится своею богословскою ученостію. Они видятъ въ этомъ юнкерскую заносчивость нѣмецкаго ученаго, смотрящаго свысока на обездоленную свою меньшую братію. Это само по себѣ вѣрно, но есть и смягчающія вину обстоятельства. Самые русскіе евреи ничего еще не сдѣлали для подготовки матеріала для своей исторіи. Раввинская ученость, которою славянскіе евреи въ значительной мѣрѣ отличаются предъ своими германскими и романскими единовѣрцами, не составляетъ культурнаго элемента. Въ сочиненіяхъ раввиновъ еврейскихъ обществъ въ Россіи, едва ли найдется достаточно данныхъ для изображенія исторіи хоть бы внутренней жизни этихъ обществъ. Что же до изложенія исторіи ихъ социальна-политической жизни, то для этого необходимо основательное знакомство съ разными статутами и законами Польши и Россіи, да съ документами, хранящимися въ разныхъ городскихъ архивахъ, а это нѣмецкому писателю уже потому недоступно, что онъ и не знаетъ языковъ, на которыхъ эти документы писаны. Составителю исторіи евреевъ въ Россіи предстоитъ такая же сугубая работа, какою пришлось когда-то выполнить самымъ евреямъ въ Египтѣ: собирать соломенки для выдѣлки кирпичей. Поэтому мы должны быть рады всякому куску годнаго матеріала, доставляемаго для будущей работы. Къ категоріи этого матеріала, весьма годнаго и доброкачественнаго, принадлежитъ и трудъ г. Фриденштейна. Авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ исторіи самаго города Гродны, начиная съ XII в., почерпнутыя имъ изъ Па-

итной книги Гродн. губ. за 1866 г. и изъ Описанія Гродн. губ. Бобровскаго, говоритъ о судьбахъ евреевъ въ этомъ городѣ, съ перваго ихъ тамъ появленія, — время, которое онъ впрочемъ опредѣлить не можетъ. Съ конца XIV в., со времени князя Витовта, свѣдѣнія его о евреяхъ въ Гроднѣ становятся болѣе обильны и опредѣленны, хотя они не менѣе общи и отрывочны. Все это требуетъ еще дальнѣйшей разработки и присканія новыхъ источниковъ. Почему авторъ не пользовался имѣющеюся, вѣроятно и въ Гроднѣ, какъ обыкновенно во всѣхъ порядочныхъ еврейскихъ обществахъ, памятною книгою, такъ называемою Пинкасъ, въ которой обыкновенно отмѣчаются всѣ крупныя событія въ данномъ обществѣ, намъ неизвѣстно. Или въ Гроднѣ нѣтъ такого пинкаса, или онъ былъ ему недоступенъ. За то авторъ собралъ данныя изъ книгъ раввиновъ, фигурировавшихъ когда-то въ Гроднѣ; особенно цѣненъ для будущаго историка матеріалъ, состоящій въ собраніи надписей надгробныхъ камней на Гродненскомъ еврейскомъ кладбищѣ. Надгробныя надписи всегда и вездѣ являлись у евреевъ самыми надежными толкователями ихъ судьбъ прошлыхъ временъ. Письменные памятники могли затеряться на пути ихъ вѣчнаго кочеванія. Они и вовсе могли не быть составляемыми, такъ какъ нашимъ предкамъ не всегда было до исторіи. Но на могильныхъ камняхъ они, изъ чувства уваженія къ усопшимъ, всегда кое что начерчивали, а кладбище являлось наилучшимъ хранилищемъ этихъ лѣтописей. Разъ еврей очутился подъ землею, его оставляли въ покоѣ. Къ разоренію кладбищъ канибалы не такъ часто прибѣгали, какъ къ избіенію или изгнанію цѣлыхъ живыхъ общинъ. Эти нѣмые свидѣтели минувшихъ временъ краснорѣчиво говорятъ намъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя приходилось и гродненскимъ евреямъ переносить въ очень недавнее время, въ особенности въ послѣдніе дни Рѣчи Посполитой, когда шляхетская неурядица шла объ руку съ фанатизмомъ іезуитовъ. Вотъ напр. камень, говорящій намъ слѣдующее:

„Здѣсь покоится рабъ божій Элеазаръ, святой мученикъ, сынъ Соломона Вербловскаго, убіенный и пролившій публично кровь свою за святость имени Бога въ пятницу 8-го сивона 550, (1790)“. (Стр. 61, § 39). И вотъ что авторъ намъ сообщаетъ въ поясненіе этой трагической надписи:

«Христіанская дѣвочка пошла за пескомъ къ одной изъ песча-

ныхъ горъ, находящихся за городомъ, и была засыпана обвалившеюся глыбой. Платокъ погибшей остался на поверхности земли, и прошедшій мимо еврей Лазарь, сынъ Соломона изъ Вержболова, поднялъ его. Этимъ навлекъ онъ на себя подозрѣнiе, его арестовали, обвинивъ въ убiенiи дѣвочки для употребленiя ея крови съ религіозною цѣлю. Роковой платокъ уличалъ его. Послѣ двухлѣтняго томленiя въ темницѣ, несчастный, по настоянiю иезуитовъ, былъ осужденъ на смерть чрезъ четвертованiе. Король Понятовскій отказался утвердить приговоръ, небудучи убѣжденъ въ виновности осужденнаго, но сенатъ доложилъ ему, что приговоръ будетъ исполненъ и безъ его подписи; тогда Понятовскій нарочно выѣхалъ днемъ раньше изъ города. 7-го сивона 1790 года, на 2-й день праздника пятидесятницы (Шовуотъ) приговоръ былъ приведенъ въ исполненiе среди бѣлаго дня, въ присутствiи многотысячной толпы изъ христіанъ. Части тѣла четвертованнаго развѣшали въ четырехъ концахъ города и лишь на слѣдующій день трупъ былъ выданъ евреямъ, которые похоронили его съ «большимъ плачемъ и рыданiями». По словамъ автора, дѣло это вызвало страшное преслѣдованiе противъ всѣхъ гродненскихъ евреевъ, которое, вслѣдствiе подстрекательства и козней иезуитовъ, продолжалось и по присоединенiи края къ Россiи и повело къ извѣстному указу императора Александра I отъ 6-го марта 1817 г., данному на имя гродненскаго губернатора князя Голицына.

Назидателенъ и другой разсказъ автора о крупномъ долгѣ, тяготѣющемъ понынѣ надъ гродненскимъ еврейскимъ обществомъ. Въ тяжелыя для нихъ времена царствованiя Сигизмунда III, Владислава IV и Юанна Казимира, на гродненскихъ евреяхъ накопились нѣкоторыя недоимки казнѣ. По вступленiи на престолъ Августа IV Понятовскаго была назначена коммисiя для приведенiя въ извѣстность точной цифры этого долга и для присканiя источниковъ къ постепенному его погашенiю. Рѣшенiемъ коммиссiи, отъ 12 февраля 1766 г., констатированъ объемъ долга въ 450,715 польскихъ злотыхъ или 67,000 руб. для покрытiя котораго установленъ особый налогъ на съѣстные припасы, каковой сборъ долженъ былъ поступать къ особому казначею отъ короны. Въ 1763 г. Тизенгаузенъ былъ назначенъ министромъ финансовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казначеемъ сбора отъ евреевъ. Въ теченiе 14 лѣтъ

отъ 1768 по 1782 г., Гродненскіе евреи внесли на погашеніе своего долга съ процентами 92,000 руб. Но Тизенгаузенъ эти деньги промоталъ; и такъ какъ надъ его имуществомъ былъ назначенъ конкурсъ, то и еврейское общество было признано кредиторомъ. Эксдевизорскій судъ, рѣшеніемъ отъ 21 сентября 1789 г., призналъ претензію евр. общества на сумму только 34,258 р. Но и эта сумма не была взыскана и гродненскіе евреи остались обремененными причитавшимся за ними долгомъ казнѣ.

Г. Фриденштейнъ послѣдовалъ въ своемъ сочиненіи примѣру г. С. I. Фина, издавшаго въ 1860 г. образцовое свое сочиненіе „Кириа Неэмана“, содержащее исторію евреевъ въ Вильнѣ.

Было бы весьма желательно, чтобы подобныя сочиненія появились и о другихъ крупныхъ еврейскихъ обществахъ въ нашемъ отечествѣ и чтобы были преданы гласности древніе пинкасы, въ которыхъ содержится много интереснаго для исторіи евреевъ.

На полѣ ивѣнцкой литературы жатва за послѣднее время была скудная. Стиховъ, положимъ, у насъ не пишеть только лѣнвинецъ: но встрѣтитъ по части поэзіи и беллетристики что нибудь дѣльное, вниманія достойное—большая рѣдкость. Видно на истинно творческія и художественныя дарованія природа не такъ расточительна, и легче сдѣлаться ученымъ талмудистомъ, археологомъ, лингвистомъ, физиологомъ, чѣмъ угодно, нежели хорошимъ поэтомъ и рассказчикомъ. О стихотвореніяхъ и рассказахъ, появившихся въ журналахъ, будемъ говорить особо: самостоятельныхъ же сочиненій по беллетристичѣ дошло до насъ весьма не много. Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ любитель евр. поэзіи остановится на сочиненіи г. Исаака Гольдмана:

«*Вильне юды*» (*Шонимъ-Кадмонотъ*) историческая поэма изъ времени испанской инквизиціи (Вильна, 1879 г.). Г. Гольдманъ прекрасно владѣеть языкомъ и стихомъ, пишеть безупречно правильно и ивѣнцно, но судить по этому произведенію о его поэтическомъ талантѣ потому не возможно, что вся фабула поэмы заимствована изъ рассказа Филипсона „Die Marappen“, два раза уже обработаннаго на еврейскомъ языкѣ въ прозѣ, и новыхъ элементовъ авторъ поэмы въ нее не внесъ.

Г. С. Робинъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ „О древне-еврейской косметикѣ“ и другими культуро-историческими изслѣдованіями, издалъ въ прошломъ году талантливо написанную сатиру:

Тематъ за-Ксимъ, Панетиркъ мутцажъ (Вйна, 1880). Сатира вложена въ формѣ завѣщанія заботливаго отца, наказывающаго на смертномъ одрѣ своему сыну, для блага своего, не заниматься науками и мудростью. Онъ рассказываетъ разные анекдоты и приводитъ разныя цитаты, въ доказательство того, какъ хорошо живется глушцу и какъ плохо тому, кто „мудрствуетъ лукаво“. Главы 7 и 8 посвящены генеалогии осла и описанію того уваженія, которымъ этотъ четвероногій стонкъ пользовался у народовъ всѣхъ временъ. Г. Робинъ вложилъ въ свой новый трудъ много остроумія и учености,—послѣдней можетъ быть даже слишкомъ много для книги юмористическаго содержанія; обиліе цитатъ и выписокъ дѣлаютъ чтеніе книги обременительнымъ.

Нѣкоему Д. Ратнеру пришла странная идея переложить на древне-еврейскую прозу—что бы вы думали?—Шиллеровы драмы! Вышли послѣдовательно одинъ за другимъ „Вильгельмъ Телль“ и „Донъ-Карлосъ“ (Вильна 1879—1880 г.). Не обращая уже вниманія на технику перевода, на каждомъ шагу грѣшащую противъ еврейской грамматики и духа языка, не говоря о мизерности слога, вялаго и неизящнаго, въ которомъ теряются всѣ прелести игривой музы автора, мы вообще не понимаемъ, съ какою дѣлю предпринимаются подобныя переводы. Древне-еврейской сцены, для которой требовался бы особый репертуаръ, не существуетъ; какъ предметъ для чтенія, драматическая форма вообще самая неудобная, тѣмъ болѣе, что сюжетъ чуждъ еврейскому читателю и не имѣетъ specialнаго для него интереса. Тѣмъ не менѣе переводчикъ съ ребяческимъ самообольщеніемъ говоритъ о своемъ переводѣ словами древняго писателя: «Не появлялось еще такого благовонія!» Если о вкусахъ не спорять, то не будемъ спорить и о запахѣ переводовъ г. Ратнера. У каждого свой носъ и свое обоняніе. Мы понимаемъ, что переводчикъ могъ плѣниться произведеніями Шиллера и избрать ихъ предметомъ для своихъ упражненій; но онъ отлично могъ оставить эти упражненія въ своемъ столѣкѣ а когда онъ сталъ бы великимъ и знаменитымъ поэтомъ, въ чемъ мы не сомнѣваемся,—потомство позаботилось бы уже объ обнародованіи его ученическихъ тетрадей.

Изъ педагогическихъ книгъ появились:

Амуфъ-Неуримъ, „Наставникъ юношества“ М. Бендетсона (Виль-

на, 1880 г.) и Ганъ-Шаашуимъ „Увеселительный садъ для еврейскихъ дѣтей“ А. Розенфельда, (Варшава, 1880).

Двѣ хрестоматіи различныхъ описательныхъ статей и маленькихъ рассказовъ, большею частію переводныхъ. Обѣ написаны весьма умѣло и имѣютъ цѣлю упражненія въ еврейской стилистикѣ дѣтей перваго возраста; для этой цѣли оба автора придерживаются чисто библейскаго языка, а г. Бендетсонъ съ большею еще строгостію, и печатали тексты свои съ пунетаціею. Книга г. Бендетсона годится для самоучекъ изъ неевреевъ, такъ какъ рядомъ съ еврейскимъ переводомъ помѣщенъ и русскій текстъ статей. Г. Розенфельдъ менѣе строгъ и допускаетъ нѣкоторыя выраженія и обороты рѣчи новѣйшей формаціи; его книга, составленная по образцу „Роднаго Слова“ Ушинскаго, имѣетъ въ педагогическомъ отношеніи то отличіе, что она постепенно переходитъ къ статьямъ съ непунктированнымъ текстомъ и даетъ рядъ оригинальныхъ статей, передающихъ первыя впечатлѣнія и воспоминанія еврейскаго мальчика. Есть и нѣкоторыя упущенія, но не важныя. Въ книгѣ г. Бендетсона (стран. 47, строка 35) выраженіе «אם אר» грамматически неправильно: вопросъ на евр. языкѣ обозначается буквою «א» а лишь при повтореніи употребляется слово «אם». Не можемъ также одобрить употребленіе, безъ особой необходимости, инородныхъ словъ, какъ напр. магнитъ, Lerche и т. п. Для перваго употребляется выраженіе אבן השואבה, а жаворонокъ называется въ талмудѣ קוק (Хулинъ 62 б); ср. Lewysohn: Zoologie d. Talmuds, стр. 172, § 214.

Меваккеръ.

ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I. ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ И ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Литературныя произведенія извѣстной эпохи составляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ ея вѣрное отраженіе. И такъ какъ истекшій нынѣ 1880 годъ по отношенію къ евреямъ отличается характеромъ довольно мрачнымъ, то и о литературѣ по этому предмету трудно сообщить много утѣшительнаго. Въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, въ особенности въ Германіи, не было писано о евреяхъ, ихъ социальномъ положеніи и ихъ политическихъ правахъ столько, сколько въ истекшемъ году. Ежедневная печать и научные журналы уже чрезъ-чуръ много занимались евреями—и это всегда большое зло.

Къ концу прошлаго (1879) года придворный берлинскій проповѣдникъ Штеккеръ въ народныхъ собраніяхъ и профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейтчке въ журналѣ «Preussische Jahrbücher» выступили съ жалобами и обвиненіями противъ евреевъ; за ними послѣдовали разные Марры, Вальдеги, Глогау. Само собою разумѣется, что и возраженія не заставили себя ждать—и такимъ образомъ литература новѣйшаго «еврейскаго вопроса» въ этотъ одинъ годъ возросла до такого изобилія, что одно перечисленіе названій всѣхъ этихъ сочиненій, рѣчей, брошюръ и летучихъ листовъ, которые появились за и противъ евреевъ, напалили или защищали и писаны были призванными и непризванными, заняло бы собою нѣсколько страницъ самой убористой печати. Обвиненія все одни и тѣ же, а потому защита точно также клонится все къ одному и тѣмъ же давно извѣстнымъ выводамъ.

Вмѣсто того, чтобы заниматься этой печальной, послѣдней четверти нашего просвѣщеннаго вѣка положительно недостойной, литературой, мы остановимся въ нашемъ обзорѣ на двухъ недавно появившихся сочиненіяхъ, обнимающихъ еврейскую исторію и ихъ литературу съ самыхъ древнихъ временъ и по настоящее время. Эти сочиненія суть: «Культурная исторія Іудейства съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее время», Отто Генне Амъ-Рина (*Culturgeschichte des Judenthums von der ältesten Zeit bis auf die Gegenwart, von Otto Henne Am-Rhyn*) Лена 1880 г., и «Учебникъ еврейской исторіи и литературы, д-ра Давида Касселя». (*Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Literatur. Von Dr. Dawid Kassel*) Лейпцигъ 1879.

Не съ особенной охотой, признаться, приступаемъ мы къ разбору объемистой, заключающей въ себѣ 526 страницъ книги, авторъ которой, небезызвѣстный швейцарскій историкъ, поставилъ себѣ почтенной задачей «между самыми странными и противорѣвными сужденіями, выработавшимися о еврейскомъ народѣ, отыскать вѣрную средину и найти разумную мѣру». «Мы не желаемъ ни возвеличивать, ни унижать евреевъ—говоритъ авторъ—мы не думаемъ сражаться ни за, ни противъ нихъ и не будемъ также, во вредъ имъ, возвышать и хвалить другія національныя или вѣроисповѣдныя точки зрѣнія. Мы имѣемъ въ виду лишь со строгимъ безпристрастіемъ и съ чисто-научой точки зрѣнія слѣдить за развитіемъ ихъ культуры, какъ въ ихъ отечествѣ, такъ и въ разсѣяніи, съ самыхъ древнихъ временъ и по настоящее время» (стр. VI). Но, къ сожалѣнію, все то, чего авторъ желалъ въ своемъ предисловіи, которое, какъ извѣстно, пишется всегда послѣ оковчанія книги—все это находится въ діаметральномъ противорѣчии съ самою книгою. Вмѣсто того, чтобы относиться къ исторіи евреевъ, или, какъ выражается авторъ, исторіи іудейства, «со строгимъ безпристрастіемъ и чисто научно», онъ, что мы, съ сожалѣніемъ, должны констатировать, писалъ подъ очевиднымъ вліяніемъ антисемитическаго движенія. Онъ полонъ предрасудковъ, чтобы не сказать злой ненависти, относительно евреевъ! Вездѣ онъ отыскиваетъ ихъ темныя стороны, которыя могли бы придавать нѣкоторое основаніе неблагопріятнымъ о нихъ сужденіямъ, и нарочно ослабляетъ все то, что могло бы послужить имъ въ честь и славу.

Уже первая строка книги достаточно ясно показываетъ въ

какомъ духѣ г. Ринъ писалъ ее. Онъ начинается такъ: «Родина евреевъ или израильтянъ, а слѣдовательно и позднѣйшихъ іудеевъ, какъ по традиціи, такъ и по историческимъ свидѣтельствамъ— «Палестина». Этими нѣсколькими словами: «а слѣдовательно и позднѣйшими іудеями», авторъ обнаруживаетъ ту точку зрѣнія, съ которой онъ относится къ евреямъ. Онъ этимъ хочетъ сказать, что евреи всегда и вездѣ чужеземцы, потому что настоящая ихъ родина—это Палестина. Мы рекомендуемъ г. Рину сочиненіе профессора Лазаруса; «Что называется національнымъ?» (Was heisst national?) Оно его не убѣдитъ,—предвзятія мнѣнія не отступаютъ и предъ самыми убѣдительными доказательствами—но во всякомъ случаѣ будетъ для него поучительно.—Совершенно соотвѣтственно съ его понятіемъ о національности и отечествѣ, автору весьма трудно разрѣшить вопросъ: «можетъ-ли еврей оставаться евреемъ и въ тоже время быть членомъ другой націи или принадлежать къ ней?» (Стр. VII). Чтобы разрѣшить въ нашъ вѣкъ столь часто возбужденный противниками евреевъ вопросъ, на который еще чаще отвѣчали ихъ защитники, нашъ изслѣдователь исторіи культуры вертится, разумѣется, въ заколдованномъ кругѣ многихъ противорѣчій. По мнѣнію г. Рина германцы еще до разрушенія Іерусалима были «антиподами евреевъ» (стр. 131). Г. Ринъ дѣйствительно, повидимому, истинно древній германецъ, такъ какъ онъ «антиподъ евреевъ» въ полномъ смыслѣ этого слова. «Опасеніе предъ уже достигнутымъ или имѣющимъ достигнуться въ будущемъ господствомъ евреевъ надъ германцами или нѣмцами», какъ онъ самъ выражается, сдѣлалось уже «idée fixe» (стр. 502) и является предъ нимъ въ ужаснѣйшихъ картинахъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, о возникновеніи христіанства, вспоминаетъ успѣхи, достигнутые преслѣдуемыми въ теченіи столькихъ вѣковъ евреями, и съ грустью восклицаетъ: „Христіанство теперь на той точкѣ, или, если хотите, въ опасности, чтобы относительно денежнаго вліянія и вліянія печати, а можетъ быть когда нибудь и относительно элементовъ господствованія, остаться позади имъ прежде угнетенныхъ» (стр. 162).

Мы право не знаемъ, что внушаетъ г. Рину такую боязнь евреевъ. Развѣ ихъ прошедшее? Или положеніе, которое они занимаютъ въ настоящее время? Онъ боится евреевъ за ихъ характеръ, и характеръ древнихъ евреевъ онъ дѣйствительно ри-

суеть самыми черными красками. Уже Авраамъ, этотъ, правда, только «мнѣнческій герой», составляетъ собою чистѣйшее отраженіе характера его народа. Изъ „корыстолюбія“ онъ „маклячскимъ образомъ продаетъ (verschachert) деспоту свою жену, взамѣнъ рабовъ и стадъ»... «Мы, германцы, называемъ это нѣсколько рѣзко: трусостью, грязнымъ любостязаніемъ, ложью и безчестіемъ“ (стр. 21). Иаковъ, этотъ „настоящій еврейскій патриархъ, обладаетъ характеромъ, въ которомъ открыто и безъ прикрасъ отражаются всѣ темныя стороны, какія когда либо приписывались еврейскому народному духу“ (стр. 22), а Давидъ—это „еврей до мозга костей, со всѣми лучшими и худшими сторонами народа; онъ, въ извѣстной степени, второе изданіе Иакова“ (стр. 36). Характеръ евреевъ вообще авторъ обрисовываетъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Они устремились высоко, но не были въ состояніи достигъ этой высоты; они считали себя призванными къ чему то великому, но не могли это провести. Для великихъ дѣлъ они не имѣли достаточно мѣста, и вотъ ихъ дѣятельность и стремленія получили мелочной, тѣсно-сшитый (?) характеръ“ (стр. 9)“. Что эта характеристика есть не болѣе какъ фантазія автора—это пойметъ всякій, кто только имѣетъ какое нибудь понятіе о еврейской письменности. Древніе евреи были миролюбивый и земледѣльческій народъ, который прибѣгалъ къ оружію лишь для защиты своей маленькой землицы, никогда не искалъ своего призванія въ побѣдахъ и триумфахъ и никогда слишкомъ высоко не заносился.

Г. Генне-Амъ-Ринъ выставляетъ на видъ еще одно національное свойство. „Древніе евреи—говоритъ онъ—были народъ патриархальный; и семейное чувство всегда составляло ихъ сильнѣйшую сторону, какою продолжаетъ оставаться и у теперешнихъ ихъ потомковъ». Стало быть, черта похвальная! Но подождите—похвала эта сейчасъ уменьшится. „Правда—продолжаетъ авторъ—это семейное чувство не имѣло въ древнее время глубокаго нравственнаго основанія; источникъ его заключался только въ стремленіи постоянно размножать племя, не давая ему погибнуть, усиливать его качественно и количественно относительно другихъ племенъ“. Историкъ культуры произноситъ здѣсь легкомысленно важное обвиненіе;—и высказываетъ его конечно вопреки своему лучшему убѣжденію. И тотъ самый авторъ, который не могъ не

знать и безъ сомнѣнія знаетъ, что бракъ уже на первой страницѣ библии провозглашается священнымъ божественнымъ учрежденіемъ, что нарушеніе брачной вѣрности и прелюбодѣяніе клеймится какъ большое преступленіе,—тотъ самый авторъ рѣшается утверждать, что „у древнихъ евреевъ господствовала сильная проституція, и вообще половая распущенность встрѣчалась очень часто». Совѣтуемъ г. Генне прочесть исторію Іосифа, Тамары, Давида и т. п., чтобъ самому убѣдиться въ своемъ легкомысліи.

Не лучше чѣмъ съ древними евреями поступаетъ авторъ и съ нынѣшними; „новѣйшей травлѣ евреевъ“ посвящаетъ онъ въ своей «исторіи культуры» цѣлый отдѣлъ. Если и не одобряетъ онъ этой агитаціи, „потому что она часто выходитъ изъ предѣловъ справедливости и на счетъ своихъ цѣлей сама не можетъ дать себѣ ясный отчетъ“,—то все-таки вынужденъ согласиться, «что ею обнаруживается существенный прогрессъ въ области человѣчественности (Humanität)». Травля и преслѣдованіе людей, равноправныхъ гражданъ — «прогрессъ человѣчественности!» Уже этого совершенно достаточно для характеристики автора и его книги. Способъ и приемъ, которыми онъ мотивируетъ этотъ человѣчественный прогрессъ, даютъ намъ хорошее понятіе о его образѣ мыслей и чувствѣ. «Въ средніе вѣка евреевъ убивали, въ 17 и 18 грабили и отовсюду выгоняли, въ 1819 г. подвергали позорному осмѣянію; въ настоящее же время травля на евреевъ ограничивается—словомъ и письмомъ, звукомъ голоса и печатною бумагой. Отъ теперешней «травли» не пострадалъ ни одинъ еврей“. И этотъ писатель считаетъ себя либеральнымъ! И при всемъ своемъ предубѣжденіи противъ евреевъ, не можетъ онъ однако не сознаться, что „травля евреевъ“ есть, собственно говоря, только борьба противъ прогресса, старающаяся въ лицѣ евреевъ поразить всю либеральную партію, что евреи тутъ служатъ собственно только предлогомъ. (Стр. 503).

Таковы общія точки зрѣнія, съ которыхъ подлежитъ обсужденію эта книга. Обратимся теперь къ отдѣльнымъ подробностямъ. Авторъ говоритъ о «древнихъ евреяхъ», «евреяхъ въ Палестинѣ» и «евреяхъ послѣ разсѣянія по землѣ».

Въ религіи авторъ становится на либеральную точку зрѣнія, поэтому неудивительно, что и онъ, подобно Гельвальду, который, какъ извѣстно, тоже написалъ исторію культуры, между про-

чимъ не допускаеть существованія собственно еврейскаго монотеизма. По его мнѣнью, монотеизмъ евреевъ, (т. е. *Argiu* у египтологовъ), выведенъ Моисеемъ изъ таинственной среды жреческаго сословія. Въ томъ, что еще говорится авторомъ о религіи евреевъ, нѣтъ ровно ничего новаго: Jahwe есть — тотъ еврейскій національный богъ, который „сливается“ въ одно лице то съ Вааломъ, то съ Молохомъ, то съ другими богами. Въ отдѣльныхъ главахъ разсматриваетъ г. Генне общественную жизнь евреевъ, семейный бытъ, государственное устройство, науку и искусство и въ этомъ случаѣ, за что нельзя не быть ему признательнымъ, поступаетъ съ поражающею въ немъ объективностью.

О второй и третьей книгѣ можемъ ограничиться нѣсколькими краткими замѣчаніями. Авторъ не отступаетъ ни на шагъ отъ Гретца, повторяя всѣ промахи и ошибки этого послѣдняго. Такъ, чтобы привести хоть одинъ примѣръ, Гретцъ виною тому, что и здѣсь «глубокій философъ» Спиноза поставленъ на одну линію съ лжемессіемъ Саббатайцеви, — только г. Генне слѣдовало бы написать, что не евреями, какъ онъ утверждаетъ, а Гретцомъ „философъ Спиноза включенъ въ одну категорію съ современнымъ ему отъявленнымъ мошенникомъ“, — слѣдовало бы потому, что огромное большинство евреевъ отводятъ Спинозѣ совсѣмъ иное мѣсто. По временамъ вставляетъ авторъ свои собственные замѣчанія, въ которыхъ никогда нѣтъ чего бы то ни было сочувственнаго евреямъ; всякимъ удобнымъ случаемъ пользуется онъ, чтобы заговорить о еврейскомъ лихоимствѣ и торгашествѣ, о нахальной надменности евреевъ всюду „гдѣ они бывали въ меньшинствѣ и желали разыгрывать господъ“. Что такой писатель, какъ г. Генне, который, называя Лессинга „провозвѣстникомъ эмансипаціи евреевъ“, а „Натана“ — „прологомъ къ еврейской эмансипаціи“, порицаеть нѣмцевъ за ихъ реакціонный образъ дѣйствій въ 1819 г., — объ этомъ мы охотно заявляемъ въ похвалу ему. Онъ пишетъ: «Въ высшей степени постыднымъ для нѣмецкихъ государствъ и ихъ тогдашняго реакціоннаго образа дѣйствій было то обстоятельство, что императоръ Александръ I на Ахенскомъ конгрессѣ возбудилъ вопросъ о евреяхъ. Но изъ этого ничего не вышло, точно также какъ бесплодно замолеъ раздавшійся снова послѣ того энергическій голосъ Михаила Бера. И такимъ образомъ въ 1819 г. могла открыться столь давно желан-

ная фанатиками травля на евреевъ. Къ позору нѣмецкой науки гнусный крикъ: «ату-его! (Нер! Нер!) былъ впервые поднятъ студентами въ Вюрцбургѣ... Стая, къ которой присоединились изъ матеріальной зависти «христіанскіе» торгаши, обнаруживала свою храбрость тѣмъ, что грабила еврейскія лавки. Помѣшательство приняло эпидемическій характеръ...» Ахъ, еслибы г. Генне могъ принудить себя всегда разсуждать такъ объективно!

Чтобы показать автору, что мы вовсе не бѣгло просмотрѣли его книгу, обращаемъ его вниманіе еще на нѣсколько неправильностей, у Гретца не встрѣчающихся. На стр. 190 вмѣсто «Арока» слѣдуетъ поставить «Арека», а на стр. 189—«Аморай» замѣнить «Амораймъ»; на стр. 354 неправильно поставленъ вмѣсто 1596-го 1590-й годъ, а на стр. 268 вмѣсто 1149-го—1080-й и вмѣсто 1249—1180-й. Мать Генриетты Герцъ была не нѣмецкая христіанка, какъ говоритъ авторъ, а нѣмецкая еврейка; Гретцъ употребляетъ слово «нѣмецкая» въ противоположность евреямъ португальскаго происхожденія. Сестру Доротеи Мендельсонъ звали не Рахиль, а Генриетта; Рахиль Варнгагенъ фонъ-Энзе была дружна съ Доротеєю Мендельсонъ, но не находилась съ нею въ родствѣ; біографію Генриетты Герцъ написалъ не тотъ Юлій Фюрстъ, который извѣстенъ какъ авторъ исторіи литературы, но другой Юлій Фюрстъ—крещеный еврей. Къ еврейскимъ писателямъ, занимавшимся въ послѣднее время изображеніемъ разныхъ сторонъ семейной и общественной жизни евреевъ. авторъ причисляетъ также и Захеръ-Мазоха, тогда какъ этотъ послѣдній не разъ уже протестовалъ противъ приписывавшагося ему еврейскаго происхожденія,—а не упоминаетъ, какъ бы слѣдовало, Бертольда Ауэрбаха, Леопольда Комперта и др.

Мы надѣемся, что г. Генне скоро измѣнитъ свой взглядъ на евреевъ и еврейство и внесетъ въ свою исторію еврейской культуры ту строгую объективность и чистую научность, которой всякій вправѣ ожидать отъ такого выдающагося писателя; пусть онъ сдѣлаетъ это—и мы первые безъ сомнѣнія поспѣшимъ высказать похвалу его сочиненію и рекомендовать его всюду.

На сколько книга г. Генне страдаетъ чрезмѣрнымъ обиліемъ матеріала, на столько же сочиненіе г. Касселя можно упрекнуть

въ скудости его. Первый обсуждаетъ все со своею предвзвѣтой точки зрѣнія, второй не становится ни на какую точку; онъ отпосится къ своему предмету «возможно объективно, не подчиняясь вліянію того положенія, которое онъ лично занимаетъ относительно вопросовъ, волнующихъ современное еврейство». Отъ этого его изложеніе бездѣльно и не даетъ ни фактическаго знакомства съ историческою жизнью, ни характеристики выдающихся личностей въ исторіи и литературѣ.

Д-ръ Давидъ Кассель, еврейскій ученый, хорошо извѣстный многими превосходными изданіями и самостоятельными работами и въ настоящее время читающій лекціи въ отличающейся вполне либеральнымъ религіознымъ направленіемъ берлинской «Hochschule für die Wissenschaft des Judenthums», напечаталъ уже 12 лѣтъ тому назадъ «Руководство къ изученію еврейской исторіи и литературы», которое, несмотря на то, что въ немъ нѣтъ ровно никакого изложенія, а находятся только названія и числа, пережило уже однако нѣсколько изданій. Распространить и дополнить матеріалъ, представляемый этимъ «Руководствомъ», и сверхъ того указать въ примѣчаніяхъ на источники и болѣе крупныя историческія сочиненія—вотъ задача, которую поставилъ себѣ г. Кассель въ своемъ теперешнемъ „Учебникѣ“ и которая, съ чѣмъ мы охотно соглашаемся, выполнена имъ. Понятно, что въ «Учебникѣ» онъ въ точности слѣдуетъ тому плану, который принятъ въ «Руководствѣ»; одна часть содержитъ еврейскую исторію «отъ вавилонскаго изгнанія до уничтоженія еврейскаго царства римлянами»; другая трактуетъ о «евреяхъ послѣ разсѣянія». Каждая изъ нихъ распадается на нѣсколько отдѣловъ, каждый отдѣлъ на главы.

Что Кассель не излагаетъ исторію евреевъ до изгнанія, какъ дѣлаетъ Генне, это имѣетъ свое справедливое основаніе съ одной стороны въ томъ обстоятельстве, что исторія этого періода предполагается хорошо извѣстною, а съ другой—въ томъ, что авторъ именно не желалъ стать на какуюнибудь опредѣленную точку зрѣнія, не желалъ вносить въ свое изложеніе никакого воззрѣнія партіи.

Подобно книгѣ Генне, «Учебникъ» Касселя также не опирается на самостоятельныя изслѣдованія по источникамъ; только Кассель, въ противоположность первому автору, слѣдуетъ не одному Гретцу, а пользуется и открывшими новый путь въ наукѣ тру-

дами Цунца, Штейншнейдера, Закса, Гейгера и др. Часть существующихъ специальныхъ сочиненій осталась и для него неизвѣстною, вслѣдствіе чего и въ его книгѣ нѣтъ недостатка въ ошибкахъ и неправильностяхъ.

Какой кругъ читателей имѣлся авторомъ въ виду при составленіи «Учебника»—это для насъ не совсѣмъ ясно. Какъ «Учебникъ» въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ слишкомъ объемистъ, да и цѣна—10 марокъ—слишкомъ высока для того, чтобы учащіеся могли легко приобрести его. Для специалистовъ книга недостаточна, а какъ семейное чтеніе, она черезъ чуръ суха и даетъ слишкомъ мало, не знакомитъ, какъ слѣдуетъ, ни съ эпохами, ни съ умственной сферой, ни съ выдающимися личностями. Тѣмъ не менѣе учебникъ этотъ можно рекомендовать всѣмъ тѣмъ, которымъ желательно узнать факты еврейской исторіи и литературы, не прибѣгая для этого къ обширнымъ, строго научнымъ сочиненіямъ.

Именно эту цѣль преслѣдовалъ и авторъ настоящаго обзорѣнія въ составленномъ имъ по порученію одной издательской фирмы «Руководствѣ къ изученію еврейской исторіи отъ времени заключенія библіи до нашихъ дней, для еврейскихъ учебныхъ заведеній, среднихъ училищъ и гимназій, домашнихъ и училищныхъ библиотекъ» (Лейцигъ, у Баумгертнера). По достаточно понятнымъ причинамъ мы ограничиваемся однимъ указаніемъ на эту книгу. Въ предисловіи къ ней мы читаемъ: «При сочиненіи этого руководства я старался, вмѣсто сухо-фактическаго и несвязнаго изложенія, представить легкопонятнымъ языкомъ и въ сжатой формѣ наглядную картину всей исторіи и литературы евреевъ. На сколько удалось намъ это, можно судить по мнѣнью, высказанному о нашемъ трудѣ безпристрастными специальными журналами, и тому значительному сбыту, который имѣла книга въ короткое время со дня своего выхода».

«Кратчайшее изложеніе по библейской исторіи (евреевъ) на основаніи обширныхъ сочиненій, составленное для еврейскаго учащагося юношества д-ромъ Д. Леймдорферомъ, раввиномъ въ Нордгаузенѣ». (Нордгаузенъ, у Эйгендорфа). На семидесяти восьми страницахъ восьмидольнаго формата здѣсь разсказана вся исторія отъ Александра Великаго до актера Зоненталя, при чемъ еще тутъ же тринадцать догматовъ

вѣры Маймонида, «Изреченія отцевъ», стихотвореніе Габироля и разсужденіе о Спинозѣ и Уриелѣ Акоста.

Г. Леймдорфера еще превзошелъ извѣстный въ качествѣ плагиатора, д-ръ Шрейберъ, который умудрился помѣстить на 43 страницахъ все «Обозрѣніе еврейской исторіи отъ вавилонскаго плѣненія до настоящаго времени». (Лейпцигъ, 1880),

Вообще настоящее время производитъ на свѣтъ весьма курьезные литературные продукты. Такъ д-ръ М. Г. Фридендеръ выпустилъ «Историческія картины изъ по-талмудической эпохи», (Брюннъ, 1880), увѣряя, что онѣ «составлены по источникамъ»,—сочиненіе, равное по достоинству прежнимъ произведеніямъ этого автора. Въ Буда-Пештѣ М. Эренталь началъ издавать въ видѣ «еврейскаго семейнаго чтенія», «біографіи и характеристики замѣчательнѣйшихъ личностей еврейской исторіи во всѣ эпохи и во всѣхъ государствахъ»; но такъ какъ этого сочиненія вышло покамѣстъ всего два выпуска, то мы откладываемъ сужденіе о немъ до окончанія его.

Весьма старательнымъ трудомъ слѣдуетъ признать англійское сочиненіе Генриха Морейса (Morais) «Знаменитые израильтяне XIX столѣтія; рядъ біографическихъ очерковъ» (Филадельфія, 1880). Здѣсь находятся сто біографій личностей, болѣе или менѣе извѣстныхъ частію по литературной, частію по общественной дѣятельности. Что въ такомъ сочиненіи есть не мало подробностей, требующихъ дополненія или исправленія—это понятно само собою.

Намъ остается еще кинуть взглядъ на монографіи и спеціальныя историческія работы, появившіяся въ 1880 г. и между которыми на первомъ планѣ стоятъ сочиненія касательно исторіи евреевъ во Франціи.

По патриотическому ли чувству, или вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ Германіи во французскихъ евреяхъ пробудилась любовь къ еврейской наукѣ, въ Парижѣ образовалось подъ предсѣдательствомъ барона Джемса Ротшильда литературное общество, поставившее себѣ задачей содѣйствовать разработкѣ еврейской исторіи и литературы, главнымъ образомъ на сколько это касается Франціи. Въ средствахъ у этого общества недостатка не будетъ, да и необходимыя умственныя силы тоже найдутся. Уже первые нумера предпринятаго имъ и начавшаго выходить нѣсколько недѣль

тому назадъ изданія «Revue des études juives» производятъ благопріятное впечатлѣніе и представляются хорошимъ началомъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ историческихъ статей, заключающихся въ этой «Revue», намъ слѣдуетъ упомянуть еще о нѣсколькихъ монографіяхъ, касающихся французскихъ евреевъ.

Начавшійся три года тому назадъ печатаніемъ въ Гретцовскомъ журналѣ «Monatsschrift für Geschichte and Wissenschaft des Judenthums» трудъ аугсбургскаго раввина Гросса: «Исторія евреевъ въ Арлѣ», окончился только теперь и, какъ мы слышали, появится отдѣльнымъ изданіемъ. Гроссъ занимается здѣсь собственно только исторіею учености, именно тѣми еврейскими учеными, которые родились и жили въ Арлѣ, напр. Герсономъ бенъ-Саломономъ, авторомъ энциклопедическаго сочиненія «Врата Неба» (Шааръ-га-шомаймъ), потомъ Калонимосомъ бенъ-Калонимосомъ и др.,—равно какъ и всѣми ихъ напечатанными и рукописными сочиненіями; трудъ этотъ по своей обстоятельности дѣлаетъ большую честь прилежанію и познаніямъ автора и обажетъ немаловажную услугу специалистамъ.

Камиль Арно написалъ «Очеркъ положенія евреевъ въ Провансѣ» (Essai sur la condition des juifs en Provence; Форкаливе, 1880). По поводу освященія новой синагоги въ Реймсѣ Эмиль Когенъ выпустилъ въ свѣтъ «Исторію реймскихъ евреевъ въ средніе вѣка» (Les juifs à Reims au moyen-âge; Реймсъ, 1880); здѣсь на шестнадцати страницахъ авторъ приводитъ нѣсколько неважныхъ документовъ X ст., и притомъ безъ указанія источниковъ, а въ добавокъ еще рассказываетъ исторію учрежденія тамошней теперешней общины.—Клеманъ Жаненъ, напечатавшій «Исторію еврейской общины въ Дижонѣ» (Парижъ, 1880), приводитъ въ ней доказательство, что уже въ галло-римскую эпоху въ Дижонѣ существовала значительная еврейская община.

Особенный интересъ представляетъ появившійся въ лучшемъ историческомъ журналѣ Франціи «Revue Historique», этюдъ христіанскаго изслѣдователя Бардине «De la condition civile des juifs du Comtat Venaissin pendant le séjour des papes à Avignon». Венсенское графство, какъ извѣстно, во 2-й половинѣ XIII ст. перешло во власть папскаго престола. Папы, съ 1309 по 1376 г., имѣвшіе резиденцію въ Авиньонѣ, относились къ жившамъ въ

этомъ городѣ и въ Карпантрѣ евреямъ очень дружелюбно, вслѣдствіе чего эти послѣдніе пользовались ненарушимымъ спокойствіемъ; евреи и христіане жили въ полномъ ладу между собою. Только въ послѣдствіи эти отношенія измѣнились. Сотнями потаріальныхъ документовъ 14 и 15 ст. Бардине свидѣтельствуешь, что евреевъ, которые до 16 ст., т. е. пока имъ разрѣшаемо было приобрѣтать земли, въ огромныхъ размѣрахъ занимались земледѣліемъ и винодѣліемъ, въ послѣднее время начали, большею частью несправедливо, обвинять въ ростовщичествѣ. Изъ еврейскихъ источниковъ, которыми Бардине не могъ пользоваться, видно, что многіе евреи въ Авиньонѣ и Карпантрѣ отличались ученостью; одинъ изъ нихъ, Эммануиль Латтъ, читалъ въ Авиньонскомъ университетѣ лекціи медицины. Къ этой интересной части еврейской исторіи мы еще обратимся въ особой статьѣ.

Сущствующія отдѣльныя монографіи доказываютъ, что необходимо еще много специальныхъ изслѣдованій для того, чтобы можно было подумать о составленіи полной исторіи евреевъ. Поэтому большую важность придаемъ мы собраніямъ документовъ въ родѣ тѣхъ, какія предприняты относительно Германіи умершимъ въ нынѣшнемъ году въ Ганноверѣ д-ромъ Винеромъ, и не можемъ не благодарить г. Левенфельда за то, что онъ напечаталъ въ «Еврейской библиографіи» Штейншнейдера (XX, 12 ff). «Документы къ исторіи евреевъ въ царствованіе Филипа-Августа французскаго». Къ одной категоріи съ этою работой относится статья Изидора Леба (Loeb)—«Роль евреевъ въ Парижѣ въ 1296 и 1297 г.» (Revue des études juives, 60 ff), представляющая перечень евреевъ, имѣвшихъ въ эти годы право жить въ Парижѣ; число ихъ въ 1291 г. составляло 121, а въ 1296 уменьшилось до 85. Эти списки, независимо отъ своего историческаго достоинства, имѣютъ и особенный культурный интересъ; изъ нихъ видно, что жившіе въ то время въ Парижѣ евреи носили по большей части французскія имена.

Другое изслѣдованіе того-же Леба посвящено (въ Revue, 72 ff) городу Гизопу, еврейскому גזיפון, отъ котораго получали названіе многіе средневѣковые раввины и который Іоземъ принимался за Оранжъ, Касселемъ за Оранъ (Oreng).—М. Редереръ (въ Revue, 83 ff), на основаніи документовъ, хранящихся въ Мецкомъ архивѣ, изображаетъ «Эмансипацію евреевъ кор. Обществомъ

бы прикрыть свою темную дѣятельность именемъ государственнаго челоуѣка, руководящаго судьбами германской имперіи. Крайне прискорбно, что германскій канцлеръ дозволяетъ этой мрачной кликѣ вытаскивать изъ подъ спуда нѣкоторыя его рѣчи, произнесенныя болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ еще только простой, никому неизвѣстный померанскій «юнгеръ». Нельзя, конечно, оправдывать и князя Бисмарка, если онъ допускаетъ злоупотребленіе его именемъ и не протестуетъ противъ того, напримеръ, что анти-семитическая лига распространяетъ въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ слѣдующія его слова, произнесенныя еще въ 1847 году въ померанскомъ областномъ сеймѣ: «Я признаю, что во мнѣ не мало предразсудковъ, которыя я всосалъ съ молокомъ матери и отъ которыхъ я не могу отдѣлаться. Я долженъ сознаться, что когда я воображаю себѣ еврея, которому я долженъ повиноваться, какъ представителю Е. В. короля, я чувствую себя униженнымъ, я чувствую, что не былъ бы въ состояніи исполнять мои вѣрноподданническія обязанности съ тою радостью, съ какою я ихъ желалъ бы исполнять. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю ощущеніе и взгляды низшихъ классовъ населенія». Хотя со временемъ кн. Бисмаркъ отрѣшился отъ этого узкаго взгляда, хотя, слѣлавшись изъ простаго померанскаго дворянчика едва ли не первымъ государственнымъ челоуѣкомъ Европы, онъ не задумался принять евреевъ въ число своихъ приближенныхъ, сотрудниковъ и помощниковъ, однако онъ не счелъ нужнымъ протестовать противъ злоупотребленія его словами, произнесенными треть вѣка тому назадъ. А хорошій примѣръ былъ у него предъ глазами! Вѣдь произнесъ же недавно наслѣдникъ германскаго престола, будущій германскій императоръ, слѣдующія знаменательныя слова: „Преслѣдованіе евреевъ—позоръ для Германіи“.

Наконецъ это недостойное науськиваніе противъ евреевъ переполнило мѣру долготерпѣнія лучшихъ людей въ Германіи. Въ половинѣ ноября во всѣхъ берлинскихъ газетахъ появилось слѣдующее заявленіе, покрытое многочисленными подписями:

«Путемъ тяжелой борьбы отечество наше объединилось, слѣдалось могущественнымъ государствомъ. Это объединеніе достигнуто благодаря тому, что въ германскомъ народѣ сознаніе необходимости единенія одержало верхъ надъ племенною и религіозною

рознь, раздѣлявшею до сихъ поръ нашъ народъ къ собственному его ущербу. Но остается еще уничтожить нѣкоторые предрассудки, унаслѣдованные нами отъ прежнихъ, полу-варварскихъ временъ. Къ великому стыду нашему во многихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ большихъ городахъ имперіи, дѣлаются усиленныя попытки снова раздуть племенную и религіозную вражду между гражданами и направить ее противъ еврейскихъ нашихъ согражданъ. При этомъ забываютъ, какую пользу они принесли отечеству, благодаря своему трудолюбію и своимъ способностямъ дѣлу развитія ремеслъ и торговли, искусствъ и науки. При этомъ забываются правила чести и предписанія закона, гласящаго, что всѣ германскіе подданные должны нести одинаковыя обязанности и пользоваться одинаковыми правами. Эта равноправность должна существовать не только въ кодексахъ, но и въ совѣсти всякаго гражданина. Подобно заразительной болѣзни это возобновленіе старыхъ предрассудковъ угрожаетъ отравить отношенія, установленныя въ государствахъ и общинахъ, въ семействахъ и въ обществахъ, и которыя соединили христіанъ и евреевъ на почвѣ терпимости. Хотя вожаки этого движенія проповѣдуютъ до сихъ поръ зависть и недоброжелательство лишь отвлеченнымъ образомъ, однако масса не замедлитъ, конечно, сдѣлать изъ этихъ отвлеченностей практическіе выводы. Завѣщаніе Лессинга стараются потрясти люди, которымъ слѣдовало бы неустанно повторять съ кафедры и съ трибуны, что наше культурное время уже далеко ушло отъ той эпохи, когда ставилось въ обособленное положеніе племя, первое ставшее поклоняться единому Богу. А вмѣсто того въ послѣднее время вдругъ снова стали раздаваться голоса, требующіе исключенія евреевъ отъ той или другой области общественной дѣятельности, отъ тѣхъ или другихъ должностей и отличій. Пока толпа еще не начинала вторить этимъ кликамъ; но это поручится за будущее?

«Еще не поздно возстать противъ этой недостойной агитаціи и устранить всенародный поворъ; еще голосъ благоразумныхъ людей можетъ предотвратить взрывъ искусственно возбужденныхъ страстей. Мы обращаемся ко всѣмъ христіанамъ, безъ различія партій, для которыхъ ихъ религія есть благовѣсть мира; мы обращаемся ко всѣмъ нѣмцамъ, которые дорожатъ духовнымъ наслѣдствомъ ихъ великихъ монарховъ, мыслителей и поэтовъ. Пусть они

путемъ публичныхъ заявленій и спокойнаго обсужденія защищаютъ драгоценныя основы нашей общественной жизни: уваженіе ко всѣмъ исповѣданіямъ, равноправность, одинаковыя условія борьбы, признаніе честныхъ стремленій въ одной и той же общей цѣли какъ со стороны христіанъ, такъ и со стороны евреевъ».

Это, проникнутое истинно-гуманнымъ чувствомъ, воззваніе подписано 116 лицами, занимающими различныя общественныя положенія. Въ числѣ подписавшихъ его мы встрѣчаемъ имена берлинскаго оберъ-бургомистра Форкенбека, профессоровъ Момсена, Вирхова, Дройзена, Гнейста, многихъ депутатовъ, адвокатовъ, докторовъ, членовъ берлинскаго городского совѣта, и проч. и проч.

Вскорѣ послѣ появленія этого воззванія депутатъ Гэнель внесъ (20-го ноября) въ прусскій сеймъ подписанный 40 членами прогрессивской партіи запросъ по поводу возбужденной въ послѣднее время въ Берлинѣ агитаціи противъ евреевъ. Въ прекрасной рѣчи, (которую мы въ виду ея объема, не можемъ привести здѣсь даже въ сколько-нибудь подробномъ извлеченіи), Гэнель мотивировалъ свой запросъ. Указавъ на то, что не далѣе двухъ лѣтъ тому назадъ соединенный конгрессъ представителей европейскихъ державъ, состоявшійся въ Берлинѣ, потребовалъ равноправности для евреевъ, проживающихъ даже въ такихъ относительно мало цивилизованныхъ государствахъ, какъ Сербія и Румынія, Гэнель въ яркихъ и блестящихъ краскахъ нарисовалъ неприглядную картину возбужденной за послѣднее время, какъ въ томъ же Берлинѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Германіи, антисемитической агитаціи, и въ заключеніе категорически поставилъ правительству запросъ, одобряетъ ли оно эту агитацію, а если не одобряетъ, то почему оно не заявитъ этого публично, особенно въ виду того, что въ ней принимаютъ самое дѣятельное участіе почтенный придворный проповѣдникъ. Заступавшій мѣсто имперскаго канцлера, помощникъ его графъ Штольбергъ-Вернигероде ограничился довольно лаконическимъ заявленіемъ, что хотя возвѣщенная Гэнелемъ петиція до сихъ поръ еще не поступала къ правительству и оно поэтому, понятно, не могло ознакомиться съ содержаніемъ ея, но тѣмъ не менѣе правительство не затрудняется отвѣтить, что существующее германское законодательство признаетъ полную равноправность во всѣхъ отношеніяхъ всѣхъ вѣроисповѣ-

даній и что правительство ни мало не намѣрено произвести въ этомъ отношеніи какія-либо измѣненія.

Роль, которую разыграли во время этихъ преній Штеккеръ, противъ котораго, главнымъ образомъ, были направлены стрѣлы просвѣщенныхъ защитниковъ религіозной равноправности, была изъ самыхъ жалкихъ. Куда дѣвалась его самоувѣренность, тотъ апломбъ, съ которымъ онъ привыкъ ораторствовать въ общихъ собраніяхъ антисемитической лиги, передъ толпою невѣжественныхъ, нафанатизированныхъ, полупьяныхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ! Онъ до того смутился и растерялся въ виду вѣскихъ ударовъ, нанесенныхъ ему Гэнелемъ, Рихтеромъ и другими, что съ самаго начала своей рѣчи сдѣлалъ крупный промахъ, возбудившій всеобщій хохотъ: въ числѣ евреевъ, будто бы имѣвшихъ вредное вліяніе на германскую культуру, онъ назвалъ славянина Лессинга и еще съ полдюжины именъ. Когда кто-то съ лѣвой стороны кликнулъ: «да послѣ этого и пасторъ Штеккеръ еврей» — въ залѣ раздался громкій хохотъ. Дальнѣйшій его дебютъ былъ не болѣе удаченъ. Онъ сталъ было отрицать, что подписалъ извѣстную антисемитскую петицію; когда же Леве показалъ ему листъ этой петиціи, носившій его подпись, онъ, сконфузившись, сознался, что подписалъ ее, «но только позднѣе». Когда онъ сталъ утверждать, что большая часть лицъ, подписавшихъ запросъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ принимали участіе, вмѣстѣ съ евреями, въ пляскѣ вокругъ золотого тельца, и его пригласили назвать имена, онъ довольно глупо отвѣтилъ, что назоветъ эти имена только дома, а не публично. Вообще чуть не каждое увѣреніе Штеккера оказалось ложнымъ или вымышленнымъ, и берлинскій депутатъ Леве, по окончаніи его рѣчи, имѣлъ полное право спросить: „Неужели возможно оказывать публичное довѣріе человеку, который вступаетъ въ бой съ такимъ оружіемъ?“ Послѣ блистательной рѣчи Леве пораженіе Штеккера и его союзниковъ было уже дѣломъ рѣшеннымъ. Тщетно ему пытались прийти на помощь депутаты Крехеръ, Мяннигероде и Бахемъ, и послѣ двухъ-дневныхъ преній вышеупомянутое заявленіе было принято къ свѣдѣнію весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Но потерпѣвъ пораженіе въ палатѣ, антисемиты тѣмъ ревностнѣе стали пропандировать свои взгляды въ различныхъ сходкахъ и частныхъ собраніяхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ фіаско, понесен-

наго ими въ палатѣ, они собрали въ Берлинѣ большую сходку, имѣвшую, какъ печатно объявлялось, цѣлю обсудить мѣры къ охраненію интересовъ нѣмецкихъ христіанъ. Еще до открытія засѣданія въ залу проникло много евреевъ и извѣстное число социаль-демократовъ. Поэтому уже въ самомъ началѣ засѣданія слышались крики: „вонъ евреевъ, долой евреевъ!“ Въ залѣ поднялся страшный шумъ, а въ глубинѣ ея произошла свалка. Нѣсколько евреевъ успѣли удалиться, а болѣе строптивыхъ стали палками выгонять изъ залы, причемъ нѣкоторые были сброшены съ лѣстницы. Въ разныхъ углахъ ежеминутно раздавались крики о помощи. Наконецъ волненіе улеглось, хотя въ залѣ оставалось еще значительное число евреевъ. Одинъ изъ ораторовъ началъ говорить, что господство евреевъ надъ христіанскимъ народомъ сдѣлалось за послѣднее время невыносимымъ. Евреи утверждаютъ, что они нравственнѣе христіанъ, но статистическая таблица доказываетъ другое... Тутъ оратора прервалъ какой-то еврей. «Кѣмъ составлена эта таблица?» закричалъ онъ. Отсюда загремѣли крики, чтобы еврей замолчалъ. Ораторъ, обратившись къ упомянутой имъ статистической таблицѣ, доказывалъ, что за послѣднія восемь лѣтъ процентъ евреевъ, осужденныхъ за поддѣлку фальшивыхъ монетъ, клятвопреступленіе, обманъ, подлоги, злостное банкротство и всевозможные виды мошенничества, значительно превышаетъ процентъ христіанъ, осужденныхъ за такія же преступленія. Всѣ эти преступленія поощряются ученіемъ талмуда... Слова эти вызвали настоящую бурю. Со всѣхъ сторонъ раздались возгласы: „И мы должны сидѣть рядомъ съ этою еврейскою сволочью! Бей евреевъ!“ Въ залѣ и на хорахъ опять возобновилась жаркая свалка, при которой еще нѣсколько евреевъ было вытолкано изъ залы. Ораторъ, возобновивъ рѣчь, продолжалъ распространяться о вредномъ вліяніи талмудическаго ученія на евреевъ, доказывая, что во всѣхъ тяжбныхъ дѣлахъ съ христіанами евреи, согласно этому ученію, совершенно спокойно совершаютъ клятвопреступленія. Послѣднее обвиненіе, направленное противъ евреевъ, вызвало такой страшный шумъ, что засѣданіе было приостановлено, а въ разныхъ мѣстахъ залы произошла новая драка. Опять нѣсколько евреевъ полетѣло съ лѣстницы... Ораторъ продолжалъ говорить, что въ руки евреевъ мало по малу переходитъ все народное богатство. У еврея нѣтъ другихъ идеаловъ, кромѣ золота. У еврея

нѣтъ чести; для него честь и деньги одно и то же. Почти вся торговля въ рукахъ евреевъ. „Посмотрите, сколько лавокъ и магазиновъ закрыты въ еврейскіе праздники, и вы ужаснетесь!“ (На хорахъ и скамьяхъ слышатся крики: «бей евреевъ!») Печать почти исключительно находится въ еврейскихъ рукахъ. Германія — это дойная корова евреевъ, еврейскій эльдорадо; оттого они и называютъ себя патриотами. Надежда на сліяніе евреевъ съ нѣмецкимъ элементомъ была просто утопіей. Эмансипація евреевъ была грубой политической и соціальной ошибкой. Долго еще ораторъ говорилъ на эту тему, при громкихъ и почти неумолкавшихъ рукоплесканіяхъ. Въ заключеніе была принята резолюція, въ которой высказывалось, что если либеральныя партіи будутъ и впредь отождествлять свои интересы съ интересами евреевъ, то большинство берлинскихъ гражданъ будутъ вынуждены перейти въ консервативный лагерь. Затѣмъ совершена была послѣдняя атака на евреевъ, которые были окончательнo вытѣснены изъ залы. Драка продолжалась и на улицѣ, гдѣ она была прекращена только вмѣшательствомъ полиціи.

Какъ вамъ нравится, читатель, этотъ всееленскій пейзажикъ, всецѣло переносящій въ самыя глухія, мрачныя времена средневѣковаго невѣжества и фанатизма, пейзажикъ, случившійся не среди темнаго, грубаго населенія Закавказья, которое до сихъ поръ еще вѣрить въ употребленіе евреями христіанской крови, не въ какомъ-то полудикомъ Марокко, гдѣ недавно губернаторъ по какому-то ничтожному поводу велѣлъ бить въ теченіе шести часовъ палками одного еврея и буквально забилъ его на смерть, а въ столицѣ германской интеллигенціи?

Эти факты гнусны, возмутительны, но ненависть извѣстной части нѣмецкаго общества къ евреямъ и натравливаніе на нихъ темной массы принимаетъ по временамъ и совершенно комическій характеръ. Такъ, напр., по случаю состоявшагося въ октябрѣ торжественнаго освященія вельскаго собора въ одномъ изъ засѣданій такъ называемыхъ христіанъ-соціалистовъ пресерьезно поднятъ былъ вопросъ: „Правда ли, что въ устроенномъ по этому случаю историческомъ шествіи принимали участіе на 90% евреевъ?“ На этотъ вопросъ членъ комитета общества, при оглушительныхъ «браво» собранія, иронически отвѣтилъ: «Вѣдь вы знаете, что германская имперія представляется и внутри, и извнѣ, евреями,

которые конечно ничего не совершили въ исторіи. Почему-жь бы имъ не фигурировать и въ данномъ случаѣ?» Другой членъ собранія сообщилъ, что на кельнскомъ праздествѣ присутствовало не менѣе 30,000 евреевъ, прибывшихъ изъ Берлина, Франкфурта-на-Майнѣ и т. д. „Такимъ образомъ“, съ негодованіемъ говоритъ „Магдебургская газета“, христіане-соціалисты стараются эксплуатировать даже произведенное на глазахъ императора и признанное имъ, во всѣхъ отношеніяхъ, блестящимъ историческое шествіе, въ смыслѣ травли противъ евреевъ. И все это совершается при содѣйствіи и подъ руководствомъ евангелическаго духовенства?

Отмѣтимъ еще встать, что вожаки анти-семитическаго движенія, недовольствуясь тѣмъ, что къ ихъ услугамъ находятся цѣлый рядъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, охотно открывающихъ свои столбцы для ихъ недостойной агитаціи, нашли еще нужнымъ основать специальный органъ для этой прекрасной цѣли. Недавно въ гор. Лигницѣ, въ Силезіи, вышелъ пробный номеръ еженедѣльной «Патріотической газеты», стоящей 1 р. 20 к. въ годъ и имѣющей исключительной цѣлью—натравливаніе противъ евреевъ. Чтоже, въ добрый часъ! Быть можетъ, мы доживемъ еще и до того, что въ томъ или другомъ уголку цивилизованной Германіи появится органъ, специально посвященный распространенію ученія и теоріи людоѣдства!

Впрочемъ и въ Германіи, кромѣ вышеупомянутаго благороднаго протеста противъ антисемитической агитаціи, можно указать и на другія явленія, касающіяся еврейства, на которыхъ можно съ удовольствіемъ отдохнуть послѣ цѣлаго ряда самыхъ безобразныхъ проявленій средневѣковой нетерпимости. Такъ недавно опубликованъ уставъ такъ называемой Гретцовой стипендіи. Еще 10 лѣтъ тому назадъ, по случаю 25-ти лѣтней ученой дѣятельности при еврейско-богословской семинаріи, учрежденной Франклемъ, уважаемаго проф. Гретца, автора извѣстной „Исторіи евреевъ“, друзья и почитатели его собрали капиталъ въ 6,000 марокъ, на учрежденіе стипендіи имени Гретца для выдачи за лучшія ученныя работы по еврейскому вопросу. Капиталъ этотъ значительно возросъ за истекшіе 10 лѣтъ и недавно обнаруженъ уставъ Гретцовой стипендіи. Она предназначается прежде всего для выдачи премій за лучшія сочиненія по еврейской исторіи, литературѣ и археологіи, а также по изслѣдованію Святой Зем-

ли и сосѣднихъ съ ней странъ; если втеченіе трехъ лѣтъ къ ряду ни одно самостоятельное сочиненіе изъ этой области не будетъ признано достойнымъ преміи, то проценты съ капитала идутъ на пособіе молодымъ людямъ, посвятившимъ себя изученію выше-названныхъ предметовъ. При жизни проф. Гретца онъ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ, присуждающемъ стипендіи и пособія.

Достойными соперниками германскихъ клерикаловъ и піетистовъ по части возбужденія ненависти къ евреямъ являются доблестные мадьяры. Среди нихъ явился Штеккеръ, въ лицѣ депутата Истоци, пытавшася пересадить антисемитическую лигу на мадьярскую почву. При извѣстной влюбленности мадьяръ въ самихъ себя, при нетерпимости ихъ ко всѣмъ другимъ національностямъ, даже къ такимъ, которые стоятъ несравненно выше ихъ на степени политическаго и умственнаго развитія, какъ напр. къ нѣмцамъ и чехамъ, немудрено, что среди нихъ явились люди, которымъ лавры Штеккера и К^о не давали спокойно спать. Миклошъ внесъ въ пештскій сеймъ запросъ относительно того, извѣстно ли правительству о дѣятельности клики людей, проповѣдующихъ открыто необходимость ограниченія гражданскихъ, политическихъ и имущественныхъ правъ евреевъ и какъ оно относится къ этой агитаціи; онъ считалъ необходимымъ основательное разъясненіе этого вопроса въ виду агитаціи депутата Истоци и другихъ лицъ, всячески пытающихся посѣять вражду между венгерскими гражданами христіанскаго и еврейскаго исповѣданія. Министръ-президентъ Тиша довольно лаконично отвѣтилъ на этотъ запросъ, что правительство не только совершенно чуждо этой агитаціи, но и не одобряетъ ея, что оно не дѣлаетъ никакого различія между согражданами своими моисеева и христіанскаго закона и что вся отвѣтственность за возбужденіе взаимной вражды и зависти между гражданами венгерскаго государства должна всецѣло пасть на лицъ, занимающихся этимъ непригляднымъ ремесломъ. Словомъ, отвѣтъ Тиши на запросъ Миклоша былъ дѣловитъ, нѣсколько пренебрежителенъ для мадьярскихъ анти-семитовъ, но сухъ и холоденъ; въ немъ не высказано было прямого и рѣшительнаго порицанія анти-семитической агитаціи, и многіе не безъ основанія замѣчаютъ, что дѣйствительно выдающіеся государственные люди Венгріи, какъ напр. покойные Де-

акъ и Этвешъ, и даже графъ Андраши, отнеслись бы къ этому дѣлу совершенно иначе. Еврейское населеніе столицы Венгріи съ своей стороны намѣрено отвѣтить на выходку Истоци тѣмъ, что выставитъ при предстоящихъ выборахъ въ его избирательномъ округѣ своего кандидата — одного журналиста-еврея. Для этой цѣли между ними будто бы уже собрано по подпискѣ около 2000 гульденовъ.

Между тѣмъ какъ въ Транслейтаніи производятся (хотя въ меньшихъ размѣрахъ) скандалы, примѣръ къ которымъ подали германскіе анти-семиты, въ Цислейтаніи недавняя поѣздка императора Франца-Иосифа по сѣверо-восточнымъ областямъ своей имперіи подала поводъ съ одной стороны къ многочисленнымъ изъясненіямъ самой глубокой преданности своему монарху со стороны еврейскаго населенія, съ другой — къ неоднократнымъ заявленіямъ императора о томъ, что онъ, съ своей стороны, не дѣлаетъ ни малѣйшаго различія между своими подданными еврейскаго и не-еврейскаго происхожденія и закона. Въ отвѣтъ на поздравленіе, принесенное ему представителями еврейскаго общества въ Львовѣ, императоръ, поблагодаривъ ихъ, поручилъ имъ сказать всѣмъ, которые ихъ уполномочили на поднесеніе поздравленій, что его искреннее желаніе — видѣть и своихъ еврейскихъ подданныхъ мирно и безпрепятственно пользующихся дарованными имъ правами. Подобныя же слова были произнесены имъ въ Тешенѣ, Пжемыслѣ и въ другихъ мѣстахъ. Приведемъ здѣсь только одинъ интересный эпизодъ изъ поѣздки императора. Проѣздомъ черезъ одно мѣстечко въ Галиціи императоръ принималъ и представителя мѣстной еврейской общины. Человѣкъ этотъ былъ темный, вся премудрость котораго не простиралась за предѣлы талмуда. Однако нужно было произнести привѣтствіе императору. И вотъ депутатъ-еврей начинаетъ слѣдующую рѣчь: „Ваше величество. Я не ораторъ; я ничему не учился, кромѣ талмудѣ. Дозвольте же мнѣ, ваше величество, рассказать лишь одно мѣсто изъ талмуда. Одному благочестивому раввину пришлось разъ во время своихъ странствованій отдохнуть подъ деревомъ, укрыться подъ его тѣнью и насытиться его плодами. Когда ему пришлось идти далѣе, онъ простился съ деревомъ словами: «Чѣмъ могу отблагодарить тебя, доброе дерево, чего еще пожелать тебѣ? Твой стволъ благороденъ, твои корни пьютъ изъ свѣжаго источ-

ника, твои плоды сладки, твои вѣтви роскошны. Тебѣ благодарны современники, тебя благословитъ потомство. Мнѣ остается только пожелать, чтобы всѣ твои отпрыски были подобны тебѣ и чтобы ихъ всѣ благословляли*». Вотъ, ваше величество, дерево это — это вы. Подъ вашею сѣнью живутъ народы, ваши славныя дѣянія приносятъ имъ счастье. Чего же мы можемъ еще пожелать вашему величеству, чего бы у васъ еще не было? За вами уже обеспечены любовь народа, процвѣтаніе государства, слава среди современниковъ, добрая память потомства. Мнѣ остается только пожелать, чтобы ваши потомки, подобно вамъ, распространяли всюду добро и стяжали любовь народовъ“. Императоръ былъ видимо глубоко тронутъ этимъ простымъ, душевнымъ словомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего шаблоннаго, отъ души поблагодарилъ раввина и замѣтилъ, что онъ многое слышалъ о талмудѣ, но что онъ не зналъ что въ немъ содержатся такія прекрасныя ученія въ такой благородной формѣ. Этотъ простой, но поучительный анекдотъ не мѣшало бы намотать на усъ тѣмъ, которые, отчасти по невѣжеству своему, отчасти по злой волѣ, не перестаютъ утверждать, что талмудъ есть ни что иное, какъ собраніе узкихъ, буквоѣдныхъ сентенцій, но что въ немъ есть не мало страницъ, пронизанныхъ благородствомъ и гуманизмомъ.

Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, несмотря на сравнительно высокую степень образованія, на которой стоитъ эта страна, тоже нѣтъ недостатка въ агитаціи противъ евреевъ; понятно, что главную роль тутъ играютъ французскіе ультрамонтаны и реакціонеры. Понятно, что для нихъ существующее въ Парижѣ общество «Alliance israélite universelle» является бѣльмомъ на глазу. Они стараются изобразить это общество какимъ-то политическимъ учрежденіемъ, приписываютъ ему стремленіе къ притѣсненію христіанскихъ религій и т. п. Недавніе многочисленные случаи удаленія изъ Франціи членовъ различныхъ монашескихъ и религіозныхъ орденовъ явилось для усердныхъ не по разуму клерикаловъ желаннымъ поводомъ обвинить „Еврейскій Союзъ“ въ содѣйствіи преслѣдованію вѣрующихъ католиковъ, причѣмъ преднамѣренно искажались факты, умалчивалось о томъ, что это поч-

* Талмудъ, трактатъ „Таанитъ“.

тенное общество, всецѣло посвятивъ себя дѣлу благотворительности и просвѣщенія, постоянно тщательно держалось въ сторонѣ отъ всякой политической дѣятельности, въ особенности по вопросамъ, не касающимся непосредственно евреевъ, а взаимнаго отношенія различныхъ христіанскихъ исповѣданій между собою. Общество это всегда дѣйствовало и дѣйствуетъ открыто. Въ политическомъ и социальномъ отношеніи оно имѣло одну только цѣль—добиться гражданской равноправности для евреевъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ имъ еще отказываютъ въ ней и гдѣ они еще подвергаются притѣсненіямъ и гоненіямъ, и добиться безпрепятственнаго допущенія въ этихъ странахъ евреевъ къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ. Не какихъ-либо привилегій домогается «Союзъ», а равноправности во-первыхъ и образованія—во-вторыхъ. Притомъ же это общество видитъ главную сферу своей дѣятельности не во Франціи, гдѣ евреи пользуются относительно широкими правами, а въ отдаленныхъ странахъ, преимущественно Востока, гдѣ еще царятъ фанатизмъ и нетерпимость. Впрочемъ, къ чести французскаго народа слѣдуетъ замѣтить, что попытки ультрамонтановъ и реакціонеровъ раздуть и во Франціи ненависть и презрѣніе къ евреямъ падаютъ на гораздо менѣе благодарную почву, чѣмъ въ Германіи, благодаря высшей степени развитія и образованія и большому добродушію французскаго народа сравнительно съ германскимъ.

Здѣсь встаетъ нелишнимъ будетъ упомянуть, что недавно въ Лондонѣ отпраздновалъ 96-лѣтнюю годовщину своего рожденія человекъ, дѣятельность котораго прошла главнымъ образомъ въ Англіи и въ отдаленныхъ восточныхъ странахъ, но который, вмѣстѣ съ своими друзьями и единоплеменниками, Кремье и Перейрами, принималъ въ свое время дѣятельное участіе въ образованіи «Alliance israélite». Мы говоримъ о сэрѣ Моисѣ Монтефиоре, родившемся 20 октября 1784 года. Неутомимый боецъ за равноправность евреевъ и за улучшение ихъ политическаго, гражданскаго и экономическаго быта получилъ въ этотъ день чуть не со всѣхъ концовъ земного шара многочисленные поздравленія и подарки и ознаменовалъ этотъ день раздачей щедрыхъ пособій 96 бѣднымъ еврейскимъ семействамъ. Несмотря на свою глубокую старость

серъ Мозесъ находится еще умственно и физически въ сравнительно бодромъ состояніи.

Очень некстати около этого времени одна мало извѣстная и мало распространенная лондонская газетка «Family Journal» сочла нужнымъ помѣстить на своихъ столбцахъ желчную и ядовитую статью противъ евреевъ. Но въ Англіи терпимость и гуманность сдѣлали въ послѣднія десятилѣтія такіе замѣтные успѣхи, что даже такой ультра-консервативный органъ, какъ «Saturday Review», нашель нужнымъ протестовать противъ этой безтавтности, а серьезный «University Magazine» напечаталъ блестящую апологію талмуда. Какъ бы въ отвѣтъ на эти недостойныя выходки избирателя либеральнаго члена парламента еврея Симона, собравшись на митингъ, постановили выразить Симону глубочайшую ихъ признательность за его успѣшную и плодотворную парламентскую дѣятельность.

Закончимъ нашу, по необходимости краткую на этотъ разъ хронику указаніемъ на два-три, хотя и не особенно выдающихся явленія, но все-таки такихъ, которыя стоятъ того, чтобы не пройти незамѣченными, и составляющихъ во всякомъ случаѣ пріятный контрастъ съ печальными, вышеупомянутыми нами фактами изъ современной исторіи еврейства въ Германіи, Венгріи и Марокко.

Во время происходившихъ прошлою осенью патриотическихъ празднествъ въ Бельгіи еврейское населеніе какъ Брюсселя, такъ и другихъ городовъ, принимало самое горячее участіе въ празднованіи 50-лѣтняго юбилея бельгійской независимости. При самомъ возникновеніи бельгійскаго королевства (въ 1830 году) новое правительство, несмотря на неизбѣжныя и тутъ реакціонныя поползновенія, не только безусловно признало перешедшую къ нему отъ голландцевъ гражданскую равноправность евреевъ, но сравнило еврейскую религію во всѣхъ отношеніяхъ съ католической и протестанской и назначило на содержаніе синагогъ суммы изъ государственныхъ, провинціальныхъ и областныхъ средствъ. Эта мудрая политика не замедлила принести желанныя плоды, и едва-ли въ какомъ либо другомъ государствѣ въ мірѣ вѣроисповѣдное различіе до такой степени исчезло изъ дѣйствительной жизни и равноправность всосалась въ плоть и кровь народа и общества, какъ въ Бельгіи. Сознывая это, бельгійскіе ультрамон-

таны даже и не пытались возбуждать, какъ мы это видѣли на примѣръ по поводу кельнскихъ празднествъ въ Германіи, какую-либо агитацію противъ евреевъ, и ограничились тѣмъ, что изливали свою злобу на ненавистныхъ имъ франъ-масоновъ.

Въ Италіи, гдѣ начиная съ среднихъ вѣковъ всегда было много евреевъ и врачей, въ послѣднее время стало выдѣляться особенно много евреевъ-юристовъ. Въ происходившемъ прошлою осенью въ Туринѣ конгрессѣ юристовъ участвовало не менѣе шести евреевъ, изъ которыхъ двое, Тедеско и Луццати, занимали должности секретарей конгресса. Въ происходившемъ въ Миланѣ историческомъ конгрессѣ самое дѣятельное участіе принимали евреи коммодоръ Асколи и кавалеръ Гиронъ, библіотекаръ Бреры. Тамъ же недавно происходилъ конгрессъ глухонѣмыхъ, который избралъ г. Перейру, изъ Парижа, своимъ почетнымъ президентомъ, помня заслуги, которыя оказалъ одинъ изъ его предковъ дѣлу прирѣвніи и образованія этихъ столь жестоко обиженныхъ судьбою несчастливцевъ. Этотъ предокъ былъ Яковъ Родриго Перейра, родившійся въ 1716 году въ Эстрамадурѣ, переселившійся со своимъ семействомъ во Францію и первый начавшій въ 1745 году заниматься обученіемъ глухонѣмыхъ. Въ 1751 году король Людовикъ XV назначилъ ему пенсію, а въ 1765 году назначилъ его придворнымъ толмачемъ для объясненія съ глухонѣмыми; Перейра занималъ эту должность до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1780 г.

Если въ двухъ изъ вновь образовавшихся на развалинахъ турецкой имперіи юныхъ христіанскихъ государствахъ, а именно въ Румыніи и Сербіи, политическое и гражданское положеніе заставляетъ желать еще многого и неоднократно вызывало протестъ и ходатайства «Всеобщаго еврейскаго союза», то съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что въ самомъ юномъ изъ этихъ государствъ, а именно въ Болгаріи, по свѣдѣніямъ того же «Союза», положеніе евреевъ уже теперь становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обезпеченнымъ. Они пользуются полною равноправностью съ прочими гражданами, уже нѣсколько разъ принимали участіе въ выборахъ членовъ народнаго собранія и трое изъ нихъ уже выступали кандидатами въ депутаты. Князь Александръ выказываетъ имъ постоянно полное свое расположеніе. Впрочемъ и въ Сербіи за послѣднее время какъ бы повѣяло новымъ вѣяніемъ. Во время пребыванія прошлою осенью князя Милана въ Ишлѣ ему пред-

ставлялся г. Каннъ, членъ центрального комитета «Еврейскаго Союза» и князь увѣрялъ его въ своей симпатіи къ евреямъ. Однако, несмотря на эти увѣренія, до сихъ поръ еще въ сербскую скупщину не внесенъ законопроектъ о равноправности евреевъ, для чего уже 4 раза предполагалось созвать скупщину въ экстренное собраніе*.

Э. Ватсонъ.

* Въ виду обилія матеріаловъ, накопившихся для первой книжки нашего журнала, мы находимся вынужденными сократить на этотъ разъ размѣры нашей иностранной хроники.

Кстати, для уясненія характера и тона нашей иностранной хроники, считаемъ нужнымъ заявить, что авторъ ея—не еврей, ни по вѣрѣ, ни по происхожденію.

Ред.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Гейдельбергъ, декабрь, 1880 г.

Всего только десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ осуществилась давнишняя мечта разбросанныхъ по всему земному шару, представителей тевтонскаго племени. Въ знаменательной для исторіи Германскаго народа день 15 ноября 1870 года подписанъ извѣстный договоръ, который положилъ конецъ обособленному политическому существованію размельченныхъ до смѣшнаго нѣмецкихъ государствъ. Объединенная отнынѣ Германія праздновала великое національное торжество. Заработавъ кровью своихъ сыновъ побѣдные лавры, обогащенная грандіозною французскою контрибуціею, гордая своими безспорными заслугами на поприщѣ цивилизаціи, мощная и ликующая Германія представляла тогда завидное зрѣлище. Сытые и довольные нѣмцы братались между собою и клятвенно увѣряли другъ друга въ неизмѣнной любви и солидарности. Недовольные и ворчливые ступевались совершенно: ихъ голосъ замеръ среди оглушающаго „Vox populi“, который — на родинѣ и на чужбинѣ, на улицахъ и дома, въ рѣчахъ и пѣсняхъ—превозносилъ до небесъ виновника германскаго объединенія, возведеннаго въ сказочные богатыри, „всемогущаго“ министра Бисмарка.

Въ этой политической вакханаліи побѣднаго народа суждено было впервые и германскимъ евреямъ принять неограниченное участіе, на правахъ всѣми признанныхъ „гражданъ“. Вѣдь и они понесли громадныя жертвы въ этой достославной войнѣ, увѣнчавшейся для Германіи такими блестящими результатами! Не одинъ буйный молодецъ изъ племени Израиля положилъ свою голову подъ стѣнами Гравелотта, Седана и Парижа; не одна тысяченка

талеровъ перешла въ эту пору изъ мошны еврейской въ казну государственную. Ихъ заслуги и патриотическія чувства не подвергались никакому сомнѣнію. Ихъ окружали ласкою и вниманіемъ, наравнѣ со всѣми. День 15-го ноября 1870 г., казалось, положилъ навсегда конецъ всякой розни между нѣмцами - христіанами и нѣмцами-евреями.

Прошло десятилѣтіе—восторженное упоеніе смѣнилось разочарованіемъ, надежды и упованія превратились въ мыльный пузырь... Тяжеленъко живется въ настоящее время еще недавно столь гордымъ и самоувѣреннымъ сынамъ единой Германіи! «Nichts ist beständiger als der Wechsel!» — сказалъ какъ то одинъ изъ умныхъ ихъ соотечественниковъ. Это мѣткое изреченіе нашло себѣ полное подтвержденіе въ исторіи нѣмцевъ за послѣднее десятилѣтіе. Германскимъ евреямъ точно также пришлось испытать его справедливость. Слишкомъ быстро суждено имъ было отрезвиться и въ тысячный разъ познать непрочность человѣческихъ отношеній...

«Жидъ идетъ!» — раздался въ прошломъ году, послѣ продолжительной паузы, грозный призывъ карьериста Марра. „Горе намъ, побѣжденнымъ сынамъ Германіи!“ — гремѣлъ онъ на всѣхъ перекресткахъ: „евреи поработили насъ; они ожиदовили нашу славою родину и угрожаютъ намъ полнымъ заплоненіемъ. Водрузимъ-же наше священное тевтонское знамя, соберемъ рать и не дадимъ себя въ обиду!“... Вскорѣ на смѣну Марра явился самъ профессоръ Берлинскаго университета, ученый мужъ Трейтчке. Онъ объявилъ себя напрямикъ заклятымъ врагомъ іудейскаго племени — этихъ „продавцевъ стараго платья“, которые наводняютъ Германію и собираются прибрать ее окончательнo въ руки. Двѣтри бойкія статейки этого толерантнаго ученаго возмѣли свое дѣйствіе. Толчекъ былъ данъ. Оставалось перейти къ дѣлу. На сцену выступилъ, наконецъ, алчущій безсмертія, преподобный патеръ Штекеръ, евангелическій придворный проповѣдникъ. Онъ повелъ атаку рѣшительнымъ образомъ. Съ этихъ поръ одна картина смѣнялась другою, число-же дѣйствующихъ лицъ росло все больше и больше. Созданъ былъ стройный хоръ, который усердно слѣдилъ за дирижерскою палочкою іудофобствующаго проповѣдника. И вотъ мы находимся среди разгара представленія, первый актъ котораго былъ разыгранъ на-дняхъ въ первопрестольной столицѣ германскаго государства, въ стѣнахъ прусскаго ландтага.

Изъ газетныхъ сообщеній читателю извѣстны уже, въ общихъ чертахъ, мотивы и сущность преній, происходившихъ въ ландтагѣ 20-го и 22-го ноября. Пренія эти были вызваны запросомъ проф. Генеля, депутата изъ партіи прогрессистовъ, по поводу петиціи, ходатайствующей объ ограниченіи правъ евреевъ и распростра-няемой по всей странѣ, для вербоки подписей, усердно рукою самаго Штекера и его достойныхъ сподвижниковъ. Юмористическая газета «Berliner Wespen» резюмируетъ этотъ запросъ и со-держание самой петиціи въ слѣдующей остроумной формѣ:

„Съ нѣкотораго времени—докладываетъ упомянутая газета—ходить у насъ по рукамъ петиція, предназначенная для подачи въ государственную канцелярію и министру-президенту. Эта петиція выражаетъ слѣдующія требованія: 1) дабы было постановлено, что евреи—не люди; 2) дабы было узаконено, что равныя обязанности порождаютъ не для всѣхъ одинаковыя права; 3) дабы было признано, что всѣ евреи подлежатъ поголовно отвѣтственности за провинности, неумѣстные отзывы и безтактность отдѣльныхъ своихъ представителей, и наконецъ: 4) дабы было декретировано, что только по отношенію къ евреямъ дважды-два составляетъ немногимъ менѣе четырехъ. Поелику я, депутатъ Генель, приѣмлю смѣлость сдѣлать запросъ правительству: какого оно придерживается мнѣнія на счетъ среднихъ вѣковъ?“

Такъ вотъ до какихъ размѣровъ дошла агитація противъ евреевъ! Петиція, публичный запросъ и двухдневныя пренія въ палатѣ, несмѣтныя брошюры и воззванія, рѣчи въ собраніяхъ, даже рукопашная расправа—вотъ до чего разрослось это движеніе, еще недавно принимавшееся всѣми за невинное времяпрепровожденіе...

Что-же такое совершилось въ Германіи за послѣднія десять лѣтъ и чѣмъ объяснить всѣ тѣ явленія, которыхъ намъ суждено быть свидѣтелями? Неужели мы въ самомъ дѣлѣ стоимъ лицомъ къ лицу со сценами, такъ хорошо знакомыми намъ по лѣтописямъ и другимъ историческимъ документамъ изъ эпохи среднихъ вѣковъ?

Нѣтъ, читатель: геперешная травля носить совершенно иной характеръ. Нынѣшняя агитація отличается отъ многочисленныхъ прежнихъ уже тѣмъ, что религіозный вопросъ играетъ въ ней лишь второстепенную роль, роль аксесуара. Коноводы движенія и

всѣ тѣ, которые прямо или косвенно принимаютъ въ немъ участіе, оставляютъ въ сторонѣ еврейскую религію; ихъ стрѣлы направлены, главнымъ образомъ, противъ «семитовъ», значить противъ происхожденія. Лозунгъ дня гласить: германцы, или вѣриге арійцы—противъ семитовъ, а не христіане противъ евреевъ! Раса, племя—вотъ противъ кого точать ножи. А коли вопросъ о расѣ выдвигается на первый планъ, то отъ анаэмы не спасаетъ, значить, и св. вращеніе...

И такъ, дѣло идетъ о борьбѣ иного сорта — если вообще можетъ быть рѣчь о борьбѣ тамъ, гдѣ приходится констатировать одностороннее нападеніе. Подкладка этой борьбы—чисто политическая. Въ ней заинтересованы извѣстныя политическія группы, которымъ потребовался «еврейскій вопросъ», чтобы, при помощи его, обдѣлывать свои собственные дѣлишки. Представители двухъ характерныхъ лагерей сошлись здѣсь для единого дѣла: эгоистическіе реакціонеры съ одной стороны, и церковные дѣльцы — съ другой. Съ этими-то элементами и приходится, въ данномъ случаѣ, вѣдаться преслѣдуемымъ евреямъ. Единственная опора евреевъ—это представители либеральныхъ, передовыхъ группъ, которымъ такъ не везетъ теперь въ Германіи! Уже одного этого намека достаточно, чтобы сразу понять — откуда дуетъ вѣтеръ.

Благородные борцы за «германскую идею», на которыхъ мы указали только — что какъ на главныхъ дѣятелей въ антисемитическомъ движеніи, никогда не пошли-бы такъ далеко, если бы дѣло касалось, дѣйствительно, евреевъ и только евреевъ. Ни для кого не тайна, что вся эта агитація — явленіе искусственное, что она на самомъ дѣлѣ создана не тѣми, которые приняли ее теперь въ свое непосредственное вѣдѣніе. Агитаторы нашли уже почву готовую, они собираютъ только жатву, благо въ этой благодарной работѣ замѣшаны и собственные ихъ интересы.

Въ чемъ-же тутъ дѣло?—спросить читатель.

Намъ отвѣтить на этотъ вопросъ краткій обзоръ внутренней политики Германіи, за непродолжительный періодъ ея объединеннаго существованія.

Германія переживаетъ теперь тяжелое время. Правительство не оправдало обращенныхъ къ нему ожиданій. Опираясь, вначалѣ семидесятыхъ годовъ, на сильномъ большинствѣ въ палатахъ и имѣя за себя чуть-ли не всю страну, оно не сумѣло воспользо-

ваться этимъ счастливымъ положеніемъ, чтобы дать свободно развернуться народному благосостоянію. Стоя у кормила правленія и имѣя подъ собою прочную почву, кн. Бисмаркъ увлекся личными симпатіями и принялся за эксперименты, которые находились въ самой тѣсной связи съ его давнишними мечтами, съ характеромъ его политическихъ убѣжденій. Чтобы осуществить свои идеалы, которые вращаются около одной фундаментальной цѣли—замѣнить федеративное устройство нынѣшней Германіи полнѣйшею централизаціею, со всѣми принадлежностями послѣдней, — самодержавный канцлеръ, соображаясь съ обстоятельствами, постоянно мѣнялъ свою тактику. Зависимость отъ конституціи и народныхъ представителей нисколько не парализовала его смѣлости. Подводные камни устранялись имъ, по мѣрѣ надобности, съ ловкостью искуснаго полководца; палата превращалась каждый разъ въ сборище послушныхъ слугъ, съ необыкновеннымъ усердіемъ исполнявшихъ волю своего господина. Оппозиція усмиралась при помощи уступокъ или заманчивыхъ обѣщаній, которыя рѣдко приводились въ исполненіе; не то—путемъ открытой немилости, выражавшейся въ различнаго рода репрессаліяхъ противъ той партіи, которая въ данную минуту не желала смиряться. Первая мѣра оказывалась, однако, наиболѣе дѣйствительною: она обращалась къ эгоизму человѣческому, которому такъ чуждо понятіе объ общемъ благѣ. Такимъ образомъ кн. Бисмаркъ переходилъ изъ объятій въ объятія, мѣняя своихъ политическихъ друзей изъ года въ годъ. Какъ только та или другая парламентская группа, поддерживавшая въ данную минуту политику правительства, обнаруживала серьезное поползновеніе превратиться въ оппозицію, тотчасъ-же ей давалась отставка, а на смѣну являлась другая, гарантировавшая канцлеру необходимое ему большинство. Нѣтъ ни одной почти фракціи въ палатахъ, которая, за послѣднее десятилѣтіе, не переживала-бы и ту, и другую стадію, т. е. не состояла-бы поочередно въ дружбѣ и враждѣ съ политикою князя Бисмарка!

Первый періодъ этого десятилѣтія былъ періодъ процвѣтанія либеральнаго направленія. Героями дня были тогда національ-либералы, съ евреемъ Ласкеромъ во главѣ, которые, по простотѣ душевной, долго не разгадывали политики канцлера. Евреи, которые въ общей сложности были солидарны съ національ-либе-

ральною партією, пользовались въ эту пору особенною милостію кн. Бисмарка... Но годы уходили,—политика правительства выяснялась все болѣе и болѣе. Національ-либералы, сослужившіе не одну службу государству, постепенно приходили къ сознанію, что они состоятъ орудіемъ въ рукахъ канцлера, что ихъ—однимъ словомъ—ловко водили все время за-носъ. Князь Бисмаркъ не могъ, конечно, не предвидѣть, что ему рано или поздно придется отвернуться отъ національ-либераловъ, или вѣрнѣе—что послѣдніе отвернутся отъ него. Надо было обезпечить себя на всякій случай. И вотъ, между прочимъ, затѣяна такъ назыв. «культурная борьба». Съ одной стороны эта открытая и смѣлая война съ курією и ея сателлитами усиливала популярность канцлера въ рядахъ либераловъ и отводила имъ глаза отъ настоящихъ его намѣреній; съ другой—создана была клика недовольныхъ, которую можно было держать въ резервѣ, на случай окончательнаго разрыва съ либералами. Эта тонкая дипломатія не обманула связанныхъ съ нею расчетовъ. Пѣсенка либераловъ оказалась, наконецъ, спѣтою. Съ нихъ взято было все, что они были въ состояніи предложить. Пришлось разстаться съ ними и повести дѣла болѣе рѣшительнымъ образомъ, для чего почва оказалась уже достаточно подготовленною. Давно задуманныя финансовыя реформы, которыя должны были служить подспорьемъ для осуществленія другихъ затѣй канцлера, встрѣчали въ либералахъ рѣшительныхъ противниковъ. Правительству нужны были деньги во что-бы то ни стало, а доставать ихъ возможно было лишь путемъ новыхъ законовъ, утвержденіе которыхъ зависѣло отъ парламентскаго большинства. Надо было, такимъ образомъ, искать новой поддержки. Она нашлась въ рядахъ консервативныхъ партій, которымъ предстояло поправить и свои дѣлишки, въ случаѣ осуществленія законопроектовъ правительства. Эти законопроекты вращались около введенія новыхъ налоговъ и охранительныхъ пошлинъ, весьма выгодныхъ для представителей крупнаго землевладѣнія и крупной промышленности. Консервативныя партіи въ палатахъ и составляютъ теперь изъ этихъ элементовъ. Феодалы и денежные тузы, крупные землевладѣльцы и заводчики — вотъ кто смѣнилъ либераловъ и задаетъ въ настоящее время тонъ въ палатахъ: рука объ руку съ ними, правительство осчастливило въ прошломъ году Германію цѣлымъ рядомъ вновь созданныхъ для стра-

ны тягостей, съ которыми приходится вѣдаться немущимъ, и безъ того уже вдоволь обремененнымъ классамъ населенія. Разумѣется что услуги, оказанныя правительству консерваторами, должны были вызвать взаимность и со стороны перваго. Эра либеральная, еще недавно какъ оудто процвѣтавшая въ Германіи, была совершенно забыта. Развернулась, со всѣми своими прелестями, реакція, столь излюбленная юнкерами, которые получили сразу такое сильное вліяніе. Но отдаться всецѣло консерваторамъ тоже было не дипломатично. Не даромъ-же припасена на всякій случай «культурная борьба». Когда совершился разрывъ съ либералами, начались переговоры и съ куріею. Пошли въ ходъ туманныя обѣщанія, попы смягчались тоже, а тѣмъ временемъ оказалось возможнымъ воспользоваться голосами клерикаловъ, которые такъ пригодились правительству во время вотированія его предложеній о новыхъ налогахъ и пошлинахъ. Консерваторы и клерикалы! Сколько силы оказалось сразу на сторонѣ реакціи!.. Излагать дальше политику канцлера—нѣтъ надобности. Мы дошли до того момента, когда совершился крутой поворотъ, изподтишка и методически подготовленный. У насъ есть теперь достаточно матеріала въ рукахъ, чтобы, при помощи его, объяснить себѣ сущность нынѣшней агитаціи противъ евреевъ.

Мы уже намекнули, что антисемитическое движеніе заправляется консерваторами и клерикалами. Правда, коноводъ движенія, проповѣдникъ Штекеръ, не католическій священникъ, а потому, казалось-бы, съ культурною борьбою, направленною противъ католическаго духовенства, имѣетъ мало общаго. Притомъ онъ, какъ извѣстно, даже личный врагъ германскаго канцлера, который, какъ мы увидимъ ниже и какъ напентываетъ стоустая молва, не совсѣмъ чистъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. Но—«les beaux esprits se rencontrent»; Штекеромъ-же руководятъ еще въ данномъ случаѣ тѣ-же самыя побужденія, которыя издавна поддерживаютъ воинственный духъ въ его католическихъ коллегахъ. Евангелическое духовенство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Штекеръ, уже давно пришло къ заключенію, что гоненія, открытыя противъ нескромныхъ посягательствъ католической церкви, не остались безъ послѣдствій и для церкви протестантской. Культурная борьба отразилась на умахъ и протестантскаго населенія страны, которое во многихъ мѣстахъ измѣнило въ чувствительной степени

свои отношенія къ духовенству. Послѣднее относить, разумѣется, эти перемѣны къ слишкомъ свободнымъ, по ихъ убѣжденію, церковнымъ законамъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ культурной борьбѣ, значить всѣмъ тѣмъ, которые оказали въ ней канцлеру свое содѣйствіе. Что касается собственно клерикаловъ, такъ недвусмысленно высказывавшихъ въ ландтагѣ свою злобу противъ евреевъ, то роль ихъ въ антисемитической агитаціи объясняется очень просто. Когда затѣвалась культурная борьба, ее привѣтствовала съ восторгомъ вся Германія, за исключеніемъ тѣхъ словъ, противъ которыхъ она была непосредственно направлена. Правительство стояло тогда въ апогеѣ своей популярности и, между прочимъ, имѣло за себя все еврейское населеніе, которое было увлечено общимъ теченіемъ и, въ лицѣ представителей своихъ политическихъ убѣжденій, не могло не принять участія въ культурной борьбѣ. Былъ-ли такой образъ дѣйствій со стороны евреевъ тактиченъ или нѣтъ—это другой вопросъ. Не забудемъ, что тогда не выяснилась еще, какъ теперь, истинная подкладка этого «культуркампа». Личные расчеты кн. Бисмарка, виновника антиклерикальной агитаціи, были сокрыты отъ глазъ страны, для которой существовалъ на лицо самый фактъ—сбуженія власти ненавистныхъ патеровъ. Такимъ-то образомъ и евреи очутились на сторонѣ враждебнаго клерикаламъ направленія, которые ухватились теперь за удобный случай, чтобы наказать ихъ сколько возможно за какіе-то старыя грѣхи и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать ихъ безвредными для себя на будущее время. Они и заключили для этой цѣли союзъ съ консерваторами, которые, въ свою очередь, отстаиваютъ, при помощи антисемитической агитаціи, свою собственную шкуру. Предъ нами разыгрывается въ данномъ случаѣ, во всей своей непривлекательности, одна изъ формъ пресловутой «борьбы за существованіе»; «ste-toi de là, que je m'y mette!»—вотъ что означаетъ здѣсь, какъ и повсюду, эта борьба, въ переложеніи на языкъ обыкновенныхъ смертныхъ. Совмѣстно съ либералами, значить и съ евреями, консерваторамъ ужиться невозможно. Они добились теперь первенства и новыхъ доходовъ, въ лицѣ выгодныхъ для нихъ пошлинъ и т. д. Это добро надо отстаивать, а потому отнюдь не допускать въ палату либераловъ и прогрессистовъ, которые и безъ того составляютъ для нихъ испоконъ вѣковъ бѣльмо на глазу. Надо принять во вниманіе, что въ

наступающемъ году имѣютъ происходить новыя выборы для рейхстага. Отъ исхода этихъ выборовъ зависитъ всецѣло дальнѣйшая роль нынѣшнихъ консервативныхъ союзниковъ правительства. Простая логика и подсказываетъ этимъ дѣльцамъ, что главная ихъ забота должна теперь состоять въ устраненіи либераловъ, за которыми идутъ и евреи, отъ появленія ихъ въ будущей новой палатѣ въ подавляющемъ большинствѣ. Подорвать кредитъ либераловъ и ихъ друзей, объявить ихъ врагами отечества, натравлять противъ нихъ толпу—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ программа консерваторовъ, подхватившихъ ради этого еврейскій вопросъ, сразу и принявшій, такимъ образомъ, болѣе острую форму. «Die Juden schlägt man, und uns, Liberalen, meint man!»—такъ объявили антисемитическую агитацію депутатъ Рихтеръ...

Но объявленная евреямъ война никогда не приняла-бы такихъ размѣровъ, еслибы ее косвеннымъ образомъ не поощрялъ самъ германскій канцлеръ. Онъ не высказывался до сихъ поръ открыто на счетъ своихъ отношеній къ этой войнѣ, но все его поведение изобличаетъ явное сочувствіе послѣдней. Отдадимъ себѣ прежде всего отчетъ въ томъ, какъ относится, вообще, кн. Бисмаркъ къ евреямъ. На этотъ счетъ онъ поучаетъ насъ, къ счастью, самъ, въ своихъ прежнихъ рѣчахъ. Недавно вышла книженка, изданная редакторомъ „Государственнаго Указателя“ (значитъ лицомъ официальнымъ) и заключающая въ себѣ собраніе рѣчей князя Бисмарка за періодъ съ 1847 по 1851 годъ)*. Что этотъ сборникъ, не представляющій въ общей сложности ничего выдающагося, появился въ свѣтъ именно теперь, т. е. одновременно съ гоненіями противъ евреевъ—фактъ довольно знаменательный. И вотъ въ этой-то книженкѣ мы наталкиваемся на одну длинную рѣчь нынѣшняго канцлера, произнесенную имъ въ іюнѣ 1847 г., по случаю внесенія въ тогдашній соединенный берлинскій ландтагъ предложенія о расширеніи правъ евреевъ. «Я собственнo не врагъ евреевъ—высказался онъ тогда съ обычною своею откровенностью—и даже люблю ихъ, смотря по обстоятельствамъ». «Я не скрываю—говоритъ онъ дальше—что съ головы до ногъ преисполненъ предразсудковъ, которые всосалъ въ себя

* Die Reden des Abgeordneten v. Bismark - Schönhausen in den Parlamenten v. 1847—51, herausg. von Th. Riedel, Redacteur des „Reichs- u. Staats-Anzeigers“. Berlin, 1881.

съ молокомъ матери. Мнѣ никакъ не удастся разстаться съ этими предрасудками. Я и долженъ, поэтому, сознаться, что еслибы мнѣ, какъ представителю священной особы его величества, пришлось когда-либо имѣть посредникомъ между моимъ государемъ и мною—еврея, которому я обязанъ былъ бы притомъ повиноваться, я положительно чувствовалъ бы съ себя глубоко униженнымъ и угнетеннымъ. Я лишился-бы, въ такомъ случаѣ, своего обычнаго расположенія и той непоколебимой самоувѣренности, которыя руководятъ мною при исполненіи моихъ обязанностей по отношенію къ государству. Эти чувства я раздѣляю вполнѣ съ толпою и нисколько не стыжусь своей солидарности съ нею въ этомъ отношеніи». Свое несочувствіе предложенію о расширеніи правъ евреевъ онъ мотивируетъ, между прочимъ, еще слѣдующимъ опасеніемъ: «вѣдь если—говоритъ онъ—положеніе приходящихъ къ намъ изъ Польши евреевъ измѣнится къ лучшему, то это, чего добраго, послужитъ значительною приманкою для милліоновъ русскихъ евреевъ, которые, по моему разумѣнію, чувствуютъ себя въ Россіи не совѣтъ привольно!»... Опасенія, «депутата» Бисмарка, однако, не оправдались. Политическое положеніе евреевъ въ Германіи улучшилось, вопреки «предрасудкамъ» г. Бисмарка, шагъ за шагомъ, пока евреи не достигли, наконецъ, равноправности. Изъ Россіи-же наплыва тѣмъ не менѣе не послѣдовало. Правда, Трейтчке, и всѣ тѣ, которые поютъ въ унисонъ съ нимъ, тычутъ въ глаза христіанскому населенію «ужасающіе» размѣры переселенія въ Германію русскихъ евреевъ; но авторитетному статистику, д-ру Нейману *, не трудно было доказать ложность этого голословнаго заявленія. Если еврейское населеніе въ Германіи увеличилось, дѣйствительно, за послѣдніа десятилѣтія, то собственно переселеніе играло въ этомъ явленіи незначительную роль. Выводы д-ра Неймана, опирающагося въ своихъ показаніяхъ на официальную статистику, чрезвычайно интересны и съ перваго взгляда поражаютъ даже своею неожиданностью. Мы вернемся еще къ нимъ при другомъ случаѣ.

Такъ вотъ каковы личные взгляды заправителя германскихъ дѣлъ по отношенію къ евреямъ! Съ тѣхъ поръ, какъ санкциони-

* *Neumann, S., D-r.*—Die Fabel von der jüdischen Masseneinwanderung. Ein Kapitel aus der preussischen Statistik. Berlin. 1880.

рована равноправность послѣднихъ, кн. Бисмарку не прихотилось отзываться о нихъ въ такой не деликатной формѣ. Напротивъ, онъ даже очень ладилъ съ ними и одно время велъ себя по отношенію къ нимъ какъ истинный другъ. Онъ не побрезгалъ, когда это ему было выгодно, совѣщаться съ вожакомъ рабочихъ, евреемъ Лас-салеми, въ то самое время, когда этотъ послѣдній объявилъ себя открытымъ врагомъ современнаго политическаго строя и состоялъ подъ судомъ, въ качествѣ государственнаго преступника. Его отношенія къ другому еврею, Ласкеру, тоже всѣмъ извѣстны. Что онъ, тѣмъ не менѣе, остался все-таки вѣренъ своимъ «предразсудкамъ» и только временно заглушалъ ихъ въ себѣ, обнаружилось теперь самымъ рѣзкимъ образомъ. Его лейбъ-органы: официальная «Всеобщая Сѣверо-Германская Газета» и офиціозный журналъ «Grenzboten», которые не высказываются иначе какъ подъ диктовку своего патрона, стали въ такія отношенія къ антисемитической агитаціи, что не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ своей солидарности съ бунтарями. Первое изъ названныхъ нами изданій помѣстило на своихъ столбцахъ, вслѣдъ за дебатами въ ландтагъ, не безынтересную статью, которая, вкстати, выясняетъ намъ въ курьезной формѣ одну изъ причинъ предосудительнаго отношенія правительства къ гонимому еврейскому населенію. Эта статья изливаетъ прежде всего цѣлый ушатъ ругательства на депутатовъ прогрессивской партіи, которые съ такимъ одушевленіемъ отстаивали евреевъ въ палатѣ. «Антисемитическое движеніе—прибавляетъ затѣмъ газета—не пользовалось вначалѣ нашею симпатіею. Мы должны однако сознаться, что стали теперь относиться къ нему съ большею благосклонностью, именно съ тѣхъ поръ, какъ намъ пришлось во-очію убѣдиться, съ какимъ азартомъ выступаютъ противъ нея депутаты Рихтеръ и Риккертъ. Невольно говоришь себѣ: если оба эти депутата являются такими рѣзкими антагонистами извѣстнаго дѣла, то послѣднее заключаетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія нѣчто такое, что заслуживаетъ, напротивъ, нашего полнаго сочувствія». Логика образцовая: оттого что ненавистные правительству депутаты оппозиціоннаго лагеря выступаютъ защитниками евреевъ, эти послѣдніе должны подлежать опалѣ правительства! Но дѣло не въ одной опалѣ. Депутаты Вирховъ и Рихтеръ высказались весьма недвусмысленно на счетъ активнаго просто участія правительства въ гоненіяхъ противъ ев-

реевъ. Они констатировали близкую связь между такъ назыв. «фондомъ пресмыкающихся» (Reptilienfond), специально предназначеннымъ для поддержанія полезныхъ правительству частныхъ органовъ прессы, и тѣми возбуждающими противъ евреевъ статьями, которыя съ нѣкотораго времени начали появляться именно въ этихъ органахъ. «Правда—заявляетъ по этому поводу Рихтеръ,—голова и руки канцлера не видны нигдѣ въ этомъ движеніи. Я не могу также указать на прямое участіе въ немъ тѣхъ представителей отъ правительства, которые засѣдаютъ здѣсь за министерскимъ столомъ. Но мы видимъ за то въ этомъ движеніи тѣхъ, которыхъ принято величать и которые сами называютъ себя «слугами канцлера», отъ господина Морица Буша (издателя журнала «Grenzboten») до закулисныхъ дѣятелей «Сѣверо-Германской всеобщей Газеты» и включая сюда-же самаго г. Трейтчке. Всѣ эти господа участвуютъ, такъ сказать, добровольно въ антисемитической агитаціи, и если самъ канцлеръ не вмѣшивается въ нее непосредственно, то страна смотритъ все-таки на это дѣло иначе. Повсюду шепчутъ: для канцлера движеніе еще не достаточно созрѣло; онъ выступитъ самъ — и можетъ быть при посредствѣ же тѣхъ лицъ, которыхъ мы видимъ здѣсь за министерскимъ столомъ—лишь тогда, когда петиція украсится миллионами подписей и движеніе будетъ, вслѣдствіе этого, признано достаточно организованнымъ». Замѣчательно, что правительственная печать, которая въ аналогичныхъ случаяхъ никогда не медлитъ своими опроверженіями, на этотъ разъ прошла молчаніемъ заявленія Рихтера, Вирхова и др. ораторовъ, въ одинъ голосъ указывавшихъ на канцлера, какъ на протектора антисемитическаго движенія. Что правительство подаетъ всячески поводъ къ подобнымъ сужденіямъ и осужденіямъ — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ужъ тотъ фактъ, что оно придерживается политики молчанія и вселяетъ косвеннымъ образомъ кое-какія надежды въ агитаторовъ, говорить не въ пользу правительства, которое и безъ крутыхъ мѣръ могло бы приостановить въ зародышѣ Штекеровскую пропаганду. Попечительство еврейской общины въ Берлинѣ обратилось еще 17-го октября 1879 г. къ министру внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ, въ которомъ оно, отъ имени еврейскаго населенія столицы, ходатайствовало о заступничествѣ правительства. Прошеніе осталось безъ отвѣта. Послѣдовало второе прошеніе, отъ

20-го апрѣля с. г., а за симъ третье—отъ 31-го истекшаго мая. Результатъ оказался одинъ и тотъ же. Наконецъ, представитель общины отправился самолично къ министру. Ему отказано было въ аудіенціи, на томъ основаніи, что г. министръ не располагаетъ-де на столько временемъ, чтобы допускать къ себѣ всѣхъ просителей. Нѣсколько недѣль спустя, именно 19-го іюня, послѣдовалъ, правда, официальный отвѣтъ на вышеупомянутое прошеніе. Но каково же было его содержаніе! Правительство выражало въ немъ сомнѣніе на счетъ компетентности попечительства подавать прошенія отъ имени всего столичнаго еврейскаго населенія; на счетъ же самихъ гоненій оно отозвалось въ томъ смыслѣ, что, буде даже агитація перешагнетъ извѣстныя границы, правительство все-таки сочтетъ вправѣ вмѣшаться въ дѣло лишь въ предѣлахъ прямого нарушенія закона,—нарушенія же подобнаго оно пока констатировать не можетъ. Такимъ то образомъ правительство отдѣлалось отъ непріятныхъ апелляцій берлинскихъ евреевъ! Въ публикѣ все это было хорошо извѣстно. агитація росла и росла, пока не перешагнула пороговъ ландтага.

Чѣмъ же объяснить, однако, что коноводы антисемитическаго движенія имѣютъ такой успѣхъ, что они съ каждымъ днемъ расширяютъ предѣлы своей «богоугодной» дѣятельности, что ряды антисемитовъ приобрѣтаютъ все больше и больше стройности? Агитація приняла серьезные размѣры лишь съ недавняго времени и сдѣлала значительные успѣхи: этого отрицать, къ сожалѣнію, невозможно. Значитъ она находитъ отголосокъ въ странѣ, значитъ нѣмецкіе евреи въ самомъ дѣлѣ пользуются ненавистью народа и сами накликали на свою голову бѣду...

На первый взглядъ такой выводъ можетъ казаться вполне законнымъ и логичнымъ. Но попытаемся присмотрѣться къ дѣлу поближе.

Мы заявили уже выше, что Германія переживаетъ въ настоящее время тяжелый кризисъ. Прежде всего этотъ кризисъ выражается въ экономическихъ затрудненіяхъ, которыя созданы военнымъ режимомъ, финансовыми реформами послѣдняго времени и злополучнымъ грюндерствомъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, закончившимся знаменитымъ крахомъ и до сихъ поръ не дающимъ оправиться раззорившейся тогда Германіи. Картина, которую представляетъ собою Германія въ настоящее время, производитъ впечатлѣніе крайне безотрадное. Народъ раззоренъ, не успѣвъ даже

полакомиться тѣми миллиардами, которые такъ недавно еще были вырваны у французовъ. Налоги, безденежье, застой въ торговлѣ и промышленности и т. д. и т. д.—все это отражается самымъ чувствительнымъ образомъ на положеніи средняго и нисшаго классовъ населенія, тяжелымъ трудомъ добывающихъ свое пропитаніе. Болѣе смѣлые и рѣшительные оставляютъ съ семействами свое отечество и отправляются искать счастье въ другихъ мѣстахъ. Выселеніе въ Америку и т. п. значные края растетъ съ каждымъ годомъ. Цѣлыя провинціи пустѣютъ, лишаясь незамѣнимыхъ рабочихъ рукъ, къ великому отчаянію помѣщикаго сословія и фабрикантовъ. Нижеслѣдующія цифры, заимствованныя изъ оффиціального отчета королевскаго статистическаго комитета въ Берлинѣ, даютъ намъ нѣкоторое понятіе объ ужасающихъ размѣрахъ этой эмиграціи: За первые только 9 мѣсяцевъ нынѣшняго года выселилось изъ Германіи 79,958 чел.—больше противъ числа переселенцевъ за весь 1879 г. на 54,412 чел.! (Въ 1879 г. эмигрировало 25,546 чел., въ 1878 г. всего только 19,758 чел.).

Но не въ одной только экономической сферѣ сказывается ненормальность положенія нашей сосѣдки. Она страдаетъ другими еще недугами, которые отчасти связаны и съ имущественнымъ вопросомъ. Германскій народъ преобразился до неузнаваемости со времени побѣдъ своихъ надъ французами. Куда дѣвались возвышенные интересы, служеніе идеаламъ и т. д.—чѣмъ когда-то такъ гордились нѣмцы! Всеобщая распушенность, погоня за наживой, матеріализмъ во всѣхъ его видахъ и формахъ—всѣми этими симптомами больного организма Германія страдаетъ теперь въ высокой степени: ихъ констатируютъ сами же нѣмцы—съ кафедръ и трибуны, въ церкви и на собраніяхъ, въ прессѣ и въ безчисленныхъ книжкахъ, предлагающихъ всевозможныя средства противъ этого хроническаго и не сразу излечимаго недуга. Въ обществѣ раздаются настойчиво голоса о необходимости замѣнить нынѣ дѣйствующій уголовный кодексъ болѣе суровымъ, о введеніи тѣлеснаго наказанія и т. д. Пьянство, нищенство, легкое отношеніе къ чужому добру, ростовщичество—все это приняло въ послѣдніе годы необычайные размѣры и вызываетъ цѣлый рядъ законопроектвъ, которые ждутъ съ минуты на минуту санкціи народнаго представительства. Умственный застой, одичаніе во взглядахъ и стремленіяхъ, деморализація, такъ и бьющая въ глаза—состав-

ляютъ дополненіе къ нарисованной здѣсь бѣлыми штрихами картинѣ современныхъ нравовъ Германіи. Въ политической жизни нѣмцы стали страшиться даже той доли свободы, которая сдѣлалась ихъ достояніемъ съ недавняго времени. Они взываютъ къ правительству съ мольбою избавить ихъ отъ нѣкоторыхъ законовъ, расширившихъ рамки народной самостоятельности. Устами напр. такихъ органовъ, какъ «Deutsche Landeszeitung», заявляются на этотъ счетъ требованія, положительно напоминающія собою времена, для иныхъ странъ далеко отдаленныя. Отмѣна гражданскаго брака, прекращеніе конкуренціи, возстановленіе корпоративныхъ цеховъ и гильдій, упраздненіе закона о свободномъ передвиженіи, введеніе представительной системы на основаніяхъ чисто сословныхъ и т. д.—всѣ эти *ria desideria* украшаютъ программу многихъ избранниковъ народа, которые безнаказанно защищаютъ ее на всевозможные лады отъ его-же имени...

Общественное мнѣніе, въ лицѣ истинныхъ и просвѣщенныхъ патріотовъ, которымъ дороги интересы народа и которые съ болью въ душѣ взираютъ беспомощно на болѣзненное состояніе своей родины, давно уже признаютъ правительство виновницею нынѣшняго упадка. Въ одинъ голосъ кричитъ оно: правительство шло впередъ совершившагося на нашихъ глазахъ печальнаго поворота; своею собственною политикою оно довело страну до разоренія, поощряло эгоизмъ и служеніе личнымъ интересамъ, санкционировавъ для германцевъ извѣстное іезуитское правило, по которому «цѣль оправдываетъ средства»!

Среди такихъ условій не мудрено было, конечно, развиться и антисемитической агитаціи. Пропаганда нашла для себя благопріятную почву. Она обращалась къ толпѣ, которая въ большинствѣ случаевъ не вдается въ разясненіе причинъ происхожденія извѣстныхъ явленій. Эта толпа недавно еще открыла свои объятія социаль-демократамъ, которые, пользуясь пассивнымъ отношеніемъ къ нимъ правительства, имѣвшимъ опять-таки свои причины, уловили счастливую минуту и воодушевляли народъ заманчивыми обѣщаніями. Социаль-демократы взывали тогда, какъ и теперь антисемиты, къ толпѣ разоренной, задавленной, разочарованной въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ—и имѣла успѣхъ... Но вотъ социаль-демократы были затерты и кое-какъ приведены къ молчанію. Имъ дали буншевать, пока это было полезно прави-

тельству, которому, между прочимъ, нужно было имѣть въ резервѣ предлогъ, чтобы въ свое время объявить отечество въ опасности и тѣмъ смѣлѣе и увѣреннѣе провести свои, изподтишка подготовленные реформы. На сцену выступили радѣтели церкви—«христіанскіе соціалисты»—какъ назвали себя эти шуты—съ Штекеромъ во главѣ. Но эти мнимые друзья народа не обладали тѣми талантами, которые проявляли въ своей агитаціи истинные соціал-демократы. Ихъ программа, долженствовавшая яво бы замѣнить программу соціал-демократовъ, ничего, кромѣ пустыхъ словъ, въ себѣ не заключала. Ихъ сладкія обѣщанія, построенныя какъ будто-бы на почвѣ социализма, но съ примѣсью началъ христіанскаго ученія, оказались въ скорости пустымъ звукомъ. «Христіанскіе соціалисты» не создали ни одной плодотворной мысли, не проявили ни одного положительнаго мѣропріятія, которое подтвердило-бы ихъ силу и жизненность. Нужно было придумать нѣчто болѣе дѣйствительное, заявить о себѣ дѣянiями болѣе эффектными. Жертвою избраны на этотъ разъ евреи, которые уже въ прежнія времена и въ подобныхъ-же случаяхъ, оказывали самымъ своимъ существованіемъ громадныя услуги разнымъ авантюристамъ à la Штекеръ. Тѣмъ временемъ совершился ловоротъ въ политикѣ правительства, на который было указано выше. Консерваторы окрѣпли, нашедши сильную опору въ правительствѣ, которое, въ свою очередь, оказалось теперь у преддверія къ осуществленію своихъ завѣтныхъ цѣлей. Грозныя требованія соціал-демократовъ, взывавшихъ къ обязательной помощи государства въ дѣлѣ улучшенія быта народа—требованія, признанныя стражами отечества за преступленіе и глупую химеру.—стали теперь добродѣтелью, благо они, на иной только ладъ, украшали знамя феодаловъ, представителей крупнаго землевладѣнія и капитала. Этотъ видоизмѣненный девизъ встрѣтилъ опору въ правительствѣ и служилъ основаніемъ, на которомъ построены были финансовыя реформы, прешедшія теперь въ палатахъ безъ всякихъ трудностей. Но если усиѣхъ правительства и его новыхъ друзей поощрялъ ихъ къ дальнѣйшему шествованію по намѣченному заранѣе пути, то созданное совмѣстными усиліями statu quo все-таки не могло считаться вполне упроченнымъ. Надо было добиться во что бы то ни стало поддержки страны, т. е. привлечь на свою сторону тѣ самые элементы, которые съумѣли увлечь за собою

соціаль-демократы. Средства были употреблены для этой священной цѣли тѣже самыя, но только въ формѣ нѣсколько видоизмѣненной. Соціаль-демократы напирали на капиталъ и указывали на него, какъ на виновника всѣхъ бѣдствій и золь. «Да, во всемъ виноватъ капиталъ:—подхватили теперь имущіе, — но не тотъ капиталъ, который вы видите у насъ и котораго мы ни за что не выпустимъ изъ нашихъ рукъ; не земельная рента, которой мы стоимъ представителями, виновна въ общественномъ раззореніи, а капиталы, сосредоточивающіеся въ рукахъ непродуцательныхъ сѣмитовъ, сосущихъ вашу кровь и не дающихъ вамъ ничего взамѣнъ тѣхъ благъ, которыми вы такъ щедро ихъ надѣляете». А И вотъ агитація противъ евреевъ была открыта сразу въ широкихъ размѣрахъ. Къ ней пристали ультрамонтане, еле дождавшіеся момента, чтобы отмстить евреямъ за культурную борьбу,—присталъ и Штекеръ, съ своимъ христіанско-соціалистическимъ хвостомъ. Моментъ былъ выбранъ удачный. Кто спекулируетъ на народное бѣдствіе и на фанатизмъ толпы, тотъ бьетъ всегда навѣрняка. Изнывая подъ гнетомъ капитала, который сосредоточенъ въ Германіи въ рукахъ единичныхъ счастливецъ. еле держась подъ тяжестью прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, которые такъ возрасли въ послѣдніе годы,—нѣмецъ, въ безысходности своей, готовъ ухватиться за соломенку. Вѣдь ему указываютъ прямо на виновника его бѣдствій, указываютъ такъ опредѣленно и при этомъ сулятъ всяческія блага отъ подавленія общаго врага! Рядомъ съ этимъ ему подсказываютъ еще, что агитація противъ евреевъ есть богоугодное дѣло. Какъ-же не пристать къ затѣянной войнѣ и не черкнуть своего имени подъ петиціею, украшенною подписями разныхъ фоновъ и преподобій? Людей болѣе взыскательныхъ, не удовлетворяющихся ссылкой на богоугодность и экономическій гнетъ, увлекаютъ другимъ маневромъ: для нихъ припасенъ аргументъ объ «этической» сторонѣ антиеврейской агитаціи, преслѣдующей безнравственность политическую и соціальную, которую создали будто-бы и насаждаютъ до-днесъ евреи...

Но этихъ искусственныхъ мѣръ все-таки было-бы недостаточно, чтобы создать такую стройную толпу антисемитовъ. готовыхъ, по первому призыву, послѣдовать за Марраши, Штекерами и в°. При обсужденіи причинъ, послужившихъ подспорьемъ для антисемитической агитаціи, надо принять въ расчетъ и положеніе самихъ

героевъ дня, т. е. германскихъ евреевъ, значительно измѣнившееся со времени приобрѣтенія ими равноправности. Оставаясь даже на почвѣ полнѣйшей объективности, нельзя не отдать справедливости нашимъ нѣмецкимъ собратьямъ: исходя изъ положенія, что «*in die Lumpen sind bescheiden!*» — они въ широкихъ размѣрахъ воспользовались равноправностью, которою они обязаны прежде всего самимъ себѣ. Эманципация германскихъ евреевъ составляетъ, какъ извѣстно, продуктъ самоновѣйшаго времени. Давно-ли берлинская еврейская община праздновала, вообще, двухсотлѣтіе своего существованія! Всего двѣсти съ небольшимъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эдиктомъ «великаго курфюрста» разрѣшено было нѣсколькимъ только избраннымъ вѣнскимъ евреямъ поселиться въ городахъ Вранденбурга и заняться торговлею, въ ограничен-ныхъ притомъ размѣрахъ, на ярмаркахъ и въ открытыхъ лавкахъ. Эти пришельцы, равно какъ и тѣ, которые въ послѣдующія по-колѣнія раздѣляли ихъ участь, содержались въ черномъ тѣлѣ и покупали свое право на существованіе цѣною самыхъ горькихъ испытаній. Долгій и тернистый путь суждено было пройти заброшеннымъ судьбою въ Германію евреямъ, прежде чѣмъ они дождались признанія за ними гражданскихъ правъ. Ограниченія, тяжелыя и подчасъ непреодолимыя, которыми было обставлено свободное развитіе ихъ талантовъ, до чрезвычайности медленно, а въ полномъ своемъ объемѣ—лишь въ очень недавнее время сдавались въ архивъ. Не ранѣе какъ 3-го іюля 1869 г. состоялось знаменательное и для евреевъ германскихъ постановленіе, которое гласило, что, начиная съ этого дня, упраздняются «всѣ существовавшія до того, основанныя на различіи вѣроисповѣданій, ограниченія гражданскихъ и государственныхъ правъ». Вся исторія нашихъ нѣмецкихъ собратьевъ по вѣрѣ, до этого законодательнаго акта, есть не болѣе какъ рядъ униженій, рассчитанныхъ на то, чтобы задавить ихъ окончательно и лишить на вѣчныя времена возможности подняться когда-либо на высоту положенія свободныхъ людей. Впрочемъ, одна-ли только исторія германскихъ евреевъ представляетъ собою такую эпопею?

Евреи выдержали, однако, это испытаніе. Они не сдавались и дождались-таки лучшихъ дней, которымъ суждено было вознагра-дить ихъ за грустное прошлое. Равноправность дана имъ не изъ милости: они добыли ее цѣтою и кровью, вынудивъ ее у своихъ

согражданъ, представъ съ своими требованіями въ такое время, когда удовлетвореніе послѣднихъ оказалось для государства не только неизбѣжною, но и для него самого крайне необходимою и полезною обязанностью. Оковы были, такимъ образомъ, святы разъ на всегда. Это событіе совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда въ самой Германіи пошла оживленная работа. Войны 66 и 70 гг., блестящія побѣды нѣмцевъ, новое положеніе, которое пришлось имъ отнынѣ занять между народами Европы — все это оживило Германію новымъ духомъ, вызывало нѣмцевъ къ усиленной дѣятельности и энергіи. Евреямъ германскимъ представилась впервые возможность показать и себя въ роли свободныхъ гражданъ. И дѣйствительно, работа закипѣла у нихъ на славу! Потенціальная, сокрытая отъ глазъ людскихъ сила, которую избражали собою евреи до того времени, превратилась сразу въ силу живую, въ энергію дѣятельную, которая искала только арены для своего приложенія. Торговля и финансовыя операціи — главная и чуть ли не единственная отрасль прежнихъ евреевъ — оказались для нихъ отнынѣ узкою сферою: они все болѣе и болѣе расширили районъ своей дѣятельности, повсюду совались съ своими талантами и постепенно отвоевывали себѣ одно поприще за другимъ. Пусть отдѣльныя личности и сословія, для которыхъ конкуренціи живой, настойчивой и производительной рабочей силы оказалась несподручною, упрекаетъ евреевъ во вредномъ вліяніи на науку, торговлю, промышленность и т. д. Государство, какъ представитель совокупныхъ интересовъ всей страны, не можетъ не оцѣнить по достоинству ихъ громаднхъ заслугъ и тѣхъ выгодъ, которыя принесла съ собою, всесторонняя и кипучая дѣятельность трудолюбивыхъ сврейскихъ гражданъ. Нѣтъ ничего, конечно, удивительнаго въ томъ, что еврей, разъ получивъ возможность развернуть свои таланты въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и обнаруживъ серьезное пожеланіе воспользоваться этою возможностью, должны были — подобно освобожденнымъ рабамъ Америки — то тамъ, то сямъ, натапливаться на предрасудки, отчасти узаконенныя давностью, отчасти и теперь еще насаждаемые въ ннихъ сферахъ воспитаніемъ. Смущаться этими предрасудками было неумѣстно. И вотъ, наносились ими невольно удары самолюбію людскому, которое, цѣпляясь за какое-то произвольно созданное понятіе о привилегированности, глубоко страдает отъ

посягательства евреевъ — стюзить все болѣе и болѣе рамки послѣдней. Нынѣшніе христіанскіе бюргеры, которые такъ желали-бы отмежевать для евреевъ извѣстныя только профессіи, совершенно упускаютъ изъ виду, что они недавно еще находились сами въ положеніи, вполне напоминающемъ положеніе евреевъ. Имъ тоже приходилось, въ теченіи вѣковъ, одолевать щепетильность аристократическаго сословія, которое не могло никакъ мириться съ необходимостью дѣлить извѣстныя поприща съ обыкновенными смертными. Давно ли въ милитарной Пруссіи раздавались протесты противъ допущенія нетитулованныхъ гражданъ въ военную среду? Среднему сословію, а низшему и подавно, отказывали не только въ правѣ пополнять, въ качествѣ офицеровъ, ряды арміи и умирать за родину; этимъ сословіямъ отказывали просто въ тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ будто бы исключительную принадлежность баръ и отсутствіе которыхъ въ представителяхъ войска должно неминуемо ввергнуть послѣднее въ погибель. Бюргеры не испугались въ свое время этихъ протестовъ; евреи поступили точно такимъ же образомъ. А подобный грѣхъ не скоро забывается! Вотъ и насталь удобный моментъ, чтобы проучить „нахальныхъ жидовъ“, которые пришли, молъ, изъ разныхъ мѣстъ и дерзаютъ посягать на исконныя права коренныхъ гражданъ! Не мало есть между соратниками Штекера именно такихъ, якобы обиженныхъ евреями почтенныхъ бюргеровъ, которые рады случая выместить на евреяхъ накипѣвшую противъ нихъ злобу. Наивные нѣмцы! Они, какъ видно, питали надежду, что евреи, изъ благодарности за признаніе ихъ гражданскихъ правъ, будутъ по-прежнему сосредоточивать свою дѣятельность на торговлѣ, что они не осмѣлятся «отбивать хлѣбъ» у христіанскихъ своихъ согражданъ, которые одни будто бы имѣютъ право наполнять суды, занимать университетскія каѳедры, служить въ канцеляріяхъ и т. д. „Евреямъ слѣдовало съ большимъ тактомъ и большею умѣренностью воспользоваться дарованными имъ правами!“ — восклицаетъ по этому поводу депутатъ фонъ-Гейдебрандъ, въ прусскомъ ландтагѣ. — «Проявили ли они такую умѣренность? Не пытаются ли они, напротивъ, проникнуть во всѣ сферы нашего государственнаго организма и забрать въ свои руки больше правъ, чѣмъ сколько имъ въ дѣйствительности принадлежать должно?» Послѣ такихъ словъ, высказанныхъ во всеуслышаніе, съ вы-

соты трибуны парламента, нечего удивляться, что антисемитическая агитація была встрѣчена многими нѣмцами, разсуждающими точь-въ-точь какъ г. фонъ-Гейдебрандъ, съ распростертыми объятіями. Чтобы раздражать инстинктъ толпы этою именно стороною еврейскаго вопроса, агитаторы не щадятъ трудовъ и пускаются на всякія хитрости. Народились спеціальныя газетки, до-нельзя пошленькія, которыя варьируютъ эту тему на разные лады. Между прочимъ, одинъ изъ этихъ, съ позволенія сказать, органовъ печати, именно газета «Wahrheit» *, разукрасила свое объявленіе о подпискѣ слѣдующею иллюстраціею, подъ которой подписано: „Финансовыя операціи прежде и теперь“. На одной половинѣ изображенъ колѣнопреклоненный еврей, навязывающій свои деньги ясновельможному пану; на другой—государственный сановникъ нынѣшняго покроя стоитъ на колѣняхъ передъ евреемъ и выпрашиваетъ у него опять-таки деньги. Странно, однако, что и тутъ, и тамъ даетъ деньги—еврей, а получаетъ ихъ—баринъ.

Намъ пора, однако, подвести итоги. Посмотримъ же: изъ какихъ слоевъ организуются, въ общей сложности, ряды нынѣшнихъ антисемитовъ? Списокъ не длиненъ, но говоритъ самъ за себя. Представители тьмы, потомки испанскихъ инквизиторовъ сошлись на одной аренѣ съ феодалами, отстаивающими изо всѣхъ силъ «преданія старины глубокой». Къ этимъ запѣваламъ примыкають въ качествѣ хора: помѣщики и заводчики, которые ни за что не хотятъ выпустить изъ своихъ когтей забранную ими когда-то львиную часть земныхъ благъ; разоренное третье сословіе, которому нуженъ козелъ отпущенія, чтобы отвести на немъ свою душу; задѣтые за-живое конкуренціею евреевъ сытые бюргеры, которые порѣшили разъ на всегда, что государство и извѣстныя поприща общественной дѣятельности существуютъ для нихъ, а не наоборотъ; неудачники разныхъ оттѣнковъ, непризнанные гениі и тщетные искатели лавровъ; наконецъ недоучившіеся сынки тѣхъ или

* Штекеръ, изблеченный безконечное число разъ во жи, отрещивается. впрочемъ, отъ солидарности съ газетою „Wahrheit“, по поводу чего уже цитированные нами „Berliner Wespen“ обращаются къ нѣмцамъ съ слѣдующимъ двутышемъ:

Jhr dürft ihm glauben, wenn er spricht:
Jch, Stöcker, lieb' die «Wahrheit» nicht!..

другихъ изъ этихъ борцовъ, поющіе съ чужого голоса. Другихъ элементовъ вы, какъ ни нищте, въ разыгрывающейся теперь на германской почвѣ трагикомедіи никакъ не найдете. Эти элементы всегда будутъ враждовать съ евреями, которымъ на роду ужъ написано расходиться съ ними во взглядахъ и стремленіяхъ. „Пусть вѣдаютъ граждане Берлина—восклицаетъ Штекеръ, въ сво ей рѣчи отъ 28 апрѣля с. г., въ собраніи руководимой имъ «соціально-христіанской партіи»—что еврейство и прогрессъ (Fortschritt) идутъ рука объ руку и что ярмо еврейское, въ области мысли и труда, будетъ тогда только подавлено, когда мы освободимся отъ прогресса!» *. Подобные же возгласы раздавались неоднократно и въ стѣнахъ ландтага, въ пресловутые дни посвященныхъ евреямъ дебатовъ. Такъ вотъ онъ, этотъ мутный источникъ, изъ котораго исходятъ петиціи, циркуляры, безшабашная газетная ругань и словесное чествованіе, направленные противъ «вредныхъ», «безнравственныхъ» и «заславшихся» евреевъ!

Кто же выступаетъ защитниками евреевъ, кто бралъ ихъ и въ прежнія времена подъ свое покровительство?

Прочтите протестъ нѣмецкихъ христіанскихъ гражданъ, напечатанный во всѣхъ передовыхъ газетахъ, наканунѣ извѣстныхъ уже намъ засѣданій въ ландтагѣ. Подъ протестомъ этимъ красуется много именъ, но именъ такихъ, съ которыми связано понятіе о служеніи наукѣ и идеямъ свободы. Вотъ изъ какихъ словъ раздаются голоса въ защиту нашего племени вообще, и германскихъ ея представителей въ особенности! Удивительно-ли, послѣ этого, что германскіе евреи, ужъ если не изъ внутреннихъ побужденій (какъ поспѣшатъ навѣрное прибавить разныя западныя и восточныя Штекеры!), то по инстинкту и „разсчету“, такъ дѣлятся за прогрессъ и, по мѣрѣ силъ своихъ, помогаютъ служителямъ прогресса въ ихъ тяжелой борьбѣ съ мракомъ и безначаліемъ?

Дебаты въ прусскомъ ландтагѣ составятъ одну изъ свѣтлѣйшихъ страницъ въ исторіи нѣмецкихъ евреевъ. Предъ лицомъ всего свѣта друзья и враги евреевъ, расходясь въ деталяхъ, высказались такъ или иначе, что нынѣшняя антиеврейская травля

* См. отчетъ объ этомъ засѣданіи въ „Voss'sche Zeitung“ № 66, отъ 6-го марта с. г.

составляетъ позоръ для просвѣщенной Германіи. Запросъ Генела поставилъ вопросъ ребромъ. Онъ вынудилъ правительство заявить категорически, что оно не имѣетъ въ виду лишить евреевъ — ни въ полномъ объемѣ, ни въ частности—тѣхъ правъ, которыя санкціонированы за ними разъ на всегда. Онъ вызвалъ на откровенность и враговъ евреевъ, заставилъ ихъ отречься отъ солидарности съ курсирующею въ странѣ петиціею объ ограниченіи правъ евреевъ.

Мы не будемъ, разумѣется, конкурировать здѣсь *post festum* съ текущею прессою, которая уже раньше и болѣе или менѣе подробно успѣла познакомить читающую публику съ преніями въ ландтагѣ и другими происшествіями, имѣющими отношеніе къ интересующей насъ здѣсь злобѣ дня. Наше дѣло было—выяснить, въ доступныхъ предѣлахъ, характеръ и причины нынѣшняго антисемитизма. Переживаемое нами движеніе еще далеко не кончилось. Оно дастъ намъ еще достаточно матеріала, чтобы возвращаться къ нему неоднократно въ дальнѣйшихъ письмахъ. Ошелюванный, притиснутый къ стѣнѣ Штекеръ, равно какъ его единомышленники, не могутъ такъ скоро сдаться на капитуляцію. Да и къ чему сдаваться? Условія, благопріятствовавшія народженію антисемитизма, продолжаютъ вѣдь пока существовать по прежнему. Удирать рыбу въ мутной водѣ—никто не препятствуетъ. Соблазнъ же великъ. Пришлось бы, въ противномъ случаѣ, сразу сойти съ подмостковъ и затереться въ толпѣ. И вотъ знаменитая петиція продолжаетъ пока преспокойно свое шествіе по градамъ и весямъ обширной Германіи. Правда, ее возвращаютъ изъ очень и очень многихъ мѣстъ съ крайне обидными для ея авторовъ надписями, съ протестами и аттестациями, отъ которыхъ у людей чувствительныхъ краска стыда навѣрное выступала бы на лицѣ. Но вѣдь наряду съ „непатріотичными вѣмцами, за одно идущими съ евреями“, есть и бюргеры другаго закала. Нравственное достоинство и политическій обликъ этихъ податливыхъ патріотовъ въ расчетъ не идетъ: нужны подписи, имя какое-нибудь, чтобы усилить значеніе петиціи, если не качественно, то хоть количественно. Къ счастью есть разные ландраты и другія официальные особы провинціальныхъ заходустій, которыя—по своей ли инициативѣ, или по внушенію авторитетнаго источника—помогаютъ всячески въ вербовкѣ подписей. Неужели же бросить все теперь уже, не ис-

пытавъ фортуны до конца? Вѣдь вся исторія съ петиціею затѣяна. какъ выше сказано, не проста: дѣло идетъ о спасеніи новаго рейхстага, въ который скоро будутъ производиться по всей странѣ выборы. Если теперь положить оружіе, то придется впоследствии вѣдаться съ такимъ составомъ въ рейхстагѣ, отъ котораго консерваторамъ и клерикаламъ ждать добра отнюдь не приходится.

«Старая погудка на новый ладъ!» — скажетъ навѣрное читатель, вмѣстѣ съ нами, по прочтеніи подлежащихъ строкъ. *Tempora mutantur, nos et mutamur in illis...*

А. Ц.

ПИСЬМА ИЗЪ АВСТРІИ.

Вѣна, декабрь. 1880.

Въ то время, какъ я собираюсь писать вамъ о дѣлахъ и положеніи евреевъ въ Австріи, у меня въ ушахъ все еще отдаются дебаты, происходившіе въ прусской палатѣ о «еврейскомъ вопросѣ». Кто еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ могъ бы предсказать, чтобы въ городѣ интеллигенціи, какъ нѣмцы любятъ называть свою столицу, было бы возможно что либо подобное! А между тѣмъ...

Но вы, конечно, желаете отъ меня сообщеній не о положеніи евреевъ въ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе вы позволите мнѣ хоть нѣсколько еще остановиться на этомъ предметѣ, такъ какъ онъ вызываетъ воспоминанія о подобныхъ же отношеніяхъ въ Австріи и другихъ странахъ и въ то же время освѣщаетъ современное положеніе вообще.

Посмотримъ, въ чемъ заключается ultimo ratio антисемитической лиги? Если допустимъ, что она не стремится къ поголовному сожженію всѣхъ евреевъ, то надо думать, что цѣли ея состоятъ въ поголовномъ ихъ изгнаніи, или же, что она дѣлаетъ различіе между хорошими и дурными евреями и требуетъ, чтобы дурные были изгнаны. Если это такъ, то мы еще будемъ имѣть случай анализировать эти понятія. Или же она, какъ выражается г. Трейчке, требуетъ, чтобы евреи сдѣлались нѣмцами? И къ этой вариациіи мы будемъ имѣть случай вернуться.

Если правда, что исторія есть наставница человѣчества, то мы, относительно изгнанія евреевъ массама, пожелали бы привести нѣсколько примѣровъ изъ исторіи евреевъ въ Австріи. Въ 1670 году, при императорѣ Леопольдѣ, послѣдовало послѣднее изгнаніе евреевъ изъ Вѣны, а въ 1744, году при Маріи

Терезіи, евреи должны были подвергнуться изгнанію изъ Богеміи. Прежде всѣхъ участь эта постигла пражскихъ евреевъ. Но прошло немного времени, и евреи снова возвратились въ Вѣну, а затѣмъ и въ Прагу. Вѣнскихъ евреевъ было обвиняли въ томъ, что они сдирали шкуру съ христіанъ. Но когда они выселились изъ Вѣны, то оказалось, что христіане еще сильнѣе эксплуатируютъ своихъ единовѣрцевъ и не въ примѣръ болѣе дерутъ съ нихъ, чѣмъ это дѣлали евреи, а между тѣмъ торговля и промышленность совершенно пришли въ застой. Въ Прагѣ же всѣ общества и цѣхи обратились къ правительству съ петиціями о возвращеніи евреевъ, такъ какъ отсутствіе этихъ послѣднихъ причиняетъ имъ громадный вредъ, а богемскіе сословные чины объявили, что они не въ состояніи уплачивать податей, если евреямъ не будетъ предоставлено снова селиться въ Прагѣ. Если бы въ настоящее время какое нибудь правительство было на столько неосторожно и прибѣгло къ подобной мѣрѣ, то оно вскорѣ вынуждено было бы вновь призвать въ свою страну евреевъ, ибо они, не только принимаютъ въ себя но, какъ оплодотворяющее сѣмя, и даютъ и оживляютъ.

Вспомнимъ также, что при императорѣ Карлѣ VI изъ Силезіи изгнаны были въ 1735 году дурные, т. е. бѣдные евреи, но и эта мѣра ни къ чему не повела.

То, что со стороны юдофобовъ говорится объ образѣ жизни евреевъ и выборѣ ими профессій не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Какую бы профессію и дѣятельность ни избрали евреи — они всегда будутъ бѣльмомъ на глазу у подлежащихъ конкурентовъ. Г. фонъ-Трейчке не правятся евреи, торгующіе старыми брюками. Теперь оказывается, что процентное отношеніе учащагося юношества среди евреевъ гораздо значительнѣе, чѣмъ у другихъ частей населенія — и это для тѣхъ господъ еще хуже, такъ какъ они опасаются, что евреи завоюютъ для себя всѣ каѳедры, судейскія кресла и т. д. Если бы евреи всѣ, поголовно, захотѣли сдѣлаться сапожниками, то и это оказалось бы для нихъ неудобнымъ. Вѣдь въ 1848 году вѣнскіе сапожники подали же петицію противъ равноправности евреевъ, выражая опасеніе, что всѣ евреи сдѣлаются сапожниками.

Что касается германизациіи евреевъ, то вопросъ о томъ, кто раньше былъ въ Германіи — евреи или тѣ, которые называютъ себя нѣмцами — едва ли не будетъ рѣшенъ въ пользу евреевъ.

Но несомнѣнно, что и въ Австріи какъ и въ Пруссіи, есть противники и враги евреевъ. Но громадная разница заключается тутъ въ различномъ социальномъ положеніи евреевъ въ этихъ двухъ государствахъ и въ способѣ обращенія съ закономъ и примѣненія его.

Я остановлюсь на послѣднемъ обстоятельстве, т. е. на способѣ примѣненія закона. Въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, евреи по существующимъ законамъ одинаково равноправны. Но въ то время, когда въ Пруссіи законъ очень часто остается закономъ только на бумагѣ, въ Австріи хотя и не всегда, его приводятъ въ исполненіе. У насъ въ Австріи мы въ общинныхъ, народныхъ и гражданскихъ училищахъ имѣемъ еврейскихъ учителей и учительницъ. Точно также евреи преподаютъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, еврейскіе профессора въ австрийскихъ университетахъ встрѣчаются сплошь и рядомъ. Мы уже не будемъ говорить о самой Вѣнѣ, гдѣ въ прошломъ году деканы факультетовъ юридическаго и философскаго были евреи, но даже въ «Святомъ Тиролѣ», въ Инсбрукѣ, читаютъ еврейскіе профессора. Въ Австріи мы имѣемъ уже многихъ дѣйствительныхъ правительственныхъ совѣтниковъ и „Hofräthe“, которые не только носятъ этотъ титулъ, но находятся на дѣйствительной государственной службѣ и занимаютъ соотвѣтственныя административныя должности. И въ арміи многіе евреи занимаютъ различныя военныя должности, и даже уже въ 1848 году въ ней были еврейскіе офицеры. Я не хочу сказать, чтобы вовсе не было случаевъ, когда евреевъ обходятъ при назначеніи на тотъ или другой постъ, именно потому, что они евреи, но въ общемъ, „im Grossen u. Ganzen“, какъ говорятъ нѣмцы, дѣйствуетъ и проводится принципъ равноправности. Извѣстно также, что многіе евреи, вслѣдствіе довѣрія къ нимъ ихъ согражданъ, состоятъ общинными совѣтниками и функционируютъ въ качествѣ членовъ ландтаговъ и рейхсрата, къ числу которыхъ принадлежитъ между прочимъ д-ръ Куранда, нынѣшній президентъ вѣнской еврейской религиозной общины, долгое время игравшій первую роль въ бюджетной комиссіи рейхсрата. Но мы считаемъ не лишнимъ упомянуть, что и въ австрийской палатѣ господъ засѣдаютъ въ настоящее время два еврея, и, какъ извѣстно, члены палаты господъ назначаются всегда императоромъ по представленію министерства.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что законодательство въ этомъ отношеніи, спеціально въ нѣмецкихъ коронныхъ земляхъ Австріи,

нашло себѣ уже достаточно подготовленную почву. Что касается специально города Вѣны, то социальныя отношенія уже въ 1848 году благоприятствовали евреямъ. Общежитійскія сношенія между евреями и христіанами уже съ давнихъ поръ установились не только любезныя и вѣжливыя, но часто и искренно дружественныя. Уже при императрицѣ Маріи Терезіи тогдашній вѣнскій архіепископъ, кардиналъ Мигацкій, жаловался, что христіане находятся въ слишкомъ частыхъ и слишкомъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ евреями. Извѣстно, какую роль игралъ домъ еврейки Фанни Арнштейнъ во время вѣнскаго конгресса въ 1815 году. Дружественныя общественныя сношенія между евреями и христіанами дѣлали все большіе и большіе успѣхи. Образовались художественныя собранія, въ которыхъ евреи состояли членами и уже до 1848 года не рѣдко даже бывали случаи, что евреи и еврейки участвовали въ хорахъ въ христіанскихъ церквахъ. Въ настоящее время въ Вѣнѣ нѣтъ такихъ общественныхъ круговъ, въ которыхъ не участвовали и не вращались-бы евреи. Члены высшей аристократіи, равно какъ и представители администраціи, до министровъ включительно, бываютъ у евреевъ и принимаютъ ихъ у себя. Они приглашаютъ другъ друга на обѣды и ужины, на балы и вечера, и даже въ специально-семейныхъ празднествахъ участвуютъ какъ евреи у христіанъ, такъ и христіане у евреевъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы вызвать благотворительную дѣятельность болѣе или менѣе значительной части общества. Тутъ опять сливаются между собою евреи и христіане, для образованія соотвѣтственныхъ комитетовъ, дабы каждый могъ наилучшимъ и плодотворнымъ образомъ дѣйствовать въ своемъ кругу.

Вы позволите мнѣ указать здѣсь на слѣдующій моментъ. Нѣтъ спору, что нѣкоторые евреи обладаютъ здѣсь значительными богатствами; но есть между ними масса бѣдняковъ, подвергнутыхъ страшной, неимоверной нищетѣ. Но никто также не станетъ оспаривать, что здѣсь и между христіанами есть грандіозныя богатства, въ особенности у высшаго дворянства, у такихъ фамилій, напримѣръ, какъ Шварценберги, Ауэршперги, Кауницы и т. д. и т. д., съ которыми богачи евреи далеко не могутъ сравниться. А между тѣмъ какъ мало, говоря относительно, дѣлаютъ христіане для благотворительныхъ и посвященныхъ низшей бра-

ти общественныхъ учрежденій, въ сравненіи съ евреями! Можно смѣло расчитывать, что лишь только устроится какая нибудь публичная подписка, евреи всегда будутъ значительно впереди. Можно было-бы, пожалуй, подумать, что это дѣлается изъ афектаціи; но тоже самое замѣчается и относительно частной благотворительности, относительно которой, хотя и трудно приводить точныя цифры, но несомнѣнно, что евреями она культивируется въ громаднѣхъ размѣрахъ. Ежегодно въ кассы благадѣтельныхъ учрежденій поступаютъ со стороны евреевъ значительныя суммы, на основаніи духовныхъ завѣщаній, между тѣмъ какъ со стороны христіанъ это замѣчается въ гораздо меньшей степени. При завѣщаніяхъ же очень мало или же даже вовсе не имѣется въ виду производить сенсацію.

Въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ, я старался дать вамъ здѣсь понятіе о политическомъ, юридическомъ и социальномъ положеніи евреевъ въ Австріи вообще и въ Вѣнѣ въ частности. Что же касается ихъ экономическаго положенія, то въ этомъ отношеніи трудно привести какія нибудь точныя данныя, такъ какъ нѣтъ для этого никакой статистики и никакого матеріала, которые могли-бы служить основаніемъ для подобныхъ сообщеній. Мы можемъ только констатировать, что евреи работаютъ и трудятся на всѣхъ поприщахъ не только промышленной но и ремесленной дѣятельности. Мы имѣемъ еврейскихъ сапожниковъ и портныхъ, еврейскихъ слесарей и столяровъ и т. д. Нѣкоторымъ изъ нихъ присвоенъ даже титулъ „придворныхъ“. Въ скобкахъ сообщимъ, что приданое эрцъ-герцогини Христіны, нынѣшней королевы испанской, было заказано и изготовлено въ еврейскомъ модномъ магазинѣ.

Евреи также занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ; здѣшняя высшая земледѣльческая школа насчитываетъ въ своей средѣ многочисленныхъ еврейскихъ учениковъ. Отмѣтимъ здѣсь еще, что и пластическія искусства, живопись, скульптура и др., также насчитываютъ между евреями многочисленныхъ учениковъ и ученицъ.

Г. Вольфъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Что отвечать на вопрос о «еврейскомъ вопросѣ». — Характеръ нашей политики по отношенію къ еврейскому вопросу. — Евреи и социалистическая пропаганда. — Выселенія евреевъ. — Значеніе циркуляра м-ва внутреннихъ дѣлъ о приостановкѣ этихъ выселеній и обнародованія вслѣдъ за тѣмъ новаго закона о евреяхъ въ Земль Войска Донскаго. — Новыя «вѣянія», непровернутые глухи о расширеніи правъ евреевъ съ одной, и циркуляра м-ва финансовъ и приказъ по полиціи г. Гюббенета съ другой стороны. — Система безсистемности, колебанія и повороты въ нашей политикѣ объ устройствѣ евреевъ, о выселеніи ихъ изъ селъ и деревень, о приученіи ихъ къ земледѣлію, объ ихъ образованіи о регулированіи ихъ культа, о предоставленіи имъ правъ государственной службы и т. д. — Какое изъ всего этого слѣдуетъ вывести заключеніе.

Читатели, конечно, не ожидаютъ отъ насъ, чтобы мы въ настоящемъ нашемъ обзорѣніи, т. е. въ нашемъ первомъ обзорѣніи, могли подробно и обстоятельно останавливаться на каждомъ явленіи подлежащей нашему разсмотрѣнію еврейско-русской общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова. Они очень хорошо понимаютъ, что первое наше обзорѣніе — а можетъ быть и второе и третье — нельзя сдѣлать инымъ какъ только, такъ сказать, ретроспективнымъ. Оно должно въ болѣе широкихъ и общихъ чертахъ коснуться пережитаго нами въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ въ послѣдній годъ, и постараться вникнуть въ общій смыслъ болѣе важныхъ и болѣе выдающихся явленій, не только имѣющихъ эфемерный интересъ, но и важныхъ по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ.

Но въ такомъ случаѣ, читатели наши, разумѣется ожидаютъ отъ насъ, чтобы мы, прежде всего, говорили о «еврейскомъ вопросѣ» вообще, въ его болѣе полномъ, общемъ и широкомъ

смыслѣ. Не мы одни, конечно, замѣтили вѣрно ту характеристическую черту русскихъ, а можетъ быть и другихъ евреевъ, что, коль скоро они встрѣтятся съ человѣкомъ, тѣмъ или другимъ путемъ прикасающимся къ литературѣ или журналистикѣ, или просто къ такъ называемому интеллигентному классу, первымъ ихъ вопросомъ неперемѣнно будетъ: «Ну, а что дѣлается съ еврейскимъ вопросомъ? Какъ вы думаете о еврейскомъ вопросе? Какъ вы полагаете, будетъ, что нибудь?»—и т. п. въ этомъ родѣ.

Тѣмъ больше права, конечно, имѣютъ читатели съ такимъ вопросомъ обратиться къ журналу, специально посвященному еврейству. Но еслибы они дѣйствительно вздумали это сдѣлать, то, признаться откровенно, поставили бы насъ въ довольно затруднительное положеніе. Другое дѣло, еслибы они спросили насъ, какъ *должны быть* поставленъ или рѣшенъ «еврейскій вопросъ». Найти отвѣтъ было бы тогда далеко не трудно. Исторія, гуманизмъ, логика, здравый смыслъ—каждый изъ этихъ нравственныхъ факторовъ и духовныхъ двигателей современной мысли подсказалъ бы намъ этотъ отвѣтъ и, несомнѣнно, даже въ однихъ и тѣхъ выраженіяхъ. Но когда вы спрашиваете, что у насъ будетъ съ еврейскимъ вопросомъ, то это статья иная. Не только не легко отвѣчать на этотъ вопросъ, но это едва-ли и возможно. Ни одинъ изъ вышеприведенныхъ факторовъ человѣческой мысли и человѣческихъ дѣяній вамъ тутъ отвѣта не подскажетъ. Не угоднo ли вамъ окинуть нравственнымъ окомъ—не говоримъ уже все то, что до сихъ поръ, въ теченіи цѣлаго столѣтія совершается съ еврейскимъ вопросомъ, — а только одинъ истекшій годъ. Этотъ годъ былъ чреватъ событіями не только въ общей государственной политикѣ, а въ частности и относительно политики по еврейскому вопросу. Казалось бы изъ событій *одного* только года, можно было бы вывести какое нибудь хоть приблизительно вѣрное заключеніе о настроеніи господствовавшемъ въ теченіи этого года или господствующемъ при истеченіи его! Но ничуть не бывало. Начался онъ подъ раздававшимся еще трезвономъ извѣстной части нашей, обуреваемой кваснымъ патріотизмомъ печати, стремившейся раздуть до неимоверныхъ размѣровъ участіе евреевъ въ соціа-

листической пропагандѣ и съ пѣной у рта кричавшей о томъ, что жиды ударились въ политику. Въ извѣстныхъ, и надо думать довольно таки вліятельныхъ сферахъ, эти необузданные крики произвели извѣстное впечатлѣніе. Даже сами евреи, — впрочемъ только извѣстная неособенно дальновидная часть ихъ — готовы были усмотрѣть въ этомъ поводъ или хоть просто предлогъ къ реакціи по отношенію къ еврейскому вопросу. Помимо самого факта участія нѣкоторой части еврейской молодежи въ социалистической пропагандѣ, евреи, наученные тысячелѣтнимъ опытомъ, очень хорошо знаютъ, что общегосударственные недуги и болячки одинаково, а иногда даже съ гораздо большею силою, отражаются на нихъ, какъ и на всемъ остальномъ населеніи. Случится ли неурожай, голодъ, застой въ дѣлахъ, они страдаютъ отъ этого не только какъ всѣ другіе жители той полосы, на которую эти несчастія обрушиваются, но въ гораздо большей мѣрѣ, такъ какъ они, по своему ограниченному законодательствомъ положенію, прикованы къ этой полосѣ и не въ состояніи оттуда вырваться. Война-ли случится, и они должны посылать своихъ дѣтей на поле брани проливать свою кровь за отечество, которое однако не хочетъ признать ихъ своими дѣтьми, и въ той же мѣрѣ участвовать въ сверхсмѣтныхъ налогахъ и другихъ вызываемыхъ военнымъ временемъ тягостяхъ. Но въ общемъ побѣдномъ пиру, въ радостяхъ и ликованіяхъ имъ рѣдко удѣляется мѣсто. И нечего поэтому удивляться, что наученные многолѣтнимъ опытомъ, евреи почувствовали себя нехорошо при обнаруженіи социалистической пропаганды. И дѣйствительно, одновременно почти съ этимъ стали повторяться съ новою силою и энергіей «выселенія» евреевъ изъ мѣстъ, лежащихъ внѣ черты ихъ осѣлости, при чемъ эта мѣра была одинаково сурово направлена и противъ заграничныхъ евреевъ. Изъ этого повидимому, слѣдовало заключить, что социалистическая пропаганда дѣйствительно послужила предлогомъ къ повороту назадъ и относительно «еврейскаго вопроса». Но вдругъ, почти въ тотъ же моментъ, медаль перевертывается, и министерство внутреннихъ дѣлъ особымъ циркуляромъ предписываетъ губернаторамъ приостановить переселенія незаконно живущихъ въ ихъ районѣ евреевъ. Надо было, значить, думать, что относительно «еврейскаго вопроса» произошелъ поворотъ къ лучшему, что въ

влиятельныхъ сферахъ логика и здравый смыслъ одержали верхъ надъ криками разнузданныхъ патріотовъ, и что тамъ усмотрѣли, что іудейство и социализмъ между собою ровно ничего общаго не имѣютъ, а напротивъ, это участіе нѣкоторой части еврейской молодежи въ социалистической пропагандѣ, кто знаетъ, можетъ быть и вызвано именно тѣмъ особымъ ненормальнымъ положеніемъ, которое занимаютъ евреи среди общаго населенія и въ которое они поставлены разными законодательными ограниченіями.

Мы позволимъ себѣ здѣсь маленькое отступленіе. Въ «Вѣстникѣ Европы» за истекшій годъ, именно въ декабрьской книжкѣ, помѣщенъ легкій, беллетристическій очеркъ подъ названіемъ «Въ камерѣ прокурора», повидимому совершенно безпритязательный, но въ которомъ тѣмъ не менѣе съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла разсматривается весь этотъ загадочный вопросъ объ участіи евреевъ въ русскомъ социализмѣ, излагаются причины и мотивы этого участія и намекается, между прочимъ, и на тѣ мѣропріятія, которыми такое участіе весьма удобно могло бы быть предотвращено. Многое, разумѣется, недосказано, многое представляется умозаключенію мыслящаго читателя, но несомнѣнно высказано очень многого и справедливаго, до того справедливаго, что въ извѣстной средѣ распространился слухъ, будто подъ подписанными подъ упомянутымъ очеркомъ инициалами скрывается таки настоящій прокуроръ и что разговоръ въ немъ изложенный—не придуманный, не вымысленный, а дѣйствительно таки происходившій, при чемъ называли даже и имя старика-еврея, увлекшагося до обнаруженія—хотя опять таки неполнаго—своего искренняго убѣжденія и накопившаго на душѣ горя. Дѣйствительно-ли этотъ очеркъ набросанъ настоящимъ прокуроромъ или нѣтъ, дѣйствительно-ли происходилъ этотъ разговоръ—это собственно къ дѣлу не относится, ибо, если писатель, человекъ только издали слѣдящій за событіями, могъ додуматься до всего этого, то тѣмъ скорѣе до этого могли дойти люди, близко стоявшіе къ самому дѣлу, имѣвшіе въ своихъ рукахъ всевозможныя средства для основательнаго его изученія и ежедневно обращавшіеся съ тѣмъ письменнымъ и, если можно такъ выразиться, живымъ матеріаломъ, который скорѣе всего могъ разъяснить самую суть дѣла.

И такъ, можно было думать, что люди стоявшие близко къ дѣлу, получили иной взглядъ на всѣ эти отношенія, чѣмъ тотъ, который русскому общественному мнѣнію старались навязать въ извѣстныхъ органахъ нашей печати, и вотъ почему могъ произойти переворотъ въ настроеніи относительно еврейскаго вопроса. Вышеупомянутый циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, по своему важному значенію, дѣйствительно заключалъ въ себѣ всѣ данныя для того, чтобы изъ него могли вывести такого рода заключеніе, т. е. о радикальной перемѣнѣ настроенія. Ибо это былъ циркуляръ, не только разъясняющій или дополняющій, а прямо *приостанавливавшій дѣйствіе закона*. и въ добавокъ въ немъ было сказано: приостановить выселеніе евреевъ «впередъ до дальнѣйшихъ распоряженій». А «выселенія» собственно, вѣдь совершались таки «на законномъ основаніи». Значить, пришли, наконецъ, къ заключенію, что это «законное основаніе» не соотвѣтствуетъ своему назначенію и что предстоитъ отмѣна его. Иначе, дѣйствительно, и нельзя было думать. Даже самые отчаянные пессимисты не могли не усмотрѣть въ этомъ циркулярѣ «предвозвѣстника новой эры». А объ оптимистахъ уже и говорить нечего. Они не только успокоились, но и преисполнились самыми розовыми надеждами. Признаться, какъ ни привыкли мы уже къ постояннымъ колебаніямъ нашей политики по отношенію къ еврейскому вопросу, но на этотъ разъ позволительно было думать, — и мы дѣйствительно такъ и думали, — что имѣется въ виду что нибудь серьезное, радикальное и во всякомъ случаѣ болѣе систематическое. И еслибы въ то время къ намъ обратились съ стереотипною фразою: «что слышно объ еврейскомъ вопросѣ», мы не задумавшись, отвѣтили бы, что слышно хорошее, что дѣло его разрѣшенія очевидно приближается къ концу. Не забудьте, что въ это же время было разрѣшено устройство благотворительнаго фонда для развитія земледѣльческаго и ремесленнаго труда, дающаго возможность самимъ евреямъ значительно подвинуть разрѣшеніе этого вопроса, по крайней мѣрѣ расширить пресловутую черту осѣдлости, которая, въ концѣ концовъ, все таки есть альфа и омега еврейскаго вопроса въ Россіи. Но, еслибы мы тогда дѣйствительно дали такой отвѣтъ, то—горько бы ошиб-

лись. Ибо не прошло и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ мы были приведены въ совершенное недоумѣніе новымъ, по счету сто восемьдесятъ седьмымъ, постановленіемъ о правѣ жительства евреевъ, составляющимъ рѣзкую противоположность съ вышеприведеннымъ столь знаменательнымъ министерскимъ циркуляромъ. Мы подразумѣваемъ новый законъ относительно воспрепятствования евреямъ жительства въ Землѣ Войска Донскаго, обнародованный въ іюлѣ истекшаго года....

Люди, ближе насъ стоящіе къ механизму разрѣшенія вопросовъ нашей внутренней политики, можетъ быть, и съумѣютъ разъяснить эти рѣзкіе и повидимому ничѣмъ не мотивированные переходы отъ одной противоположности къ другой въ такой короткій промежутокъ времени; они, можетъ быть, съумѣютъ подыскать этому какую нибудь логическую подкладку. Но для насъ, простыхъ смертныхъ, съ простымъ человѣческимъ расчетомъ, это дилемма, которую разъяснить мы не беремся, да и не въ состояніи.

Надъ этой дилеммой мы стоимъ и теперь,

Da stehe ich nun, ich armer Thor,
Und bin so klug als wie zuvor...

и послѣдующія затѣмъ событія и явленія въ области политики по еврейскому вопросу вплоть до самого новаго года, нынѣ наступившаго, не только не въ состояніи разрѣшить эту дилемму, но, напротивъ того, еще болѣе дѣлаютъ ее проблематическою.

Въ теченіи этого времени общая политика приняла нѣсколько иной оборотъ. Русское общество почувствовало себя легче и успокоеннѣе. Возвѣщено поступательное движеніе по пути реформъ. Естественно было ожидать, что это новое настроеніе отразится на всѣхъ вопросахъ внутренней политики, въ томъ числѣ и на еврейскомъ. И дѣйствительно, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, тотчасъ по вступленіи въ отправленіе своей должности, распорядился, чтобы въ числѣ разныхъ другихъ комиссій, и комиссія по дѣламъ еврейскимъ поскорѣе разсмотрѣла подлежащіе ей вопросы и пришла къ какому нибудь заключенію. Та, исторіей выработанная аксіома, что человѣчество вообще назадъ не идетъ, что шествіе его можно остановить на время какимъ нибудь насильственнымъ образомъ, какимъ нибудь искусственно возведеннымъ

препятствіемъ, которое въ концѣ концовъ насильственно же рушится отъ напора историческаго закона прогрессивнаго развитія,—а въ данномъ случаѣ еще поворотъ къ поступательному движенію впередъ во внутренней политикѣ вообще, могли заставить думать, что и комиссія по еврейскимъ дѣламъ не захочетъ вернуться къ временамъ давно минувшимъ, ко взглядамъ и заключеніямъ давнымъ давно осужденнымъ всякой мудрой государственной политикой. И предположенія эти, дѣйствительно, повидимому, начали оправдываться. Въ газетахъ былъ сообщенъ слухъ, нигдѣ официально неопровергнутый, значить вполне достовѣрный, что въ нашихъ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о евреяхъ-земледѣльцахъ и что тамъ пришли къ убѣжденію въ необходимости расширить ихъ права. Но одновременно съ этимъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появился циркуляръ министерства финансовъ казеннымъ палатамъ, который—по сношенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—съ истинно нѣмецкою Haarspaltereі разъясняетъ казеннымъ палатамъ, какіе члены семействъ еврейскихъ купцовъ 1-ой гильдіи могутъ быть записанными въ одномъ свидѣтельствѣ и пользоваться правомъ пребыванія внѣ черты еврейской осѣдности и какіе изъ нихъ не могутъ пользоваться этимъ правомъ. Дѣло тутъ не въ томъ, въ какомъ смыслѣ—облегчительномъ или ограничительномъ—министерство финансовъ разъясняетъ казеннымъ палатамъ эти тонкости, а въ томъ, что въ настоящее время вообще поднимаются подобные вопросы и разбираются такого рода тонкости. Значить, опять таки, общее направленіе въ политикѣ по еврейскому вопросу вовсе не таково, чтобъ разъ навсегда покончить съ этими процедурами. А тутъ еще, кстати или не кстати, въ самомъ исходѣ минувшаго года кievскій полиціймейстеръ г. Гюббенетъ, какъ бы въ подарокъ мѣстнымъ евреямъ къ новому году, «вообновляетъ въ памяти» (подлинныя слова приказа по кievской полиціи г. Гюббенета отъ 10-го декабря 1880 года) гг. участковыхъ приставовъ г. Кіева, чтобы они строго слѣдили за еврейскими ремесленниками, и чтобы, Боже упаси, не попустить какое либо въ отношеніи къ нимъ послабленіе и немедленно принять самыя энергическія мѣры къ выселенію изъ Кіева всѣхъ тѣхъ, кого только выселить есть малѣйшая

X
 возможность. И это приказъ того же самаго г. Гюббенета, который еще очень недавно такъ промахнулся съ высылкой еврея г. Штерна, предъ которымъ въ послѣдствіи долженъ былъ даже извиниться...

Какъ же прикажете разобраться въ этой путаницѣ разныхъ, смѣняющихъ одно другое «вѣяній» и «настроеній»? Кто, послѣ всего вышеприведеннаго, въ состояніи съ положительностью сказать, что принесетъ намъ завтрашній день? Конечно, можно сказать, что эти постоянныя колебанія, эта, такъ сказать, система безсистемности въ нашей политикѣ по еврейскому вопросу лежитъ гораздо глубже, чѣмъ оно съ перваго взгляда можетъ казаться. Кто знаетъ, она, можетъ быть, не есть вовсе специфическая принадлежность только одной политики по еврейскому вопросу. Она, пожалуй, кроется въ общемъ характерѣ нашей внутренней политики вообще. Но во всякомъ случаѣ по отношенію къ еврейскому вопросу она выступаетъ уже черезъ чуръ рѣзко и, главное, не всегда даже соотвѣтствуетъ направленію общей палитики. Отъ чего это происходитъ, сказать трудно. Надо однако думать, что главная причина заключается въ совершенномъ незнаніи еврейства даже тѣми, которые специально призваны администраціей для разбора и рассмотрѣнія всѣхъ относящихся къ положенію евреевъ вопросовъ. Слишкомъ уже много зависитъ тутъ отъ личныхъ взглядовъ и усмотрѣній, и нѣтъ, очевидно, твердо выработанной программы. Начиная съ 1804 года, съ того времени, какъ у насъ впервые стали какъ будто серьезно заниматься еврейскими дѣлами, и по настоящій день, мы не видимъ, чтобъ хоть одна болѣе или менѣе важная, по отношенію къ «устройству евреевъ», мѣра была строго и послѣдовательно доведена до конца. И это не только относительно «облегчительныхъ», но и относительно «ограничительныхъ» и всякихъ другихъ, мѣропріятій. Цѣлыхъ три четверти вѣка у насъ постоянно и неусыпно слѣдили за тѣмъ, чтобы выселять евреевъ изъ деревень, но все таки окончательно не могли дойти до этого, не смотря на всевозможныя повторенія, подтвержденія и сугубыя возобновленія относящихся къ этому предмету постановленій. Правда и то, что эта и тому подобныя мѣры, не только не вызванныя дѣйствительными потребностями жизни, но прямо имъ противорѣчація, трудно

привести къ осуществленію. Но именно это и показываетъ, что мы не ясно сознаемъ ту цѣль, къ которой стремимся по отношенію къ евреямъ, и не умѣемъ оцѣнить по достоинству тѣ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать и съ которыми волей неволей приходится считаться. Почти столько же времени правительство наше занимается еврейскимъ земледѣліемъ—и опять таки безъ соотвѣтственнаго успѣха. Скажутъ, евреи тутъ во всемъ виноваты: они всячески уклоняются отъ занятія хлѣбопашествомъ, имъ по сердцу одно только торгашество,—и тому подобныя стереотипныя фразы. Мы будемъ имѣть случай въ нашемъ журналѣ раскрыть, на основаніи архивныхъ документовъ, истинныя причины неуспѣха русско-еврейскаго земледѣлія. Но пусть такъ. Станемъ на точку зрѣнія самыхъ ярыхъ юдофобовъ. Пусть евреи неспособны или не хотятъ заниматься земледѣліемъ. Но вѣдь истинная государственная мудрость въ томъ и заключается, чтобъ знать, чтобы всесторонне изучить тотъ матеріалъ, надъ которымъ приходится дѣйствовать, надъ которымъ приходится совершать тѣ или другіе опыты. — Взялись мы затѣмъ за образованіе евреевъ и взялись, повидимому, энергически, съ рвеніемъ, соотвѣтствующимъ такой важности дѣлу. Выписывали иностранныхъ докторовъ, съ неумолимою строгостью преслѣдовали меламдовъ, чуть-ли не при помощи военной силы таскали дѣтей въ новооткрытыя казенныя еврейскія училища, тратили громадныя суммы — правда еврейскія же — на изданіе всевозможныхъ quasi-образовательныхъ для евреевъ книгъ, съ непоколебимою твердостью—тутъ то мы ее съумѣли выказать въ полной силѣ—взыскивали съ евреевъ свѣчной сборъ, назначенный для покрытія издержекъ на это самое еврейское образованіе, накопляли для этой цѣли громадныя суммы, однимъ словомъ затѣяли борьбу съ цѣлью просвѣщенія евреевъ не на животъ, а на смерть—и вдругъ ни съ того, ни съ сего, когда повидимому дѣло начало идти на ладъ, когда стоило только сдѣлать еще два-три послѣдовательныхъ шага для достиженія предначертанной цѣли,—взяли да и бросили эту затѣю на произволъ судьбы, а вмѣстѣ съ нею и сотни несчастныхъ еврейскихъ учителей, которымъ теперь хоть по міру идти, и оставили пока въ портфель однѣ только накопленныя громадныя суммы свѣч-

ного сбора.—Взялись мы также, одновременно съ этимъ и съ тою же почти энергіей, за регулированіе еврейскаго культа. Тутъ не мѣсто говорить о томъ, слѣдовало или не слѣдовало братья за это дѣло. Но намъ почему то показалось, что слѣдуетъ. И вотъ мы вздумали создать соотвѣтствующихъ требованіямъ «регулированія» просвѣщенныхъ раввиновъ, устроили съ этой цѣлью раввинскія училища, выпустили нѣсколькихъ такихъ субъектовъ съ официальнымъ ярлыкомъ «просвѣщенныхъ» и заставили еврейскія общества выбирать этихъ новыхъ раввиновъ въ свои якобы духовные руководители. Т. е. какъ заставили то!! Запирали людей—сирѣчь избирателей—на трое сутокъ въ конскомъ манежѣ—мы сами были очевидцами такого факта въ губернскомъ городѣ Вильнѣ—этомъ Литовскомъ Іерусалимѣ,—и не выпускали до тѣхъ поръ пока одинъ изъ этихъ просвѣщенныхъ кандидатовъ не оказывлся избраннымъ. А потомъ, чрезъ нѣкоторое время, когда сопротивленіе еврейскихъ обществъ было сломано, когда они окончательно покорились и безъ принужденія стали избирать новыхъ раввиновъ, мы вдругъ, вмѣсто того, чтобы усовершенствовать раввинскія училища и сдѣлать ихъ питомцевъ дѣйствительно достойными духовными пастырями еврейскихъ обществъ,—мы вдругъ взяли и махнули рукой на весь этотъ институтъ просвѣщенныхъ раввиновъ и уничтожили даже и самыя раввинскія училища, оставивъ при томъ еврейскія общества въ совершенномъ недоумѣніи, должны ли они и на будущее время выбирать себѣ «просвѣщенныхъ» раввиновъ, и если должны,—такъ какъ законъ, обязывающій ихъ къ этому, прямо отмѣненъ не былъ—то откуда они могутъ взять этихъ раввиновъ, когда самыя заведенія, предназначенныя для приготовленія ихъ, раввинскія училища, были закрыты.

И такъ во всемъ. Принимаемъ за дѣло энергично, съ необыкновеннымъ рвеніемъ, а когда доходимъ до полдороги, то ни съ того, ни съ сего бросаемъ. Мы какъ будто сами пугаемся нашей твердости и логически послѣдовательныхъ результатовъ затѣянныхъ нами мѣропріятій. Пришли мы къ заключенію, что скученность однороднаго населенія въ извѣстной мѣстности вредно отзывается на экономическомъ ея положеніи—и рѣшились хоть отчасти разжижить эту скученность, тѣмъ болѣе, что нашли другія мѣстности, въ которыхъ чувствуется силь-

ный недостатокъ въ этого рода людяхъ. И вотъ обнародованъ былъ законъ о дозволеніи еврейскимъ ремесленникамъ жить во всей Россіи. Но тотчасъ испугались конечнаго результата этого постановленія, и разными разъяснительными циркулярами постарались обставить его такими формальностями, которыя обратили этотъ законъ почти въ мертвую букву для дѣйствительныхъ ремесленниковъ и дали возможность пользоваться имъ лишь тѣмъ, которые съ ремесломъ въ собственномъ значеніи имѣютъ очень мало общаго, а лишь подъ видомъ ремесль устраиваютъ свои темныя дѣлишки, дающія имъ возможность жить въ ладу съ низшими административными властями, между тѣмъ какъ честный ремесленный трудъ не въ состояніи выносить процентовъ, которые требуются скинуть съ заработковъ для поддержанія этого лада. А мы, между тѣмъ, совершенно забыли, что, держась хотя принципа постепенности, мы, однако, обнародовали этотъ законъ не съ тѣмъ, чтобы постепенно слузить его значеніе и кругъ дѣйствій, а, напротивъ, чтобы все болѣе и болѣе расширять его рамки. Но вотъ прошло уже съ тѣхъ поръ пятнадцать лѣтъ, а вмѣсто расширенія этихъ рамокъ, вмѣсто все большаго и большаго раскрытія этого заколдованнаго круга, мы слышимъ лишь «возобновленія въ памяти» разныхъ гг. Гюббенетовъ, возобновленія, направленные якобы къ охраненію закона, но въ концѣ концовъ ведущія лишь къ охраненію карманныхъ интересовъ низшихъ полицейскихъ властей.

И эта система безсистемности, эти вѣчныя колебанія и отступленія отъ разъ начертанной программы, проходятъ по всѣмъ мѣропріятіямъ, касающимся евреевъ. Угодно вамъ еще примѣры? Взгляните, что случилось съ закономъ, предоставляющимъ нѣкоторыя льготы и права, въ томъ числѣ и права государственной службы, евреямъ, окончившимъ университетскій курсъ, и непременно, разумѣется, съ высшими степенями кандидата или доктора. Успѣли насъ какъ то убѣдить, или мы сами дошли до того, что, собственно, между образованнымъ евреемъ и образованнымъ не-евреемъ нѣтъ никакой разницы въ проявленіяхъ его общественной и гражданской дѣятельности и что, пожалуй, первый относится къ ней еще съ гораздо большею серьезностью, въ виду тѣхъ аргусовыхъ глазъ, которые неот-

ступно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ всякаго сколько ни-
 будь выдающагося изъ толпы еврея. И вотъ мы рѣшились
 предоставить *лучшимъ* изъ нихъ выперѣченныя «права и преи-
 мущества». Но не успѣлъ еще почти никто изъ евреевъ вос-
 пользоваться этими «правами и преимуществами», какъ мы уже
 спохватились, убоялись логическихъ послѣдствій этого новаго
 мѣропріятія,—и по разнымъ вѣдомствамъ послѣдовали разные
 конфиденціальные и неконфиденціальные циркуляры, предпи-
 санія и, наконецъ, просто словесныя объясненія и сообщенія,
 которыя умалили значеніе этого закона до возможнаго *minimum*'а.
 Если не ошибаемся, первый примѣръ въ этомъ отношеніи по-
 дало министерство народнаго просвѣщенія, которое почему-то
 полагало, что евреямъ не слѣдуетъ довѣрять извѣстныхъ ка-
 еедрь въ университетахъ и извѣстныхъ предметовъ въ гимна-
 зіяхъ, и мотивомъ выставлялось тутъ, кажется, опасеніе влія-
 нія еврейскаго духа (еврейской культуры?) на христіанское
 юношество. Но въ такомъ случаѣ министерству слѣдовало уже
 быть послѣдовательнымъ и запретить также евреямъ быть до-
 машними учителями и гувернерами въ не-еврейскихъ домахъ,
 такъ какъ въ качествѣ послѣднихъ, находясь въ болѣе посто-
 янныхъ и болѣе близкихъ сношеніяхъ со своими болѣе моло-
 дыми, а слѣдовательно и болѣе впечатлительными питомцами,
 они могутъ производить на нихъ гораздо болѣе сильное вліяніе,
 чѣмъ профессоръ или учитель во время часоваго пребыванія
 въ аудиторіи или классѣ для прочтенія своей лекціи или пре-
 подаванія своего урока. Но послѣдовательность, какъ мы уже
 видѣли, не въ нашихъ нравахъ. Въ концѣ концовъ вышло то,
 что мы, по истеченіи двадцати лѣтъ послѣ обнародованія выше-
 упомянутаго закона, по министерству народнаго просвѣщенія
 вовсе не имѣемъ служащихъ евреевъ, и получился тотъ въ выс-
 шей степени курьезный результатъ, что въ Россіи гораздо больше
 евреевъ-доцентовъ, евреевъ-профессоровъ университетовъ и ака-
 демій, чѣмъ евреевъ-учителей гимназій и даже низшихъ учи-
 лищъ! И это потому, разумѣется, что опредѣленіе доцентовъ
 и профессоровъ совершается по выбору университетскихъ и
 академическихъ коллегій, между тѣмъ, какъ опредѣленіе учи-
 телей зависитъ единственно отъ личнаго усмотрѣнія министер-
 ства. То же самое практикуется во всѣхъ прочихъ вѣдомствахъ:

морскомъ, финансовомъ, министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и т. д. Нѣкоторое исключеніе составляетъ министерство юстиціи, гдѣ впрочемъ число еврейскихъ служащихъ тоже можно перечесть по пальцамъ, да медицинское вѣдомство, въ особенности-же главное военно-медицинское управленіе. Последнее главнымъ образомъ потому, что всегда ощущается чувствительный недостатокъ въ военныхъ врачахъ. Но и въ этихъ двухъ вѣдомствахъ, юстиціи и медицинскомъ «до ступеней извѣстныхъ» тоже евреи все еще не доходили, и именно единственно только потому, что они евреи...

Хотите еще примѣръ? Остановитесь на законѣ о всеславной воинской повинности. Мысль законодателя, въ основаніе которой легла полная равноправность людей всѣхъ сословій и всякаго происхожденія, какъ это требуется такимъ важнымъ и серьезнымъ государственнымъ институтомъ, вполнѣдствіи, по отношенію къ евреямъ, мало по малу, вслѣдствіе разныхъ дополненій и разъясненій, стала терять свой первоначальный колоритъ, и исключенія практикуются не только при производствѣ въ офицерскіе чины, при приемѣ въ высшія военно-учебныя заведенія, при призывахъ новобранцевъ—тутъ хоть могли ухватиться за особенное будто стремленіе евреевъ уклоняться отъ воинской повинности,—но даже при приемѣ вольноопредѣляющихся, гдѣ уже, кажется, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ уклоненіи.

Но, кажется, мы привели уже достаточно примѣровъ и доказательствъ для подтвержденія нашего положенія. И если-бы послѣ всего этого, читатели все таки вздумали-бы пристать къ намъ съ неотвязчивымъ требованіемъ сказать имъ, что мы думаемъ о положеніи у насъ «еврейскаго вопроса», то мы не могли-бы ничего другаго сдѣлать, какъ только отослать ихъ къ заключительному стику гейневскихъ «Fragen»...

Und ein Narr wartet auf Antwort.

Одно только, намъ кажется, можно вывести заключеніе, именно, что намъ нечего особенно восторгаться при признакахъ облегчительнаго настроенія, и также незначѣмъ въ отчаяніе приходиться, когда это настроеніе принимаетъ противоположный характеръ. Есть одно очень мѣткое простонародное русское выраженіе,

чрезвычайно подходящее къ данному случаю. Но мы не рѣшаемся привести его здѣсь изъ за его, такъ сказать, чрезъ уже яркаго реализма.

Доказывая наше положеніе, мы однако, невольно коснулись всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые въ послѣднее время занимали умы русскихъ евреевъ, но разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ сферъ внѣ еврейскихъ, коснулись, разумѣется, только вскользь, мимоходомъ, хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовало-бы остановиться гораздо дольше и подробнѣе. Но исчерпать все за одинъ разъ нѣтъ возможности, и мы вынуждены отложить это, равно какъ и бесѣду о предметахъ, касающихся внутреннихъ еврейскихъ сферъ—до другаго раза.

А. Л.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ИНОСТРАННОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Рѣдкій общественный вопросъ давалъ и продолжаетъ давать нѣмецкимъ юмористическимъ журналамъ такую обильную пищу, какую находятъ они въ анти-еврейскомъ движеніи, охватившемъ Германію, и замѣчательно то единогласіе, которое обнаруживается ими въ этомъ случаѣ. Во всемъ хорѣ этихъ юмористическихъ и сатирическихъ голосовъ нѣтъ ни одной нотки, въ которой звучало бы малѣйшее сочувствіе къ дикимъ участникамъ «травли»; за то какимъ стройнымъ унисономъ подвергаютъ они осмѣянію и позору это невѣроятное движеніе...

Мы будемъ—и читателямъ нашимъ это доставить, конечно, не малое удовольствіе—постоянно слѣдить за этими нападеніями юмористической печати, а теперь, для начала, выберемъ изъ появившихся въ послѣднее время тѣ, которыя особенно выдаются своимъ остроуміемъ, характеристичностью и значеніемъ.

* *
*

Одною изъ главныхъ мишеней, въ которую устремлялись юмористическія стрѣлы, была пресловутая петиція. Много пародій въ стихахъ и прозѣ было написано на нее, много злаго сказано по ея поводу,—и вотъ недавно, въ одномъ изъ остроумнѣйшихъ журналовъ, «*Berliner Wespen*», будущая судьба этого документа изображена въ слѣдующемъ видѣ:

«1882-й годъ. Подача антисемитической петиціи, какъ мы слышали, опять отложена на неопредѣленное время. Инициаторы ея опасаются—и не безъ основанія—что минута отклоненія петиціи правительствомъ будетъ и моментомъ прекра-

шенія всей агитаціи—и потому стараются отсрочить возможно долѣе роковой часъ рѣшенія.

«1883-й годъ. Кто не помнитъ той знаменитой ферстеровской петиціи, которая въ 1880 г. заставила такъ много говорить о себѣ и произвела такое сильное волненіе въ умахъ? Какъ мы слышали, авторамъ ея удалось и въ нынѣшнемъ году собрать значительное количество подписей, — и такимъ образомъ подача этого документа имперскому канцлеру состоится въ самомъ непродолжительномъ времени.

«1893-й годъ. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, можетъ быть, не забыли еще нѣкоего д-ра Ферстера изъ Шарлоттенбурга, который, болѣе чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, игралъ такую печальную роль въ возникшемъ въ ту пору еврейскомъ вопросѣ. Этотъ самый д-ръ Ферстеръ, какъ намъ сообщаютъ, намѣревается снова выйти изъ тьмы забвенія съ планомъ подачи петиціи имперскому канцлеру. Дѣло идетъ здѣсь не о новой петиціи, а объ очень старой, для которой до сихъ поръ въ тихомолку собирались подписи. Замѣчательный чудакъ этотъ д-ръ Ферстеръ!..

«19...-й годъ. Завтра въ аукціонномъ залѣ Unter den Linden будетъ происходить продажа интересныхъ древностей и рѣдкостей. Между ними выдаются топоры изъ каменнаго періода, древне-турецкіе клинки, туалетныя вещицы времени Людовика Четырнадцатаго и подлинникъ одной петиціи, относящейся къ прошедшему столѣтію и предназначавшейся для подачи тогдашнему имперскому канцлеру Бисмарку. Мы обращаемъ особенное вниманіе любителей на этотъ, въ высшей степени комическій и такъ и недошедшій по адресу документъ, теперь случайно открытый въ кучѣ старой макулатуры».

* *

Съ насмѣшками надъ петиціей неразрывно связано и осмѣяніе всѣхъ преній по еврейскому вопросу. Берлинскій «Ulk» почерпнулъ изъ этихъ дебатовъ «самоновѣйшую», какъ онъ выражается, «мудрость», излагаемую имъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Если твой компаньонъ по квартирѣ будетъ отличаться прилежаніемъ, порядочностью, энергіею и постоянною дѣятельностью, то придержи къ тому, что у него не достаетъ нѣсколькихъ зубовъ, чтобы выбросить его изъ квартиры на улицу.

«Если у тебя заболѣлъ мизинецъ, вели отрѣзать у себя обѣ ноги.

«Если, гуляя по лѣсу, ты оцарапаешься о терновый кустъ, поспѣши сжечь весь лѣсъ.

«Если въ то время, какъ ты варишь кофе, пойдетъ паръ и дымъ, кричи во все горло: пожаръ!

«Если ты пожелаешь намочить себѣ палець, прыгай среди ночной тьмы въ морскую пучину.

«Если ты встрѣтишь на берлинскихъ улицахъ человѣка съ кривымъ носомъ, распорядись, чтобы городъ былъ немедленно объявленъ въ осадномъ положеніи

«Если тебѣ понадобится размѣнять талеръ на мелкія деньги, втрюгнись со взломомъ въ кассу государственнаго банка.

«Если тебѣ придетъ въ голову нѣчто такое, что ты самъ отъ души будешь признавать необыкновенно глупымъ, выскажи только новую мысль совершенно спокойно; всегда найдутся люди, которые примутъ ее за мудрость».

* *
*

Рѣчи, произносившіяся и произносящіяся разными членами антисемитической партіи по разнымъ поводамъ, служатъ предметомъ болѣе или менѣе удачныхъ пародій.

Такъ знаменитый Штекеръ, которому должно постоянно икаться—такъ часто его поминаютъ—недавно, по словамъ «Berliner Wespen», рассказывалъ въ кругу своихъ друзей слѣдующую поучительную исторію:

«Одинъ изъ моихъ довѣренныхъ людей нашелъ надняхъ въ одномъ ресторанѣ порцію бифштекса. Ресторанъ былъ еврейскій, лавка, гдѣ куплено это мясо—еврейская, хозяинъ ресторана—еврей, кельнеръ—еврей, и всѣ лица, сидѣвшія за обѣденнымъ столомъ—евреи. Только бифштексъ былъ нѣмецкій! Дай Богъ, чтобы Берлинъ, дай Богъ, чтобы всѣ большіе города никогда не постигла участь этого бифштекса!..»

* *
*

Превзошедшій въ послѣднее время знаменитостью даже Штекера, д-ръ Генрици, произносить въ томъ же журналѣ слѣдующую рѣчь по поводу «черной краски»,—отлично пародирующую его дѣйствительное словоизверженіе.

«Милостивые Государи!

«Что черная краска есть краска еврейская—объ этомъ я уже вамъ сообщилъ, а что черноволосые христіане служатъ явнымъ доказательствомъ низости богатыхъ евреевъ—этого не считаю нужнымъ повторять. Мнѣ остается только доказать,

что еврейская краска всегда была краскою печальною, уродливою и злою, въ противоположность къ германской бѣлокурости.

«Письмо съ извѣщеніемъ о смерти запечатываютъ черною печатью, а не бѣлокурою. Отелло былъ отнюдь не блондинъ, точно также мавръ въ трагедіи «Фьеско» черенъ. Булочка бѣла, менѣе благородный хлѣбъ называется чернымъ хлѣбомъ. Если вы скажете про когонибудь, что онъ еврей или вообще чтонибудь дурное,—то это называется: очернить человѣка. Черно книжникъ значить шарлатанъ и обманщикъ. Всѣ евреи—чернокнижники. Слышали вы когданибудь, что у еврея бѣлая душа? Нѣтъ, онъ надѣленъ черною душою. Говорилось ли когданибудь, что еврей совершилъ бѣлое дѣло? Нѣтъ, онъ совершаетъ только черныя дѣла. Милостивые государи, одна изъ нелѣпѣйшихъ общественныхъ игръ—игра въ «Чернаго Петра», изъ чего слѣдуетъ заключить, что она принесена къ намъ изъ Палестины.

«Еще одно. Отчего видимъ мы все въ черномъ свѣтѣ? Оттого, что евреи все еще находятся въ Европѣ.

«Не могу кончить, не возбудивъ одного вопроса. Нельзя ли посредствомъ петиціи добиться, чтобъ отнынѣ государственными цвѣтами Германіи были бѣлокуро-бѣло-красный?»

* *
*

Не менѣе остроумна рѣчь, которую тѣ же «Berliner Wespen» влагаютъ въ уста неизвѣстной личности, и которая произносится «противъ враговъ всего священнаго» и отлично передаетъ смыслъ и слогъ тѣхъ нападеній, которыя, между прочимъ, дѣлались въ послѣднее время на Лессинга, Гейне и т. п.

«Милостивые государи!—говоритъ неизвѣстный ораторъ—я давно уже намѣревался появиться передъ вами и на вашихъ глазахъ приковать къ позорному столбу тѣхъ, которые топчутъ ногами все для насъ святое. Считаю излишнимъ говорить, кто эти люди: это евреи, и не ихъ журналы имѣю я въ виду въ настоящемъ случаѣ, а ихъ литературу, посредствомъ которой они и совершаютъ преступленія, составляющія тему моей настоящей рѣчи. Позвольте мнѣ, изъ цѣлой массы цитатъ, выбрать нѣсколько особенно характеристическихъ, гнусность которыхъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

«Прежде всего—эта специфически-еврейская литература обвиняетъ церковь въ присвоеніи чужой собственности. (*Голоса справа: Слушайте! Слушайте!*) «Die Kirch'allein, meine lie-

ben Frauen, kann ungerechtes Gut verdauen»—говорить Гете. (*Голоса*: Гете не еврей!) Не позорно ли быть обязаннымъ допускать произнесеніе подобныхъ стиховъ въ христіанскомъ государствѣ? И притомъ ими дѣлается попытка отравить и сердце женщинъ, до сихъ поръ остававшееся закрытымъ для атеизма!

«Милостивые государи, я недавно читалъ пьесу, дѣйствіе которой происходитъ въ городѣ Пильзенѣ въ Богеміи. Тутъ стоитъ лагеремъ войско, и среди его является капуцинъ, желающій возвратить солдатъ на путь благочестія. Съ этою цѣлью онъ выставляетъ предъ ними ихъ полководца въ его истинномъ свѣтѣ—какъ Ахава и Герооама. Послушайте же, какія рѣчи влагаетъ еврейскій авторъ въ уста солдатъ, отвѣчающихъ благочестивому пастырю! Одинъ трубачъ говоритъ: «Неужто никто не заткнетъ глотку этому клеветнику?» Два егеря восклицаютъ: «Попъ! Пришелъ теперь твой конецъ!» Въ такомъ тонѣ продолжается почти до конца еврейская пьеса Шиллера—(*Голоса*: Шиллеръ не еврей!)—и немногого недостаетъ до убійства капуцина за то, что онъ такъ вѣрно исполняетъ свои обязанности. Послѣ этого, конечно, неудивительно, что въ народѣ все болѣе и болѣе подрывается уваженіе къ духовенству.

«Милостивые государи, вы можете подумать, что я говорю рго домо, когда встаю, какъ сдѣлалъ это только что, противъ нападеній еврейской литературы на представителей нашего духовенства. Но вотъ вамъ нѣчто гораздо болѣе ужасное! Въ лежащемъ передо мною стихотвореніи одна дѣвушка, встрѣчая возвращающееся съ войны войско и не видя въ немъ своего возлюбленнаго, восклицаетъ съ чисто-семитическою чувственностью: «Богъ не сжалился надо мною!» и далѣе: «Богъ послалъ мнѣ много горя!»—причемъ заявляетъ, что она не можетъ быть на томъ свѣтѣ счастливою безъ своего любезнаго дружка. Имя автора этихъ стиховъ—Бюргеръ. (*Голоса*: Бюргеръ не еврей!) Можно ли представить себѣ что нибудь гнуснѣе, возмутительнѣе? И такія вещи позволяютъ себѣ еврейская литература!

«Что ея безчинствамъ долженъ быть положенъ предѣлъ—на этотъ счетъ, милостивые государи, не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія, и если мы теперь не беремъ въ руки ни одной газеты, ни одной страницы, то развѣ виною этому не сами еврейскіе писатели? Какими язвительными насмѣлками преслѣдовали они іезуитовъ и членовъ другихъ монашескихъ орденовъ! Вотъ передо мною двѣ эпиграммы одного ев-

рейскаго писателя, выбранныя мною изъ собранія его стихотвореній. Заглавіе одной: «На женскій монастырь въ **»; другою—«На пожаръ въ **». Первая нападаетъ на монахинь, вторая—на монаховъ; звѣздочки въ обѣихъ означаютъ, что авторъ потерялъ еще не весь стыдъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ скрываетъ мѣсто, гдѣ находится женскій монастырь, и то, на которомъ происходилъ пожаръ. А затѣмъ, само собою разумѣется, обѣ эпиграммы отличаются самою безсовѣстною наглостью. По одному изъ именъ автора—Ефрайму—можно заключить о его еврейскомъ происхожденіи. Фамилія его Лессингъ. (*Голоса*: Лессингъ не еврей!) Я не рѣшаюсь, милостивые государи, даже въ сокращеніи передать вамъ текстъ этихъ отвратительныхъ эпиграммъ.

«Если бы евреи ограничивались только насмѣшками, это еще было бы сносно. Но ими они далеко не ограничиваются; напротивъ того, они возбуждаютъ къ насиліямъ всякаго рода. Если бы я прочелъ вамъ цѣликомъ одно, находящееся въ моихъ рукахъ, стихотвореніе, вы пришли бы въ ужасъ отъ этой еврейской дерзости. Но нѣсколько стиховъ изъ него вы все-таки выслушаете. Оно называется «Жижка», и написано евреемъ... (*Голоса*: Имя!) Сейчас скажу, господа, сперва послушайте, какъ онъ возбуждаетъ къ страшнымъ дѣламъ: «Гуссъ! Пусть земля почернѣетъ отъ пепла замковъ и крѣпостей! Гдѣ бы я ни встрѣтилъ попа—смерть и погибель ему!» Слышите ли, милостивые государи? Гдѣ бы ни встрѣтился съ «попомъ» этотъ еврей, котораго зовутъ Николай Ленау... (*Голоса*: Ленау не еврей!).

«Я могъ бы до безконечности продлить эти выборы изъ семитическихъ навозныхъ кучъ! Такъ напримѣръ, вотъ у меня образчики изъ Фрейлиграта—(*Голоса*: Фрейлигратъ не еврей!)—изъ Клейста—(*Голоса*: Клейстъ тоже не еврей!)... Но надѣюсь, цитатами изъ сочиненій только нѣсколькихъ, торгующихъ старыми рифмами, евреевъ, я достаточно доказалъ, во-1-хъ, что евреи кидаютъ грязью въ христіанскую церковь, ея служителей и даже христіанскую религію, во-2-хъ, что они призываютъ народъ къ убійству,—и что, слѣдовательно, ихъ, какъ опасныхъ для общества, слѣдуетъ преслѣдовать со всей строгостью закона!»

* *
*

Извѣстно, что нѣмецкая ункверситетская молодежь тоже приняла энергическое участіе въ «травлѣ». Само собою ра-

зумѣется, что юмористическая печать воспользоваться этимъ вполне безобразнымъ явленіемъ, и вотъ пѣсенка, сочиненная отъ имени одного изъ этихъ студентовъ:

Просыпаюсь я въ девять утра
И въ постели газету читаю;
Въ десять пиво я пить начинаю
И кричу цѣлый часъ: «слава Трейчке! ура!»

Въ полдень надо въ трактиръ, въ засѣданье;
Тамъ ужъ Бахемъ сидитъ и компанья;
Въ часъ, какъ рыцарь великихъ идей,
Для петиціи нашей вербую людей.

Въ два заходить за мной наша братья,
И на травлю обязанъ бѣжать я;
Въ три мы хоромъ поемъ: Reheat
И самъ Момзень, и всѣ, что къ нему тяготать!

До пяти тщетно ищутъ защиты
Отъ меня всѣ студенты-семиты,
До восьми безошадную брань
Я на Лессинга лью и подобную дрянь.

Въ девять снова въ трактиръ на работу—
Пить, ругать до послѣдняго поту;
Въ десять надо домой ужъ идти
И при этомъ еще потравить по пути.

А въ одиннадцатъ я ужъ въ постели,—
Вотъ и всѣ вѣдь часы пролетѣли.
Гдѣ-жъ тутъ время, скажите, добыть,
Чтобъ надъ книгой корпѣть, за наукой слѣдить?

И. В.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

О Б Ъ О Т К Р Ы Т І И П О Д П И С К И

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„РАЗСВѢТЪ“

на 1881 годъ.

Редакція считаетъ себя вправѣ надѣяться, что то сочувствіе, которое встрѣчала ея дѣятельность въ теченіи прошлаго года не уменьшится и въ 1881 году, тѣмъ болѣе что, твердо стоя на стражѣ защищаемыхъ ею интересовъ, ничего не измѣняя ни въ направленіи, ни въ программѣ газеты, редакція приняла всѣ мѣры, чтобы выходъ газеты былъ вполнѣ своевременный и аккуратный.

Заручившись участіемъ на дальнѣйшее время большинства прежнихъ сотрудниковъ и нѣкоторыхъ новыхъ, редакція употребитъ всѣ усилія, чтобы по внутреннему содержанию газета и въ будущемъ стояла на занимаемой ею высотѣ и честно служила намѣченными ею задачамъ.

П О Д П И С Н А Я Ц Ѣ Н А

На 1 годъ съ пересылкою и доставкою въ Россіи	7 р.	—	к.	За грав.	10 р.
„ 1/2 года	„	„	„	4 „	— „ „ „ 6 „
„ 3 мѣсяца	„	„	„	2 „	50 „ „ „ 4 „

Для лицъ, которыя подпишутся на газету „РАЗСВѢТЪ“ въ 1881 г. и вышлютъ деньги не позже 1-го Января 1881 года допускается разсрочка, на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1-му января 3 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 іюля 2 р.

Учащіе и учащіяся пользуются уступкою 20 проц. лишь въ томъ случаѣ, если подписка произведена непосредственно чрезъ главную контору. — Отдѣльные нумера продаются по 15 к. — Объявленія оплачиваются по занимаемому ими мѣсту. — Цѣна за строку петита 10 к. — Книгопродавцамъ дѣлается уступка 10 проц. съ подписной платы, а также съ платы за объявленія. — Лица, желающія принять на себя агентуру, благоволятъ обратиться въ Главную Контору, которая немедленно высылаетъ подробныя условія. — Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ номеровъ Контора покорнѣйше проситъ лицъ, желающихъ подписаться на „РАЗСВѢТЪ“, поспѣшить заявленіемъ о своемъ желаніи.

Подписка принимается въ Конторѣ газеты „РАЗСВѢТЪ“, Николаевская улица, А, № 20, кв. № 21.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЪ 1881 ГОДУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„РУССКІЙ ЕВРЕЙ“

(третій годъ изданія.)

Съ января 1881 года „РУССКІЙ ЕВРЕЙ“ вступилъ въ третій годъ своего существованія. Та часть читающей публики, для которой изданіе, подобное нашему, представляетъ интересъ, пускай судить, на сколько мы стремились приблизиться къ намѣченной нами цѣли, насколько мы старались, съ одной стороны, раскрыть внутренній міръ евреевъ и ихъ міросозерцанія для тѣхъ, которые искренне желаютъ знакомиться съ еврействомъ, насколько, мы, съ другой стороны, старались воздѣйствовать на еврейство, въ смыслѣ поднятія его нравственнаго и умственнаго уровня и улучшенія матеріальнаго быта евреевъ. Нѣкоторое знакомство лицъ, интересующихся еврействомъ, съ нашимъ изданіемъ избавляетъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ заявленіямъ, насчетъ характера нашей газеты, ея цѣли и направленія; во всякомъ случаѣ, мы намѣрены слѣдовать и въ настоящемъ 1881 году по разъ избранному направленію, стараясь только, по мѣрѣ возможности, сдѣлать разныя улучшенія, какъ расширеніемъ уже существующихъ, такъ и заведеніемъ новыхъ отдѣловъ. Уступая искони сложившемуся обычаю и печатая настоящее объявленіе, мы ограничимся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ авторовъ, статьи которыхъ, между прочимъ, печатались въ „Русскомъ Евреѣ“, и сотрудничествомъ которыхъ мы заручились и на будущее время.

Блюменфельдъ Г. Блюменфельдъ Ф., раввинъ. Богровъ Г. Брандъ Б. Брукъ Я., раввинъ. Баскинъ В. Гаркави А., д-ръ Гетцъ Ф. Гольдвейзеръ М. Гурвичъ О. Кайторъ Л., д-ръ. Кауфманъ А. Кацаиъ А. Каценельсонъ Л., д-ръ. Кулишеръ Р., д-ръ. Леванда В. Леванда Л. Левинъ С. Минасвъ Д. Миноръ З., раввинъ. Оршанскій И., д-ръ. Пальтель Н. Прессъ А. Рабиновичъ Г. Шкляревскій А. и мн. др.

Фельетоны будутъ по прежнему писать извѣстные читателямъ псевдонимы Буки-бенъ-Югли, Бенъ-багъ-багъ и Провинціаль.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ „РУССКАГО ЕВРЕЯ“ СЛѢДУЮЩЕ:

I. Передовыя — II. Публицистическія статьи — представляютъ разработку еврейскаго вопроса съ экономической, юридической, религіозной и др. его сторонъ — III. Внутреннее обозрѣніе — выдающіяся явленія общественной жизни русскихъ евреевъ и ихъ освѣщеніе. — IV. Корреспонденціи. — V. Разныя извѣстія изъ газетъ, касающіеся русскихъ евреевъ. — VI. Среди газетъ и журналовъ — знакомить читателей со взглядами и сужденіями русской періодической печати о евреяхъ и представляетъ оцѣнку этихъ сужденій. — VII. Привислянская хроника — знакомить съ жизнью евреевъ Царства Польскаго въ параллели съ жизнью и бытомъ евреевъ другихъ мѣстностей. — VIII. Иностранное обозрѣніе. — IX. Изъ всѣхъ странъ свѣта. Факты и явленія изъ жизни заграничныхъ евреевъ. — X. Заграничныя корреспонденціи. — XI. Критика и Библиографія. XII. Учено-литературный отдѣлъ: Статьи историческаго и научнаго содержанія. Біографія замѣчательныхъ еврейскихъ дѣятелей (съ портретами). — Беллетристика. Стихотворенія. — XIII. Фельетоны. — XIV. Смѣсь.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ на годъ	6 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	2 „ — „
Во всѣ города Имперіи съ перес. на годъ	7 „ — „
На 6 мѣсяцевъ	4 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 25 „
За границую на годъ	12 „ — „
На 6 мѣсяцевъ	7 „ — „
„ 3 мѣсяца	4 „ — „

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ: при подпискѣ 3 р., черезъ 3 мѣсяца 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р.

Учителя учебныхъ заведеній, учащіеся и духовныя лица, выписывающіе газету непосредственно черезъ главную контору, пользуются уступкою 20%.

Отдѣльные номера по 20 к.

За объявленія по 8 коп. за строку петита.

**Редакція и главная контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ,
Измайловскій проспектъ, д. № 7.**

Издатель Г. Рабиновичъ.

Редакторъ-издатель Л. Берманъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1881 г.

НА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ

ж у р н а л ь

ОТГОЛОСКИ

подъ редакцію **Е. П. КАРНОВИЧА**

Съ 1881 года «**ОТГОЛОСКИ**» будутъ выходить ежемѣсячно **ДВА** РАЗА, 15-го и послѣдняго числа каждаго мѣсяца книжками обыкновеннаго журнальнаго формата, въ размѣрѣ отъ 8-ми до 10-ти листовъ,

безъ предварительной цензуры

Вступая въ третій годъ своего существованія, «**ОТГОЛОСКИ**» измѣнили сроки выхода и форматъ изданія, а также расширили объемъ и прежнюю его программу, введя въ нее, между прочимъ, и литературный отдѣлъ, которому будетъ отведено выдающееся мѣсто.

Въ отдѣлъ этотъ войдутъ: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, оригинальные и переводные; въ числѣ ихъ будутъ помѣщены романы и повѣсти изъ современной и прошедшей жизни Россіи.

При разсмотрѣннн современнаго и историческаго положенія разныхъ сторонъ государственной и общественной жизни Россіи «**ОТГОЛОСКИ**» будутъ останавливаться на вопросахъ, относящихся къ законодательству, администраціи, финансамъ, государственному и общественному хозяйству, народному образованію, торговлѣ и промышленности.

Въ журналѣ «**ОТГОЛОСКИ**» будутъ печататься статьи историческія, географическія, этнографическія и пр., научная гѣтонпись, обзоръ русской и заграничной литературы и уголовные и гражданскіе процессы какъ въ Россіи, такъ и за границей и пр.

Въ каждой книжкѣ журнала будутъ помѣщаться обзорныя событія внутренннхъ и внѣшннхъ.

При обсужденіи вопросовъ вѣроисповѣдннхъ, племенныхъ и сословннхъ «**ОТГОЛОСКИ**» стануть относиться къ нимъ безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній. Оставаясь вѣрными своей первоначальной программѣ и задачѣ, которую они поставили себѣ, «**ОТГОЛОСКИ**», какъ въ первые два года своего существованія, обратятъ, между прочимъ, должное вниманіе на положеніе православной церкви въ Россіи и современное состояніе раскола и иностранннхъ исповѣданій.

Въ журналѣ будутъ также помѣщены: отдѣлъ экономическихъ и торговыхъ извѣстій; очерки повседневной жизни (фельетоновъ); театральная и музыкальная хроника, статьи объ изящныхъ искусствахъ и отдѣлъ разныхъ мелкихъ извѣстій и замѣтокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ С.-Петербургѣ: безъ дост. 12 руб., съ дост. 13 руб., а съ пересылкою въ другія мѣста 14 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ журнала «**ОТГОЛОСКИ**» при придворномъ книжномъ магазинѣ ПИИЦДОРФЪ (К. К. Ретгеръ), Невскій просп. № 5.

Издатель: придворный Е. И. В. книгопродавецъ К. К. Ретгеръ.

КНИЖНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

И

СКЛАДЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ Н. ФЕНУ И К^о.

С.-Петербургъ, Невскій просп., д. Армянской церкви.

- 1) Розничная продажа и исполненіе заказовъ по всѣмъ отраслямъ книжнаго дѣла.
- 2) Музыкальныя изданія, русскія и иностранныя; хорошій выборъ дешевыхъ музыкальныхъ инструментовъ.
- 3) Дешевыя письменныя и чертежныя принадлежности.
- 4) Наглядныя учебно-воспитательныя пособия.
- 5) Физическіе и химическіе кабинеты.
- 6) Образовательныя игры и классная мебель.

ДЛЯ ВЫБОРА КНИГЪ И ПОСОБІЙ МАГАЗИНОМЪ ИЗДАНЪ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 3-ХЪ Ч.

Часть первая: Наглядныя учебно воспитательныя пособия, классная мебель, письменныя принадлежности и музыка (Отд. I. Начальное обученіе въ школахъ и дома, ц. 20 к.—Отд. II. Пособія для городскихъ училищъ и средне-учебныхъ заведеній, ц. 50 к.—Отд. III. Пособія къ научнымъ предметамъ для учебныхъ заведеній в частныхъ лицъ, ц. 50 к.).

Часть вторая: Руководство и учебныя пособия, ц. 50 к.

Часть третья: Сочиненія, входящія въ фундаментальныя и возрастные библиотеки (Отд. I. Школьныя и частныя библиотеки, ц. 50 к.).—Отд. II. Возрастная библиотека (книги для дѣтей младшаго, средняго и старшаго возрастовъ ц. 25 к.).

Иллюстрированный прейсъ-курантъ письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностей, ц. 20 к.

Условія фирмы

по доставкѣ частнымъ лицамъ книгъ и учебныхъ пособій.

- 1) При требованіи книгъ и наглядныхъ пособій деньги высылаются впередъ.
- 2) При расчетѣ стоимости требуемыхъ чрезъ почту книгъ и наглядныхъ пособій, гг. иногородные принимаютъ во вниманіе и стоимость пересылки, но такъ какъ точный расчетъ стоимости пересылки затруднителенъ (по возможности определять точно вѣсъ предметовъ), то деньги должны высылаются по приблизительному расчету. Если дѣйствительная стоимость пересылки соответствуетъ высланной суммѣ, магазинъ не высылаетъ счета; въ случаѣ же остатка, фирма, смотря по распоряженію заказчика, или высылаетъ остальныя деньги обратно, или оставляетъ впередъ до новаго заказа.
- 3) Когда требуемыя книги по вѣсу (т. е. не менѣе 1½ пуда) могутъ быть отправляемыя чрезъ контору транспортовъ или непосредственно по желѣзной дорогѣ, допускается высылка денегъ въ размѣрѣ приблизительно 25% всей стоимости потребованнаго. Уплата остальныхъ денегъ по счету можетъ быть произведена при полученіи кладв.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

Памятная книжка на 1880—1881 г.

для учениковъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, съ портретомъ г. Министра Народн. Просв. статья - секретаря
А. А. Сабурова. Ц. 50 к.

Содержаніе: Таблица праздниковъ.—Времячисленіе Древняго и Новаго міра.—Мѣсяцесловъ (Августъ 1880 г. по Іюль 1881 г.).—Россійскій Императорскій Домъ.—Учебные округа (съ подробными подраздѣленіями на губерніи). Университеты (сколько и какіе въ каждомъ факультетѣ).—Объ отсрочкахъ и льготахъ по воинской повинности.—Разряды учебныхъ заведеній по отбыванію воин. пов.—Правила приѣма въ гимназіи и прогимназіи.—Правила для учениковъ гимназій и прогимназій.—Подробныя программы классическихъ гимназій.—Правила приѣма въ Реальные училища.—Программы Реальныхъ училищъ.—Разныя свѣдѣнія: 1) по русскому языку (объ употребленіи буквы ѣ). Коренныя слова (въ алфавитномъ порядкѣ), въ которыхъ находится буква ѣ. Знаки препинанія. Слова, сходныя по произношенію, но различныя по писъму и значенію. 2) Математика (главнѣйшія мѣры Россіи, Австріи, Англии, Пруссіи, Америки и Франціи (съ изложеніемъ метрической системы). 3) Географія (Общее обозрѣніе. Европа, Азія, Африка и Австралія). — Необходимыя практическія таблицы: 1) Списокъ книгъ и учебныхъ пособій на учебный годъ. 2) Росписаніе уроковъ (2). 3) Списокъ преподавателей, 4) отиѣтки по четвертямъ года, 5) Росписаніе экзаменовъ и 6) заданныя работы (2).—Дневникъ на каждый учебный день въ 1880—1881 учебномъ году для записыванія задаваемыхъ работъ.

Основанія химіи. Сост. И. Бокій, съ предисловіемъ профессора Н. Н. Бекетова, д-ра химіи. Изд. 2-е исправ. и дополн., со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р.

Физиологія сна и сновидѣній Изслѣд. д-ра Б. Окса. (см. рецензію въ № 181 „Голоса“) Ц. 1 р.

Основанія практической Отіатріи съ примѣненіемъ новѣйшей терапевтической техники и пневматическаго кабинета д-ра Эд. Левинштейна. Пер. съ нѣм. Б. Окса, съ примѣч. д-ра Богрова. Ц. 75 к.

Серія первоначальныхъ учебниковъ, въ переводѣ подъ ред. А. П. Кирпотенко: 1) „Зоологія“ проф. Оск. Шмидта, ц. 50 к. 2) „Ботаника“ проф. А. Де Бари, ц. 40 к. (Изданіе снабжено многими рисунками).

Обращающіеся къ издателю (Спб., А. Мучнику, Б. Итальянская, д. № 15, кв. № 35) за пересылку не платятъ. Деньги можно выслать марками въ заказномъ письмѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1881 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„КАВКАЗСКІЙ КУРЬЕРЪ.“

Подписка платя: городскимъ подписчикамъ, съ доставкою на домъ, по 4 руб. и иногороднымъ, съ пересылкою по почтѣ, по 5 руб. въ годъ; за полгода же первымъ по 3 руб. и послѣднимъ по 4 руб.

Подписка принимается въ г. Тифлисъ: въ конторѣ редакціи газеты „Листокъ Кавказскихъ Объявленій,“ въ газетномъ агентствѣ Шавердова и въ конторѣ нотариуса Мамиконова.

Иногородные подписчики адресуютъ: въ г. Тифлисъ, въ редакцію газеты „Кавказскій Курьеръ“, на углу Графской и Атаманской улицъ, въ верхнемъ этажѣ дома Квятковскаго.

П Р О Г Р А М М А

ГАЗЕТЫ «КАВКАЗСКІЙ КУРЬЕРЪ.»

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Передовыя статьи. 4) Политическое обозрѣніе. 5) Внутренній отдѣлъ. 6) Внѣшній отдѣлъ. 7) Судебная хроника. 8) Городское самоуправленіе. 9) Смѣсь. 10) Фельетоны. 11) Справочный указатель. 12) Казенныя, торговыя и частныя объявленія.

Редакторъ-издатель *М. И. Хитаровъ.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

Издание А. А. Юзефовича, под редакціею А. Н. Стоянова, при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглашенію съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на **вѣт** сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наидаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского университета, № 7-й, при „Публичной Библіотекѣ“ А. А. Юзефовича, тамъ-же принимаются объявленія.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ *Н. Г. Мартынова* и *«Новаго Времени»*; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *Н. И. Мамонтова* и въ книжной и газетной торговлѣ *И. Н. Шапошникова*; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ *Е. Я. Федорова*; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ *В. И. Бялаго*; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ *Г. И. Бойно-Родзевича*.

Программа газеты:

I. Телеграммы. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства. IV. Внутреннія извѣстія; а) городская и земская хроника, б) корреспонденціи. V. Обзорные газеты и журналовъ. VI. Политическое обозрѣніе. VII. Внѣшнія корреспонденціи. VIII. Смысь IX. Биржевая хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

Редакціи общали постоянное сотрудничество слѣдующія лица:

Проф. М. М. Алексѣенко, Н. С. Авдаковъ, А. А. Ананьева, Я. О. Баяснѣй, проф. Н. Н. Бекетовъ, С. Я. Бѣликовъ, проф. К. К. Гаттенбергеръ, проф. Л. Л. Гиршманъ, П. Н. Горловъ, А. Н. Гусевъ, Г. П. Данилевскій, проф. Г. М. Деларю, К. К. Детловъ, доц. А. Е. Зайкевичъ, проф. Ф. А. Зеленогорскій, Н. Златовратскій, проф. А. И. Кирпичниковъ, доц. П. И. Ковалевскій, доц. Н. О. Куплевасскій, проф. В. Г. Лашкевичъ, проф. А. С. Лебедевъ, Е. Г. Левченко, А. П. Лукинъ, проф. Ю. И. Морозовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, С. А. Новикій, Н. П. Овсянниковъ, А. Б. Пальчинскій, проф. М. Н. Петровъ, А. С. Размадѣ, И. М. Собѣстьянскій, проф. И. П. Сокальскій, доц. Н. Ф. Сумцовъ, Г. И. Успенскій, И. О. Фесенко, проф. Л. С. Цѣтковскій, проф. Г. М. Цѣхановскій, Г. С. Чириковъ, В. В. Чуйко, проф. А. П. Шимковъ, доц. К. Н. Ярошъ, проф. Н. К. Яцукевичъ, и другіе.

Главная контора газеты проситъ Гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратнѣй доставкѣ газетъ.

Въ Русской Книжной Торговлѣ А. Г. Сыркина въ Вильнѣ
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

составленный Н. О. Штейнбергомъ. Ц. 3 р.

Русско-еврейскій словарь составленный тѣмъ же авторомъ въ
2-хъ томахъ. цѣна 3 рубля.

Выписывающіе оба словаря вмѣстѣ, за пересылку не платятъ. Кни-
гопродавцамъ обычная уступка.

Въ редакціи журнала „Восходъ“ продается новая книга „ТАЛМУДИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ“

(приспособленная къ преподаванію какъ предметъ евр. зако-
ноученія) съ приложеніемъ о поведеніи по отношенію къ ино-
вѣрцамъ

Сочиненіе И. Варшавскаго.

Цѣна съ пересылкой 60 коп. Покупавшій 10 экземпляровъ пользуется уступ-
кой 25%. Складъ изданія у автора въ Одессѣ д. Когановскихъ учреждений.
Базарная улица № 1.

Отъ редакціи журнала „Восходъ“

Въ виду поступающихъ въ редакцію заявленій отъ мно-
гихъ лицъ, желающихъ приобрести „Еврейскую Библіотеку“ и
другія наши изданія на условіяхъ, которыя предоставлены были
лицамъ, подписавшимся на „Восходъ“ до 15 истекшаго декабря,
редакція рѣшила предоставить подписчикамъ „Восхода“ право
полученія „Еврейской Библіотеки“ по уменьшеннымъ цѣнамъ (т. е.
за всѣ восемь томовъ 12 р. вмѣсто шестнадцати, а за отдѣльные
томы по 2 р. вмѣсто 2 р. 50 к.) а равно и другія наши изда-
нія со скидкой 20% впредь до 1-го марта сего года. При этомъ
редакція считаетъ долгомъ предупредить, что нѣкоторые томы
„Еврейской Библіотеки“ остались лишь еще въ весьма ограничен-
номъ числѣ экземпляровъ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

JAN 21 1977 H

5982819

CANCELLED
JAN 19 1977

BOOK DUE WID

CANCELLED

JUL 11 1979

JUL 25 1984

5982819

CANCELLED

NO DUE

NOV 14 1984
JUL 26 1984

6368001

